Ф
170364

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

24

99

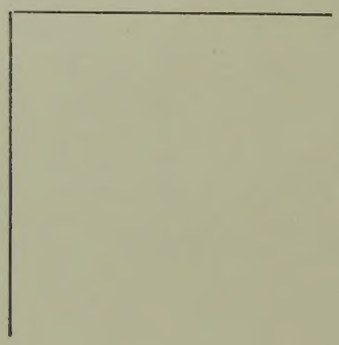
1987

✓ 1988

✓

952

96✓



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Ф

Колич. предыд. выдач

Тип. «Московский большевик», З. 4414.

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 24

КЛ 170364

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952

П-84

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР № 24

3

902.6
М 34

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ

Том I

Под редакцией
С. В. КИСЕЛЕВА

КГ 170364

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическое изучение Сибири началось еще в петровские времена. С тех пор академические экспедиции XVIII в. и местные ученые-краеведы в XIX в. собрали обширный материал по отдельным вопросам сибирской археологии. Большую долю труда внесли также политические ссыльные. Однако обработка собранного материала не шла дальше общих описаний и иллюстрирования археологическими коллекциями отдельных событий письменной истории. Только в советский период, когда археологические изыскания стали строиться на основе марксистско-ленинской методологии, исследование археологами вещественных памятников сделалось такой же исторической работой, как и изучение документов.

Лишь после Октября получили возможность национального развития многочисленные сибирские народности. В условиях царской России большинство из них не имело своей письменности, и их письменная история ограничивалась записями в актах Московского государства, восходящих не далее XVI—XVII вв. Сведения восточных писателей и китайских хроник относились к более отдаленным временам и были крайне скудны и отрывочны.

Поэтому значение археологического материала для построения истории народов Сибири оказалось особенно велико, и не случайно, что с первых шагов советской исторической науки в Сибири археологические исследования стали необходимым звеном работы историков.

В настоящее время, наряду с огромным числом публикаций, представляющих результаты изучения отдельных археологических памятников в различных частях Сибири, появились и обобщающие исследования, в которых разработаны целые разделы истории сибирских народов с глубокой древности и до XV—XVI вв. Древняя история якутов, бурято-монголов, эвенков, хакасов, алтайцев, манси, казахов, сибирских татар получила освещение на основе археологических фактов. Все более и более выясняются вопросы происхождения сибирских народов.

Однако это не означает, что исследователи истории народов Сибири могут успокоиться на достигнутом. Наоборот, чем глубже проникают они в сущность накопленных материалов, тем больше вопросов встает перед ними. Яснее становятся и большие пробелы в нашем знании истории различных эпох, многих районов Сибири и отдельных групп археологических источников. Это позволяет в условиях планового развития советской науки концентрировать внимание именно на этих пробелах, разрабатывать те вопросы, анализировать те источники, в изучении которых ощущается особенно острая необходимость.

Эти задачи преследует настоящий том «Материалов и исследований по археологии Сибири».

Наименее археологически изученной до сих пор остается северная часть Сибири, необозримые пространства тайги и тундры. Поэтому туда направлялись за последние годы археологические экспедиции, исследовавшие нижнее течение Оби, Иртыша, Лены и Ангарский бассейн. Вместе с тем обращено внимание на старые материалы, уже много десятилетий хранящиеся в музеях, но не использованные для целей исторического исследования из-за недостатков их обработки при раскопках археологов-любителей дореволюционных лет. Между тем многие из этих материалов могут иметь весьма большое значение для освещения истории северных таежных областей Сибири. Среди них, несомненно, первое место занимает так называемый Томский могильник, изученный в конце прошлого века. До сих пор из-за неясности фиксации раскопок и разрозненности коллекций по нескольким музеям материал из Томского могильника, характеризующий ряд эпох в истории племен с низовьев р. Томи, затрагивался исследователями лишь частично. Автор печатаемой ниже статьи о Томском могильнике М. Н. Комарова путем кропотливой источниковедческой работы восстановила истинную картину состояния памятника и обнаруженных на нем находок и сделала, таким образом, этот очень важный исторический источник вполне доступным для пользования. Однако М. Н. Комарова пошла дальше и на основе своего источниковедческого анализа дала новую историческую интерпретацию памятника, показав, какие особенности культуры местных племен, живших в своеоб-

разных исторических условиях таежной окраины, отражает материал могильника, и дав первую характеристику жизни населения этой области Сибири с конца неолита и до середины I тысячелетия н. э.

До сих пор многое неясно в истории племен Западной Сибири, оставивших так называемые андроновские памятники II тысячелетия до н. э. К. В. Сальников в публикуемой работе «Курганы на озере Алакуль» рассматривает материалы раскопок андроновских погребений в Курганской области Зауралья. Курганы эти относятся к поздней стадии андроновской культуры Западной Сибири. Они показывают те изменения в хозяйстве и социальных отношениях, которые привели в дальнейшем к развитию новых форм пастушеского хозяйства и к возвышению племенной знати в раннее савроматское время. Сравнивая выводы автора с данными, полученными на основании анализа Томского могильника, мы убеждаемся в различии исторического развития отдельных частей Западной Сибири в зависимости от складывавшихся там неодинаковых исторических условий.

Раннее средневековье в истории народов Сибири за последнее время привлекало к себе особое внимание. Однако исследователи обходили одну весьма существенную группу памятников этого времени — так называемых каменных баб. Л. А. Евтюхова в печатаемой ниже работе «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» восполняет этот пробел. На основании выяснения условий расположения каменных изваяний и анализа изображенных на них украшений, деталей одежды, предметов вооружения и сосудов автор датирует их и устанавливает принадлежность этих изваяний алтайским тюркам и наиболее родственным им племенам районов Тувинской А. О., Семипалатинска, Каркаралинска. Устанавливается также известная близость между каменными изваяниями семиреченскими и с территории Монгольской Народной Республики, относящимися к эпохе господства орхонских тюрок. В этом автор видит отражение связей, существовавших между восточным и западным каганатом, несмотря на их политическую обособленность. Отдельно рассматривает Л. А. Евтюхова группу сидящих фигур, всегда связанных и в Монголии и в Тувинской А. О. с погребениями знати восточно-тюркского каганата. Особо отмечается, что в Хакасской А. О. на территории, которая была занята Кыргызским каганатом, обычая ставить каменные изваяния, очевидно, не было, так как найденные здесь одиночные каменные изваяния принадлежат или к тувинскому типу, или оставлены пришельцами из более отдаленных областей. Работа Л. А. Евтюховой позволяет уточнить отдельные районы расселения тюркоязычных племен и народностей VI—VIII вв. в Южной Сибири и Центральной Азии.

Вопросу о развитии культуры енисейских кыргызов посвящена публикация В. П. Левашовой «Два могильника кыргыз-хакасов». На примере двух могильников — Капчалы I и II, относящихся к VII—IX и к IX—X вв. н. э., автор прослеживает особенности енисейской культуры раннего средневековья и устанавливает очень важный факт значительного влияния кыргыз-хакасов на попавших к ним в подчинение в IX в. алтайцев.

Значительным дополнением к сведениям о хозяйстве древнего населения Среднего Енисея являются данные об остатках оросительных систем, содержащиеся в сообщении В. И. Федорова — инженера-мелиоратора Хакасской опытной станции поливного земледелия. Автор за время своей многолетней работы в Хакассии собрал большое количество сведений о древних оросительных сооружениях. Заслуживает особого внимания его определение отдельных видов каналов, например, древних каналов для водопоя лошадей. При дальнейших исследованиях каналов должно быть учтено и мнение автора о назначении древнехакасских каналов по преимуществу для полива лугов, а не для полива пашни. Это остается пока недостаточно подтвержденным, хотя для части древних каналов правильно.

Работа В. И. Цалкина «К изучению лошадей из курганов Алтая» содержит результаты исследования костей 23 скелетов лошадей из различных погребений от V—IV в. до н. э. до VII—VIII в. н. э. Этот материал рядовых погребений представляет интерес для сравнения с находками в аристократических курганах пазырыкского типа. Автор приходит к выводу, что уже с древнего времени на Алтае, помимо «верховых» коней, обнаруженных в Пазырыкских курганах, имелись две группы лошадей. Одна — сходная с так называемыми «степными», найденными в Пазырыке, и близкая к современным местным породам лошадей из степей северной Азии. К другой же группе принадлежали более крупные кони, резко отличающиеся и от «верховых» пазырыкских и от современных местных. Преобладают на Алтае с давних времен лошади местного типа «степных». При дальнейшем изучении хозяйственной истории алтайцев, а также при работах по выведению новых алтайских пород лошадей эти данные окажут исследователям значительную помощь.

Таково содержание предлагаемого тома. Оно показывает развитие археологического изучения Сибири и вносит свой вклад в создание истории ее народов, вместе со всеми советскими людьми с энтузиазмом строящих под руководством великого Сталина грандиозное здание коммунистического общества.

М. Н. Комарова

ТОМСКИЙ МОГИЛЬНИК, ПАМЯТНИК ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники Западной Сибири издавна привлекали к себе внимание ученых. Памятники степных и горных районов — преимущественно Алтая, Казахстана и Минусинской котловины — исследованы в большом количестве. Однако археологические материалы, добытые в дореволюционное время лицами, часто не владевшими научной методикой археологических раскопок, к сожалению, не могут быть использованы в полной мере для изучения истории общества, сложившегося на этой территории. Только после Великой Октябрьской социалистической революции началось систематическое изучение археологических памятников. В результате этого изучения были не только опубликованы сведения о новых памятниках, но и созданы первые научные построения по истории древних народов Сибири. История древних племен восточной части таежной Сибири, особенно Прибайкалья, за последнее время также освещена довольно подробно. Лесная же полоса Западной Сибири в археологическом отношении остается до сих пор мало изученной. Довольно многочисленные собрания иногда очень интересных археологических находок из раскопок и сборов преимущественно любителей старины, хранящиеся в наших центральных и местных музеях, говорят о том, что берега рек Западной Сибири с древнейших времен привлекали человека. Здесь создавались и развивались своеобразные археологические культуры. Человека не пугал север с его суровым климатом с тех пор, как был освоен огонь и стали употреблять в пищу рыбу. «То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности» [1].

Одним из археологических памятников лесной полосы Западной Сибири является Томский могильник, раскопанный А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым в 1887 и 1889 гг. Чрезвычайно интересный и богатый разнообразными находками, он был исследован совершенно неудовлетворительно. До сих пор в археологической литературе содержатся указания на то, что в Томском могильнике имеются погребения карасукского времени [2], а отдельные вещи других эпох, отношение которых к погребениям оставалось непонятным, вообще не использовались при исследовании. Между тем было ясно, что материалы Томского могильника разновременны [3].

Ознакомление с отчетами А. В. Адрианова, хранящимися в архиве ИИМК, показало, что для значительной части находок из Томского могильника довольно точно указано их местонахождение в раскопе — расстояние от стенок квадрата и глубина. Это позволило установить отдельные могильные или иные комплексы. Удалось определить довольно большое количество погребений, различных по инвентарю и обряду. Материалы Томского могильника стали доступными для изучения.

В настоящей работе опубликованы материалы Томского могильника в виде описания отдельных комплексов и сделана попытка

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

[2] См. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 106; История СССР, изд. АН СССР, Л.—М., 1939, часть I—II (макет), стр. 153; С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 138.

[3] См. об этом — С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 149—150.

осветить несколько страниц из истории древних племен Западной Сибири.

I. РАСКОПКИ ТОМСКОГО МОГИЛЬНИКА

На окраине г. Томска, на правом берегу р. Томи, там, где река меняет свое течение с северо-западного на северное, находится высокий мыс (около 80 м над уровнем воды), круто обрывающийся к реке (рис. 1). Этот

Рис 1. Археологические памятники в окрестностях г. Томска.

мыс рассечен глубоким оврагом на две части: южную и северную (рис. 2).

В 1887 г. А. В. Адрианов произвел разведку в овраге и в обрыве со стороны оврага северного мыса. Он обнаружил здесь остатки костей человека, 16 бронзовых вещей, 2 целых глиняных сосуда и отдельные черепки, шлифованный топор из камня. Это указывало на несомненное наличие здесь древнего могильника. Для раскопок была выбрана часть мыса к северу от оврага. Южный край мыса над обрывом к оврагу был разбит на квадраты со сторонами по 1 саж. За два года раскопок было вскрыто 98 таких квадратов (№ 1—19, 21—25, 29—34, 37—42, 45—49, 52—56, 59—61, 65; с I по XXXI в 1887 г.; № 20, 26—28, 35—36, 43—44, 50—51, 57—58, 62—64, 66, 85 — в 1889 г.), что составляет площадь в 372 кв. м.

К сожалению, несмотря на то, что здесь был обнаружен очень интересный, богатый могильник, А. В. Адрианов не наблюдал и не вскрывал могильные комплексы, а копал землю подряд, квадрат за квадратом, сразу же вынимая находимые вещи и кости, но отмечая каждый раз направление их относительно стран света, глубину залегания и расстояние от двух сторон квадрата под прямым углом. Нахождение разнообразных вещей из бронзы, железа и камня на разных глубинах без распределения по могильным комплексам и своеобразие представленных ими культур затруднило определение истинного характера памятника, разделение находок на хронологические группы и установление их культурной принадлежности. Такое состояние материалов Томского могильника не давало возможности исследователям пользоваться ими. Для широкого круга археологов памятник был мало доступен, так как подробный отчет о раскопках не был напечатан, а краткие выдержки из него с рисунками некоторых находок, опубликованные в Отчетах Археологической комиссии, совершенно недостаточны [1].

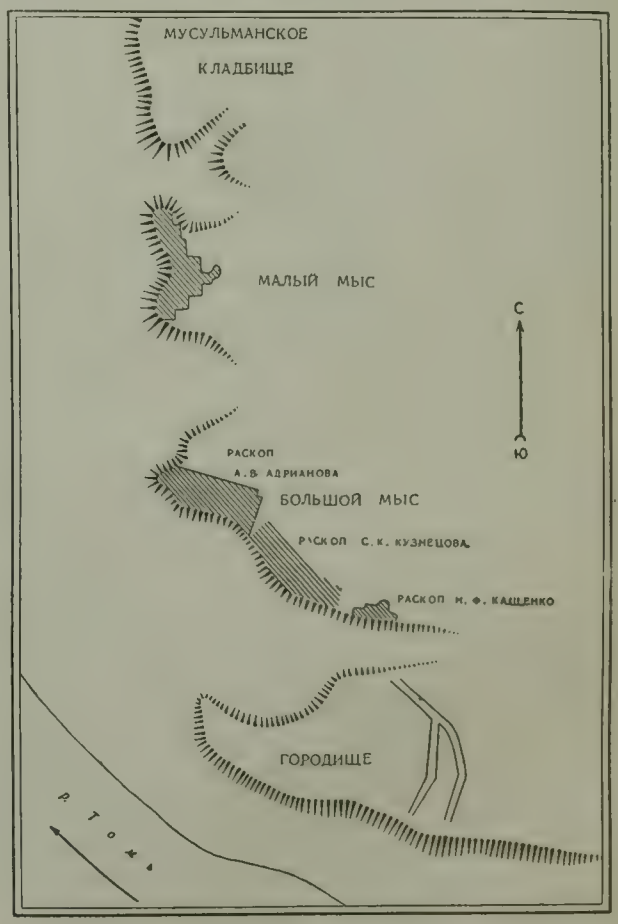


Рис. 2. Схематический план местонахождения Томского могильника.

Большая часть найденных А. В. Адриановым вещей хранится в Историческом музее в Москве, несколько предметов — в Эрмитаже.

Просматривая отчет А. В. Адрианова о раскопках Томского могильника, представленный им в Археологическую комиссию [2], я увидела, что по имеющимся в нем данным можно хотя бы приблизительно распределить находки по могильным комплексам. Для этой цели я на-

[1] Томский могильник (Извлечение из дневника раскопок, произведенных А. В. Адриановым в 1887 и 1889 гг.). ОАК, 1899, стр. 99—111.

[2] Архив ИИМК, фонд Археологической комиссии, 1887, № 26.

чертила на больших листах план раскопок и нанесла в соответствующих квадратах на указанных расстояниях от их сторон места находок вещей и костей скелетов, отмечая глубины их залегания. Проработав указанным способом весь отчет Адрианова, я смогла установить, что находившиеся при раскопках кости и вещи не разбросаны в беспорядке, а расположены группами, в большинстве случаев представляющими собой остатки ненарушенных погребений (рис. 3). Сохранность костей оказалась плохой, но по их направлению и взаимному расположению можно было определить положение и направление скелетов.

Рис. 3. План могильника на Большом мысу (по материалам раскопок А. В. Адрианова): ● — погребения неолитического времени; ○ — погребения, относящиеся к большереченской культуре; ◍ — погребения середины I тысячелетия н. э.

Таким путем удалось выявить 47 погребений. Несомненно, их было больше, о чем свидетельствуют находки отдельных предметов, подобных предметам из могил, которые не удалось, однако, связать с определенными комплексами и которые принимаются поэтому за случайные вещи. Вероятно, это остатки тех погребений, в которых кости не сохранились, а вещей было немного.

В 1887 г. А. В. Адрианов прокопал также канаву в 16 м длиной, от 90 до 120 см шириной и в 70 см глубиной, по направлению на восток. Ничего, кроме небольшого количества отдельных черепков, здесь не было обнаружено.

В 1889 г. были раскопаны оставшиеся невскрытые по плану квадраты, но находки здесь были незначительны и в отчете нет точных указаний на их местонахождение в раскопе.

Раскопки были перенесены на восток от раскопа 1887 г. Было сделано три выемки. В одной из них на глубине 70 см найден разрушенный череп человека. В другой, на той же глубине — остатки скелета человека и бронзовая проволочная серьга. В третьей, на глубине 85 см — длинный «со следами обработки камень», около него — 8 бабок барана (?) и кремневое орудие, маленькое и сломанное; орудие это хорошо обработано и имеет форму долота. Этими раскопками и заканчиваются все исследования, сделанные на Большом мысу А. В. Адриановым.

В 1889 г. раскопки Томского могильника производил С. К. Кузнецов [1]. Он начал копать приблизительно на 5 саж. восточнее раскопок А. В. Адрианова, около землянки, выкопанной для сторожа во время раскопок 1887 г. Продвигаясь на с.-з., он подошел вплотную к восточному краю раскопок А. В. Адрианова.

[1] Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года. «Труды Томского общества естествоиспытателей» Год первый, Томск, 1890, стр. 193—215.

Раскопки Кузнецова и Адрианова производились разными приемами. Адрианов, раскапывая намеченные им квадраты, указывает для каждого отдельного найденного предмета глубину его залегания и расстояние от стороны квадрата, но, вынимая из земли предмет за предметом, по мере их обнаружения, он не мог наблюдать на месте могильные комплексы. Кузнецов же, отмечая во время раскопок взаимное расположение остатков погребений, смог установить наличие отдельных погребений и описать расположение найденных в них предметов.

Однако наблюдения его недостаточно полны и точны. В то время как по данным отчета А. В. Адрианова можно, хотя и приблизительно, представить планы отдельных погребений и общий план могильника, по сведениям, которые дает С. К. Кузнецов, к сожалению, ни плана могил, ни плана могильника представить нельзя. Тем не менее, материалы С. К. Кузнецова значительно дополняют наши сведения о Томском могильнике. Он обнаружил в своем раскопе более 15 могил. Добытые им вещи хранятся в Археологическом музее Томского университета. Не имея возможности изучить их в оригинале, я воспользовалась рисунками М. П. Грязнова, сделанными им в Томске в 1924 г.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы о раскопках Томского могильника дают представление, не всегда, быть может, точное и полное, о 74 погребениях (59 в раскопках Адрианова и 15 в раскопках Кузнецова). Несомненно, их было больше. Часть могильника разрушена оврагом, часть же, повидимому, осталась недоисследованной, так как А. В. Адрианов копал большей частью на глубину в 0,5—0,6 м и только иногда глубже. В раскопе А. В. Адрианова могилы сосредоточены главным образом в средней части и ближе к оврагу. Западная часть раскопа находок почти совсем не содержала. В восточной части погребений и находок отдельных предметов значительно меньше, чем в средней. В раскопе Кузнецова, примыкающем к раскопу Адрианова с востока, частое расположение могил наблюдалось на площади около 5—7 кв. саж., где обнаружено, как указывалось, более 15 погребений. Такое неравномерное распределение погребений по площади могильника при почти полном отсутствии их в восточной части раскопа Адрианова наводит на мысль о том, что последний, ведя раскопки поверхностно, на небольшую глубину, оставил погребения невскрытыми.

В 1889 г. А. В. Адрианов произвел раскопки еще и на Малом мысу, расположенном к северу от Большого мыса и отделенном от него небольшим ложком. Здесь также находились остатки погребений, раскопанные Адриановым, как и на Большом мысу, весьма несовершенно. Все же здесь удалось установить с большей или меньшей полнотой 12 погребений, отличных по погребальному обряду и вещам от погребений Большого мыса.

Несмотря на все ошибки, допущенные при раскопках могильника как Адриановым, так и Кузнецовым, все же удается восстановить общую картину могильника и по имеющимся материалам дать характеристику основных его особенностей и таким образом включить его в число памятников, которые могут быть использованы как ценные источники для изучения истории древних племен Западной Сибири.

Рассматривая отдельные погребения, можно заметить, что они и по обряду погребения и по инвентарю не однородны и могут быть разделены на следующие четыре четко выделяющиеся хронологические группы:

1. Погребения № 1—8 из раскопок Адрианова на Большом мысу, относящиеся к неолиту.

2. Погребения № 1—12 из раскопок Адрианова на Малом мысу, относящиеся к эпохе бронзы.

3. Погребения № 9—41 из раскопок Адрианова и № 1—14 и А из раскопок Кузнецова на Большом мысу, относящиеся к большереченской культуре.

4. Погребения № 42—47 из раскопок Адрианова на Большом мысу, относящиеся к I тысячелетию н. э.

II. ПОГРЕБЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Могилы 1—8, резко отличающиеся от всей массы других могил, относятся к эпохе неолита. Сосредоточены они главным образом в северо-западной части раскопа (рис. 3).

Могила 1 (кв. 16). На глубине 90 см и больше обнаружены угли, черепки большого сосуда и остатки пережженных и истлевших костей. Полностью сохранилась плечевая кость, лежавшая головкой на север, и фаланги кисти руки. Около плечевой кости лежало четыре каменных орудия. В 40 см к северу от плечевой кости, на той же глубине, лежало еще два каменных орудия. Пространство между этими орудиями и плечевой костью заполнено пережженными и истлевшими костями и черепками сосудов. Отождествить найденные здесь орудия с хранящимися в музее не удалось.

Могила 2 (кв. 41). На глубине 70—90 см найдены черепки большого сосуда. Здесь же лежало четыре каменных орудия, из которых точно определить удалось только один каменный шлифованный топор (рис. 4, *9*) и довольно крупную гальку (рис. 4, *1*), служившую, судя по следам ударов на боковых поверхностях, повидимому, отбойником. В слое желтого песка, где находились остатки погребений, отмечены резкие черные пятна и угли.

Могила 3 (кв. 25). На глубине 97 см стоял на песке невысокий, широкий горшок,

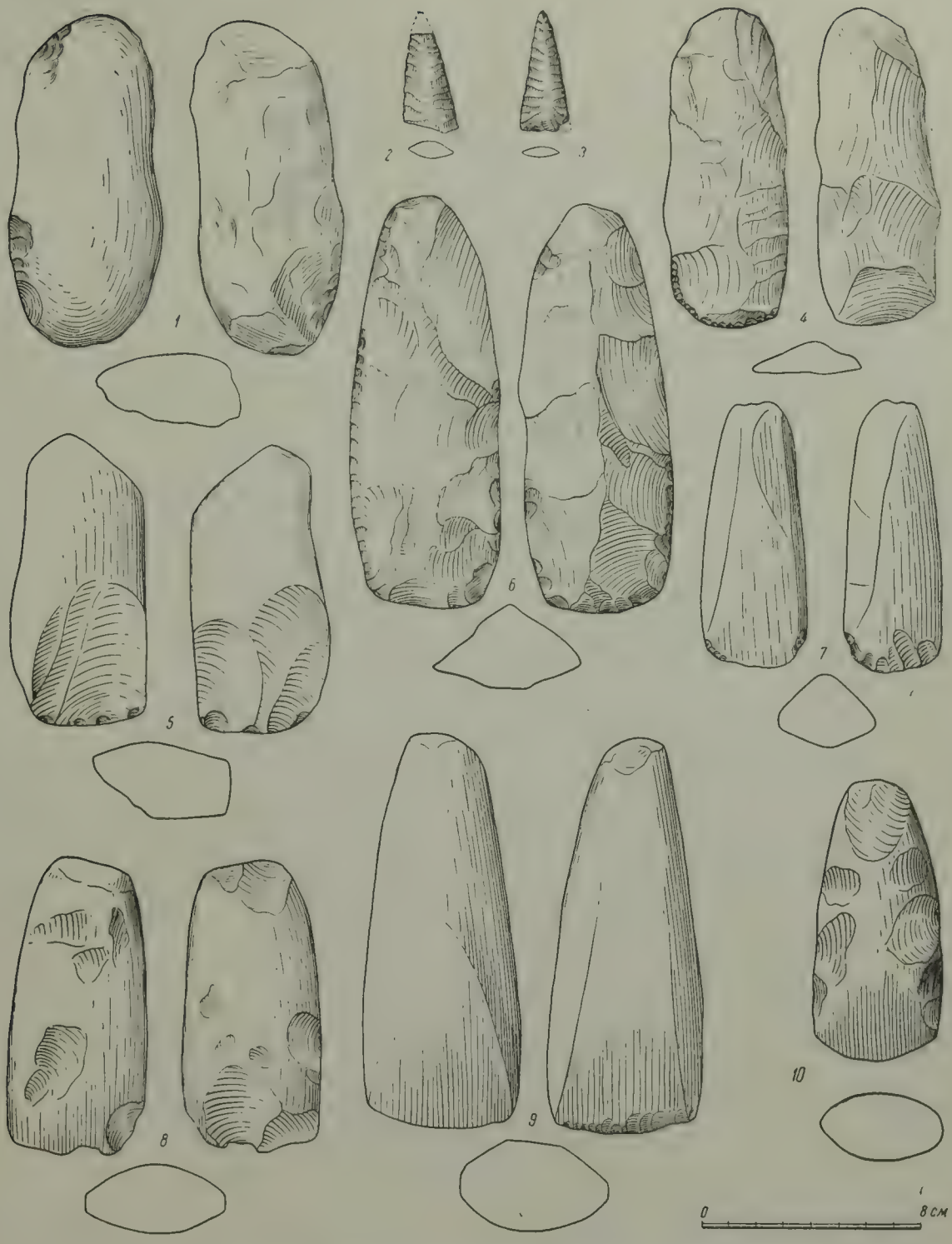


Рис. 4. Каменные орудия из неолитических погребений на Большом мысу:
1, 9 — могила 2; *5, 6, 7* — могила 3; *8* — могила 4; *2* — могила 5; *4* — могила 6; *3* — могила 7; *10* — могила 8

и в 12 см к северу от него лежало каменное орудие (рис. 4, *5*), представляющее собой окатанную гальку, клинообразно заостренную крупными сколами. В 7 см к югу от горшка на площади в 20 × 30 см найдена целая куча каменных осколков и орудий вместе с кусочками жженых костей. Горшок и осколки были окружены чистым песком. Под кучей осколков лежало два каменных топора. Один из них (рис. 4, *6*) сформован крупными сколами и лишь в некоторых местах подправлен более мелкими сколами. Передняя и задняя поверхности его начаты шлифовкой, срезавшей незначительные участки в наиболее возвышенных точках. Поверхность другого топора (рис. 4, *7*) вся отшлифована. Отточенное лезвие его повреждено с одной стороны сравнительно небольшими сколами.

Могила 4 (кв. 33). На глубине 60 см обнаружены черепки небольшого сосуда, около него — остатки истлевших костей. Недалеко от черепков горшка и остатков костей, но на меньшей глубине (45 см), лежал шлифованный топор (рис. 4, *8*). Наиболее глубокие части некоторых фасеток его остались незашлифованными. Лезвие повреждено двумя крупными сколами с одной стороны и одним сколом — с другой.

Могила 5 (кв. 30). На глубине 45 см найдены черепки глиняного сосуда и остатки жженых костей: сохранились крупные части двух трубчатых костей, лежавших в направлении с севера на юг. Здесь же встречен обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 4, *2*), хорошо обработанный с обеих сторон отжимной ретушью.

Могила 6 (кв. 48 и 55). На глубине 60 см и глубже в желтом песке обнаружена «куча черепков». Несколько восточнее на той же глубине найдено грубо обработанное орудие из сланца, сделанное в виде топора (рис. 4, *4*), и недалеко от него — «каменное ядро» и еще два каменных орудия.

Могила 7. На глубине 60—70 см найдено много черепков от больших сосудов и каменный наконечник стрелы (рис. 4, *3*).

Могила 8 (кв. VII). На глубине 70—90 см обнаружена «целая куча черепков и целых сосудов, вложенных один в другой». При разведке в обрыве на том же месте и на той же глубине найден рабочими целый горшок «с широким отверстием и ямочным орнаментом» (рис. 5, *3, 4*). Каменный шлифованный топор (рис. 4, *10*), найденный в пункте *z* при разведке, относится к этому же погребению [1].

Глубина этих погребений, по сравнению с остальными, довольно значительная — 60—90 см и только в одном случае (могила 5) составляет 45 см. Могильную яму вырывали, повидимому, небольших размеров. Трупы полностью и только иногда, может быть, частично (как в могилах 1 и 5) сожжены. Сжигались они, повидимому, вне могилы. Это следует из того, что остатки жженых костей занимают в могиле небольшую площадь, а каменные орудия не имеют следов огня. В могилу, таким образом, погребали пепел от сожженного трупа и не подвергнутые сожжению предметы. Могильные ямы как будто удлинены по направлению с севера на юг, и, если считать расположение остатков костей и предметов соответствующим направлению могильной ямы, то можно утверждать, что могилы были ориентированы продольной осью с севера на юг.

Весьма характерным для Томского могильника является малое количество в погребениях керамики. Только в девяти погребениях встречены глиняные сосуды. В отчете Адрианова указывается, что им были найдены маленькие сосуды и что один сосудик был не более 10 см. высотой. Часть этих сосудов хранится в Государственном историческом музее. Они ошибочно записаны в инвентарь под № 34158, как происходящие из раскопок Г. О. Оссовского в Канском уезде. Всего сохранилось шесть целых сосудов и крупные фрагменты еще от восьми сосудов. Четыре сосуда принадлежат к погребениям Большого мыса (рис. 5, *1, 3, 4, 5*) и десять — к погребениям Малого мыса (рис. 5, *2*; рис. 16, *1—9*). Все сосуды из погребений на Большом мысу желто-серого цвета с примесью к глине толченого кварца, а в одном случае еще и мелких зерен пирита. Все они плоскодонные. Дно очень небольшого диаметра, горло — широкое, бока — выпуклые и сильно отлогие. Орнаментирована вся наружная поверхность сосуда, кроме дна. Орнамент состоит из параллельных рядов неглубоких вдавлений, оттиснутых концом палочки. Два сосуда (рис. 5, *3, 4*), как это устанавливается по имеющимся на них номерам, относятся к неолитическому погребению № 8. Два других связать с конкретными погребениями не удалось. Но так как все четыре сосуда с Большого мыса однотипны и по глине, и по форме, и по орнаменту, то нет сомнений, что все они относятся к неолитическим погребениям. Сосуд такого же типа (рис. 5, *2*) найден и на Малом мысу в квадрате 88 около большого кострища, занимавшего почти всю раскопанную сажень. При сосуде не обнаружено никаких остатков погребения, и сейчас трудно сказать, с каким памятником он связан. С погребениями андроновского времени его связи установить нельзя. Вероятнее всего, он относится к погребению с трупосожжением эпохи неолита, не распознанному Адриановым. Отмеченное им кострище, может быть, относится к этому погребению.

Сосуды из этих неолитических погребений очень своеобразны как по форме, так и по характеру орнамента. Подобный орнамент имеет-

[1] Утрата полевых номеров не позволила отнести каменные орудия, найденные на Большом мысу, к определенным могильным комплексам (рис. 6).

ся на керамике со стоянки Екатерининской на р. Таре, где он, как и на сосудах из Томского могильника, состоит из рядов неглубоких ямок [1] и покрывает всю наружную поверхность сосуда. Очень близки по орнаменту к найденным и сосуды со стоянки Чудацкая гора (близ Барнаула) [2]. Обнаруженные там четыре целых сосуда и черепки от нескольких других также покрыты по всей наружной поверхности равномерно параллельными полосами, прочерченными гребенкой или палочкой. От сосудов из Томского могильника они отличаются тем, что орнамент их состоит из непрерывных горизонтальных линий или из ритмически нанесенного пунктира. Дальше на запад неолитическая керамика Восточного Урала на Полуденской стоянке [3], а также, повидимому, и на стоянке Горбуновского торфяника, у «Стрелки» [4], уже отличается от одновременной керамики Томского могильника. Ее орнамент состоит из нескольких чередующихся друг с другом полос: волнистых и прямых линий, рядов оттисков зубчатого штампа и неглубоких ямок, что придает сосуду более нарядный вид.

Неолитические сосуды из Томского могильника с небольшим плоским дном и выпуклыми боками по форме своей отличаются от других сосудов сибирского неолита. Плоскодонные сосуды в Сибири известны только с эпохи металла. В памятниках афанасьевской культуры они встречаются в единичных случаях, причем орнаментом покрыта у них вся поверхность, в том числе и дно. Только в памятниках андроновской культуры все сосуды имеют плоское дно. Таким образом, керамика Томского могильника занимает особое место среди керамики других памятников эпохи неолита. Даже сосуды с Екатерининской стоянки на р. Таре, столь близкие по орнаменту к сосудам из Томского могильника, имеют острое дно. Наиболее близкие к последним сосуды с Чудацкой горы и со стоянки близ с. Енисейского имеют плоское дно, но прямые, почти вертикальные стенки. Один сосуд со стоянки Чудацкая гора и по форме стенок очень

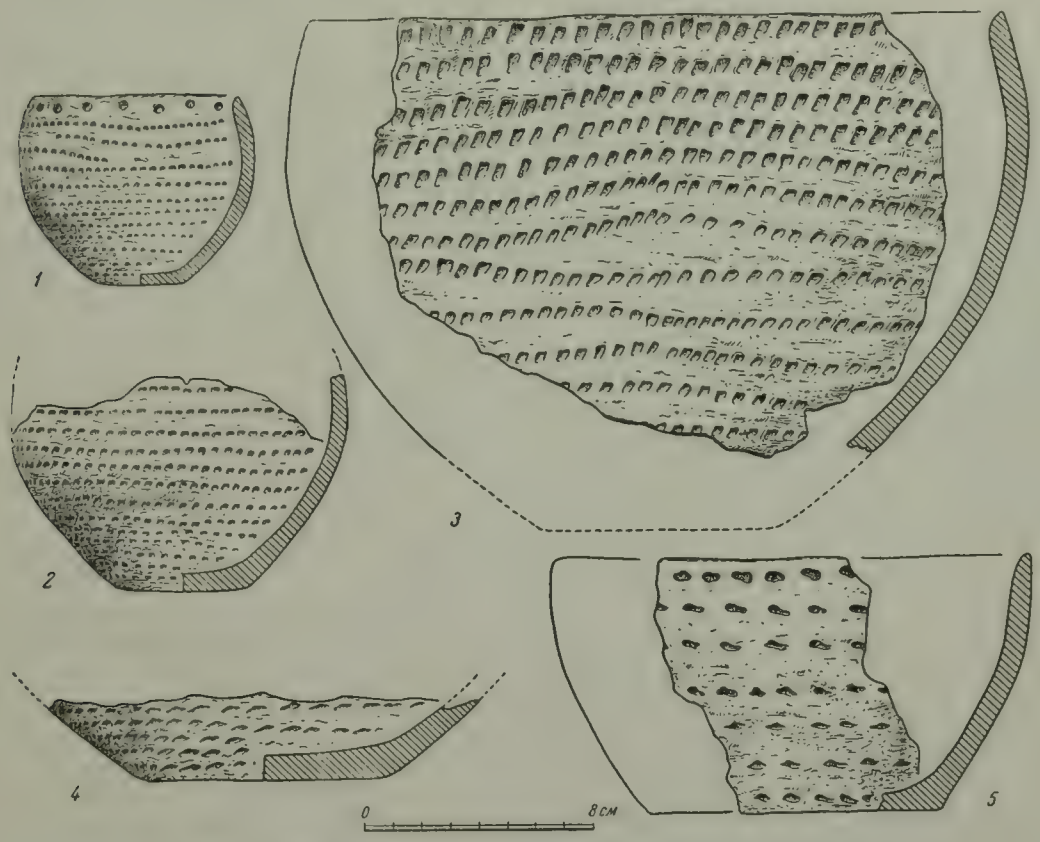


Рис. 5. Глиняная посуда из погребений неолитического времени.
1, 3—5 — из погребений на Большом мысу; *2* — из погребений на Малом мысу (кв. 88)

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 83, рис. 33.
[2] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. «Материалы по изучению Сибири», вып. 2, Новосибирск, 1930, рис. 11—14.
[3] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 139.
[4] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», X, 1940, рис. 18.

близок к сосудам Томского могильника [1]. Керамика, совершенно подобная найденной в Томском могильнике, встречена на р. Томи лишь в двух пунктах. Так, на стоянке у Самуськина затона (в 40 км от г. Томска вниз по р. Томи) вместе с неолитическими черепками, характерными для Томского могильника, обнаружены и каменные орудия [2]. Целый сосуд и фрагменты другого найдены М. П. Грязновым в 1925 г. рядом с Томским могильником на территории старого мусульманского кладбища [3].

Характерные особенности неолитической керамики, найденной в Томском могильнике, говорят о принадлежности похороненных здесь к особой этнической группе, заселявшей район нижнего течения р. Томи и, возможно, верхней Оби. Отсутствие достаточного количества памятников не дает пока возможности определить более точно границы расселения этой этнической группы.

Металлические вещи в рассматриваемых погребениях совершенно отсутствуют. Всюду найдены лишь каменные орудия: топоры, наконечники стрел и копьевидные орудия, или, как пишет Адрианов, «обработанный камень». Большой процент среди них составляют шлифованные орудия, что позволяет отнести эти погребения к эпохе позднего неолита. На сравнительно позднее время указывает и сходство орнамента некоторых сосудов, а также топоров и наконечников стрел с найденными в афанасьевских погребениях Саяно-Алтая.

Несомненно, что оставившее исследуемый памятник население Западной Сибири эпохи неолита достигло высокого совершенства в обработке камня и имело довольно разнообразные по своему назначению каменные орудия; но, как видим, в могилу покойнику клали почти во всех случаях только боевое или охотничье оружие: каменные тесловидные топоры, стрелы и копья. В быту этого населения, несомненно, употреблялись ножи, скребки и другие режущие, колющие и скребущие орудия, но, согласно религиозным представлениям племен той эпохи, видимо, считалось, что покойник не нуждается в них и, пользуясь положенным ему оружием, сможет добыть себе все необходимое в загробной жизни. При этом, повидимому, для того, чтобы, по представлениям того времени, умерший не мог повредить живым, почти все орудия намеренно портились: так, обнаруженные в погребениях копье и наконечники стрел обломаны, рабочий край хорошо шлифованных тесловидных топоров почти во всех случаях притуплен сколами.

Вместе с орудием покойнику ставили пищу в глиняных горшках. Какого она была рода — судить трудно. Очевидно, горшки были наполнены не мясной пищей, от которой сохранились бы кости, а какой-то жидкостью.

О хозяйстве и образе жизни населения, оставившего Томский могильник эпохи неолита, немногочисленный и однообразный инвентарь дает мало сведений. Отсутствие в погребениях рыболовных принадлежностей у населения, живущего на такой большой и обильной рыбой реке, как Томь, и, несомненно, занимавшегося рыбной ловлей, говорит о том, что рыболовство не было основным промыслом; нахождение же в могилах большого количества тесловидных топоров, стрел и копий указывает на охоту как на основной вид хозяйственной деятельности населения.

На основании хотя и немногочисленных, но характерных находок из могильника на Большом мысу можно установить местные отличия неолита низовьев Томи. Так, обряд полного или частичного сожжения трупов является характерным только для местного населения. В Прибайкалье и Приуралье и дальше на запад в неолитических погребениях обряда сожжения трупов мы не знаем. В погребениях этой же эпохи в Восточной Сибири, особенно в китойское время [1], трупы окрашивались красной охрой. Это же явление имело место и на западе в неолитических погребениях Оленьего острова [2] и Мариупольского могильника [3].

Характерными для неолита низовьев р. Томи являются тесловидные топоры. Они довольно крупных размеров и округлой формы в поперечном сечении. Длина более ширины на 22—27%. Почти у всех топоров одна широкая сторона более выпуклая, чем другая, ей противоположная. Это указывает, повидимому, на их использование в качестве тесла. По имеющимся тесловидным топорам можно проследить процесс их изготовления. Так, орудие, изображенное на рис. 4, *5*, изготовлено из речного голыша и сохранило значительную часть его естественной поверхности. Только рабочий край его заострен широкими сколами с двух противоположных сторон и образует грубо сформованное лезвие. Вся естественная поверхность другого орудия (рис. 4, *6*) с обеих сторон сбита широкими сколами для того, чтобы придать ему овальную форму. Орудие частично зашлифовано (на рисунке шлифованные поверхности отмечены вертикальной штриховкой). На орудиях, изображенных на рис. 4, *8, 10,* зашлифована вся поверхность, намечены грани боковых поверхностей, и на более выпуклой стороне остались незашлифованными только наиболее глубокие части фасеток, образо-

---

[1] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, рис. 13.

[2] Сборы М. П. Грязнова и А. К. Иванова в 1924 г. Музей Томского университета.

[3] Государственный музей этнографии.

[1] А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 251; его же. Ленские древности, Якутск, 1946, вып. 2, стр. 137.

[2] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940, стр. 51.

[3] М. Макаренко. Маріупільский могильник. Київ, 1933, стр. 14.

ванных сколами, которыми формовалось орудие. Наконец, поверхность всех орудий, представленных на рис. 4, *7, 9* и 6, *1—4,* зашлифована, все они имеют вполне законченную форму. Одна сторона орудия, более плоская, имеет плавно закругленную поверхность, другая, более выпуклая, зашлифована в виде граней. В форме этих орудий все еще заметно, что они изготовлены не из более или менее плоских пластин или сколов, а из целого камня, от которого скалывали лишние части для придания изделию требуемой формы. После скалывания орудие шлифовали, часто не доводя эту работу до полного выравнивания всей поверхности. Так как орудия предназначались для употребления в качестве тесла с лезвием, расположенным перпендикулярно к оси рукояти, то все они делались симметричными только в одной плоскости, параллельно оси рукоятки. Менее выпуклой стороне придавалась плавная округлость, более выпуклая зашлифовывалась в виде трех граней, а узкие боковые стороны зашлифовывались в виде узких граней. В окончательном виде орудие имело в поперечном сечении форму шестиугольника.

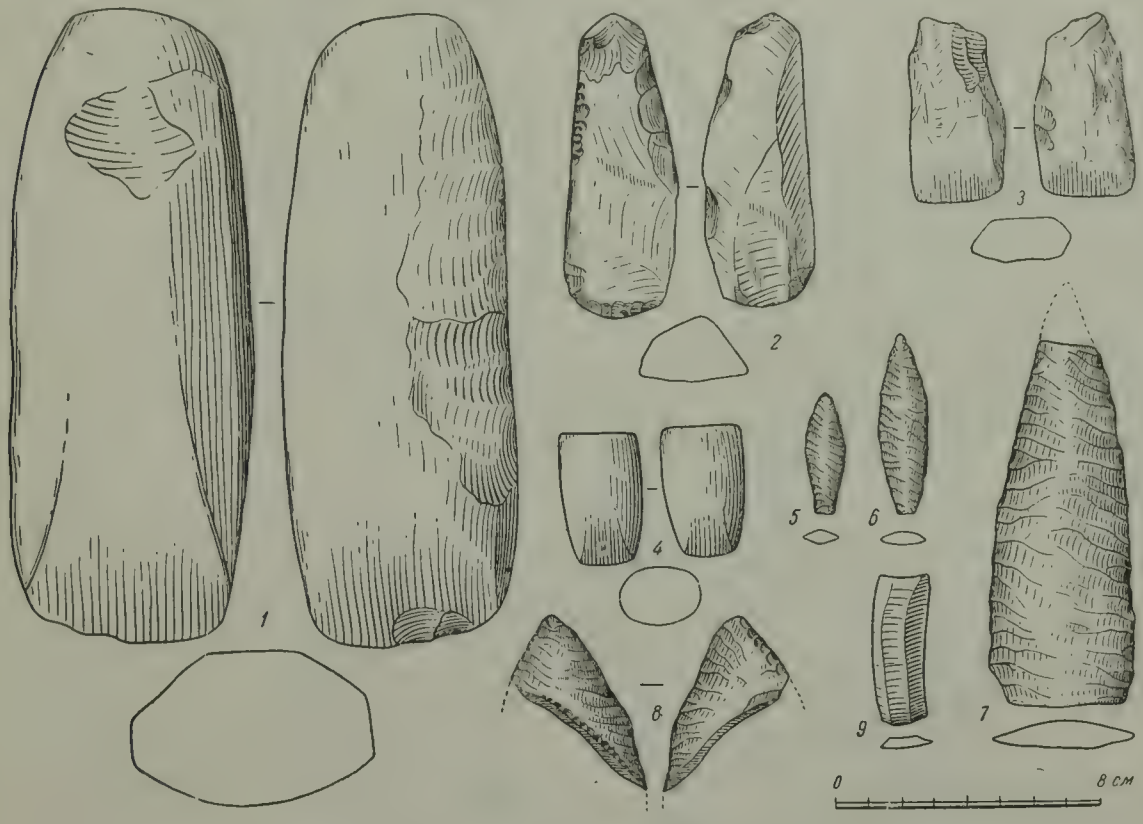


Рис. 6. *1—7* — каменные орудия из неолитических погребений на Большом мысу.

Тесловидные топоры описанного типа, как уже говорилось, характерны для района Томска эпохи неолита. Широко ли они были распространены на территории Сибири — сказать трудно, так как неолитические памятники северной лесной части Западной Сибири изучены крайне слабо — имеются лишь отрывочные сведения о них. Близкие по форме топоры были обнаружены В. Н. Чернецовым на стоянке Екатерининской на р. Таре в Омской области [1]. Собранный там материал, по всей вероятности, не одновременен. Два каменных топора и керамика, представленные в работе В. Н. Чернецова на рис. 33, имеют вполне неолитический облик. Остальные находки надо считать принадлежащими к эпохе бронзы. Довольно близкой формы орудия обнаружены О. Н. Бадером на стоянке Полуденской близ г. Тагила. В своей статье об этой стоянке О. Н. Бадер указывает на некоторые черты сходства ее материала с материалом обских неолитических стоянок [2]. Возможно, близкими по времени являются находки на стоянке Честый Яг в верховьях р. Ляпин, притоке р. Северной Сосьвы [3]. К сожалению, на рисунке не

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 79.

[2] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 139.

[3] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941, рис. 2, *1*, стр. 21.

показано поперечное сечение орудий, и потому мы не имеем полного представления об их форме. Наконец, следует упомянуть находку подобного же топора у оз. Кременькуль в Челябинской области [1].

На основании сравнительно немногочисленного материала из неолитических погребений Томского могильника трудно пока говорить о характере культурных связей населения, обитавшего по р. Томи, с другими районами Сибири. Особенно трудно сопоставить материалы из могильников одного района с материалом из стоянок другого района. Однако имеющиеся данные позволяют хотя бы предположительно говорить о сходстве или различии неолитической культуры отдельных районов Сибири. Наиболее полно изучен неолит Прибайкалья. Детально разработанная А. П. Окладниковым классификация культур эпохи неолита и бронзы дает ясное представление об особенностях отдельных этапов исторического развития прибайкальских племен [2].

Своеобразие географической среды сибирской тайги, в которой складывалась и развивалась неолитическая культура прибайкальских и томских племен, обусловило известное сходство в материальной культуре тех и других. Так, можно отметить сходство между наконечниками копий и стрел из Томского могильника и наконечниками с прибайкальских стоянок серовской ступени неолита. Для наконечников копий в обоих случаях характерна отжимная ретушь с длинными косыми фасетками, но так как томский наконечник обломан с двух концов, то сходство его с прибайкальским можно пока лишь предполагать. Два наконечника стрел, сохранившиеся полностью в Томском могильнике эпохи неолита, как будто приближаются по форме к наконечникам стрел с черенком со стоянок серовской ступени неолита.

Имеющиеся материалы позволяют найти и различия в культуре прибайкальского и томского населения эпохи неолита. Прежде всего различие наблюдается в обряде погребения: в Томском могильнике — трупосожжение, в Прибайкалье — трупоположение. Заметно отличаются и орудия производства. Если для неолита низовьев Томи характерны тесловидные топоры, изготовленные из целого камня, округлые в поперечном сечении, с несколькими гранями на выпуклой стороне, то в прибайкальском неолите тесловидные топоры, относительно тонкие, часто желобчатые, в поперечном сечении приближающиеся к прямоугольнику, возможно, изготовлены из крупных отколотых пластин.

Резко отличен также состав погребального инвентаря в Томском могильнике, с одной стороны, и в Прибайкалье — с другой. В то время как в погребениях Томского могильника встречаются только тесловидные топоры, да наконечники копий и стрел, в прибайкальских неолитических погребениях представлены разнообразные орудия: тесла, скребки, ножи, костяные ножи с кремневыми вкладышами, костяные наконечники копий с вкладным лезвием, игольник, лук с костяными накладками, гарпуны и многие другие орудия и большое количество изделий из кости, особенно на последней ступени неолита — китойской. Отмеченные различия в составе положенных в могилу вещей указывают на изменение в представлениях о загробной жизни у населения Прибайкалья и р. Томи эпохи неолита, нашедшее свое отражение и в изменении погребального обряда.

Несмотря на ограниченность имеющегося материала, сделанные наблюдения как будто свидетельствуют о наличии в Сибири разных местных вариантов неолитической культуры — прибайкальской и томской.

Далеко ли распространялась неолитическая культура томского типа на запад, за неимением достаточных данных трудно решить. Однако некоторое сходство тесловидных топоров со стоянки Честый Яг на Оби с топорами со стоянки Екатерининская в Омской области, исследованных В. Н. Чернецовым, а также с Полуденской стоянки близ Тагила, раскопанной О. Н. Бадером, как будто говорят за то, что неолитическая культура, представленная в погребениях Томского могильника, распространялась далеко на запад, доходя до восточных склонов Урала. Конечно, мы здесь имеем в виду сравнительно поздний неолит, в большинстве своем развивавшийся на севере уже в то время, когда в более южных районах получили распространение культуры энеолитического типа (например, афанасьевская и ямно-катакомбная).

Что касается неолитической культуры Западного Урала и Прикамья, где мы имеем материал преимущественно со стоянок, то она характеризуется орудиями несколько другого вида, сделанными почти всегда из сколов призматического нуклеуса. Орудия большей частью мелкие и в общем отличны от орудий сибирского таежного неолита.

III. ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Чрезвычайно большой интерес для исследователей истории материальной культуры лесных племен Западной Сибири представляет могильник, раскопанный А. В. Адриановым в 1889 г. на Малом мысу. Топографически он находится к северу от Большого мыса, раскопанного в 1887 г., и отделен от него небольшим ложком (рис. 2). С северной стороны

---

[1] К. В. Сальников. Древнейшее население Челябинской области, Челябинск, 1948, рис. 2.

[2] А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л. 1950.

могильник ограничен глубоким оврагом. Ширина его с севера на юг, вдоль края обрыва к реке, не более 40 м. В поперечном направлении, т. е. от края крутого яра на восток до выемок песка, производившихся для выделки кирпича, длина могильника не превышает

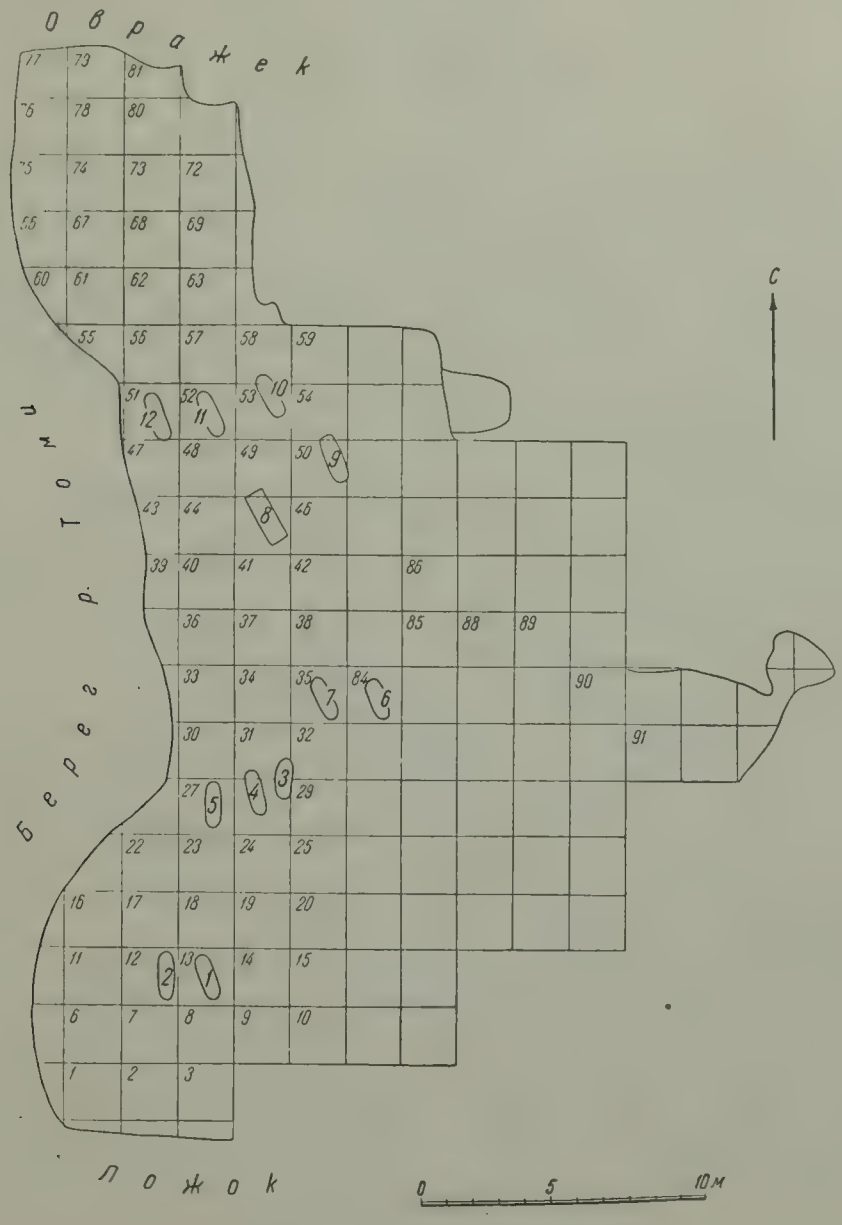


Рис. 7. План могильника на Малом мысу.

50 м. На этом небольшом участке Адрианов вскрыл на глубину около 1 м около 90 кв. саж. Так же, как и при раскопках на Большом мысу, участок был разбит на квадратные сажени. Хотя здесь Адрианов и отмечает обнаруженные им целые скелеты и взаимное расположение костей, но большей частью совершенно не указывает точное местонахождение находимых орудий по отношению к скелету и к сторонам квадрата. В результате этого большая часть предметов, представляющих значительный интерес, осталась не связанной с могильными комплексами. Но все же некоторое количество погребений удалось восстановить, хотя и не всегда с желаемой полнотой. Точно так же после тщательного анализа и сопоставления предметов, найденных в комплексах и по отдельности, удалось установить принадлежность последних к тому же могильнику. Группы предметов или отдельные предметы, не связанные со скелетами, по всей вероятности, также являются остатками погребального инвентаря из могил, скелеты в которых не сохранились, а при способе раскопок, принятом Адриановым, могильные ямы не могли быть обнаружены.

1703364

БИБЛИОТЕКА

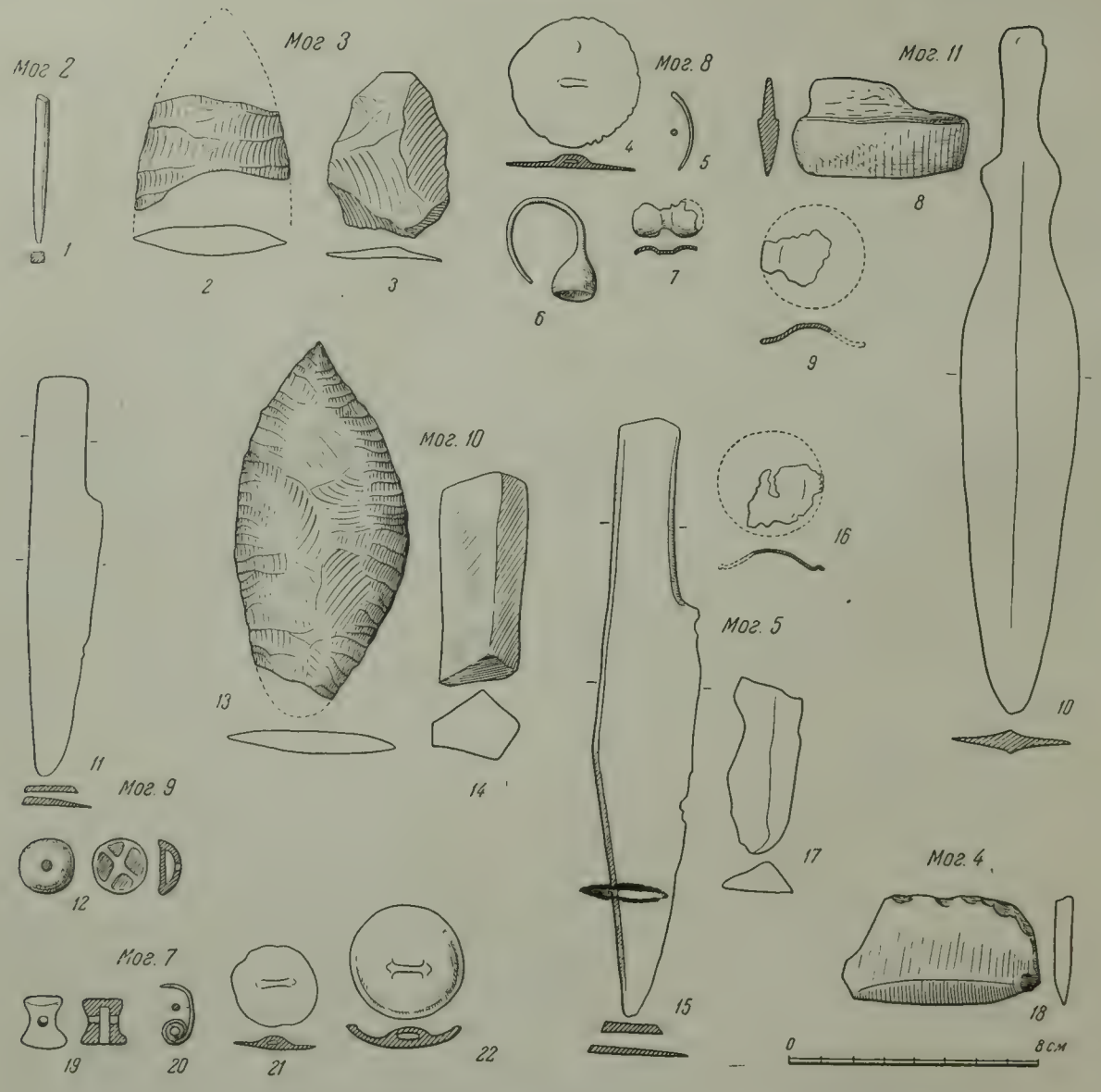


Рис. 8. Предметы из погребений эпохи бронзы на Малом мысу (*2, 3, 8, 13, 14, 17, 18* — камень; остальные — бронза).

Размещение найденных предметов и погребений на плане (рис. 7) дает неполное представление о расположении всех погребений могильника. Здесь мы наблюдаем весьма любопытный факт: сохранившиеся могилы, как видно на плане, расположены рядами с запада на восток. Расстояние между рядами могил довольно значительное, между тем как в рядах могилы довольно близки друг к другу. Это наводит на мысль, что могилы огораживались деревянными оградами, которые примыкали друг к другу, что так характерно для погребений карасукской и андроновской эпох в Минусинских степях, где вместо деревянной ограды делалась ограда из каменных плит. Естественно, что деревянные ограды не оставили после себя таких следов, которые мог бы обнаружить Адрианов при его технике раскопок.

Прежде чем перейти к описанию могил, надо отметить, что керамический материал и большая часть предметов, хранящихся в Историческом музее, не имеет номеров, так что многие весьма интересные находки не удалось отождествить с теми из найденных в могилах, о которых упоминал Адрианов.

Могила 1 (кв. 13). На глубине 65 см лежал, повидимому, на спине плохо сохранившийся скелет, ориентированный головой на ю.-ю.-в. Справа, в 25 см от черепа, стоял небольшой «четыреугольный» горшочек.

Могила 2 (кв. 12). На глубине 75 см лежал на спине скелет, ориентированный головой на ю.-ю.-в. В 35 см от черепа к ю.-з., на той же глубине находилось бронзовое долотцо (рис. 8, *1*).

Могила 3 (кв. 28 и 31, рис. 9). На глубине 102 см обнаружен в твердом грунте череп человека, обращенный теменем на юг. По обе стороны от него были в беспорядке разбросаны остальные кости скелета, кроме нижних концов ног, которые, начиная от коленных чашечек и ниже, сохранили свое первоначальное положение. Скелет лежал на спине, головой на юг, ногами на север. Недалеко от концов ног на глубине 85 см найдено два каменных орудия. Одно из них — обломок копья или широкого ножа (рис. 8, *2*), другое орудие определить среди предметов, хранящихся в музее, не удалось. Над черепом, но тоже на глубине 85 см, найден осколок кремня (рис. 8, *3*). Относятся ли эти каменные орудия к данному погребению — утверждать нельзя, но возможно, что первоначально весь скелет находился на глубине 85 см, так как глубину залегания нетронутой части скелета (концы ног) Адрианов не указывает.

Могила 4 (кв. 28 и 31). На глубине 85 см найден истлевший череп человека. Возле черепа стоял горшок без орнамента и три каменных орудия. Одно из них (рис. 8, *18*) представляет собой вкладышевое лезвие из твердой породы, хорошо, до блеска, отшлифованное. Остальные два орудия, упомянутые в отчете, не удалось отождествить с орудиями из музейных коллекций.

Могила 5 (кв. 27, рис. 9). На глубине около 85 см лежал головой на юг, ногами на север истлевший скелет. Слева у черепа стоял орнаментированный горшок. На груди лежал «бронзовый кинжал» (рис. 8, *15*). У черепа найден обломок бронзовой бляшки (рис. 8, *16*). Около ног — два каменных орудия. Одно из них (рис. 8, *17*) имеет вид трехгранного ножевидного инструмента. Поверхность одной грани его подшлифована. Другое каменное орудие определить не удалось.

Могила 6 (кв. 84). На глубине 95 см в мягком песке лежал на спине скелет человека, головой на ю.-ю.-в., с вытянутыми вдоль тела костями рук. Кости плохой сохранности. При скелете никаких предметов не найдено.

Могила 7 (кв. 35). На глубине 88 см лежал на спине скелет человека, головой на ю.-ю.-в. Кости плохой сохранности. При скелете, кроме бронзовой пронизки или пуговицы (рис. 8, *19*), находившейся на меньшей глубине, чем скелет, никаких других предметов не найдено.

Могила 8 (кв. 45, рис. 10). На глубине 135 см находилось погребение, обложенное с четырех сторон плитами из сланца. Длина могилы — 195 см, ширина в головах — 76 см; высота плит — около 35 см. Плиты стояли наклонно под углом в 35°. Внутри этой каменной обкладки обнаружен скелет человека, ориентированный головой на ю.-ю.-в. Покойник был положен на спину. Кости частично перемешаны. Так, берцовые кости находились под бедренными, локтевые лежали верхними концами у черепа. Около правой стороны черепа стояло два горшка; один из них раздавлен. Около височных костей справа и слева найдены бронзовые серьги (рис. 8, *5*, *6*). Здесь же, у правой височной кости, обнаружена бронзовая бляшка (рис. 8, *7*). На середине груди лежало маленькое бронзовое зеркало (рис. 8, *4*)

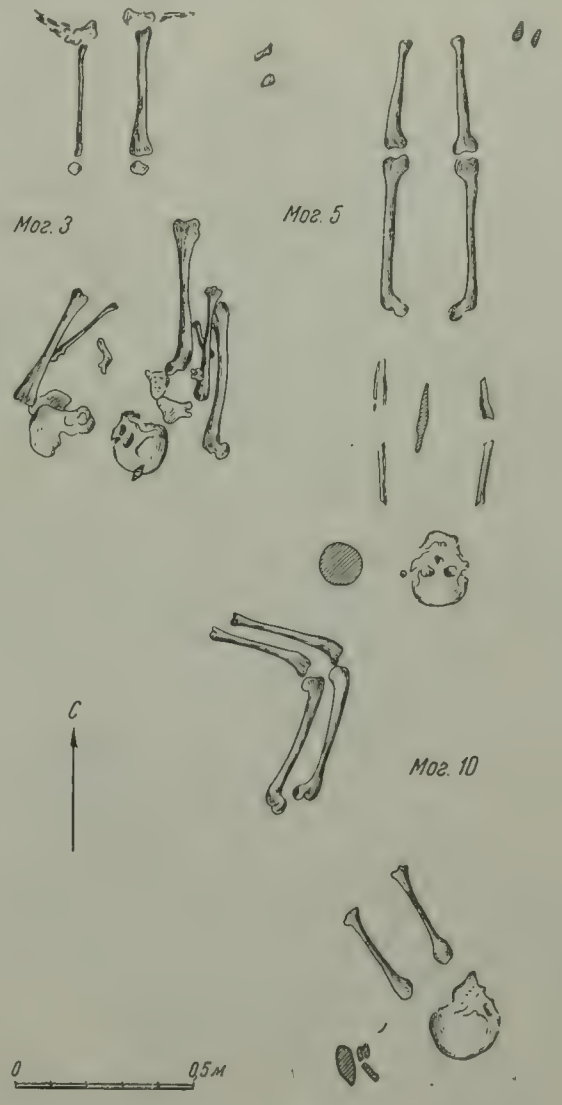


Рис. 9. План погребений эпохи бронзы на Малом мысу (могилы 3, 5, 10).

с петелькой на обратной стороне, в которой сохранился продетый ремешок.

Могила 9 (кв. 50 и 54, рис. 10). На глубине 90 см обнаружен скелет, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на ю.-ю.-в. Кости оставались на своих местах. У головки левой бедренной кости найден бронзовый нож (рис. 8, *11*), а около него — желобчатая роговая пластинка. В 20 см к востоку от правой тазовой кости замечена брон-

зовая пуговица (рис. 8, *12*), а над поясничными позвонками — другая. В ногах скелета, справа, на глубине 80 см стоял глиняный сосуд. На глубине 90 см справа от костяка находилось «каменное копье».

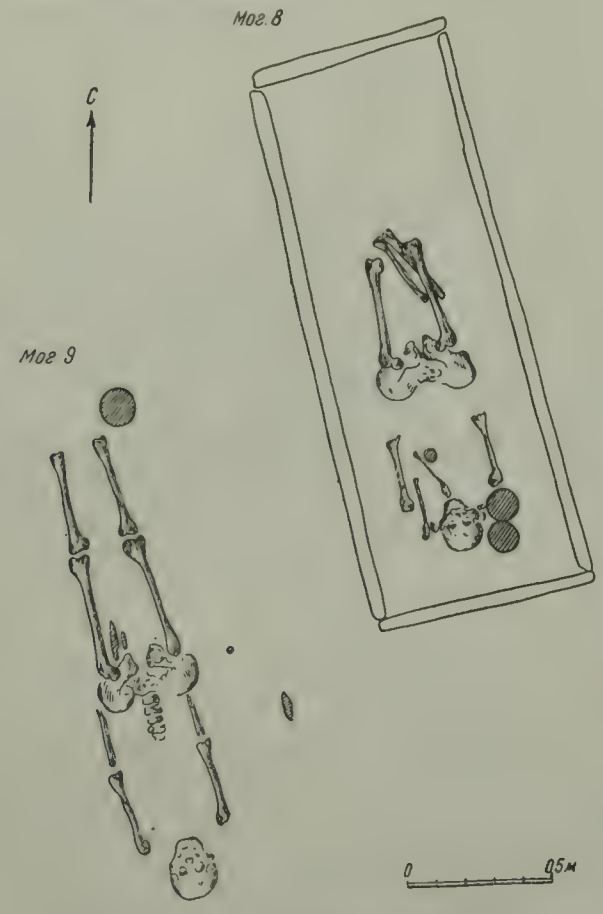


Рис. 10. План погребений эпохи бронзы на Малом мысу (могилы 8, 9).

Могила 10 (кв. 53 и 58, рис. 9). На глубине 98 см находился скелет человека, лежавший на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Скелет ориентирован головой на ю.-ю.-в. Около черепа обнаружены две каменные стрелки, каменный асимметричный широкий нож (рис. 8, *13*) и обломок песчаника с сильно заглаженной поверхностью (рис. 8, *14*).

Могила 11 (кв. 52, рис. 11). На глубине 101 см обнаружен скелет, лежавший на спине, головой на ю.-ю.-в. Все кости сохранили первоначальное расположение. Около черепа, «кажется, слева», стоял глиняный горшок. Между нижними концами берцовых костей найден каменный наконечник стрелы. Возле верхней части правого бедра находился массивный бронзовый кинжал (рис. 8, *10*), около которого лежали кусочки ткани, деревянных ножен и бересты. С правой стороны черепа, около сочленения нижней челюсти, обнаружена бронзовая бляха (рис. 8, *9*). Недалеко от погребения, но на несколько большей глубине (120 см), справа от скелета найдена кучка каменных орудий. Относятся ли эти орудия к рассматриваемому погребению — трудно сказать, так как Адрианов на это не дает прямых указаний. Одно из этих орудий, сделанное из мелкозернистого песчаника, служило вкладышевым лезвием (рис. 8, *8*).

Могила 12 (кв. 51, рис. 11). На глубине 90 см обнаружен скелет, лежавший на спине,

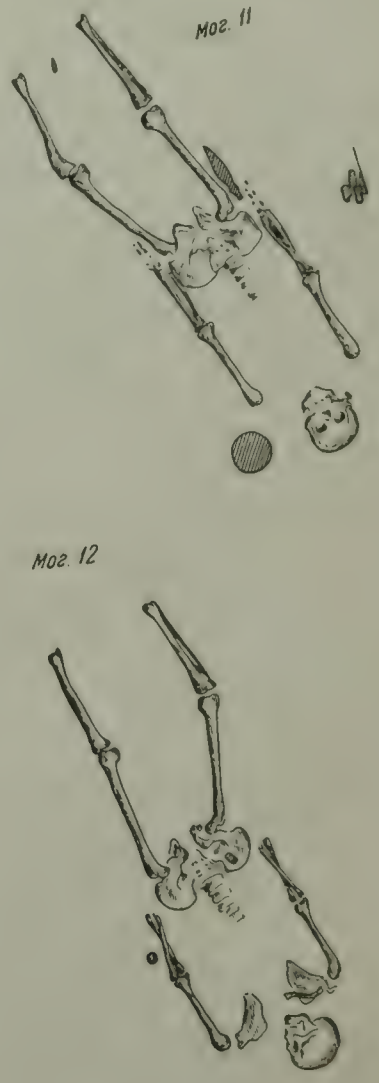


Рис. 11. План погребений эпохи бронзы на Малом мысу (могилы 11, 12).

ориентированный головой на ю.-ю.-в. Все кости находились в порядке. Череп лежал на левом виске лицом на запад. Против левой головки бедра, в 18 см от нее, найдена бронзовая бляшка, а на правой тазовой кости — бронзовая пластинка.

Как можно видеть, все выявленные могилы оказались простыми грунтовыми ямами, ориентированными с ю.-ю.-в. на с.-с.-з. (Только

в 8 могиле бока могильной ямы были обложены плитами.) Глубина могил составляла в среднем около метра, и только могила 8 достигала в глубину 135 см. Погребенные положены в могилу на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на ю.-ю.-в. Исключением является могила 10, где костяк лежал на правом боку с согнутыми ногами.

Большую часть предметов, обнаруженных Адриановым при раскопках этого могильника, не удалось связать в комплекс или отнести к выявленным погребениям. Поэтому они представлены на отдельных таблицах и распределены не по комплексам, а по категориям вещей (рис. 12, *1—13*; рис. 13, *1—17*; рис. 14, *1—20*).

Сравнительно небольшая площадь раскопок, всего лишь в 90 кв. саж. (около 400 кв. м), дала чрезвычайно богатый материал как по количеству предметов, так и по разнообразию их. Особенно интересно постоянное сочетание каменных и бронзовых орудий и украшений в одной и той же могиле.

Усовершенствованные каменные орудия еще сохранялись в быту населения, хотя и вытеснялись постепенно появлявшимися в большом количестве бронзовыми орудиями. Существовало ли у племен, живших по р. Томи, собственное производство бронзовых орудий, решить трудно, так как пока нет определенных данных, которые позволили бы говорить о местных вариантах форм бронзовых орудий. Скорее всего, бронзовые изделия проникали сюда из южных степных районов, где в это время металлические орудия почти полностью заменили каменные.

Особый интерес представляет бронзовый кинжал, обнаруженный в могиле 11 (рис. 8, *10*). Клинок кинжала, ланцетовидной формы, с выемками по бокам около самой рукоятки, тонкий по краям, утолщался к середине, образуя острое ребро. Верхняя уплощенная часть клинка служила для насаживания его на плоскую деревянную рукоятку. Кинжал находился, повидимому, в берестяных ножнах. Возле него Адрианов нашел остатки дерева, бересты и ткани (ткань, возможно, от одежды, сохранилась благодаря присутствию медной окиси). Томский кинжал характерен для местного варианта орудий. Разные варианты плоских кинжалов с выемками по бокам широко распространены в степях и лесостепных районах Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. В Сибири и Казахстане они известны пока в небольшом количестве. Только три таких кинжала найдены в погребениях — в могилах андроновской культуры в Казахстане (Малый Койтас, могила 9; Алексеевка, могила 2; Кожумбердынский могильник, погребение Д) [1]. Другой комплексной находкой той же эпохи следует считать комбинированную литейную форму из Мынчункура (Восточный Казахстан) [1]. Кроме того, известны четыре кинжала из случайных находок — три из Минусинских степей [2] и один из с. Большереченского на р. Оби [3]. В Сибири эти кинжалы датируются временем андроновской культуры [4].

Весьма своеобразную форму, отличную от формы многочисленных других ножей Сибири, представляют ножи из могильника на Малом мысу (рис. 8, *11*, *15*). Это довольно массивные литые пластинчатые ножи с оттянутым ковкой лезвием. Клинок значительно шире рукоятки и при переходе к последней имеет резкий уступ. Отверстий на рукоятке для подвешивания, как это свойственно для многих сибирских форм ножей, нет. Рядом с рукояткой одного из ножей Адриановым найдена была роговая пластинка — накладка. Пластинчатых ножей, близких по форме к рассматриваемым ножам Томского могильника, мне известно только три; все они из района Верхнего Иртыша [5].

Были ли такого типа ножи распространены шире — сейчас сказать трудно, так как для этого нет пока достаточных оснований. Поскольку в Томском могильнике ножи данной формы бытовали вместе с кинжалами и другими предметами явно андроновских типов, область распространения которых охватывала всю степную полосу от Енисея до Урала, не исключена возможность распространения и этих ножей на более широкой территории.

В погребениях андроновской культуры оружия и орудий мы почти совсем не встречаем, хотя раскопано уже большое количество могил в разных местах обширной территории степного Казахстана и Западной Сибири. Повидимому, по погребальному обряду андроновской эпохи не требовалось снабжать умерших боевым оружием и орудиями труда. Поэтому в погребениях андроновского времени мы находим только глиняную посуду, различные украшения и части одежды: браслеты, височные кольца, подвески, бляшки и пр.

---

[1] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», II, Л., 1927, стр. 172; O. Krivtsov-Grakov. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la region du haut Tobol, ESA, IV, 1929, стр. 191; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1947.

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 296.

[2] 1-й — на р. Узунжул (см. В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, вып. 5, 1891, табл. X, рис. 7); 2-й — в дер. Светолобова (колл. Лопатина в Государственном музее этнографии); 3-й — без точного указания местонахождения (Музей антропологии и этнографии).

[3] Хранится в Барнаульском музее краеведения.

[4] М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», III, Л., 1930, стр. 158.

[5] См. М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», III, Л., 1930, рис. 8 и 9 на стр. 155. Третий нож хранится в Эрмитаже, колл. 1136—1163.

Кельты, копья, кинжалы, ножи известны нам только по случайным находкам.

Из украшений следует отметить прежде всего две формы серег. Одна серьга (рис. 8, *6*) имеет вид кольца с широким раструбом на конце. По внешнему виду она напоминает серьгу из погребений на Малом Койтасе [1], затем серьги, найденные Г. П. Сосновским при раскопках могил времени андроновской культуры в улусе Орак в Минусинской степи [2] и В. Н. Ждановым на оз. Боровом (Северный Казахстан) [3]. Правда, серьга из Томского могильника на Малом мысу имеет более широкий раструб, чем серьги из погребений времени андроновской культуры. Поэтому ее надо считать лишь близкой по форме к последним, а не подобной им. Обломок серьги, изображенной на рисунке 8, *5*, принадлежит, повидимому, второму экземпляру такой же серьги с раструбом. Другая серьга (рис. 8, *20*), сделанная из бронзовой проволоки с закрученными спиралью концами, представляет форму, часто встречающуюся среди украшений, характерных для андроновской культуры. Такие украшения в виде браслетов, височных подвесок и серег со спиральными завитками на концах широко распространены в эпоху андроновской культуры на всей территории Сибири [4].

Из предметов туалета в погребениях Малого мыса обнаружено два маленьких бронзовых зеркала, имеющих форму кружка с петелькой на обратной стороне (рис. 8, *4, 21*). Одно из них совсем миниатюрное. Зеркала подобной формы весьма характерны для карасукской эпохи, но бытуют и позже. В более раннее время зеркала в Сибири неизвестны. Только в Северной Киргизии в составе Сукулукского клада найдены три зеркала, относящихся к середине II тысячелетия до н. э. [5] Два зеркала этого клада были круглыми с длинными ручками, третье — четырехугольной формы с выступающими закруглениями на углах. Зеркала же, подобные найденным в Томском могильнике, широко распространены среди предметов карасукской культуры и продолжают бытовать в последующее время почти вплоть до начала н. э. Могли ли существовать они и раньше времени распространения карасукской культуры,— утверждать трудно, так как пока нет ни одной находки, датированной временем андроновской культуры.

Интересна находка двойной выпуклой бляшки (рис. 8, *7*) в могиле 8, вместе с зеркалом и серьгой с раструбом. Подобные бляшки широко распространены в карасукскую эпоху и являются для нее датирующей формой. Для более раннего, андроновского времени они не характерны, но одна такая бляшка была обнаружена даже на раннем этапе андроновской культуры в погребении у Окуневского улуса [1]. Как в последнем погребении, так и в Томском могильнике на Малом мысу бляшки эти, в отличие от бляшек времени карасукской культуры, большей частью литых, сделаны из тонкого листка металла.

Нахождение в могильнике «бронзовых пуговиц», часть из которых, повидимому, утеряна (в Историческом музее их нет), вместе с каменными орудиями и рассмотренными украшениями говорит об одновременности их бытования. Так, в могиле 9 пуговица (рис. 8, *12*) обнаружена вместе с бронзовым ножом, найденным в 20 см от правой тазовой кости на той же глубине, что и костяк. Вторая пуговица (утраченная) находилась над поясничным позвонком. Подобные пуговицы или бляшки на ранних этапах эпохи бронзы не встречены. Другая пуговица или бляшка (рис. 8, *22*), довольно больших размеров, по внешнему виду очень напоминающая зеркало, на обратной стороне имеет петельку, как у зеркала. Лицевая сторона бляшки — слабо выпуклая и гладкая, обратная сторона имеет по краю валик. Эта бляшка находилась в комплексе вместе с серьгой (рис. 8, *20*), пуговицей (утерянной) и с большим количеством каменных орудий (топор, копье, каменное долото и кусок руды). Никаких остатков костей человека здесь не обнаружено, но все перечисленные предметы были расположены недалеко друг от друга и на одной глубине (75 см). Если считать этот комплекс вещей остатками одного погребения, то выпуклая бляшка с петелькой на обратной стороне бытовала одновременно с серьгой типа, характерного для андроновской культуры, и с перечисленными каменными орудиями. Две тонкие бронзовые бляшки: одна из могилы 5 (рис. 8, *16*), другая из могилы 11 (рис. 8, *9*), сохранившиеся в обломках, имеют вид кружка с пологими краями и выпуклой серединой. По краю одной из них выдавлены с обратной стороны бугорки. Одна из этих бляшек находилась в погребении вместе с бронзовым ножом, другая—в погребении вместе с бронзовым кинжалом.

В могильнике на Малом мысу найдена еще круглая бронзовая пронизка (рис. 8, *19*), но трудно сказать, относится ли она к данному могильнику или попала на его территорию в более позднее время, так как место ее залегания было значительно выше места нахождения черепа скелета.

---

[1] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, рис. 25, 7.

[2] См. там же, стр. 210.

[3] Хранится в Государственном музее этнографии.

[4] См. М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, рис. 24 и 20; O. Krivtsov-Grakov. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la region du haut Tobol. ESA, IV, 1929, стр. 120; К. Сальников. Курганы Чкаловской области. «Степные огни», № 3, Чкалов, 1940, стр. 206.

[5] А. Н. Бернштам. Археологические очерки Северной Киргизии, Фрунзе, 1941.

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947, стр. 48 и рис. 3, 10.

Наконец, в могиле 2 найдено «бронзовое долотцо», имеющее вид четырехгранного орудия с заостренным концом. В этом погребении, кроме остатков скелета и «бронзового долотца», ничего больше не было.

Обращает на себя внимание большое количество и разнообразие каменных орудий, которые изготовлялись местными мастерами и прочно сохранялись в быту жителей лесной полосы, занимавшихся охотничье-рыболовным промыслом.

Прежде всего следует упомянуть тесловидные топоры (рис. 12, *1—13;* рис. 13, *1—7*). Племена, жившие по р. Томи в условиях лесной местности, постоянно производили различные работы по рубке и обделке дерева — и в домашнем быту, и на охоте, и на рыбной ловле. Большая часть тесловидных топоров имеет небольшие размеры, хотя встречаются среди них и крупные (рис. 12, *10*).

Основное отличие тесловидных топоров периода ранней бронзы от неолитических по материалам Томского могильника заключается в разном способе их изготовления. Топоры эпохи неолита изготовлялись из целого камня, путем скалывания ненужных частей; для изготовления топоров эпохи ранней бронзы шли отколотые пластины. Поэтому неолитические топоры массивны, утолщены, в поперечном сечении приближаются к кругу. Топоры эпохи бронзы более легкие, тонкие. Как у тех, так и у других одна широкая сторона делалась более плоской, другая, противоположная ей, более выпуклой, трехгранной. Боковые стороны делались двухгранными или одногранными, перпендикулярными к широкой плоской стороне. В некоторых случаях боковые стороны образовывались двумя сходящимися под острым углом гранями. Рабочий край топора несколько округлый; часто его лезвие зашлифовано с одной или с двух сторон.

О распространении тесловидных топоров описанного типа трудно что-либо сказать, так как памятников периода ранней бронзы в лесной полосе Западной Сибири мы почти совсем не знаем.

На востоке, в Прибайкалье, где хорошо изучена глазковская культура эпохи ранней бронзы, мы имеем топоры и тесла с четырехугольным поперечным сечением, широкие грани которых обычно плоские или несколько выпуклые, а боковые всегда перпендикулярны к широким граням. В Прибайкалье нет ни топоров, ни тесел, у которых широкие зашлифованные стороны были бы трехгранными. К западу от Томска как будто встречаются формы топоров с тремя гранями на широких сторонах. Так, в Балановском могильнике найден каменный топор с трехгранной шлифовкой широких сторон [1]. Отсутствие археологических материалов эпохи ранней бронзы лесной полосы Западной Сибири не позволяет делать какие-либо выводы о распространении топоров описанного типа. Можно лишь предположить, что они имели более широкое распространение и не на восток от Томска, а на запад.

Не меньшее значение в быту жителя леса, охотника-рыболова имел и каменный нож. Разделка рыбы и туш убитых животных и всевозможные другие работы, несомненно, требовали применения тонкого режущего орудия в виде ножа. В могильнике обнаружено большое количество ножей. По внешнему виду их можно разделить на две группы — широкие и узкие. Широкие ножи имеют вид довольно тонкой пластинки лавролистной формы. Рабочий край — острый, тщательно обработанный тонкой отжимной ретушью. Эти ножи в свою очередь можно подразделить на ножи с острым и ножи с округлым концом. Широкие ножи с острым концом (рис. 8, *2, 13*; рис. 14, *1—5, 10*) имеют обломанный конец, противоположный острому, или найдены в еще более мелких обломках. Среди них имеется нож (рис. 8, *13*) асимметричной формы; такой нож, возможно, как предполагает С. А. Семенов, был наиболее удобен для потрошения рыбы [1]. Широкие ножи с округлым концом (рис. 14, *6—9*), несколько более узкие, чем широкие ножи с острым концом, имеют также тонкий и острый рабочий край, отретушированный отжимной ретушью. Один конец ножа обычно округлен в виде острой лопаточки, противоположный ему конец несколько утолщен.

Узкие ножи изготовлены, повидимому, из тонких, удлиненных отщепов или призматических пластинок (рис. 14, *11, 12, 13*). Такие пластинки с острым краем вполне могли служить ножами. Иногда края их обрабатывались дополнительно тонкой ретушью (рис. 14, *20*).

В могильнике найдены также скребла (рис. 13, *8, 11*) удлиненной, треугольной или близкой к овалу формы. По краям, но не на всем протяжении, они ретушированы. Подобные скребла найдены в Прибайкалье, в погребениях исаковской культуры эпохи неолита.

Своеобразны найденные в исследуемом могильнике вкладышевые ножевидные лезвия (рис. 8, *8, 18*). В Прибайкалье среди предметов эпохи неолита и ранней бронзы имеется большое количество полностью сохранившихся костяных орудий с кремневыми вкладышами, но там вкладыши обработаны ретушью, в Томском же могильнике вкладыши хорошо, до блеска, отшлифованы. На одном вкладыше (рис. 8, *8*), на границе лезвия и той части, которая вставлялась в обойму, сделан ровный надпил. К числу подобных каменных вкладышей, по всей вероятности, надо отнести орудия, изображенные под № 8 и 9 на рис. 34 в статье В. Н. Чернецова,

[1] М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, XVI, 1947, рис. 40, *10*.

[1] С. А. Семенов. Следы употребления на неолитических орудиях. МИА, вып. 2, 1941 стр. 203.

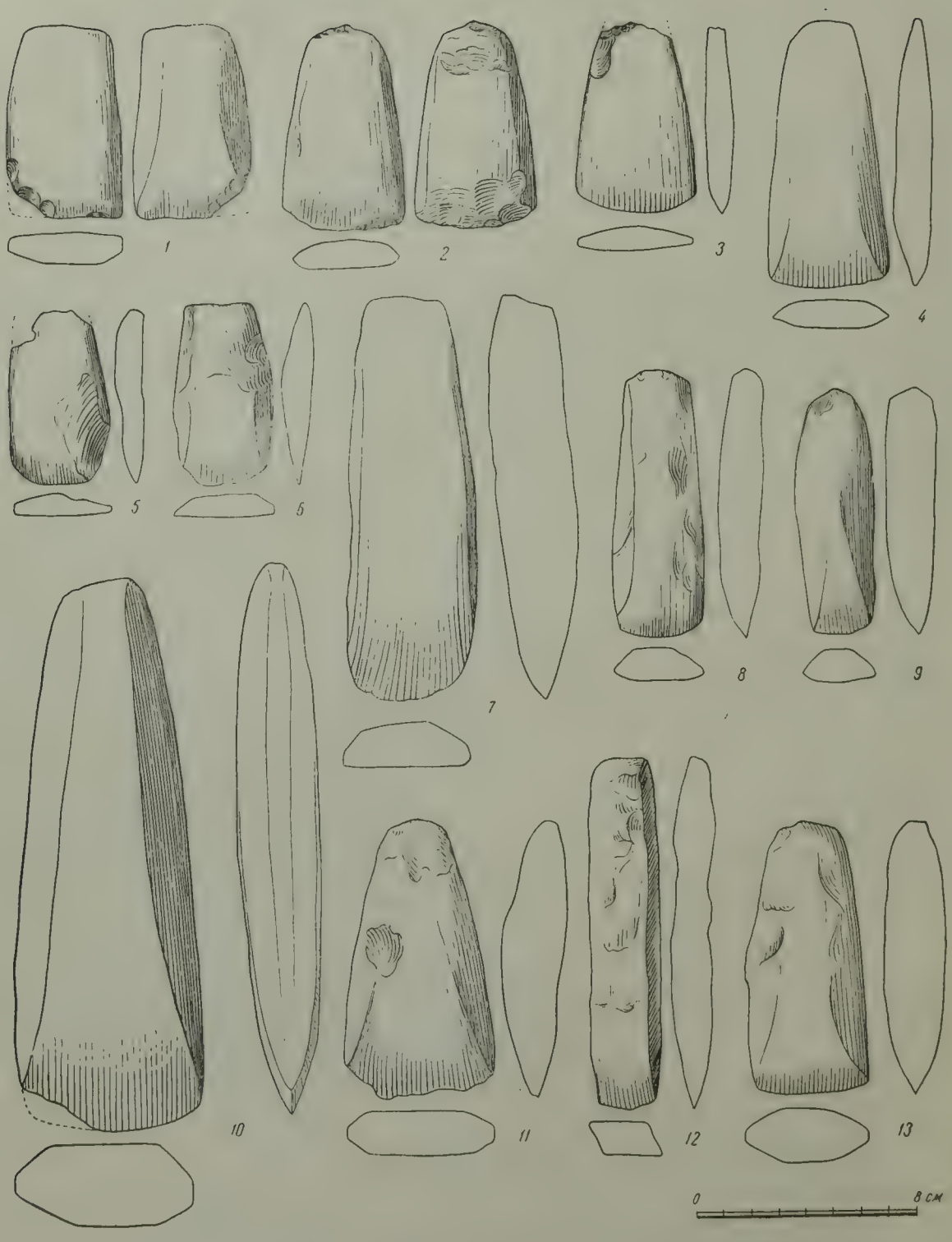


Рис. 12. *1—13* — тесловидные топоры из погребений эпохи бронзы на Малом мысу.

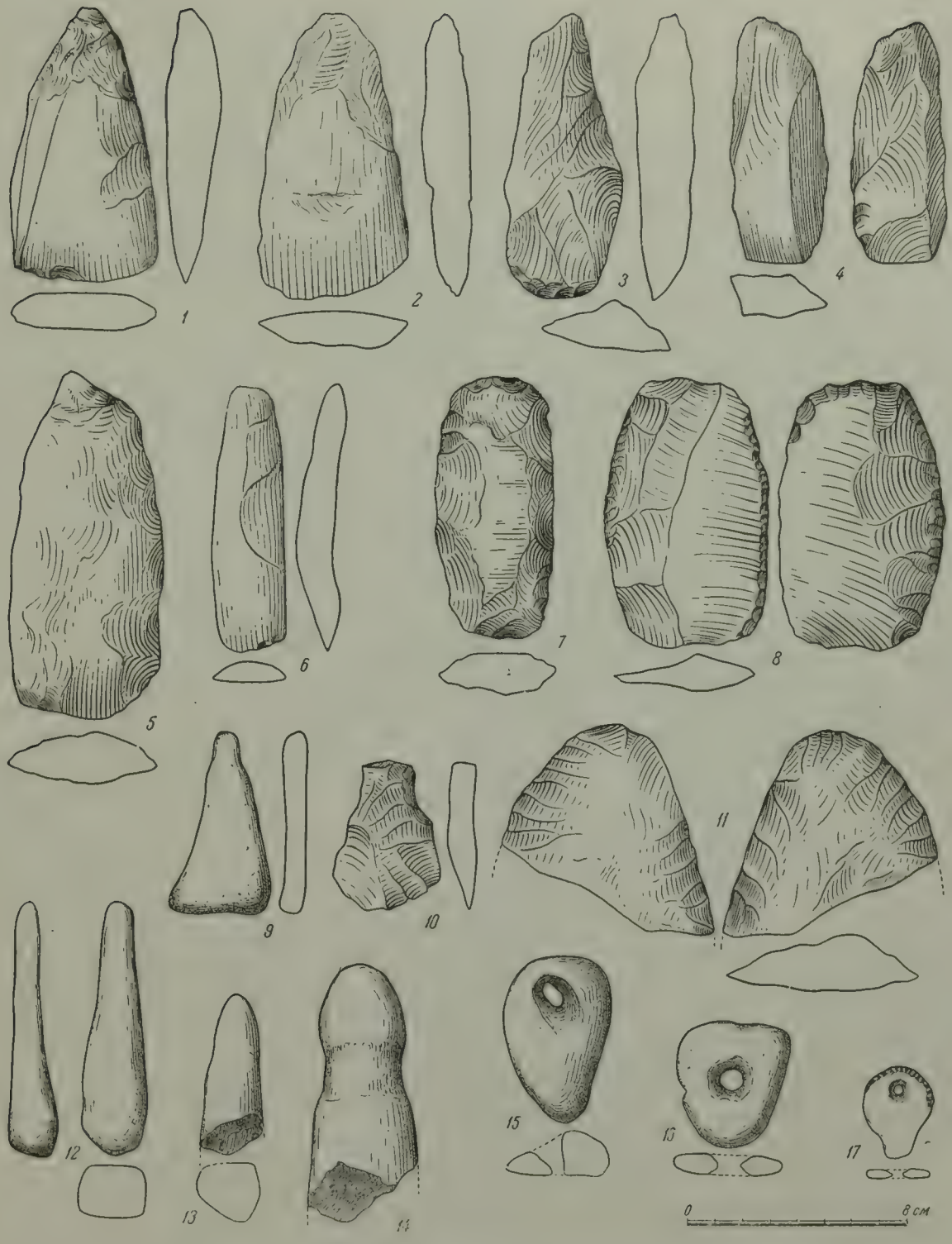


Рис. 13. *1—17* — каменные орудия из погребений эпохи бронзы на Малом мысу.

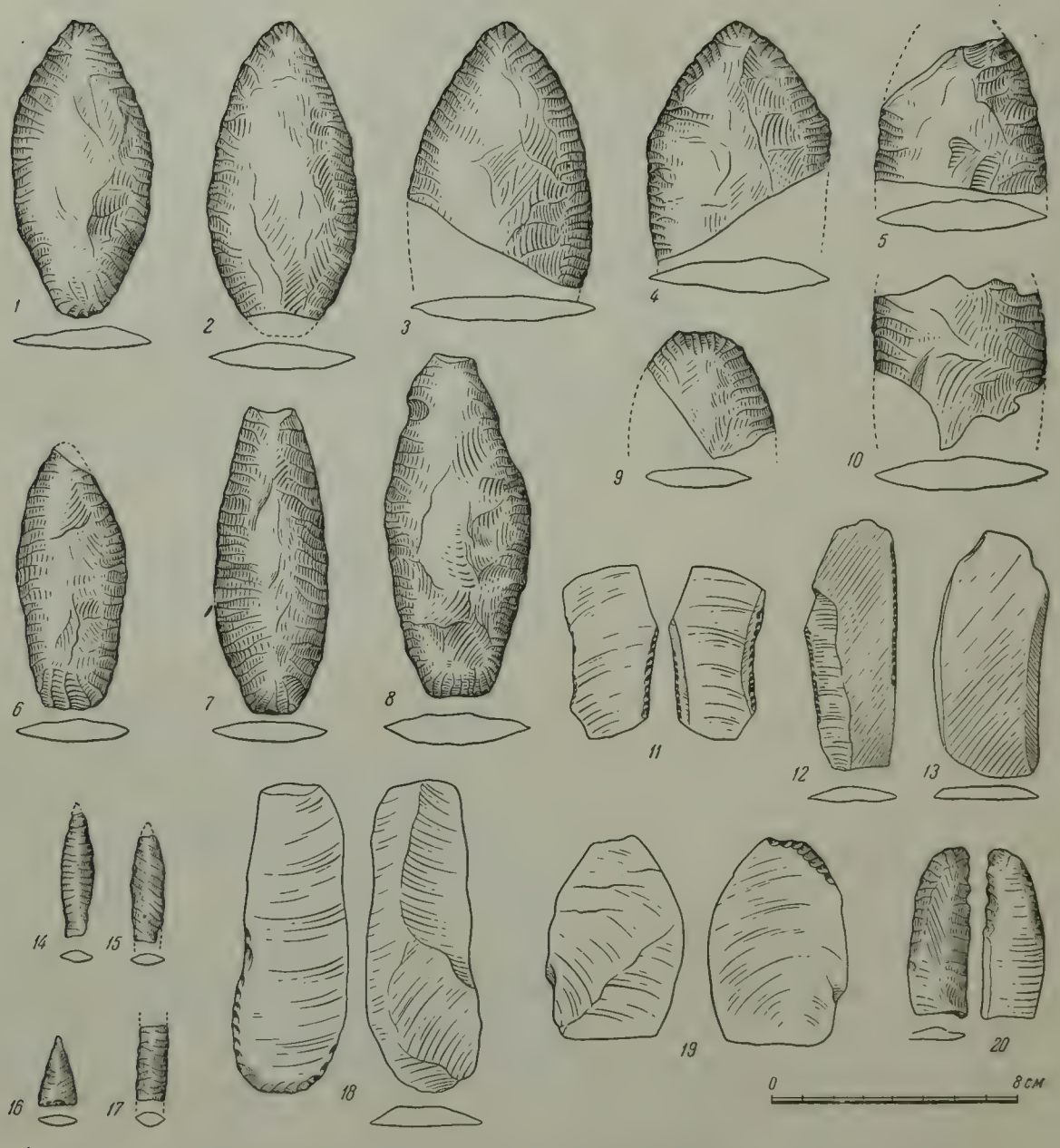


Рис. 14. *1—20* — каменные орудия из погребений эпохи бронзы на Малом мысу.

найденные на стоянке близ ст. Екатерининской [1]. Повидимому, все каменные орудия, изображенные Чернецовым на этом рисунке, относятся к эпохе ранней бронзы. Нож же, датируемый им временем карасукской культуры, следует отнести к началу тагарской культуры или майэмирского этапа на Алтае.

Каменные наконечники стрел, найденные в количестве четырех экземпляров, разнообразны по форме. Все четыре поломаны, поэтому точно определить их форму трудно (рис. 14, *14—17*). Все они тонко ретушированы с обеих сторон.

Непонятно назначение найденных в могильнике трех естественных плоских галек с просверленным или пробитым отверстием (рис. 13, *15—17*). Край одной из них подретуширован. Возможно, что они служили подвесками или амулетами. Подобная подвеска, но шлифованная, с отверстием в середине и с ретушью по краю, найдена Чернецовым на стоянке Сартынья I (Нижнее Приобье) [2].

Из числа других каменных орудий следует отметить обработанные кремневые пластинки (рис. 14, *18, 19*), острые края которых могли служить режущими лезвиями, разнообразные плитки из песчаника (рис. 13, *9*), иногда несколько подшлифованные, целые естественные гальки и обломок одной из них (рис. 13, *12, 13*). Тонкий конец одной гальки заполирован, вероятно, при работе. Отметим еще обломок, возможно, каменного пестика (рис. 13, *14*), в верхней части которого выбит широкий опоясывающий его желобок.

Наличие в погребениях такого большого количества разнообразных каменных орудий указывает на то, что население, оставившее этот могильник, широко ими пользовалось.

Однако, несмотря на обилие каменных орудий, могильник принадлежит уже целиком к эпохе бронзы. Это станет более ясным, если вспомнить, что рядом с ним находился другой могильник эпохи развитого неолита, резко отличающийся по всем своим признакам от могильника на Малом мысу. Различия эти, несомненно, хронологического порядка. В погребениях эпохи неолита наблюдалось трупосожжение, в погребениях эпохи бронзы — трупоположение. Если население эпохи неолита считало необходимым снабдить умерших только оружием, то население эпохи бронзы клало с покойниками не только оружие, но и большое количество бытовых предметов в виде разных ножей, скребков, орудий с вкладышами и разнообразных плиток и пластин. Такое различие в погребальном инвентаре указывает на различие представлений о загробной жизни, на изменение религиозных представлений населения, явившееся следствием изменений их общественно-экономического уклада.

Погребения Малого мыса характеризуют собой, таким образом, более позднюю, по сравнению со временем существования могильника на Большом мысу, эпоху, новую ступень общественного развития населения, жившего по р. Томи,—патриархально-родовой строй. В этом отношении чрезвычайно интересно установленное нами выше наличие оград на могилах и расположение этих оград тесными группами. В ряде районов Сибири можно наблюдать, что со становлением патриархального рода и, следовательно, патриархальной семьи, в эпоху развитой бронзы появляются семейные кладбища. Так, в Минусинских степях в Окуневском улусе в могильнике раннеандроновского времени всех членов патриархальной семьи хоронят под одной насыпью. Могилы расположены тесной группой [1].

В улусе Орак Г. П. Сосновский исследовал такие же семейные кладбища позднеандроновского и карасукского времени. Каждая могила имела каменную оградку, и оградки эти, примыкая друг к другу, образовывали единую, сложную в плане, как бы многоклеточную группу. План одной такой группы оградок карасукского времени опубликован С. А. Теплоуховым [2]. Здесь мы публикуем план аналогичных оградок андроновского времени из окрестностей оз. Борового в Казахстане (рис. 15).

Приведенные аналогии позволяют считать культуру населения, оставившего Томский могильник на Малом мысу, одновременной культурам андроновской и карасукской в степных районах Сибири и глазковской культуре в Прибайкалье.

Хотя могильник на Малом мысу и содержит вещи, характерные для карасукской культуры (зеркала и бляшки с петелькой на обратной стороне), считать его полностью синхронным памятникам времени карасукской культуры не представляется возможным. Предметы, аналогичные памятникам времени андроновской культуры, преобладают, что заставляет определить время рассматриваемого могильника как андроновско-карасукское.

Такая датировка подтверждается исследованием керамики из могильника на Малом мысу.

При раскопках погребений Томского могильника эпохи бронзы найдено девять сосудов. Четыре из них (рис. 16, *2, 3, 6, 7*) имеют этикетку с указанием на происхождение их с Малого мыса, место нахождения остальных (рис. 16, *1, 4, 5, 8, 9*) неизвестно. Несомненно, однако, что и сосуды без этикеток не из неолитических погребений Большого мыса. Они отличаются от неолитических и формой и

---

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 85.

[2] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, 1941, стр. 18 и рис. 9 на стр. 20.

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947, стр. 47—60.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 92.

орнаментом. Так как Адрианов копал Томский могильник только в двух пунктах — на Большом и Малом мысах, то следует считать эти сосуды происходящими также из погребений Малого мыса. Об этом свидетельствует и положение сосудов в могилах: в дневнике А. В. Адрианова указано, что в погребениях Малого мыса сосуд ставился в головах или в ногах погребенного, иногда в могиле встречалось по два сосуда.

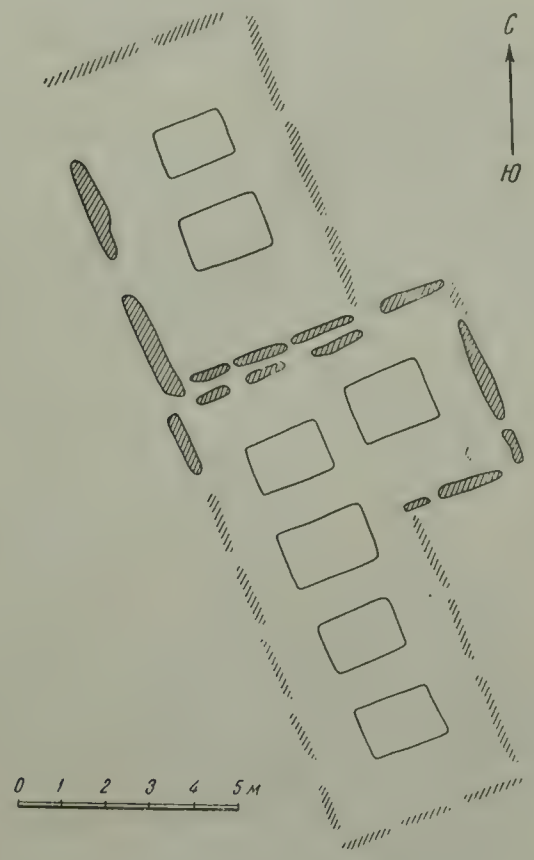


Рис. 15. План могильника андроновской культуры близ оз. Боровое в Казахстане.

По составу глиняного теста и цвету сосуды, найденные на Малом мысу, не отличаются от сосудов эпохи неолита, происходящих из погребений на Большом мысу. Различия касаются формы сосудов и их орнамента. Техника керамического производства эпохи бронзы более совершенна: бросается в глаза тщательность изготовления сосудов различных размеров, правильность и многообразие их форм. При этом, однако, орнаментика сосудов весьма однообразна и груба. Все сосуды, иногда с очень тонкими стенками, имеют широкое хорошо выраженное плоское дно.

По форме их можно разделить на три группы, соответствующие, повидимому, их хозяйственному назначению.

Первую группу составляют сосудики баночной формы со слабо выпуклыми или прямыми стенками. Венчик не выражен. Дно относительно широкое. Орнамент состоит из горизонтально расположенных рядов ямок, треугольных или продолговатых вертикальных вдавлений (рис. 16, *1, 2, 3, 6, 7*). Не только по форме, но и по характеру орнамента они очень близки к сосудам ранней андроновской культуры из Окуневского улуса в Минусинском крае[1]. Керамика времени андроновской культуры повсеместно представлена тремя вариантами — горшками, сосудами баночной формы и блюдами. Горшки имеют четко выведенное дно, с подчеркнутыми краями и хорошо выраженным венчиком, выпуклые и, как правило, пышно украшенные орнаментом в верхней половине сосуда бока. Сосуды баночной формы имеют широкое дно, но не подчеркнутое по краям. Венчик не выражен, бока прямые или слабо выпуклые. Орнамент покрывает большую часть сосуда, иногда всю его боковую поверхность. Он состоит из елочки, оттиснутой зубчатым штампом, горизонтальных, прямых и зигзагообразных линий или других, очень простых рисунков. Большой сосуд из раскопок на Малом мысу, емкостью около 2000 куб. см (рис. 16, *1*), принадлежит именно к этому типу. Такие сосуды встречались в погребениях андроновской культуры и в Минусинском крае, и на р. Оби, и в других местах Сибири и Казахстана. Маленькие сосудики, происходящие из погребений на Малом мысу (рис. 16, *2, 3, 6, 7*), имеют ту же форму, но очень незначительны по емкости (90, 190, 220 и 460 куб. см). Один из этих сосудиков (рис. 16, *7*) имеет на дне посредине круглое отверстие, сделанное до обжига. Вторую группу сосудов из погребений на Малом мысу составляют горшки (рис. 16, *5, 8, 9*). По форме и по характеру орнамента они близки к горшкам степной полосы времени андроновской культуры. Они также имеют хорошо выраженное дно и венчик и выпуклые бока, что типично для горшков времени развитой поздней андроновской культуры. Емкость горшков несколько больше, чем сосудов первого типа (400, 1000, 1300 куб. см). Орнамент хотя и близок к орнаменту горшков андроновского типа, но в то же время и отличается от него. Прежде всего он покрывает всю боковую поверхность сосуда до дна, в то время как на горшках из погребений андроновской культуры орнамент занимает только верхнюю часть сосуда. Отдельные элементы орнамента — круглые плоские ямки по краю венчика (рис. 16, *5*), сетка, оттиснутая зубчатым штампом (рис. 16, *8*) или ряды треугольных вдавлений (рис. 16, *8, 7*) — не характерны для горшков степной полосы времени андроновской культуры. Третья группа сосудов из погребений Малого мыса представлена только одним экземпляром.

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА. IX, 1947, стр. 47.

Рис. 16. Глиняная посуда из погребений эпохи бронзы на Малом мысу.

Это — фрагмент четырехугольного плоского сосуда с ручкой в виде небольшого выступа на углу (рис. 16, *4*). Он совершенно подобен блюдам с ручками из андроновских погребений [1]. Орнамент его в виде треугольников, оттиснутых мелким зубчатым штампом, является характерно-андроновским.

Таким образом, и керамический материал могильника на Малом мысу свидетельствует об его синхронности памятникам андроновской культуры в степях. Он относится к своеобразной и самобытной культуре, сложившейся в условиях лесной области и унаследовавшей в орнаментации посуды некоторые традиции местного неолита, которые были осложнены новыми элементами орнамента (например, сеткой, оттиснутой зубчатым штампом, распространенной затем на Томи и в карасукское время) [2].

IV. ПОГРЕБЕНИЯ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Третий могильник, представленный наибольшим числом вскрытых могил, относится к большереченской культуре (VII—VI вв.). Он раскопан А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым на Большом мысу на месте могильника неолитической эпохи. А. В. Адрианов раскопал западную, бо́льшую часть могильника, открыв на ней не менее 32 погребений. С. К. Кузнецов исследовал восточную часть, вскрыв 15 погребений.

Погребения, которые удалось выявить по отчетам Адрианова, обозначены мною номерами с 9-го по 41-й (рис. 3). Вот краткое их описание.

Могила 9 (кв. 59). Погребение находилось на глубине 60 см на краю обрыва с оползающей землей. На месте лежала височная кость с приставшей к ней серьгой из бронзовой проволоки. Около височной кости находились зубы и остатки разрушившихся костей. Ближе к обрыву, в оползающей земле, лежала остальная часть черепа. К с.-с.-в., приблизительно в 40 см от височной кости, обнаружен бронзовый нож (рис. 17, *19*). Судя по остаткам, погребение было ориентировано по линии ю.-ю.-з. — с.-с.-в., головой на ю.-ю.-з.

Могила 10 (кв. 53 и 54). На глубине 50—65 см найден кусок черепа и в нескольких сантиметрах к северу от него — ряд зубов. В уцелевшей части височной кости находилась полуразрушенная бронзовая серьга из проволоки, согнутая в два оборота. Приблизительно в 60—70 см к с.-с.-в. от черепа, в поперечном к нему положении лежали две трубчатые кости (бедренные). Судя по остаткам костей, можно полагать, что скелет лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на ю.-ю.-з.

Могила 11 (кв. 52). На глубине 70 см была найдена бедренная кость, направленная головкой на запад. В 6 см к северу от нее лежали параллельно еще две кости, повидимому, большие берцовые. Судя по положению этих костей, скелет лежал на правом боку, с согнутыми в коленях ногами. В 20—30 см к югу от бедренной кости находился бронзовый нож (рис. 17, *1*). Остатков черепа не сохранилось, возможно, что он обвалился с землей в овраг, так как, судя по положению скелета, череп должен был находиться южнее, в месте обвала земли.

Могила 12 (кв. 45). Погребение, явно не нарушенное, находилось на глубине 60—80 см. Кости сохранились довольно хорошо. В этом погребении положение скелета устанавливается совершенно достоверно (рис. 18). Он лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-ю.-з. У самого лица покойника положен бронзовый нож (рис. 18, *7*). У пояса — бронзовое зеркало (рис. 18, *1*; рис. 17, *4*) «с деревянным гребешком, от которого сохранились только зубцы». Здесь же у пояса лежала бронзовая фигурка животного (рис. 18, *2*; рис. 17, *2*), около нее — бронзовая пластинка (рис. 18, *6*). Около стопы обнаружена еще одна бронзовая пластинка (рис. 18, *5*). В ногах находились черепки маленького глиняного сосудика (рис. 18, *4*) и в 10 см от них — большая глиняная бусина (рис. 17, *3*), орнаментированная оттисками зубчатого штампа.

Могила 13 (кв. 46). Погребение находилось на глубине 46—50 см. Судя по остаткам костей, скелет лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-ю.-з. (рис. 18). Около самого лица скелета найдена бронзовая пластинка (рис. 18, *8*). На кости руки надет бронзовый браслет (рис. 18, *9*; рис. 17, *5*). Около браслета лежало бронзовое зеркало (рис. 18, *10*; рис. 17, *6*).

Могила 14 (кв. 39). Погребение обнаружено на глубине 50—60 см. Около височной кости найден бронзовый нож. Сохранились бедренные кости, к одной из которых примыкала тазовая кость. По положению костей ног можно судить, что, в отличие от всех остальных подобных погребений, этот костяк лежал на левом боку, но также с подогнутыми ногами.

Могила 15 (кв. 39, 40, 46 и 47). На глубине 45 см найдены остатки черепа, под ними, на 10 см глубже, лежал большой обломок сосуда; подобные ему обломки на той же глубине встречены в большом количестве в пределах этой же могилы. Примерно в 80 см к с.-с.-в. от черепа, на несколько большей глубине (57 см), находились три бронзовых предмета: нож (рис. 17, *11*), обломок браслета и пластинка.

---

[1] К. В. Сальников. Андроновский могильник у с. Федоровки. МИА, вып. 1, 1940, стр. 63, рис. 4, *12*.

[2] Басандайка. Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. «Труды Томского государственного университета», т. 98, 1947, табл. 16, рис. 126, 218; табл. 23, рис. 216, 360.

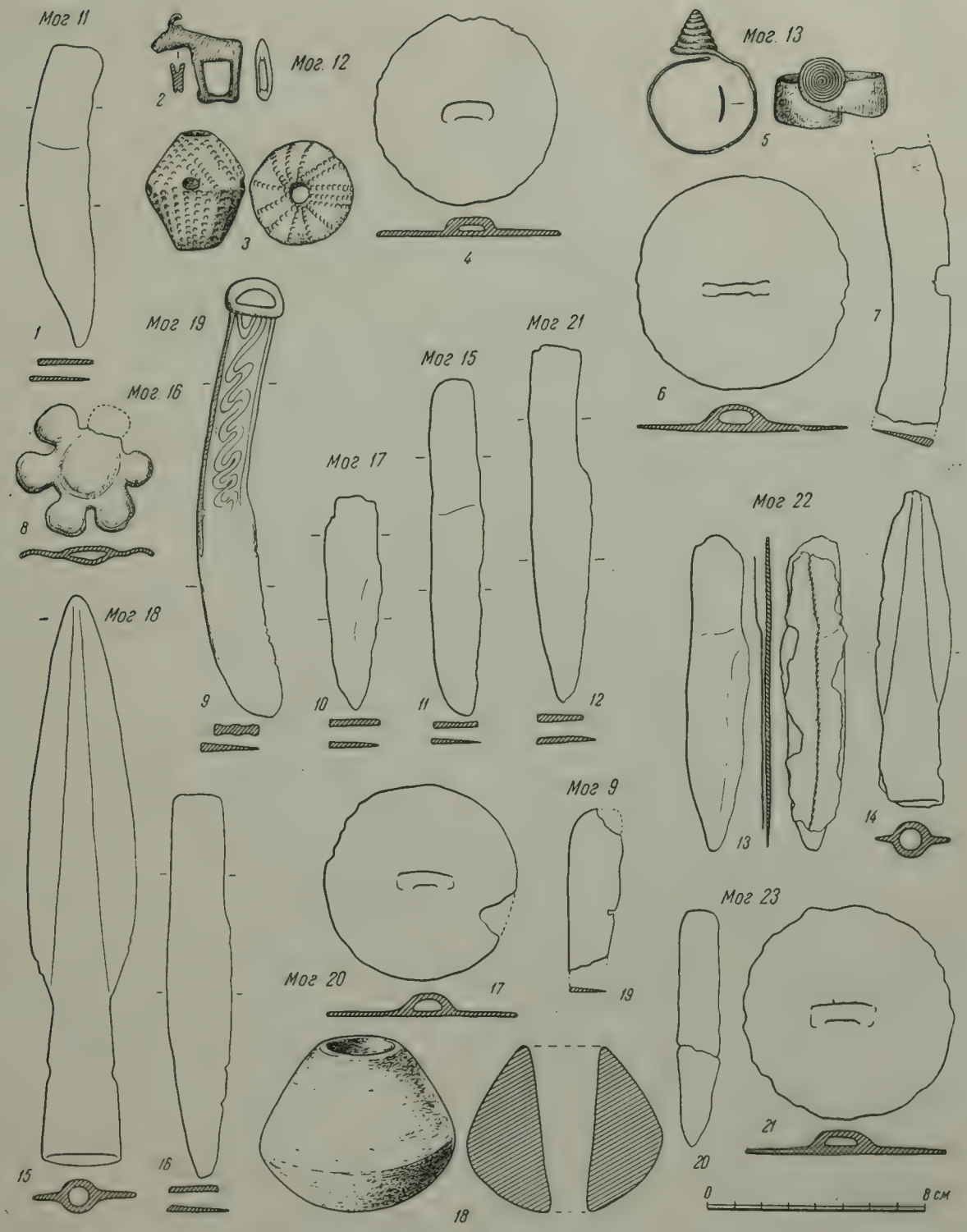


Рис. 17. Предметы из погребений большереченской культуры на Большом мысу. Раскопки А. В. Адрианова.

3 — глина; *13* — камень; остальные — бронза

Могила 16 (кв. 41, 42, 48 и 49). На глубине 67 см находилась ключица и две серьги из спирально изогнутой бронзовой проволоки. Приблизительно в 30 см к востоку от серег лежали на глубине 77 см зеркало и бляшка в виде звездочки (рис. 17, *8*). К с.-з. на глубине 85 см обнаружены две трубчатые кости под углом друг к другу,— повидимому, бедренная и берцовая. На глубине 50 см, т. е. на

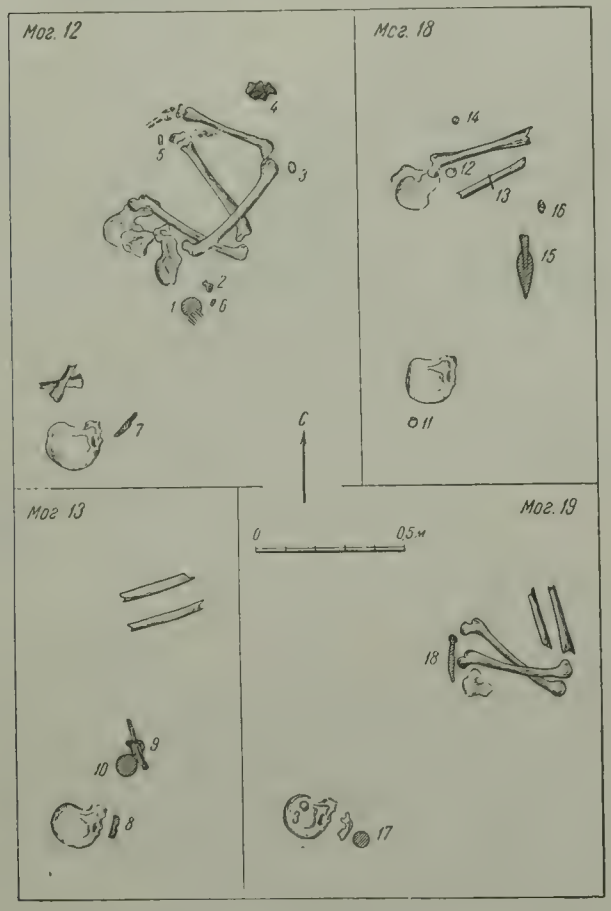


Рис. 18. Планы погребений большереченской культуры на Большом мысу (могилы 12, 13, 18, 19). Раскопки А. В. Адрианова.

1 — зеркало, *2* — фигурка животного, *3* — бусина, *4* — черепки сосуда, *5, 6, 8* — пластинки, *7, 18* — нож, *9* — браслет, *10* — зеркало, *11* — серьга, *12* — кольцо, *13* — игла, *14* — пуговица, *15* — наконечник копья, *16* — галька, *17* — зеркало (*3, 4* — глина, остальные — бронза)

20—35 см выше остальных находок, торчал обломок каменного наконечника копья (рис. 6, *7*). Адрианов указывает, что это погребение находилось в горизонте твердого желтого песка, в котором обычно встречались погребения с каменными орудиями, и отмечает также, что здесь же встретились кусочки кальцинированных костей. Таким образом, находку наконечника копья можно объяснить тем, что погребение 16 врезалось в более древнее погребение с каменными орудиями и разрушило его.

Могила 17 (кв. 40 и 41). Погребение было обнаружено на глубине 50—60 см. Сохранились остатки черепа. В 30—35 см к востоку от него была найдена бронзовая пуговица и в 50—60 см к с.-с.-в., на глубине 60 см — два бронзовых ножа «с остатками деревянных пластинок на черенках». Один из описанных Адриановым ножей (рис. 17, *10*) удалось отождествить с находящимся в музее. Погребение ориентировано по линии ю.-ю.-з.— с.-с.-в., головой на ю.-ю.-з.

Могила 18 (кв. 37, 38 и 30). На самом краю обрыва, под камнем, был найден раздавленный череп. Около него в оползающей земле лежала бронзовая серьга из проволоки (рис. 18, *11*). В 60—65 см к северу от затылочного отверстия черепа находились тазовые кости с примыкающими к ним бедренными костями. Судя по их положению, скелет лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на юг (рис. 18). Между бедренными костями обнаружено бронзовое кольцо (рис. 18, *12*); на одной из костей лежали бронзовая игла (рис. 18, *13*) и сердоликовый камешек. Несколько дальше к северу найдена бронзовая пуговица (рис. 18, *14*). Перед скелетом, между бедренными костями и черепом, находился бронзовый наконечник копья (рис. 18, *15*; рис. 17, *15*) и просверленная на одном конце галька (рис. 18, *16*). Череп и наконечник копья обнаружены на глубине 50 см, кости ног с лежащими около них предметами — на глубине 70—75 см.

Могила 19 (кв. 22). Скелет лежал на глубине 50—60 см на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-з. (рис. 18). Перед лицом находилось бронзовое зеркало (рис. 18, *17*); около тазовых костей — бронзовый нож (рис. 18, *18*; рис. 17, *9*) с остатками дерева от ножен. По обеим сторонам черепа, около ушных отверстий, сохранились на своих местах серьги из бронзовой проволоки.

Могила 20 (кв. 22 и 15). На глубине 40—55 см обнаружен раздавленный череп, лежавший на правом боку, теменем на ю.-ю.-з. (рис. 19). Перед ним находилось бронзовое зеркало (рис. 19, *1*; рис. 17, *17*) и «кусок кости». Там, где должны были быть тазовые кости, лежала каменная булава (рис. 19, *2*; рис. 17, *18*). Недалеко от нее, по направлению на с.-с.-в., найдены бронзовый нож (рис. 18, *3*; рис. 17, *16*) и бронзовая пластинка (рис. 19, *4*).

Могила 21 (кв. 23). Обломок черепа, в том числе зубы и височная кость, обнаружены на глубине 25—30 см. На височной кости лежала проволочная бронзовая серьга. Около разрушенных костей найден обломок какого-то бронзового орудия. Севернее, на глубине 40 см, лежала трубчатая кость ноги. Около нее находился бронзовый нож (рис. 17, *12*). Судя по положению костей, скелет лежал на боку, с подогнутыми ногами, головой на юг.

Могила 22 (кв. 14, 15 и 21). На глубине 56 см лежали остатки двух трубчатых костей

(рис. 19). В 10—30 см к югу от них находились бронзовый наконечник копья (рис. 19, *5*; рис. 17, *14*) и бронзовый нож (рис. 19, *6*; рис. 17; *13*). На ноже сохранились остатки кожаных ножен и «веревочки», на наконечнике копья — «остатки кожаных ножен».

Могила 23 (кв. 14). На глубине 40 см лежали остатки истлевших костей; между ними найдены бронзовый нож (рис. 17, *20*) и бронзовое зеркало (рис. 17, *21*).

Могила 24 (кв. 16). На глубине 40 см обнаружены остатки трубчатых костей, возможно, рук. В 30 см на север от них, на той же глубине, лежали параллельно еще две трубчатые кости, вероятно, бедренные (рис. 19). Около бедренных костей на глубине 55 см найдена медная пуговица (рис. 19, *7*; рис. 20, *4*). Там, где должен был находиться череп, обнаружена бронзовая проволочная серьга (рис. 19, *8*) и около нее — бронзовый нож (рис. 19, *9*; рис. 20, *3*). Судя по положению костей, скелет лежал на боку, с подогнутыми ногами, головой на юг.

Могила 25 (кв. 2 и 3). На глубине 60 см обнаружена куча остатков истлевших костей, дерева, «ткани плетеной» и бронзовых вещей, все «на пространстве в 35 см». Из костей можно было определить нижнюю челюсть и коронки зубов. На бересте лежала скомканная ткань. Поверх ткани найдены «бронзовые пряжки разной величины и формы» (рис. 20, *19*) и четыре конические бронзовые подвески (рис. 20, *15—18*) с остатками плетеного шнурка. Все это находилось под нижней челюстью. Рядом, с восточной стороны, стоял небольшой глиняный сосуд в 10 см вышиной. Севернее лежало бронзовое зеркало. «К петельке его двумя узелками был привязан ремешок, прихватывавший ткань, поверх которой лежала пластинка бересты». Других костей не обнаружено.

Могила 26 (кв. VII, VIII, XIII и XIV). Погребение обнаружено на глубине 75—85 см. От скелета сохранились остатки двух трубчатых костей, лежавших параллельно с запада на восток. Недалеко от них найден бронзовый нож (рис. 20, *7*). К с.-з. от костей, повидимому, в ногах покойника, на глубине 90 см находился глиняный сосуд средних размеров. Недалеко от сосуда, к западу от него, найдена глиняная бусина.

Могила 27 (кв. XXX и XIX). На глубине 100 см обнаружена куча истлевших костей, среди которых, около части черепного свода и кусков височной кости, лежали бронзовые серьги и пластинка, а в другом месте — «остатки блока и бабка какого-то животного» и бронзовый нож.

Могила 28 (кв. 9 и 10). На глубине 22 см находилось бронзовое кольцо в $1^1/_2$—2 оборота. На глубине 56—75 см найдены остатки бедренной и двух берцовых костей (рис. 19). Около бедренной кости лежал бронзовый кинжал (рис. 19, *10*, рис. 20, *2*) с остатками ткани и бересты. Около кинжала встречен бронзовый литой предмет неизвестного назначения, похожий на коромысло (рис. 19, *11*, рис. 20, *1*) с остатками веревочки. Этот предмет ближе всего к аналогичным карасукским из минусинской котловины и вместе с ними весьма сходен с погребальными изображениями упряжных черезседельных дуг колесниц из шан-иньских и чжоусских погребений

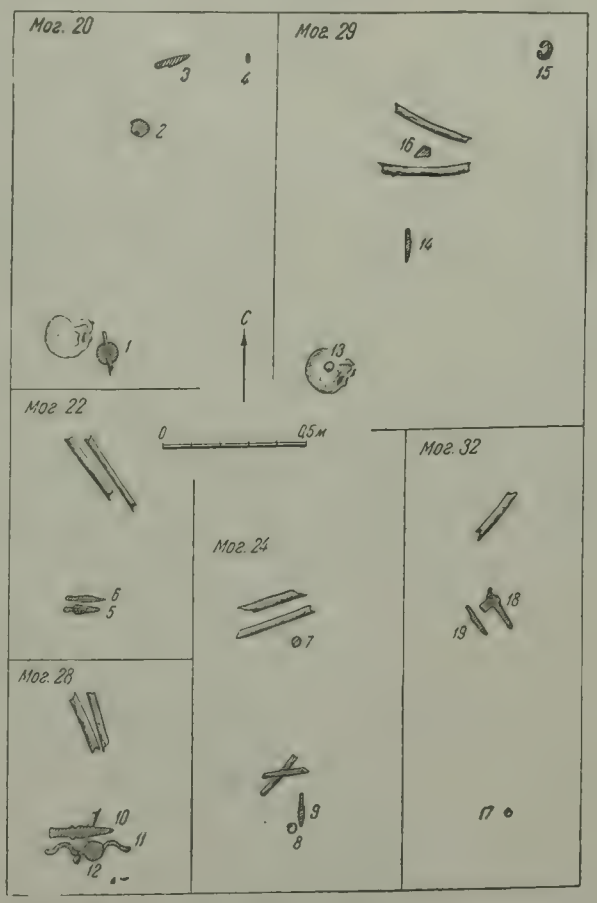


Рис. 19. Планы погребений большереченской культуры на Большом мысу (могилы 20, 22, 24, 28, 29, 32). Раскопки А. В. Адрианова.

1, 12 — зеркало, *2* — булава, *3, 6, 9, 14, 19* — ножи, *4, 15* — пластинки, *5* — наконечник копья, *7* — пуговица, *8, 13, 17* — серьги, *10* — кинжал, *11* — предмет неизвестного назначения, *16* — черенок, *18* — клевец (*2* — камень, *7* — медь, *16* — глина, остальные — бронза)

Китая [1]. Над этими вещами лежало бронзовое зеркало (рис. 19, *12*).

Могила 29 (кв. 22, 23, 32 и 31). Погребение обнаружено на глубине 60 см. Судя по расположению остатков черепа и двух трубчатых костей ног, скелет лежал на боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-з. (рис. 19).

[1] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири. М. 1951, стр. 161.

Возле височной кости оказалась проволочная серьга (рис. 19, *13*). Повидимому, в области живота лежал бронзовый нож (рис. 19, *14*; рис. 20, *6*). В ногах найден браслет из толстой бронзовой пластинки (рис. 19, *15*; рис. 20, *5*). Между костями ног обнаружен черный глиняный черепок (рис. 19, *16*).

Могила 30 (кв. 40 и 32). На глубине 80 см лежали остатки черепа и в 60 см к северу от них, на глубине 55 см — бронзовый нож (рис. 20, *20*) с хорошо сохранившимися пластинками дерева на рукоятке, «обвязанные в несколько оборотов бичевкой». Не вполне понятна разница в глубине залегания остатков черепа и ножа.

Могила 31 (кв. 1 и 2). На глубине 50 см найдены две бронзовые проволочные серьги. К востоку от них лежало бронзовое зеркало и в 25—30 см к северу — бронзовый нож (рис. 20, *12*) Остатков костей не обнаружено.

Могила 32 (кв. 41 и 42). Погребение встречено на глубине 50 см. От скелета сохранился лишь кусок трубчатой кости ноги (рис. 19). К югу от него, там, где должен был находиться череп, лежала бронзовая проволочная серьга (рис. 19, *17*), а где мог находиться пояс — бронзовые клевец (рис. 19, *18*; рис. 20, *22*) и нож (рис. 19, *19*; рис. 20, *23*).

Могила 33 (кв. 21 и 14). Погребение обнаружено на глубине 60 см. Костей не сохранилось, отмечены лишь бурые пятна земли. Здесь лежал бронзовый нож (рис. 20, *13*), «под ним сохранились остатки ножен и черешка, который обволакивала береста». Недалеко от ножа найдены цилиндрические белопастовые бусы (рис. 20, *14*).

Могила 34 (кв. 21). Погребение обнаружено на глубине 55 см. Сохранились остатки двух трубчатых костей ног и в полуметре к югу от них — бронзовый нож (рис. 20, *21*).

Могила 35 (кв. 30). На глубине 125 см найдены одна за другой 5 выпуклых бронзовых бляшек. Рядом с одной из них лежали, веерообразно развернутые, четыре бронзовые ланцетовидные пластинки (рис. 20, *8—10*), державшиеся, вероятно, на одном стержне. Остатков скелета не обнаружено.

Могила 36 (кв. 32). На глубине 55 см был найден череп, лежавший на правом виске, теменем обращенный на юг. Других костей не обнаружено. На височной кости лежали обломки бронзовой серьги. В 15—20 см на восток от черепа находился небольшой разрушенный горшок.

Могила 37 (кв. 31). Погребение обнаружено на глубине 60 см. От скелета сохранились остатки двух трубчатых костей ног, лежавших параллельно по направлению с запада на восток. В 20 см к югу от них найден бронзовый нож (рис. 20, *11*). Можно полагать, что скелет лежал на боку, с подогнутыми ногами, головой на юг или ю.-з.

Могила 38 (кв. 11). На глубине 50 см, рядом с остатками черепа, лежал обломок бронзового зеркала. Под ним, на 12 см глубже, найден черепок. В 40 см к с.-с.-з. от этих находок лежало второе зеркало (рис. 25, *4*) с обломанной петелькой. Других остатков скелета не обнаружено.

Могила 39 (кв. 53). На глубине 70 см, рядом с обломком кости руки, лежало большое бронзовое зеркало (рис. 25, *30*) с остатками кожи и бересты на нем. В 30—40 см к с.-с.-в. от зеркала, на глубине 52 см обнаружены две лежавшие параллельно трубчатые кости ног, направленные с востока на запад. По положению костей можно заключить, что скелет лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-з.

Могила 40 (кв. 53 и 59). Погребение обнаружено на глубине 60 см. Череп лежал на правом боку, обращенный теменем на юг. К с.-в.-в. от него найдены кости ног, согнутые в колене. К ю.-з. от костей ног, вероятно, у пояса, встречен бронзовый нож, сильно поврежденный. Далее, в том же направлении — нижняя челюсть, возможно, оставшаяся на своем первоначальном месте, в то время как череп сместился, быть может, при оползании грунта к оврагу. Положение скелета в таком случае было обычным — на правом боку, головой на ю.-з.

Могила 41 (кв. 46 и 47). Погребение обнаружено на глубине 65 см; костей не сохранилось. Вероятно, в области головы погребенного найдены обломки бронзовой серьги и бронзовой же иглы и зуб какого-то животного. В 70 см к северу от них лежал бронзовый нож, вероятно, в области живота покойника.

Раскоп Кузнецова почти вплотную примыкал с запада к раскопу Адрианова и, следовательно, затрагивал продолжение могильника, вскрытого последним, но Кузнецов обнаружил в своем раскопе только погребения большереческой культуры, обозначенные им номерами с 1-го по 14-й. Погребение, содержавшее два захоронения, разрушенное с одной стороны обрывом мыса, а с другой — землянкой для нанятого Адриановым сторожа, Кузнецов оставил без номера. В следуемом ниже кратком описании это погребение обозначено литерой А.

Могила 1. Погребение обнаружено на глубине около 70 см. На дне могильной ямы сохранились следы берестяной подстилки. Скелет плохой сохранности был обращен головой на юг. Под костями найден горшочек (рис. 21, *6*). Справа от черепа лежали бронзовые чекан (рис. 21, *3*) и копье (рис. 21, *8*) с остатками деревянной рукоятки и древка. Близ левой руки найден бронзовый нож (рис. 21, *1*), у правой руки — тоже бронзовый нож (рис. 21, *2*), с обвитой камышом спирально рукояткой. В ногах скелета лежало бронзовое зеркало, тщательно завернутое в бересту

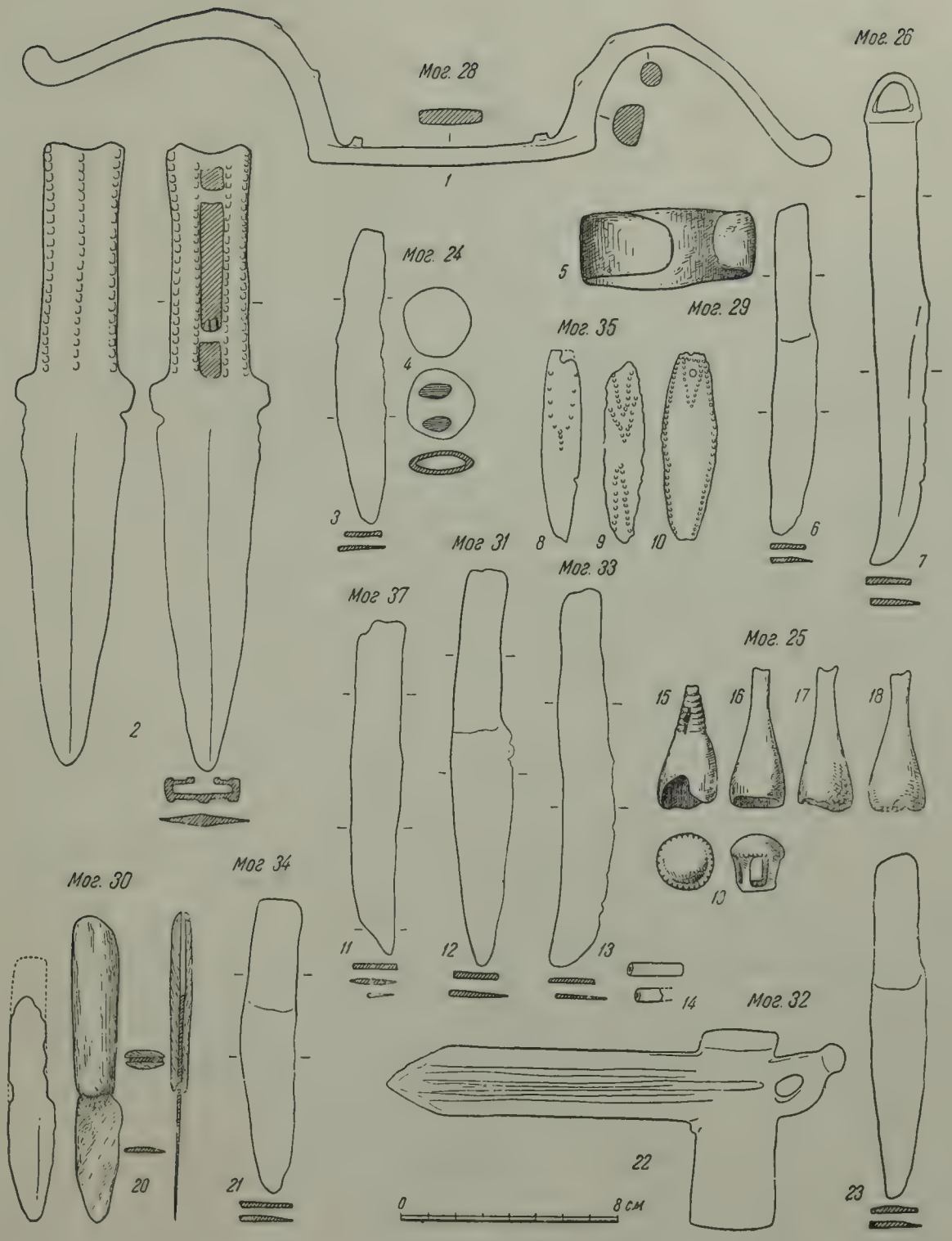


Рис. 20. Предметы из погребений большереченской культуры на Большом мысу. Раскопки А. В. Адрианова.

14 — белая паста; *20* — бронза и дерево; остальные — бронза

(рис. 21, *4*). Позади зеркала обнаружен горшочек из желтоватой глины (рис. 21, *7*).

Могила А. В могиле найдены два скелета — мужчины и женщины. Черепа обрушились в овраг, а кости ног выброшены при рытье ямы для землянки нанятого А. В. Адриановым сторожа. На руках женского скелета обнаружены два медных кольца из толстой проволоки (рис. 21, *11*, *12*). При мужском скелете около рук лежало по одному бронзовому ножу (рис. 21, *9*, *10*) с сохранившейся деревянной накладкой на рукоятке одного из них.

Могила 2. Погребение обнаружено на глубине 80 см. К западу от могилы 1, рядом с ней, найден совсем истлевший скелет, при нем — две бронзовые серьги из проволоки (рис. 21, *13*, *14*). Скелет, повидимому, был ориентирован головой на юг.

Могила 3. Могила находилась рядом с могилой 2, на глубине около 80 см. Скелет лежал, повидимому, головой на юг. При нем найдены три кольцеобразных серьги из бронзовой проволоки (рис. 21, *23—25*).

Могила 4. Могила находилась на краю обрыва, несколько западнее предыдущих. Скелет плохой сохранности был обращен головой на юг. Около костей рук найдено два бронзовых ножа (рис. 21, *18*, *19*).

Могила 5. Могила расположена дальше от края обрыва. Скелет плохой сохранности был ориентирован головой на юг. Около костей рук обнаружены два бронзовых ножа (рис. 21, *16*, *17*). Между костями ног лежала галька.

Могила 6. Могила расположена восточнее могилы 5. Скелет плохой сохранности был ориентирован головой на юг. При нем найдено бронзовое зеркало (рис. 21, *15*) с отломанной петелькой.

Могила 7. Могила, длиной 100 см и шириной 54 см, расположена на краю обрыва, западнее могилы 4, и ориентирована по линии ю.-з. — с.-з. По углам могилы находились четыре валуна, в юго-западном углу — куча пережженных костей, пепла и углей. В северо-восточной части могилы лежали три камня и между ними следующие предметы: бронзовое зеркало (рис. 22, *1*), горшочек из темной глины (рис. 22, *6*), два браслета из круглой бронзовой проволоки (рис. 22, *3*, *5*); серьга из бронзовой четырехгранной проволоки (рис. 22, *4*); ножичек бронзовый, с остатками деревянной обкладки на рукоятке, укрепленной бронзовым колечком (рис. 22, *7*); золотое колечко из четырехгранной проволоки (рис. 22, *2*).

Могила 8. Глубина могилы 81 см, длина — около 140 см. Ориентирована она с юга на север. В северной части лежала груда пепла и сожженных костей. Вещи распределены по всему дну могильной ямы. В южной части могилы находились: серьги из бронзовой проволоки (рис. 22, *14*); такая же серьга меньших размеров (рис. 22, *16*); медная полая коническая подвеска (рис. 22, *21*); обломаная выпуклая бронзовая бляшка (рис. 22, *20*). Несколько южнее найден бронзовый нож (рис. 22, *12*), между ножом и серьгами обнаружена бронзовая пряжка от пояса (рис. 22, *18*) и бронзовый крючок к ней, острый конец которого обломался при упаковке (рис. 22, *19*), точильный камень (рис. 22, *17*). На самой середине дна могильной ямы лежали две бронзовые трубочки-накосники (рис. 22, *12*). В одной из них сохранились прядь черных волос и ремешок. Несколько восточнее найдена бронзовая выпуклая пуговица (рис. 22, *15*).

Могила 9. На глубине 107 см обнаружены два скелета, лежавшие рядом, головами на юг. При каждом из них найдено по бронзовому ножу. В ногах у скелетов лежал точильный камень (рис. 21; *20—22*).

Могила 10. Могила обнаружена на склоне оврага, она, видимо, оползла вниз. В верхней южной части на глубине 110 см находились кости ног. В средней части могилы—кости туловища и части черепа. В третьем горизонте, который спустился еще на 13 см ниже, обнаружена часть черепа. В ногах найдены: круглое бронзовое зеркало (рис. 22, *30*) и обломок бронзового ножа (рис. 22, *22*). В трещине земли, между верхней и средней частями скелета, находились бронзовый осколок какого-то массивного режущего орудия и бронзовый осколок штыковидного предмета с закругленными гранями. Два последних предмета в музее Томского университета не сохранились, а в каталоге записаны как «два толстых куска (обломка) от бронзовых неизвестных предметов»[1]. В средней части, в области шеи, найдено 11 цилиндрических бус из красного стекла (рис. 22, *23*), 5 бус из белой мастики (рис. 22, *25*) и 2 стеклянные бусы голубого цвета (рис. 22, *24*). Справа от черепа находилась серьга из бронзовой проволоки (рис. 22, *26*). Ближе к кисти правой руки найден браслет из круглой бронзовой проволоки (рис. 22, *27*). Несколько ниже правой руки лежал бронзовый нож (рис. 22, *31*), подле кисти левой руки — пара браслетов; один — из бронзовой проволоки (рис. 22, *28*), другой — из широкой бронзовой пластинки (рис. 22, *29*). В третьей, самой южной, части могилы с раздавленными остатками черепа найдены черепки небольшого сосуда без орнамента.

Могила 11. Скелет обнаружен на глубине 89 см. Череп лежал на левом виске, обращенный теменем на юг. Кости ног направлены на север. Положение скелета, очевидно, нарушено из-за оползания земли. Справа у головы находились черепки сосуда, орнаментированного

[1] Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета, Томск, 1890, стр. 230, № 4216 и 4217.

Рис. 21. Предметы из погребений большереченской культуры на Большом мысу. Раскопки С. К. Кузнецова.

2 — бронза, камыш; 5, 6, 7 — глина; 20 — камень; 9 — бронза, дерево; остальные — бронза

сеткой из штрихов, сверху и снизу которых были расположены два ряда крупных точек; верхние из них образовали сквозные отверстия. Около самого черепа, справа, находился бронзовый вток (рис. 22, *9*). Около правого бока скелета лежал нож (рис. 22, *10*), недалеко от него — обломок втулки бронзового чекана (рис. 22, *8*). Около левого бока скелета обнаружен бронзовый нож (рис. 22, *11*).

Могила 12. На глубине 125 см был обнаружен скелет, ориентированный головой на юг. На 35 см выше скелета, по углам могилы поставлены камни, образующие квадрат со сторонами около 40 см. Середина квадрата засыпана углем. Около черепа лежала каменная подвеска из розового шифера (рис. 22, *46*). Около левого бока скелета найден бронзовый нож (рис. 22, *43*) и рядом с ним — другой, маленький (рис. 22, *45*), у пояса — бронзовая бляха (рис. 22, *44*). Около правого бока на берестяной подкладке лежал еще один нож с деревянной накладкой на рукоятке (рис. 22, *42*).

Могила 13. Скелет находился на глубине 125 см, обращенный ногами на с.-с.-в. С правой стороны костяка, около черепа, стоял маленький горшочек (рис. 22, *50*). По обе стороны черепа найдено по серьге из медной проволоки (рис. 22, *47*, *49*). Против левого плеча обнаружен еще один горшочек (рис. 22, *52*). На правую руку был надет проволочный браслет (рис. 22, *48*). Около руки лежало три маленьких бронзовых ножичка (рис. 22, *51*) длиной в 7, 5 и 4 см.

Могила 14. На глубине 125 см в слое золы и угля с мелкими костями находился развалившийся череп. Могильная яма была овальной формы, ориентирована с юга на север. На дне могилы лежали в беспорядке бронзовые вещи, два браслета из тонких пластинок (рис. 22, *34*, *35*); две проволочные серьги (рис. 22, *40*); широкое кольцо (рис. 22, *37*); «пряжка» (рис. 22, *38*); нож (рис. 22, *32*); пуговица (рис. 22, *33*) и колечко (рис. 22, *36*). В восточной стороне могилы находились черепки маленького горшочка.

Описанная группа погребений — самая большая из раскопанных Адриановым и Кузнецовым. Погребения, входящие в нее, резко отличаются от погребений как неолитических, так и эпохи бронзы, описанных в разделах II и III настоящей работы.

Эти погребения не имеют наземных сооружений, сохранившихся до наших дней. Вероятно, отсутствовали и какие-либо оградки, в том числе и деревянные, о чем свидетельствуют частота и беспорядочное расположение могил. Копались могилы прямо в грунте. Большей частью это неглубокие ямы около 50—60 см глубиной.

В части могильника, которую копал Адрианов, рассматриваемые погребения расположены несколько выше погребений эпохи неолита и, таким образом, не нарушили их. Глубже (около метра и больше) находились могилы, раскопанные Кузнецовым. Он отмечает в своем отчете, что над могилами была общая насыпь, правда, очень не высокая. Так ли это — сейчас трудно судить. Возможно, что эта насыпь — повышение естественного происхождения или, быть может, сооружение последующих эпох. В последнем случае становится понятным более глубокое залегание могил, раскопанных Кузнецовым.

Длина могильных ям, судя по остаткам костей и по расположенным в них вещам, в общем незначительна. Кузнецов указывает, что она не превышает 160 см. Могильные ямы ориентированы с ю.-ю.-з. на с.-с.-в. или с юга на север. Дно могилы устилали берестой, остатки которой сохранились под бронзовыми вещами. Умершего клали в могилу на правый бок, головой на ю.-ю.-з или юг. Ноги его в большей или меньшей степени были согнуты в коленях.

Исключение представляют могилы 7, 8 и 14, раскопанные Кузнецовым, в которых пережженные кости встречались вместе с золой и углями. Предметы в могиле 7 лежали кучкой в одном ее конце. В могиле 8 предметы распределены по всей могиле. В могиле 14 среди золы и углей сохранились части развалившегося черепа и мелкие кости. Все это говорит о том, что мы имеем здесь дело с трупосожжением, возможно частичным, произведенным вне могилы. Это подтверждается отсутствием следов огня на положенных в могилу предметах. Так, в могиле 7 на ноже заметны остатки деревянной обкладки, а в могиле 8 в трубочках-накосниках сохранились прядь черных волос и ремешок. В части могильника, раскопанной Адриановым, погребений этого типа с трупосожжением не устанавливается. Видимо, обряд трупосожжения представлял собой редкое исключение.

Умершие сопровождались довольно многочисленными предметами украшений, орудиями и оружием. Как правило, у пояса почти каждого из погребенных находился один или два бронзовых ножа. В некоторых случаях нож лежал около лица. Иногда целый нож заменялся обломком его. Ножи, повидимому, были вложены в кожаные ножны, остатки которых сохранились в некоторых могилах. Возможно, что ножны делались и из бересты, которая в лесной полосе имела широкое применение. Нередко покойника снабжали и боевым оружием. В могиле 32 из раскопок Адрианова и в могиле 1 из раскопок Кузнецова обнаружены боевые чеканы с остатками древка. В могиле 11, раскопанной Кузнецовым, повидимому, также находился чекан, от которого сохранились вток и обломок втулки самого оружия. В могилах 18 и 22 из раскопок Адрианова и в могиле 1 из раскопок Кузнецова

Рис. 22. Предметы из погребений большереченской культуры на Большом мысу:

2 — золото; *7* — бронза, дерево; *23, 24* — стекло; *25* — паста; *6, 50, 52* — глина; *17, 46* — камень; остальные — бронза

лежали прекрасно отлитые бронзовые наконечники копий с остатками древка во втулке. Адриановым найдено два бронзовых кинжала, один из них (рис. 20, *2*) — в могиле 28, другой кинжал (рис. 24 и 25, *9*) связать с определенным могильным комплексом не удалось. Несомненно, однако, он лежал в могиле, от которой больше ничего не сохранилось. Наконец, в могиле 20 из раскопок Адрианова найдена каменная булава. Такое количество боевого снаряжения говорит о том, что надобность в нем возникала довольно часто.

Из украшений наиболее обычны бронзовые височные кольца из круглой или четырехгранной проволоки. Найдено одно золотое колечко. На руки надевались бронзовые проволочные или пластинчатые браслеты. Очень часто в области тазовых костей находили бронзовые зеркала, гладкие, с петелькой на обратной стороне. Кроме того, в могиле 8 из раскопок Кузнецова найдены бронзовые накосники, в которых сохранились, как пишет Кузнецов, прядь волос и ремешок. Украшения представлены также различными бронзовыми бляшками, пластинками и, в одном случае (могила 35), повидимому, целым ожерельем из бронзовых полушаровидных бляшек и пластинок, украшенных выпуклыми точками. Надо отметить совершенное отсутствие колец на пальцах рук. В могиле 10 из раскопок Кузнецова при скелете, в области шейных позвонков, найдены пастовые и красного и синего стекла бусы. Интересна находка в могиле 12 из раскопок Адрианова в области тазовых костей скелета бронзовой скульптурной фигурки животного.

В некоторых могилах в ногах, а иногда около головы погребенного ставились маленькие глиняные сосудики. В могилах из раскопок Адрианова сосуды эти не сохранились. В могилах же, раскопанных Кузнецовым, обнаружены небольшие чашки, диаметром от 5 до 8 см, с круглым, в одном случае плоским, дном, орнаментированные зубчатым штампом елочкой (рис. 21, *6*; 22, *50*) или чередующимися рядами крестиков и вертикальных оттисков зубчатого штампа (рис. 21, *7*; 22, *52*). Вряд ли такие маленькие сосудики предназначались для изготовления ритуальной пищи. Возможно, что пища ставилась умершим в деревянной или берестяной посуде, которая не сохранилась, а глиняные сосудики должны были служить чашками для питья. Мясной пищи погребенным, видимо, не давалось, на что указывает отсутствие в могилах остатков костей животных.

Наличие в могилах большого количества бронзового оружия, ножей, украшений и других предметов разных форм и техники изготовления говорит за то, что Томский могильник принадлежал населению, хорошо знакомому с бронзой и достигшему большого совершенства в изготовлении из нее орудий. Из бронзовых предметов наиболее многочисленны ножи весьма своеобразной формы. Почти все они имеют вид плоской пластинки, заточенный конец которой представляет лезвие, а другой служит черенком для рукоятки. Черенок с обеих сторон обложен деревянными пластинками, остатки которых сохранились на многих ножах. Пластинки обматывались камышом или ремешками, а в одном случае были скреплены еще и бронзовым колечком (рис. 22, *7*).

Два ножа (рис. 23, *2, 17*) отличаются от остальных тем, что имеют как бы шляпку, так характерную для ножей Минусинского края времени карасукской культуры. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что это не специально сделанные шляпки, а наплывы, или литники, образовавшиеся при литье, которые на других ножах отрублены. Нож, представленный на рис. 23, *19*, имеет на рукоятке дырочки, повидимому, для прикрепления деревянных накладок. По форме своей он мало отличается от других рассмотренных ножей.

Таким образом, для Томского могильника типичными можно считать ножи, имеющие вид пластинки, один конец которой заточен и является лезвием, а другой служит рукояткой, обычно обкладывавшейся с двух сторон деревяными пластинками.

В Минусинских степях нож, подобный рассмотренным, обнаружен В. К. Карцовым в 1930 г. в кургане близ Байнова улуса [1]. Он так же, как и ножи из Томского могильника, представляет собой бронзовую пластинку, часть которой превращена в лезвие. Если в Минусинском крае найден только один такой нож, то в верховьях р. Оби в могильнике Ближние Елбаны VII близ с. Большая Речка, раскопанном М. П. Грязновым в 1946—1947 гг., обнаружено более 10 ножей, подобных ножам из Томского могильника. На ножах из Большереченского, как и на ножах из Томского могильника, обнаружены остатки деревянной рукоятки.

Из общей массы ножей Томского могильника выделяются два ножа (рис. 17, *9*; 20, *7*) с хорошо выраженной утолщенной рукояткой и, в одном случае,— с орнаментом в виде волнистой выпуклой линии. Эти ножи, очевидно, не имели на рукоятке деревянных накладок. Конец рукоятки завершается приплюснутым кольцом, или, как называет его С. В. Киселев, «аркой на кронштейне». Подобный нож найден В. Г. Карцовым в указанном уже могильнике близ Байнова улуса [2] и С. В. Киселевым в кургане под Ильинской горой [3]. Этот тип ножей, представленный значительным числом

[1] Хранится в Эрмитаже, колл. 1250/12.

[2] Хранится в Эрмитаже, колл. 1250/4.

[3] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 165 и табл. IV, рис. 19; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 120, 188.

Рис. 23. Бронзовые ножи из погребений большереченской культуры на Большом мысу

случайных находок в Минусинских степях, отличается как от ножей времени карасукской, так и от ножей времени тагарской культуры и, судя по находкам в указанных комплексах, относится к переходному карасукско-тагарскому или, как его называет М. П. Грязнов, байновскому этапу, к которому принадлежат погребения в Байновом улусе и под Ильинской горой.

Рис. 24. Бронзовые кинжал и чекан из погребений большереченской культуры на Большом мысу.

В погребениях Томского могильника найдено три бронзовых наконечника копья (рис. 17, *15, 14;* рис. 21, *8*). Это — довольно массивные литые орудия с длинными втулками, в которых, как пишет Адрианов, сохранились остатки древка. Совершенно подобные наконечники копий были обнаружены в могильнике Ближние Елбаны VII. В Минусинском крае и других местах Сибири в комплексных находках такие наконечники копий не встречены.

Очень своеобразны бронзовые чеканы, найденные в Томском могильнике (рис. 20, *22;* рис. 21, *3*; рис. 22, *8*). Пятка этих чеканов имеет вид петельки с шишечкой. Случайные находки подобных чеканов известны из Западной Сибири. Некоторые сходные с ними формы имеются в минусинских степях (тоже случайные находки). С. В. Киселев считает их происходящими от северокитайских и включает в карасукскую серию [1].

Двум кинжалам из Томского могильника, один из которых изображен на рис. 24 и 25, *9*, присущи все черты, характерные для кинжалов минусинского края времени карасукской культуры. Они не имеют крестовины, и клинок их прямо переходит в рукоятку. Однако один отличается наличием бо́льших выступов, что приближает его к раннетагарским и майэмирским [2]. Упомянутый кинжал имеет на конце рукоятки шляпку, совершенно сходную со шляпками на карасукских кинжалах. Рукоятка второго кинжала с прорезью, перехваченной двумя петлями, по форме и орнаменту на ней, состоящему из выпуклых геометрических линий и точек, особенно близка к рукояткам карасукских кинжалов [3].

Каменная булава из белого камня (рис. 17, *8*), тщательно отшлифованная, обнаружена в погребении Томского могильника; единственная аналогия ей имеется в комплексных находках из могильника Ближние Елбаны VII на р. Оби.

Бронзовые зеркала, найденные в довольно большом количестве в погребениях Томского могильника, имеют вид круглой плоской пластины с петелькой на обратной стороне. Подобные зеркала в Минусинских степях бытовали довольно долго, начиная со времени карасукской культуры и до начала н. э. В карасукскую эпоху такие зеркала обычно были очень небольшого диаметра и с заостренными от частого полирования краями. В погребениях Томского могильника они несколько крупнее, а края, как и у карасукских зеркал, часто заострены. В последующее время в Минусинских степях, наряду с появившимися новыми формами, сохраняются зеркала того же вида, только края их обычно притуплены или отвесны, а сам диск отливается более массивным. Зеркала, повидимому, можно считать принадлежностью туалета как мужчин, так и женщин. Они находятся в комплексах явно мужских вместе с предметами боевого снаряжения, как-то: булавой (могила 20), кинжалом

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 124—125.

[2] М. П. Грязнов, Памятники майэмирского этапа. КСИИМК, 1947, XVIII, рис. 5, 6.

[3] См. М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», III, Л., 1930, стр. 159; его же. Бронзовый кинжал с оз. Кото-кель. «Бурятоведение», I—II, Верхнеудинск, 1929. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 122—124.

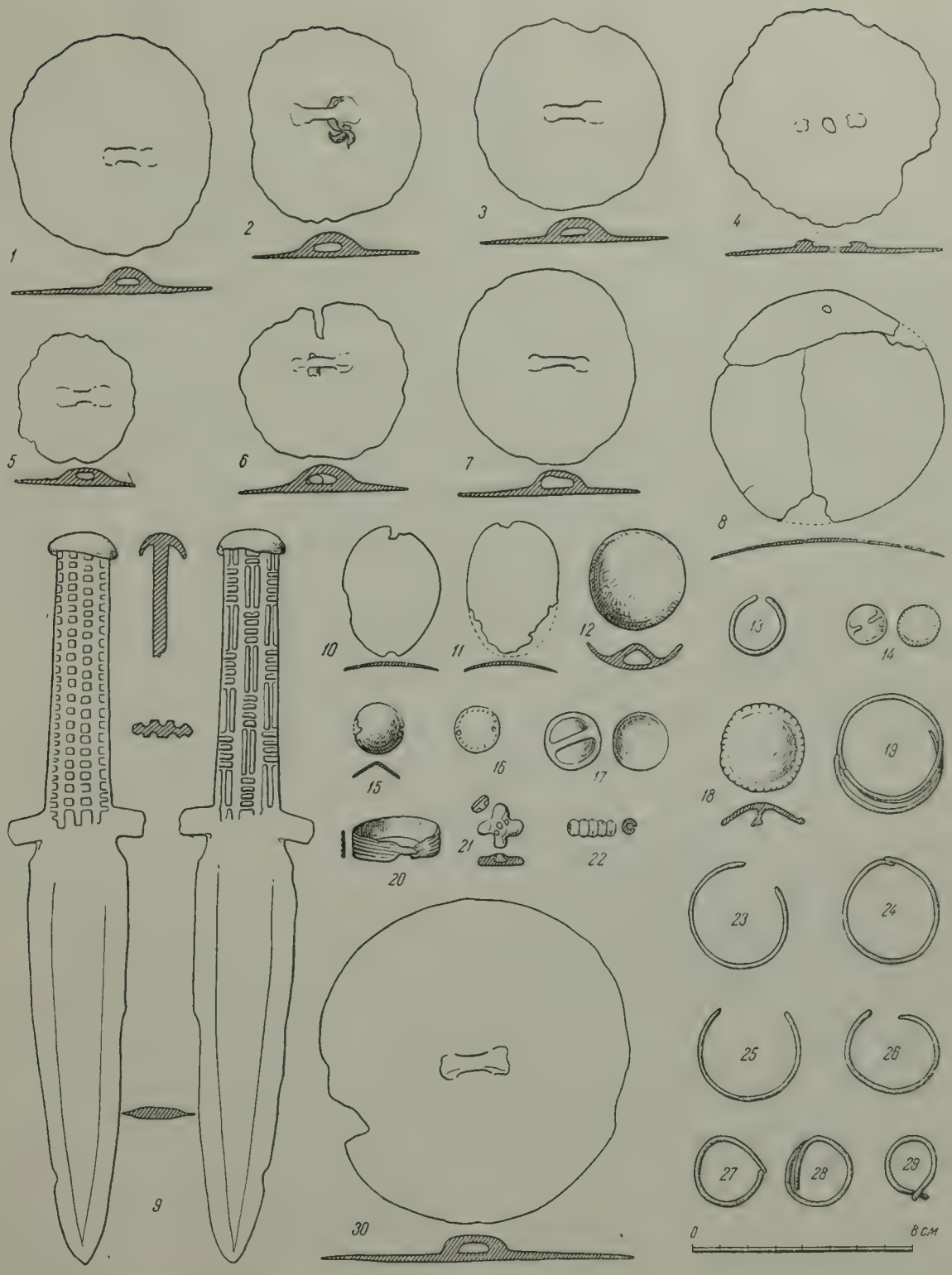


Рис. 25. *1—30*— бронзовые предметы из погребений большереченской культуры на Большом мысу.

(могила 28), чеканом и копьем (могила 1 из раскопок Кузнецова). В несомненно женских погребениях встречаются зеркала вместе с браслетом (могила 13), или с бусами и браслетом (могила 10 из раскопок Кузнецова).

Височные кольца (из бронзовой круглой или четырехгранной проволоки) встречались в большей части погребений Томского могильника. Украшения эти, характерные для женских погребений, обнаружены также и в мужских погребениях с копьем (могила 18) и с чеканом (могила 32). Следовательно, и мужчины, погребенные в Томском могильнике, носили в качестве украшений височные кольца. Подобные височные кольца из бронзовой проволоки характерны для погребений Минусинского края и Верхней Оби времени карасукской культуры

Бронзовые браслеты являются, повидимому, только украшениями женщин. В погребениях Томского могильника встречаются браслеты из бронзовой проволоки, загнутые в виде кольца с несомкнутыми концами. Такие браслеты найдены в Минусинском крае в карасукском погребении из улуса Орак. Браслеты другого типа, обнаруженные в Томском могильнике, сделаны из гладкой широкой бронзовой пластинки. Эти пластинчатые браслеты не имеют орнамента, чем отличаются от минусинских браслетов карасукской эпохи, почти всегда орнаментированных. Пластинчатый браслет, изображенный на рис. 17, *5*, загнут на конце конусовидной спиралью, что, как уже отмечалось, характерно для украшений андроновской культуры.

Бронзовая пластинка с дырочкой на конце и с зубчиками по краям (рис. 22, *19*) очень напоминает по форме так называемую карасукскую лапчатую подвеску, у которой обломан нижний конец. Кузнецов в своем описании указывает, что это крючок, загнутый конец которого был при упаковке обломан. Однако вероятнее всего это уже повторное использование лапчатой привески.

Очень интересна бронзовая фигурка какого-то животного с большой головой (рис. 17, *2*). Следует отметить схематичность и статичность изображения, присущую немногим известным нам пока изображениям животных в памятниках майэмирской культуры на Алтае [1]. Назначение предмета неясно. Видимо, это какая-то пронизка или обойма.

Что касается других украшений в виде пуговиц, бляшек, бус из стекла и пасты, то пока трудно сказать что-либо определенное об их культурной и хронологической принадлежности. Не удалось связать с какими-либо определенными погребениями связку бронзовых бус (рис. 25, *22*) совершенно андроновского типа. Не известно назначение бронзового литого предмета (рис. 20, *1*). Подобные предметы известны в большом числе по случайным находкам. В комплексе такой предмет был найден только около черепа в раннетагарском

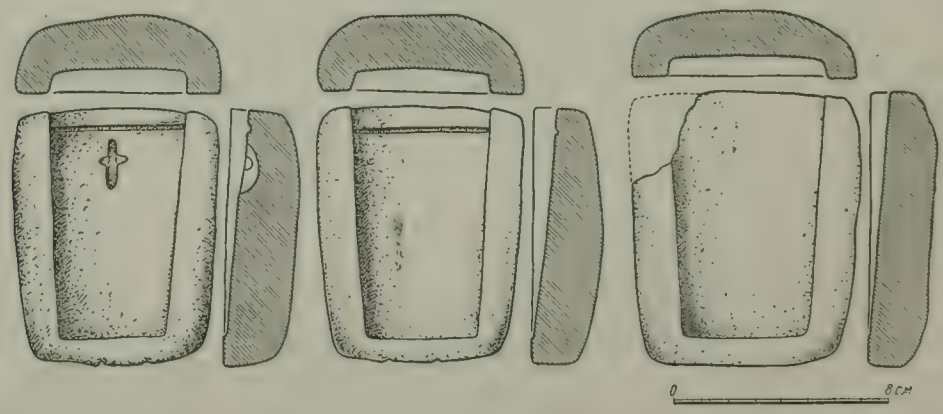


Рис. 26. Каменные литейные формы из погребений большереченской культуры на Большом мысу.

(баиновского этапа) кургане близ с. Аскыз (р. Абакан) [2].

Таким образом, эти загадочные предметы могут быть теперь датированы, так как два из них найдены в погребениях, относящихся примерно к VII—VI вв. до н. э. Однако назначение их остается попрежнему неясным.

Каменные литейные формы (рис. 26) — одна полая, состоящая из двух половинок, и половинка другой — остались, к сожалению, вне комплекса. Их не удалось связать с каким-либо погребением, но, несомненно, они относятся к рассматриваемому нами могильнику. Обе формы служили для отливки в них тесла, прямоугольного в поперечном сечении, имеющего на одной широкой стороне петельку для прикрепления к рукоятке. По схеме хронологической последовательности типов бронзовых кельтов Минусинского края, предложенной М. П. Грязн-

[1] См. напр. М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, рис. 4, *11*; 5, *3*.

[2] См. G. Giessing. Moinusinske oldfunn Arbok, Oslo, 1941, стр. 71 и рис. 21.

новым, тесла из Томского могильника относятся к 14-й форме [1]. Кельты этой формы так же, как и тесла, имеют удлиненные пропорции, симметричны, в поперечном сечении прямоугольны, на широкой стороне у них петелька. Эта форма тесла связана, с одной стороны, с теслами карасукской культуры, с другой — с теслами тагарской культуры. Тесла из Томского могильника так же, как и 14-я форма указанной схемы, сходны с карасукскими теслами по удлиненным пропорциям и расположению петельки на широкой стороне, но отличаются от них прямоугольной формой поперечного сечения. С теслами тагарской культуры их сближает симметричная клиновидная форма и прямоугольное сечение втулки. Таким образом, тесла из Томского могильника могут быть датированы периодом между временем существования карасукских тесел и тесел тагарской культуры, т. е. они должны быть синхронны раннетагарским, или «баиновским», в Минусинском крае.

При раскопках Кузнецова найдены шесть глиняных сосудиков, хранящихся в Томском университете. Все эти маленькие сосудики, очевидно, предназначались не для хранения или приготовления пищи, а, вероятно, служили чашками. У пяти из них выпуклое дно, и только один сосуд плоскодонный. Диаметр всех сосудиков варьирует от 5 до 8 см. Четыре сосуда орнаментированы, на двух орнамент отсутствует. В двух случаях орнамент составляют вертикальные пояски из оттисков вытянутого крестика (рис. 21, *7;* рис. 22, *52*), в двух других сосуды украшены елочкой, оттиснутой штампом (рис. 21, *6*; рис. 22, *50*). Орнамент, составленный из оттисков крестика, не характерен для керамики степных районов Сибири, зато обильно представлен на сосудах большереченской культуры из могильника Ближние Елбаны VII. В погребениях на Ближних Елбанах все сосудики также имеют вид небольшой чашки с круглым дном. Два из них украшены орнаментом из оттисков зубчатого штампа, другие — гладкие, без орнамента. Орнамент из оттисков крестика встречается на многих сосудах из поселения.

Глиняная посуда удобна и вполне применима в быту оседлого населения. Однако охота и рыболовство были еще основными занятиями жителей, оставивших Томский и Большереченский могильники, на что указывают кости диких животных, кости и чешуя рыбы, находимые в изобилии в культурном слое поселения Ближние Елбаны VII. Охота и рыбная ловля, а также земледельческие работы и пастьба скота при разбросанности угодий требовали частых отлучек из дома на дальние расстояния, и тогда глиняная посуда, несомненно, заменялась более легкой и небьющейся — деревянной и берестяной. Отсюда понятно, почему в могилах лесных районов Томи и Оби встречаются только маленькие глиняные чашечки, и то далеко не во всех могилах. Отправляя покойника в предполагаемое далекое путешествие, ему давали пищу в деревянной и берестяной посуде, которая в могилах не сохранилась.

Если в погребениях эпохи бронзы на Малом мысу покойника снабжали большим количеством бытовых вещей из камня — разными ножами, скребками, режущими и скребущими орудиями, то в погребениях могильника на Большом мысу, относящихся ко времени распространения большереченской культуры, умершего снабжали только пищей и оружием и надлежащим образом одевали. Никаких других бытовых предметов и орудий труда в могилу не клали. Поэтому в могилах обнаружены только предметы вооружения, посуда, всевозможные украшения, носимые на теле или нашиваемые на одежду, и, наконец, кожи, которые были, видимо, самым необходимым предметом в повседневном быту. В могилах ножи часто находятся около тазовых костей, т. е. на поясе. В некоторых случаях сохранились и остатки ножен от них. Изменение погребального обряда — изменение представлений о загробной жизни — свидетельствует о каких-то культурных сдвигах, происшедших в жизни населения за время, разделяющее оба могильника. Разница в культуре населения, оставившего рассматриваемые могильники, настолько велика, что мы не можем отметить преемственности ни в обряде погребения, ни в формах орудий и других изделий. Несомненно, эти два памятника разделяет какая-то эпоха, еще недостаточно выявленная пока в районе Томска, но о наличии которой мы можем предполагать хотя бы по находкам керамики карасукского типа на соседнем городище и в других пунктах близ г. Томска, о чем уже говорилось выше, в разделе III.

Определить культуру племен низовьев Томи карасукского времени мы пока не можем, так как для этого нет еще достаточных данных. О том же, что карасукская культура существовала и была предшественницей культуры, для которой характерен могильник на Большом мысу, можно судить по сохранившимся среди находок из этого могильника вещам карасукских форм. Так, кинжалы, обнаруженные в могильнике, имеют черты, характерные для карасукских «выемчатоэфесовых» кинжалов — клинок, плавно переходящий в рукоятку, прорезь с перемычками на рукоятке и орнамент из выпуклых линий и точек на рукоятке. Височные кольца, согнутые из проволоки, аналогичны находимым в погребениях времени карасукской культуры. Сходны и браслеты, проволочные и пластинчатые, но последние, в отличие от карасукских, всегда гладкие, без орнамента. Зеркала отличаются только более крупными размерами, но по форме это прежние, карасукские

[1] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. ТОПКЭ, т. I, 1941, табл. I на стр. 249.

маленькие зеркальца. Несомненно, мы смогли бы отметить еще большее количество карасукских черт и в обряде погребений и в формах вещей, но пока неизвестны погребения самого карасукского времени на Томи. Изучение их, по всей вероятности, позволило бы установить особый, томский вариант карасукской культуры, на существование которой указывает характерная керамика карасукского типа из Томского могильника.

Черты сходства инвентаря Томского могильника с памятниками карасукской культуры дают нам возможность предполагать, что погребения на Большом мысу № 9—41 и № 1—14 и А относятся ко времени сложения культуры, хронологически следующей за карасукской. Это подтверждается наличием в могильнике орудий, которые неизвестны в памятниках карасукского времени, а в могильниках Томском и Ближние Елбаны VII представлены несколькими или даже многими экземплярами. Население лесных районов, расположенных по рекам Томи и Оби, создавшее в рассматриваемый период собственную культуру, выработало и свои местные формы металлических изделий. Это прежде всего — пластинчатые ножи с деревянной обкладкой на рукоятке, чеканы с шишечкой на пятке, наконечники копий ланцетовидной формы с замкнутой втулкой и бронзовые тесла. В пользу нашего предположения свидетельствует также находка в могильнике двух бронзовых ножей «с петлей на кронштейне» и бронзового литого предмета неизвестного назначения (рис. 20, *1*), которые в Минусинских степях встречаются только в раннетагарских («баиновских») погребениях. Несомненно, все эти бронзовые орудия производились здесь, на месте, о чем свидетельствует находка в Томском могильнике литейных форм для изготовления кельтов. Наконец, глиняные сосудики относятся к типам, характерным для послекарасукских могильников и поселения на Ближних Елбанах, т. е. основных памятников, характеризующих большереченскую культуру. Все эти соображения позволяют считать могильник на Большом мысу синхронным археологическим памятникам в Минусинских степях начала тагарского времени, предметам большереченской культуры на Верхней Оби и майэмирской культуры на Алтае, и определить его время VII—VI вв. до н. э.

Культура лесных племен в это время развивалась на местной основе в условиях оседлого комплексного скотоводческо-земледельческого и охотничье-рыболовческого хозяйства, имела свой облик, отличный от культуры соседних степных скотоводческих кочевых племен Западной Сибири, Казахстана и горного Алтая, а также скотоводческо-земледельческого полукочевого населения Минусинских степей. Археологические памятники VII—VI вв. в лесной полосе известны пока в крайне незначительном числе. Самыми близкими из них к комплексу Томского могильника, принадлежащими, повидимому, населению одной этнической группы, являются уже упомянутые могильник и поселение Ближние Елбаны VII. Они так же, как и Томский могильник, находятся в области распространения леса, но расположены в южной части большого лесного массива, тянущегося вдоль берега р. Оби и заходящего далеко в глубь степных районов.

Погребения, как и в Томском могильнике, представляют собой неглубокие грунтовые ямы, на дне которых лежит на бересте скелет на правом боку, головой на ю.-з., с согнутыми в коленях ногами. Большереченский могильник отличается от Томского бедностью могильного инвентаря, но обнаруженные в нем относительно немногочисленные предметы принадлежат характерным для Томского могильника типам. Это — пластинчатые ножи с деревянной обкладкой на рукоятке, бронзовые наконечники копий с ланцетовидным пером, булава, маленькие глиняные чашки, которые, как и в Томском могильнике, ставились не в каждую могилу. Все это говорит об одновременности обоих памятников и о принадлежности их к одной археологической культуре.

Несмотря на большое количество различных вещей, найденных в погребениях Томского могильника, они все же весьма односторонне освещают культуру оставившего их населения. Отсутствие детальных и точных наблюдений при раскопках, как того требует современная методика археологических работ, также лишает нас возможности судить о многих особенностях культуры. Поэтому, не обнаружив пока на р. Томи остатков поселений рассматриваемого времени, сейчас трудно, пользуясь материалами одного только могильника, решить вопрос об основных особенностях хозяйства и быта населения, оставившего этот памятник.

Однако можно предполагать, что как древнее население времени большереченской культуры, о котором мы знаем по богатому материалу из трех раскопанных землянок на поселении, так и население, жившее по р. Томи, находившееся в одинаковых природных условиях и принадлежавшее, повидимому, к одной этнической группе, на что указывает почти полное сходство инвентаря из могильников, было оседлым и вело хозяйство, в основе своей земледельческо-скотоводческого типа. Наличие же на Большереченском поселении костей диких животных и костей рыб позволяет считать, что охота на лесную дичь и рыбная ловля занимали еще весьма важное место в их хозяйстве.

Сравнение материалов Томского могильника и поселения на Ближних Елбанах VII показывает, что соседство степных кочевников-скотоводов сказалось на развитии и лесных пле-

мен. Кочевники нуждались в продуктах земледелия, были хорошо вооружены, имели конницу. Несомненно, они совершали набеги на оседлых жителей леса и лесостепи, грабили и разоряли их поселения. Об этом свидетельствуют данные исследования землянок на Ближних Елбанах. М. П. Грязнов устанавливает, что все три раскопанные землянки были внезапно покинуты убежавшими от нападения или уведенными в плен жителями. Понятна и бедность погребений на Ближних Елбанах по сравнению с погребениями Томского могильника. Население Ближних Елбанов VII жило в непосредственном соседстве с кочевниками и потому подвергалось более частым набегам и грабежам. Даже население более удаленных мест, как например района г. Томска, должно было всегда быть готовым к встрече с вооруженным неприятелем. Большое количество найденных в могилах предметов вооружения, как боевые чеканы, кинжалы, копья и булава, говорит за то, что население Томи было хорошо вооружено и могло защищать свои стада и поля от набегов кочевников.

Процесс сложения новых социальных отношений в степных районах Сибири и Казахстана, происходивший в связи со значительными успехами в развитии скотоводства при переходе степных племен к кочевому хозяйству, захватил широкие массы населения, обитавшего не только в степях, но и далеко за их пределами. Даже в хозяйственной и социальной жизни населения лесных районов, которое в силу окружавших природных условий не могло перейти к кочевому хозяйству, должны были произойти перемены.

Отсутствие достаточного количества памятников, надлежащим образом исследованных, не позволяет проследить этот процесс с желаемой полнотой. Но и в известных нам памятниках он все же нашел свое отражение. Наличие погребений воинов в Томском могильнике дает основания не только для установления новых типов оружия и усовершенствования военной техники, но и свидетельствует о социальных переменах. В могилу охотника-рыболова из погребений эпохи бронзы вместе с несколькими другими предметами был положен кинжал — столько же боевое, сколько и охотничье оружие. В погребениях времени большереченской культуры встречаются могилы воинов, снабженных часто несколькими предметами вооружения. Согласно новым представлениям о загробной жизни, воина должно было отправлять в загробную жизнь во всем его боевом снаряжении.

Если мы не располагаем сейчас материалами для создания полной картины жизни населения, жившего по р. Томи в рассматриваемое время, то во всяком случае можем утверждать, что оно достигло более высокого уровня как в производстве (особенно в металлургии), так и в своем общественном развитии. Раскопки новых памятников, несомненно сохранившихся еще на р. Томи, позволят в дальнейшем подробно осветить этот интереснейший период в истории лесных племен Западной Сибири.

V. ПОГРЕБЕНИЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Совершенно отличны от всех рассмотренных погребений остатки шести могил, обнаруженных главным образом в северо-восточном углу раскопа Адрианова 1887 г.

Все это маленькие могилки, очень неглубокие (около 30 см). От скелета не сохранилось никаких следов. Устанавливаются могилы по наличию групп предметов, расположенных как бы кучками и являющихся, несомненно, остатками могильного инвентаря. Вот краткое описание этих погребений, обозначенных номерами с 42 по 47 (рис. 3).

Могила 42 (кв. 5 и 12). Погребение очень неглубокое (от 24 до 30 см). На площади, приблизительно в метр длиной и полметра шириной, лежали следующие предметы: три бляшки (рис. 27, *2*, *3*, *5*) из светлосерого металла с орнаментом в виде концентрических кругов, выпуклая бляшка, розетка и дужка (рис. 27, *4*) из бронзы. Кроме того, здесь же обнаружен железный наконечник копья (рис. 27, *1*).

Могила 43 (кв. IV и V). На глубине 30 см лежали два железных наконечника стрел, остриями направленные к югу, и круглая бляшка (рис. 27, *10*)) из серого металла, украшенная концентрическими кругами.

Могила 44 (кв. V). На глубине 30 м встретились следующие вещи: 22 железных наконечника стрел разной формы, лежавших плотно в куче, остриями к югу; два железных наконечника копий; бляха из светлосерого металла (рис. 27, *9*), круглая с концентрическими кругами на одной стороне; два бронзовых «чудских образка» — идол с совиной головой (рис. 27, *8*) и фигура медведя со змеями по бокам (рис. 27, 7).

Могила 45 (кв. V и VI). На глубине 12 см найден игольник из серого металла (рис. 27, 6), а в нем бронзовая игла с закрученными нитками. В 30 см к югу от игольника лежал обломок бронзовой пластинки с отверстием на конце.

Могила 46 (кв. X). На глубине 30—35 см находился железный наконечник стрелы (рис. 27, 11) и недалеко от него — обломок бронзовой пластинки с небольшим отверстием на конце (рис. 27, *12*).

Могила 47 (кв. IV). На глубине 32 см найдено четыре железных наконечника стрел (рис. 27, *13*, *14*, *15*), обращенных остриями на север.

Предметы из описанных погребений принадлежат культурам, время которых еще недостаточно точно определено. Очень характерны так

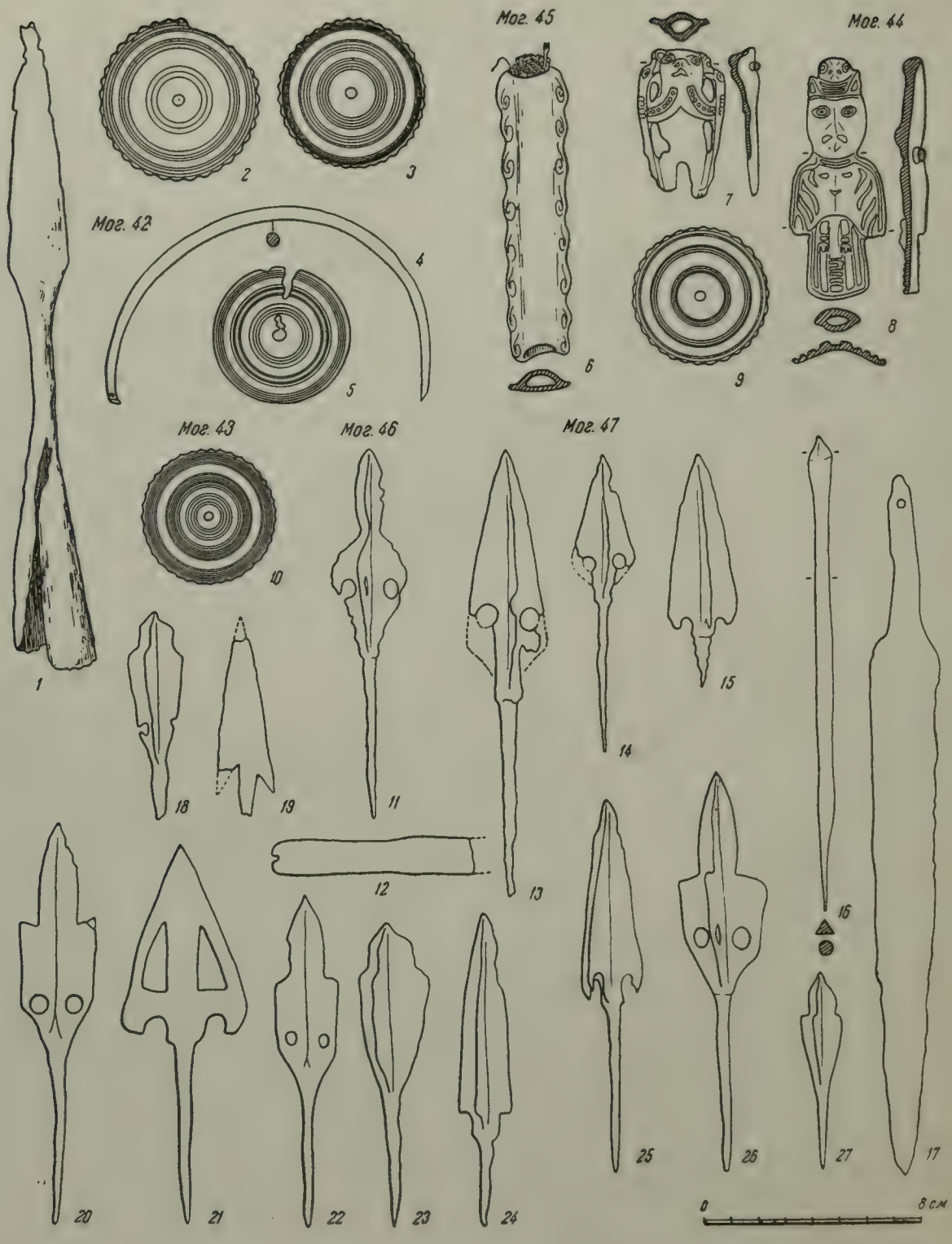


Рис. 27. *1—27* — предметы из погребений I тысячелетия н. э. на Большом мысу. Раскопки А. В. Адрианова

2—10 — бронза; остальные — железо

называемые «чудские образки», широко распространенные по всей лесной полосе от Камы до Енисея. Так как в большинстве случаев подобные вещи встречаются или в виде случайных находок, или в памятниках, содержащих остатки разных эпох, их хронология не разработана. Также трудно более точное определение и других вещей — железных копий и стрел, медных бляшек с орнаментом из концентрических кругов и игольника.

Поскольку материалы рассматриваемых погребений недостаточны для того, чтобы на их основании можно было дать характеристику культуры оставившего их населения, мы укажем лишь, что они относятся к несколько более раннему времени, чем могильник в Барсовом Городке (близ г. Сургута) [1]. Возможно, что они несколько старше и инвентаря курганного могильника на Архиерейской заимке, находящегося в нескольких километрах от Томского могильника и датируемого китайскими монетами VIII в. н. э. [2].

Наиболее близкие аналогии по формам вещей дает Айдашинская пещера близ г. Ачинска [3] и Ишимский клад (тоже близ г. Ачинска) [4], но оба эти памятника существовали очень долго и содержали значительное количество более древних вещей. Быть может, наиболее близкой по времени аналогией является инвентарь могильника Ближние Елбаны VII, расположенного на том месте, где прежде был могильник большереченской культуры. Могильник Ближние Елбаны VII содержал погребения с трупосожжением, совершенные в неглубоких ямках (30—50 см). В тех случаях, когда погребения находятся в почвенном слое, остатки пепла едва улавливаются. Могильник и относящееся к нему поселение послужили основными памятниками для характеристики установленной М. П. Грязновым фоминской культуры, датируемой им серединой или началом второй половины I тысячелетия н. э. К этому же времени относится, вероятно, и наиболее поздняя часть находок Ишимского клада и материалы Айдашинской пещеры. Могильник на Ближних Елбанах имеет, однако, и ряд отличий от сходных с ним погребений Томского могильника. Для него характерно наличие почти во всех могилах своеобразной керамики (подобной керамике с Архиерейской заимки) и, несмотря на то, что исследовано уже свыше 30 ненарушенных погребений, в них не обнаружены «чудские образки», если не считать полую фигурку птицы камского типа.

[1] См. T. J. Arne. Barsoff Gorodok, Stockholm, 1935.

[2] См. ОАК, 1896, стр. 94—98; Материалы по доисторической археологии России, ЗРАО, XI, вып. 1—2, стр. 316—323.

[3] См. ОАК, 1897, стр. 52; ОАК, 1899, стр. 137.

[4] А. Ермолаев. Ишимская коллекция, Красноярск, 1914.

VI. ВЫВОДЫ

Обширные леса по берегам р. Томи, тянувшиеся на сотни километров, скрывали в своих дебрях большое количество мелкого и крупного зверя, а многоводная река изобиловала рыбой. Луговые угодья широкой речной долины могли служить и пастбищами для скота, и полями для посевов. Неудивительно поэтому, что берега р. Томи были заселены человеком с древнейших времен, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся памятники в виде могильников и остатков поселений.

Правый высокий берег р. Томи с крутыми склонами и с прилегающей к нему луговой террасой около г. Томска был одним из удобнейших мест для поселения человека. Производившиеся здесь археологические разведки и раскопки дали многочисленный материал. На небольшом участке высокого берега, разделенном маленькими овражками на два мыска, А. В. Адрианов и С. К. Кузнецов раскопали погребения, на основе материалов которых мне удалось установить принадлежность их к четырем периодам в истории древних племен на р. Томи: неолиту, эпохе бронзы, времени большереченской культуры (VII—VI вв. до н. э.) и I тысячелетию н. э. Здесь же по склону оврага Н. Ф. Кащенко исследовал стойбище человека верхне-палеолитической эпохи [1]. Рядом с Большим мысом, по другую сторону оврага, находится городище. В разное время и разными лицами на городище обнаружен культурный слой с керамикой, сходной с карасукской, отдельные вещи и погребения VII—VI вв. и, наконец, погребения позднетагарского времени. Все перечисленные памятники расположены на небольшом участке крутого берега Томи, общей площадью не более 4—5 га.

К сожалению, основная часть площади этих памятников перекопана А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым, впервые пробовавшими свои силы в области археологии. Наблюдения их при раскопках недостаточны, документация неудовлетворительна. Поэтому для восстановления истинной картины потребовалась специальная источниковедческая работа, результаты которой и были изложены выше. Здесь же мы даем их общий итог.

Наиболее древние погребения Томского могильника, обнаруженные на Большом мысу, принадлежат к концу неолитической эпохи. В глубоких ямах, небольших по размеру, погребен пепел умерших и с ним каменные орудия и глиняная посуда. Орудия представлены главным образом каменными тесловидными топорами, а также наконечниками копий и стрел. Копья и стрелы следует рассматривать как охотничье оружие, а каменный топор, в условиях лесной местности, как одно из самых

[1] Н. Ф. Кащенко. О нахождении остатков мамонта около г. Томска. Изв. Ак. Наук, 1896, т. V, № 1

необходимых орудий охотника. Шлифованные каменные топоры Томского могильника массивны, в поперечном сечении приближаются к кругу, с одной стороны — слабо выпуклые, с другой, трехгранной — более выпуклые. Этими признаками топоры Томского могильника отличаются от прибайкальских форм и сближаются с топорами, находимыми к западу от Томска. Неолитические погребения Томска отличаются от прибайкальских и обрядом погребения: в Томске погребали пепел сожженного трупа и орудия охотника, в Прибайкалье в могилу клали труп умершего с различными орудиями хозяйственного и бытового назначения. Имеющиеся материалы позволяют предполагать принадлежность неолитических племен низовьев Томи к особой этнической группе, отличной от прибайкальской.

Вторая группа погребений расположена на Малом мысу и относится к эпохе бронзы. Могилы расположены по 2—4 в ряд, что можно объяснить наличием вокруг них прямоугольных оградок, вероятно деревянных, которые сооружались рядом, одна к другой, как это практиковалось в андроновское и карасукское время в Минусинских степях. Умерших клали на спину, головой на юг. При скелетах обнаружены каменные и бронзовые орудия, бронзовые предметы украшений и глиняная посуда. Преобладают каменные орудия, которые представлены тесловидными шлифованными топорами, широкими с острым концом ножами, узкими ножами, вкладышевыми лезвиями, наконечниками стрел, скребками и др. Топоры, более легкие и более тщательно обработанные, повторяют в общем формы топоров неолитического времени. Бронзовые ножи и кинжалы, а также предметы украшений принадлежат формам, характерным для южносибирских и казахстанских степей. На р. Томи в тот период, вероятно, не было собственного производства металлических изделий, и поэтому каменные орудия широко применялись в хозяйстве и быту. Состав положенных в могилу орудий характерен для охотничье-рыболовческого быта. Можно предполагать, что подобно тому, как это происходило в Прибайкалье, население Томи в эпоху бронзы усовершенствовало способы охоты и лова рыбы, что значительно повысило роль мужского труда и привело к переходу от матриархального рода к патриархальному. Расположение могил рядами является подтверждением этого, так как такие группы могил следует рассматривать как семейные кладбища.

Третий период представлен погребениями на Большом мысу, относящимися к VII—VI вв. до н. э. В неглубоких грунтовых могилах лежат скелеты на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ю.-з. При них находятся бронзовое оружие (боевые чеканы, кинжалы, копья), ножи, зеркала и различные бронзовые украшения (браслеты, серьги, пуговицы, бляшки и подвески). Бронзовые орудия и украшения имеют, в основном, свои местные формы, известные лишь в районе Томи и Верхней Оби, частью же формы, характерные для послекарасукского времени на Енисее. На Томи теперь появилось свое собственное производство бронзовых изделий, что неопровержимо доказывается находкой двух литейных форм для отливки кельта. Из Минусинских степей сюда проникали лишь отдельные вещи. Погребения Томского могильника чрезвычайно сходны и по обряду и по инвентарю с материалом могильника Ближние Елбаны VII близ с. Большая Речка на Верхней Оби. Очевидно, лесные племена времени большереченской культуры, в том числе и население Томи, были включены в ход исторического развития южносибирских и казахстанских степных племен, но, находясь на окраине кочевого мира, в лесных районах, они оставались оседлыми. Удаленное от степных кочевников население, жившее по р. Томи, могло более спокойно вести свое хозяйство, чем население Верхней Оби, жившее в непосредственной близости от кочевников. Это нашло свое отражение в значительном богатстве погребального инвентаря Томского могильника, по сравнению с могильником Ближние Елбаны VII.

Четвертый период в истории племен, живших по р. Томи, представлен могилами с трупосожжением, содержащими железное оружие, бронзовые предметы украшений и так называемые «чудские образки» пермских типов. Эти предметы принадлежат к группе культур лесной зоны, широко распространенных от Приуралья до Енисея, но еще очень слабо изученных. Можно лишь предположительно датировать эти погребения началом второй половины I тысячелетия н. э. Недостаточность материала не позволяет пока дать социально-экономическую характеристику племен, оставивших нам памятники этой культуры. Это — задача дальнейших исследований.

Рассмотренные памятники, открытые в Томском могильнике, позволяют, таким образом, установить, что население р. Томи в процессе своего исторического развития имело известные сношения с населением степей. Однако особая историческая обстановка и своеобразные географические условия существования лесных племен способствовали формированию здесь особой материальной культуры, отличной от культуры, созданной племенами, обитавшими в степях Сибири.

К. В. Сальников

КУРГАНЫ НА ОЗЕРЕ АЛАКУЛЬ

Одним из важных этапов в развитии первобытного общества лесостепного Зауралья является эпоха бронзы, представленная памятниками андроновской культуры. Это было время, когда произошло «первое крупное общественное разделение труда» (Ф. Энгельс), когда из массы племен охотников-рыболовов выделились скотоводческие племена. На это же время падает первое знакомство местных племен с металлом — освоение плавки медной руды и изготовление медных и бронзовых орудий.

Наконец, у древнейших местных племен, именно у племен времени андроновской культуры произошла смена матриархально-родового строя патриархальным.

В общественно-экономическом развитии племен андроновской культуры, обитавших в Зауралье в XV—VIII вв. до н. э., можно наметить ряд стадий [1]. К ранней, федоровской стадии относятся многочисленные курганы с трупосожжением, хорошо изученные в районе г. Челябинска [2]. Погребальные памятники следующего, алакульского этапа в том же районе представлены могильниками с трупоположением, которые, за исключением нескольких погребений, еще не опубликованы.

Ниже публикуется самый крупный и яркий памятник алакульской стадии Зауралья — могильник на оз. Алакуль [3]. Результаты раскопок знакомят не только с погребальным обрядом, но и дают богатые материалы для суждения об экономическом и социальном строе андроновских племен.

В 5 км на с.-в. от с. Пивкино Щучанского района Курганской области, метрах в 200 к северу от оз. Алакуль расположена большая группа курганов. Эта группа была отмечена еще во второй половине прошлого столетия первым исследователем древностей Южного Приуралья Р. Г. Игнатьевым в статье «Городища и курганы Оренбургской губернии» [1].

В 1938 г. курганы на оз. Алакуль были исследованы археологической экспедицией Челябинского областного музея. Раскопки производились К. В. Сальниковым при участии В. М. Голубева, Г. С. Булыгина и М. В. Орловской.

Игнатьев указывает в этой группе 18 курганов, видимо, наиболее крупных. Нами насчитано здесь 66 курганов (рис. 1). Первоначально группа была еще более многочисленной, так как с востока и севера к ней вплотную подходит пашня, на с.-з. вклинивающаяся в могильник. Несомненно, немало насыпей уничтожено распашкой.

Сохранившиеся курганы расположены на полосе непаханной степи между пашней с севера и прибрежным лесом с юга. Через середину группы проходит тракт из г. Челябинска в с. Кирово (б. Воскресенское). Высота насыпей составляет от 0,15 до 1,5 м при диаметре от 13 до 40 м. По высоте курганы группируются следующим образом:

до 30 см	26 насыпей
от 31 до 50 см	21 „
от 51 до 100 см	17 „
свыше 1 м	2 „

Средний, наиболее распространенный диаметр курганов — 15—20 м. В плане все насыпи приближаются к кругу. В центре некоторых более крупных насыпей заметны провалы удлиненной формы глубиной 20—40 см.

---

[1] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры. «Первое Уральское археологическое совещание», Молотов, 1948.

[2] С. Н. Дурылин. Раскопки под Челябинском. ЗУОЛЕ, т. 40, вып. 2, 1927; С. Н. Дурылин. Челябинские курганы. «Сборник материалов по изучению Челябинского округа», кн. I, Челябинск, 1927; К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. МИА, вып. 1, 1940.

[3] В соседнем Северном Казахстане аналогичным по богатству и содержанию инвентаря при другой форме могильных сооружений является Алексеевский могильник с жертвенным местом. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1948.

[1] ИАК, вып. 5, 1903, стр. 118—119.

Продольная ось провалов направлена преимущественно по линии с.-ю., длина их 2—4 м. Видимо, это результат обвалов накатника над центральными крупными погребениями. У основания немногих курганов видны едва заметные выемки, образованные при сооружении насыпи. Насыпи 13 курганов частично повреждены трактом и проселочными дорогами.

В 1938 г. раскопано два кургана — 8 и 13, расположенные в средней части могильника.

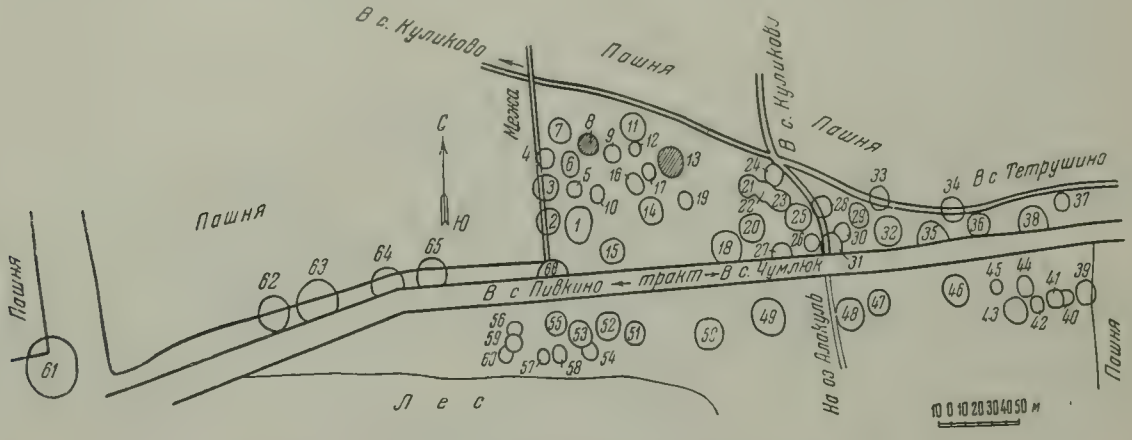


Рис. 1. План группы курганов на озере Алакуль (заштрихованы раскопанные курганы).

КУРГАН 8

Высота кургана — 0,5 м, диаметр — 15 м (рис. 2). В насыпи обнаружены отдельные кости животных, черепки, кремневая ножевидная пластинка, две кольцевидные бронзовые бусины и полторы бусины боченковидные, согнутые из бронзового листа, просверленная раковина. Большое скопление подобных находок встречено возле центра кургана. Помимо черепков, здесь найдены две бронзовые бусинки (кольцевидная и боченкообразная), две бронзовые круглые бляшки с отверстиями для нашивания, отдельные кости человека, включая длинные, и осколки черепа.

Под насыпью обнаружено девять погребений в грунтовых могилах. Курган создавался в несколько приемов путем досыпок. О разновременности захоронений говорит количество могильных ям и их взаимное расположение. Установлено также, что одна из могильных ям (4) была вырыта во рву или в выемке у подошвы первоначальной насыпи.

Основными, первоначальными погребениями несомненно являются погребения № 2 и 7, расположенные в центре кургана. До глубины 1,12 м от вершины кургана здесь намечалось одно крупное пятно, растянутое с востока на запад. На указанной глубине это пятно разделилось бровкой на две могильные ямы, почти одинаковые по размеру и параллельно расположенные. Прочие могильные ямы — меньших размеров и охватывают центральные полукольцом с востока, юга и запада.

Познакомимся с устройством и содержанием каждой могильной ямы.

Погребение № 1. Могильная яма ориентирована длинной осью по линии с.-ю. Длина

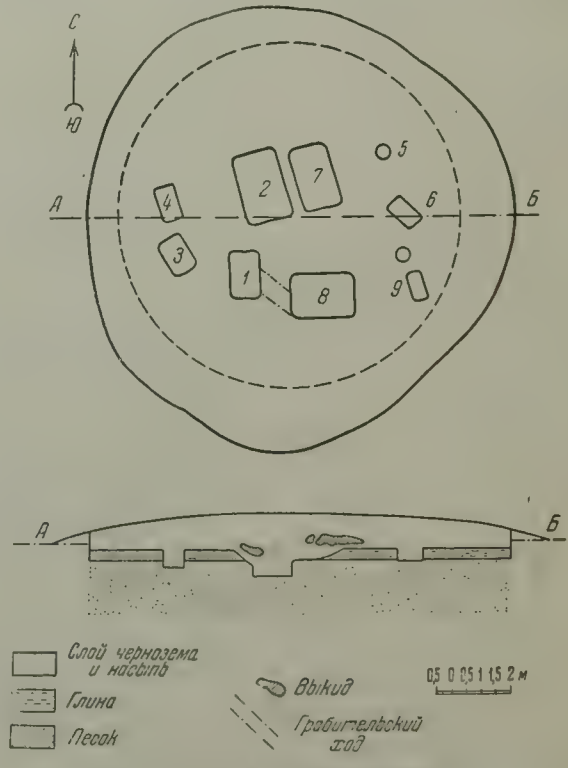


Рис. 2. План и профиль кургана 8.

могилы — 1,37 м, ширина — 0,97 м, глубина — 1,15 м [1]. Дно несколько углубляется к середи-

[1] Здесь и в дальнейшем глубина всюду указывается от поверхности кургана у центра.

не. Вдоль могилы шел бревенчатый накатник, обвалившийся на дно. У коротких стен под накатником оказались также бревна. Трудно установить — являются ли они остатком сруба или поддерживали накатник и вместе с ним обвалились на дно. Погребение детское. Костяк ребенка в возрасте немного старше года[1] истлел почти полностью. Сохранилось несколько зубов и едва заметные остатки черепных костей в самом центре могилы. К северу от черепа прослеживаются фрагменты длинных костей ног. Непосредственно у костей черепа, к западу от них, на костях кисти руки оказалась половина бронзового желобчатого браслета. К северу же от черепа обнаружены две пастовые бусинки. В юго-западном углу могильной ямы найдено четыре сосуда. К западу от предполагаемого местонахождения ступней ног стоял вверх дном пятый небольшой сосудик, наполненный красной краской.

Расположение сохранившихся костей дает основание предполагать, что костяк был положен на левый бок, скорченно, головой к югу.

В засыпке могильной ямы найдены бронзовая кольцевидная бусина и четыре черепка. Из них три — от сосудов данного погребения, а четвертый попал откуда-то извне.

Стенки и дно могильной ямы сильно изрыты грызунами. Верх южной части восточной стенки разрушен грабительским ходом, прошедшим отсюда наклонно к востоку к погребению № 8.

Посредине западной стенки у края могилы лежала грудка костей: черепа и кости ног коровы и овцы.

Погребение № 2 является наиболее западным из двух центральных, основных погребений. Могильная яма ориентирована по длине с севера на юг. Длина могилы — 2,40 м, ширина — 1,60 м, глубина — 1,27 м. Накатник шел поперек могилы с востока на запад. Обвалившиеся бревна его сохранились лишь у стен и в северной части могильной ямы. Стенки ямы у дна обложены одним рядом бревен, концы которых в углах не доходили друг до друга. Погребение полностью разграблено. Нетронутыми остались лишь части двух ступней в северной половине могильной ямы и два сосуда в северо-восточном углу ее. Один из сосудов был починен при помощи медной скобочки. По дну разбросаны отдельные мелкие кости человека: коленные чашечки, фаланги, пяточные кости. В крупной норе в северо-восточной части дна могилы найдена длинная кость и просверленная раковина. В засыпке могилы найдена бронзовая скобочка.

Четко прослеживается и грабительский лаз. Он шел наклонно от центра кургана на с.-з. к центру могильной ямы через юго-восточный ее угол. На всем протяжении ход заполнен разрозненными костями, принадлежащими двум взрослым: мужчине и женщине. Среди костей найдены черепки и бронзовая боченкообразная бусина, согнутая из листа. На западной стенке возле северо-западного угла могильной ямы обнаружены череп и кости ног овцы.

Погребение № 3. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по длине с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. Длина могилы — 0,97 м, ширина — 0,70 м, глубина — 0,97 м. Погребение детское. Приблизительно в центре на дне могильной ямы едва различимы остатки черепных костей и в северном углу — небольшой фрагмент длинной кости. Вероятно костяк был ориентирован головой на юг и лежал на левом боку, в скорченном положении. В южном углу могилы найдены: два сосуда, бронзовая скобочка и фрагмент какой-то небольшой поделки из бронзы, назначение которой неясно.

Погребение № 4. Могила прямоугольной формы, имеет длину 1,07 м, ширину — 0,60 м, глубину — 1,06 м, ориентирована по длине с ю.-ю.-в. на с.-с.-з. Погребение детское. На дне остатки костяка: раздавленный череп, ребра, длинные кости ног и рук. Костяк ориентирован головой к с.-с.-з., лежал на левом боку, в скорченном положении. Перед лицом покойника был поставлен глиняный сосуд, склонившийся устьем к ю.-ю.-в. Вне могилы, на уровне грунтовой глины, к востоку от северо-восточного угла могильной ямы стоял другой глиняный раздавленный сосуд.

Погребение № 5. В 1,60 м к востоку от погребения № 7 в толще древнего чернозема обнаружен глиняный раздавленный землей сосуд, лежавший на боку устьем к югу. Вследствие отдаленности этого сосуда от ближайших могильных ям трудно его связать с какой-либо из них. Видимо, это остатки впускного более мелкого детского погребения, костяк которого начисто истлел. Границы этой могильной ямы в черноземе не могут быть прослежены.

Погребение № 6. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по длине с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 0,83 м, ширина — 0,60 м, глубина — 1,02 м. Погребение детское. От костяка сохранился только раздавленный череп, лежавший в южной части могилы. Возле него с северной стороны было найдено ожерелье из просверленных раковин (рис. 6, *1*) и четырех клыков (рис. 6, *6*). В норе, проходящей от черепа в северный угол могильной ямы, возле стоявшего здесь сосуда, найдена еще раковина и два просверленных клыка, видимо, затащенных сюда от ожерелья. Ориентировка костяка, вероятно, южная.

Погребение № 7 является наиболее восточным из двух центральных основных погребений. Могильная яма прямоугольной формы

[1] Определение антропологического материала из описываемых курганов произведено К. В. Вильшау в Антропологическом институте Московского государственного университета в 1938 г.

с несколько округлыми углами, ориентирована по длине с севера на юг. Длина могилы — 2,35 м, ширина — 1,65 м, глубина — 1,38 м (рис. 3). Поперек ямы шли бревна накатника, от обвала сползшие по стенкам и покрывшие почти сплошь дно могилы за исключением юго-западного угла ее. В этом углу встречены лежавшие в беспорядке отдельные куски гнилушек вместе со смешанными разбросанными и переломанными костями человека и овцы, черепками и отдельными предметами украшений. Нижняя часть стенок могильной ямы обложена одновенечным срубом из бревен толщиной до 22 см. В углах бревна не скреплены и несколько не доходят одно до другого.

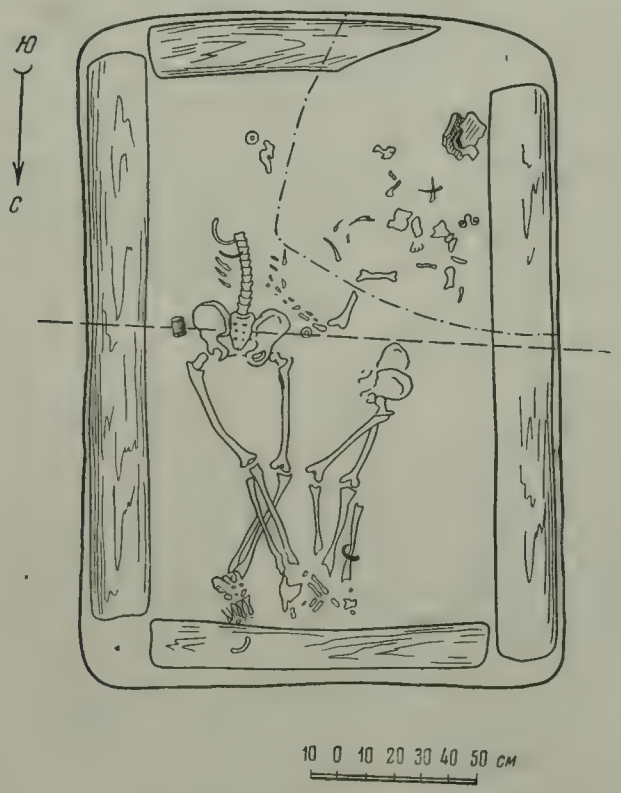


Рис. 3. План погребения № 7 в кургане 8.

На дне могилы обнаружены два неполных костяка. Верхняя треть костяков уничтожена грабителями и грызунами. Костяки ориентированы головами к югу. У костяка № 1, принадлежавшего мужчине, уничтожена вся верхняя часть, включая грудь. Положение нижней части позвоночника, крестца и таза указывает, что костяк был положен на спину. Кости ног не параллельны. Левое бедро направлено с юга на север, правое обращено к востоку и имеет направление ю.-в.— с.-з. Голени перекрещены так, что ступня правой ноги расположена западнее левой ступни, а правая голень лежит поверх левой. Такое странное положение костей ног вызывает предположение о посмертном изменении положения костяка, первоначально, возможно, положенного на левый бок. Кости ступни правой ноги костяка № 1 налегают на кости ступней костяка № 2, находящегося к западу от костяка № 1.

У костяка № 2, принадлежавшего девушке-подростку лет 15, в непотревоженном состоянии находятся лишь кости ног, таза и частично одной руки. Костяк № 2 лежит на правом боку, при очень слабой скорченности ног. Плечевая кость сохранившейся руки идет вдоль туловища. Кости предплечья, согнутые под прямым углом к плечевой кости, направлены на восток, причем кисть этой руки лежит в области груди костяка № 1. Место расположения туловища костяка № 2 занято разбросанными в беспорядке отдельными костями человека: позвонками, ребрами, ключицей и др. На обломке черепа с ушным отверстием заметна сильная окраска окисью меди. Здесь же найдены отдельные кости овцы (ребра, астрагал, трубчатые), черепки и предметы украшений: очковидная бронзовая привеска, бронзовые кольцевидные бусинки (5 экз.), боченкообразные из листа (4 экз.) и белые пастовые (12 экз.), бронзовая спиралька (рис. 6, *5*), просверленная раковина и два просверленных клыка лисицы[1]. Плечевая кость костяка № 2 посредине перерублена. Эти разрушения — след грабительской мины, прошедшей от центра кургана наискось вниз к с.-в. таким образом, что самый юго-западный угол дна могильной ямы грабежом оказался затронут слабо. Здесь частично сохранились бревна сруба и осталась на месте (в самом углу) часть черепков раздавленного большого глиняного сосуда. Кроме упомянутых предметов в могильной яме найдены следующие вещи. В юго-восточном углу — круглая бронзовая бляха из листа с рельефным орнаментом в виде концентрических поясков и четырьмя парами круглых маленьких отверстий по краям крест-накрест для нашивания (рис. 5, *7*). На нижней части предплечья костяка № 2 сохранились три бронзовых желобчатых браслета. К северу от браслетов лежало костяное кольцо пряжки, видимо, от пояса костяка № 1 (рис. 5, *8*). Нижняя часть голеней костяка № 2 охвачена бронзовыми спиральками. Одна спиралька затащена грызунами к северу от ступней костяка № 1. Медная окись от этих украшений сильно окрасила кости голени: у одной — нижнюю четверть, у другой — нижнюю треть. Повыше левого колена костяка № 1 на внешней стороне бедренной кости находилась маленькая бронзовая пластинка. Справа у таза лежала эллипсовидной формы массивная литая бронзовая булава (рис. 7, *1*) с продольным круглым отверстием диаметром 2,2—1,5 см (длина булавы—7 см, наибольшая толщина — 3,5 см). Отверстиями булава на-

[1] Определение остеолога ИИМК АН СССР В. Карачаровского.

правлена к югу и северу, внутри ее сохранился деревянный стержень. Булава была или положена вдоль правого бока костяка № 1 или укреплена на поясе.

В могильной засыпке встречены по всей площади бусинки — пастовые, бронзовые кольцевидные и согнутые из листа боченкообразные, несколько мелких бронзовых пластинок, одна бронзовая обоймица. В северо-западной части могилы близ дна в засыпке же найдена раковина с отверстием.

В насыпи кургана у юго-западного угла могильной ямы, откуда проникли грабители, найдена одна кольцевидная бронзовая бусина и две полушарных бляшки с двумя отверстиями по краям для нашивания.

Погребение № 8. Могильная яма крупных размеров расположена в середине южной половины кургана и ориентирована продольной осью по линии в.-з. Длина могилы — 2 м, ширина — 1,65 м, глубина — 1,27 см. Стенки у дна обложены в один венец бревнами толщиной до 10 см. Поперек могильной ямы шел накатник, сохранившийся у северной и южной стенок, в центре же найдены в беспорядке лежавшие гнилушки. Могила оказалась ограбленной. В засыпке, а особенно часто на дне ямы встречались лежавшие в полном беспорядке кости трех детей — 7—8 и 5—6 лет и 9—10 месяцев, а также черепки и одна бронзовая кольцевидная бусина, перемешанные с мелкими гнилушками. В засыпке найден также каменный стержень — обломок окаменелого дерева или белемнита (?). На одной лучевой кости заметна зелень окиси меди.

В середине северной стенки, у края могилы обнаружена грудка костей коровы (череп и кости ног) и на них — опрокинутый вверх дном сосуд. К северу от него лежали черепки другого сосуда, но возможно, что эти осколки относятся к разграбленной могиле № 2, грабительский ход от которой проходит севернее описываемой грудки.

Грабители проникли в погребение № 8 со стороны погребения № 1. Могильные ямы этих погребений соединены нижней частью грабительского хода в виде траншейки, шириной 0,55 м. Грабительский ход шел наклонно от могильной ямы № 1 к уровню дна могильной ямы № 8.

Погребение № 9. Могильная яма ориентирована по длине с с.-с.-з. на ю.-ю.-в.; длина могилы — 0,73 м, ширина — 0,34 м, глубина — 1,12 м. Погребение детское. От костяка ребенка сохранились только три незначительных фрагмента длинных костей в южной трети ямы, видимо, от ног. Почти в центре ямы на дне найдена одна пастовая бусина голубоватого цвета. У середины западной стенки был найден сосуд, склонившийся устьем к ю.-в.

Между погребениями № 6 и 9 в толще чернозема лежала грудка костей овцы, занимавшая площадь 0,40 × 0,35 м. Здесь были положены рядами кости ног нескольких овец (точное количество их до определения зоологами не установлено) копытами к северу. На среднюю часть этих костей опрокинут вверх дном глиняный сосуд, а вокруг него поверх костей ног разложены кругом черепа овец. Среди костей черепа найдена лобная часть с рогом. Внутри сосуда находились кости ног овцы; на $^2/_3$, считая от дна, сосуды заполнены черным перегноем очень мелкой структуры.

КУРГАН 13

Высота кургана — 1 м. В плане курган, отклоняясь от круга, несколько вытянут по линии с.-в.— ю.-з. Ширина насыпи в этом направлении—29,5 м, а по линии с.—ю.—26 м. Перв

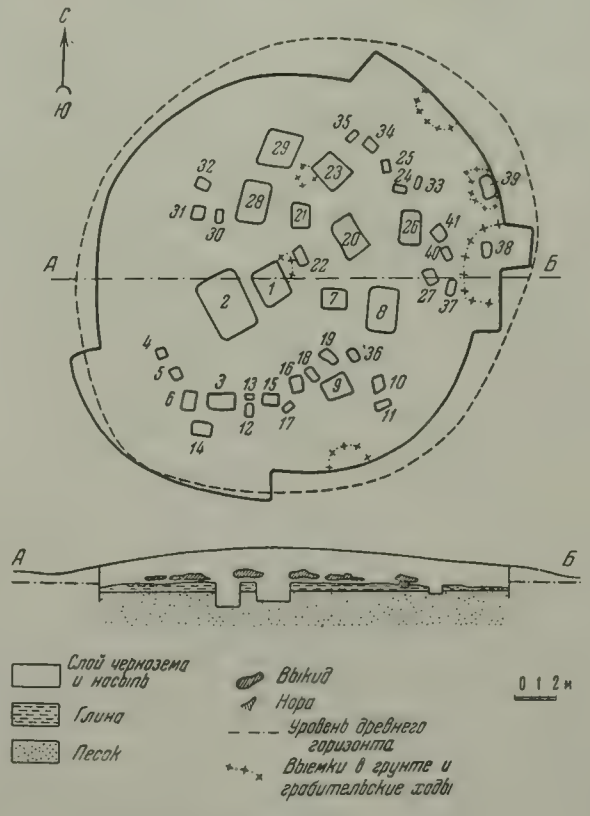


Рис. 4. План и профиль кургана 13.

воначально был заложен близкий к кругу раскоп протяжением с севера на юг — 23,25 м, с востока на запад — 22 м (рис. 4). В дальнейшем раскоп пришлось расширить на с.-в. и ю.-з., так как могильные ямы уходили под стенки. Остались нераскопанными лишь узкие полоски по краям кургана шириной 0,5—1,5 м. При сносе насыпи в нижней ее части были обнаружены обширные пятна выкида, лежащего на уровне древнего горизонта. Местами выкид перекрывал частично могильные пятна. Всего под насыпью кургана обнаружена 41 грунтовая могила.

Под по́лами восточной половины кургана в грунте ниже древнего горизонта встречены четыре выемки неправильно-удлиненной формы, глубиной до 0,70 м, длиной вдоль полы кургана от 2 до 4 м.

Погребение № 1 расположено в центре кургана. Могильная яма ориентирована по линии с.-с.-з.— ю.-ю.-в. Длина могилы — 2,9 м, ширина — 2,10 м, глубина от вершины кургана — 2 м. Вдоль стенок ямы, с некоторым отступом от них, идут бревна сруба толщиной (снизу вверх) до 50 см и шириной 15 см. Видимо, бревна были отесаны в плахи. Концы бревен не соединены. Поперек могилы шел накатник, остатки которого видимы на краях могилы и на срубе. Одно бревно накатника сохранилось полностью и прослежено через все дно могилы. Под этим бревном возле восточной стенки найдена часть таза человека, видимо, в первоначальном положении. Северная половина погребения разрушена грабителями, причем снесена часть восточной стенки могилы, отчего получилась выемка, длиной вдоль стенки 1,15 м, шириной—0,75 м, с округлыми углами. Грабительской ямой разрушен весь северо-восточный угол сруба. Северная часть могилы в засыпке и по дну была заполнена мелкими рассыпавшимися гнилушками и переломанными костями черепа человека, причем обломок нижней челюсти был сильно окрашен окисью меди. Череп принадлежал, видимо, женщине 40—50 лет.

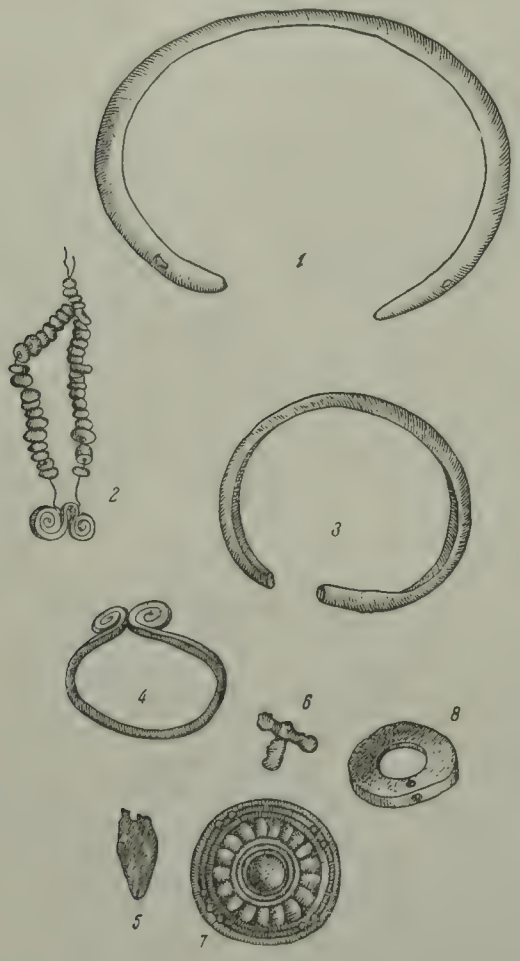


Рис. 5. Предметы украшения:

1, 4 — из кургана 13, погреб. № 9; *2* — из кургана 13, погреб. № 31; *3* — из кургана 13, погреб. № 1; *5* — из кургана 13, погреб. № 5; *6* — из кургана 13, погреб. № 32; *7, 8* — из кургана 8, погреб. № 7.

На дне могилы встречены большие куски гнилушек, плотно, но беспорядочно покрывавшие дно. Под ними обнаружены две фаланги человека. В юго-восточном углу найдены три сосуда, один из них очень больших размеров. Другой, небольшой, стоял вверх дном. В юго-западном углу находились два сосуда. К северу от них лежали два бронзовых браслета (рис. 5, *3*), вложенные один в другой. У середины южной стенки между сосудами, стоящими по углам, найдено несколько пастовых бусинок и одна крупная бусина, выточенная из серо-зеленоватого талька.

Видимо, в южную часть могилы грабители проникли из северной ее части, находившейся под еще не обвалившимся накатником, и вытащили оттуда остатки костяка. Позднее накатник обвалился.

В средней части могилы в засыпке и на дне встретилось несколько бусинок и обломок бронзового браслета.

В 1,15 м к северу от могилы найдены череп и кости ног овцы.

Погребение № 2 расположено несколько к ю.-з. от центра кургана и параллельно погребению № 1. Могильная яма ориентирована по линии с.-с.-з.— ю.-ю.-в. Длина могилы — 4,15 м, ширина — 2,63 м, глубина — 2,30 м. Вдоль южной и восточной стенок могильная засыпка состоит из глинистого выкида. На дне могилы находились четыре бревна, положенные параллельно земляным стенкам могильной ямы в 30—40 см от них. Сохранившиеся перегнившие части бревен достигают толщины 20—30 см. Концы бревен в углах не соединены. Накатник, шедший поперек могилы, состоял из березовых бревен до 50 см толщиной. Бревна эти переломились в середине, и обломки их опустились наклонно по стенкам. Пустота между земляными стенками могильной ямы и бревнами сруба заполнилась затекшим из стенок песком, песок покрыл и самые бревна, а также прилегающие к ним изнутри участки дна.

На стенках юго-западного угла могильной ямы и на накатнике над этим углом могилы обнаружены два костяка лошадей, лежавшие на боку, черепами к с.-в., мордами друг к другу. Черепа и передняя часть костяков сползли вместе с обвалившимся накатником в могилу.

В середине северной стенки, также частично свисая в яму, лежали кости черепа и ног ко-

ровы. В засыпке могилы с самого верха, преимущественно в центральной части, найдено большое количество черепков и костей человека. Ближе ко дну эти признаки несомненного грабежа сосредоточиваются в южной половине могильной ямы. Помимо костей и черепков, встречены две белые пастовые бусины и кремневый наконечник стрелы (рис. 7, *3*). Не затронутой грабежом осталась лишь самая северная часть могилы. У бревен сруба под песком в северо-восточном углу ее обнаружен сосуд, поставленный вверх дном, в северо-западном — кости голени и ступни взрослого в анатомическом порядке. К востоку от верхних концов костей голени едва прослежены остатки позвоночника ребенка или мелкого животного (из-за плохой сохранности кости определению не поддаются). В северо-восточном углу под опрокинутым сосудом, оказавшимся пустым, найдена кучка волокон в виде пепла серо-светлорозового цвета, как от сожжения травы. Остальная площадь дна, за исключением участков с затекшим песком, покрыта засыпкой черного цвета, очень твердой, смешанной с массой гнилушек, сильно измельченных, большим количеством костей человека, частью переломанных, и черепками. Тут же найдены отдельные предметы: четыре бронзовые бусинки, скрепленные между собою окисью, одна пастовая бусина, просверленный клык, обломанный по отверстию. Среди вещей имеется крупная костяная поделка неопределенного назначения в виде кружка с квадратным отверстием в середине и круглым стержнем, отходящим от ребра. В стержне просверлено круглое отверстие, а выше него находится перекрестье (рис. 7, *2*). Кости, обнаруженные в могиле, принадлежат трем взрослым особям, видимо, пожилой женщине и двум мужчинам.

Судя по положению единственно сохранившихся в непотревоженном виде костей ноги, один из костяков был ориентирован на юг и лежал на левом боку.

Погребение № 3. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы — 2 м, ширина — 1,30 м, глубина — 1,90 м. Вырыта могильная яма во рву или выемке, сделанной при сооружении насыпи над основным погребением. Выкид возле этой могилы лежит или непосредственно на грунтовой глине или на тонком слое чернозема, причем расположен к югу от ямы, т. е. выброшен на внешнюю сторону, а не на насыпь основного кургана. Вдоль стенок на дне могильной ямы местами прослеживаются бревна. Сохранились и отдельные части обвалившегося накатника, шедшего вдоль могилы. Гнилушки накатника прослежены на дне у восточной и южной стенок. Погребение разграблено. При раскопках его найдено: в северо-западном углу — обломок черепа и небольшой черепок; у восточной стенки — височная кость; в северо-восточном углу — фаланга и черепок; в юго-восточной части могилы выше обвалившегося накатника — длинная кость овцы; у северной стенки могильной ямы близ северо-западного угла — сосуд и черепки.

Погребение № 4. Могильная яма ориентирована по длине с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 0,82 м, ширина — 0,5 м, глубина — 1,36 м. Погребение детское. Сохранились лишь кости черепа в обломках в северном углу и сосуд в западном. По взаимному расположению костей черепа и сосуда можно думать, что костяк лежал скорченно, на правом боку и был ориентирован головой на север.

Погребение № 5. Могильная яма ориентирована по длине с ю.-ю.-в. на с.-с.-з. Длина могилы — 0,88 м, ширина — 0,67 м, глубина — 1,42 м. Погребение детское. В восточной половине могильной ямы обнаружены фрагменты детского костяка, лежавшего скорченно, на левом боку, головой к югу. В середине могилы найден большой сосуд. Возле него с юга лежала бронзовая ромбовидная привеска (рис. 5, *5*). В норах найдены еще две бусины: бронзовая, свернутая из листа, и двойная белая пастовая. У середины восточной стенки на краю могилы найдены череп, частично свисающий в могильную яму, и кости ног овцы, а в 0,35 м к востоку — сосуд, склоненный устьем на восток же.

Погребение № 6. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 1,4 м, ширина — 0,98 м, глубина — 1,80 м. Вдоль стенок у дна прослеживаются местами гнилушки сруба, а в засыпке и на дне могилы — фрагменты обвалившегося накатника, шедшего вдоль могилы с севера на юг.

В северо-восточном углу найдено два сосуда, в центре — два бронзовых браслета с обломками длинных костей (детских) и несколькими молочными зубами. Кости и зубы окислились от меди. Близ середины южной стенки лежали бронзовые бусины. На этой же стенке, возле юго-западного угла могилы обнаружены череп и кости ног овцы.

Погребение № 7. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы — 1,55 м, ширина — 1,30 м, глубина — 1,66 м. У стенок прослежены остатки сруба и гнилушки от настила, шедшего с востока на запад. Погребение разграблено. В засыпке найдено несколько черепков и костей человека. В северо-восточном углу обнаружены кости черепа и отдельные ребра человека, разбросанные в беспорядке. Некоторые ребра оказались лежащими на черепе. В северо-западном и юго-западном углах найдены черепки двух сосудов. В северо-западном углу, под стенкой, найдена в норе нижняя челюсть и кости ребенка 7—8 лет: 2 локтевых, 2 лучевых и 1 плечевая; все кости сильно окрашены окисью меди (плечевая — в верхней части, остальные — в нижней);

первые четыре кости заключены в толстый слой какого-то тлена (луб или кожа?).

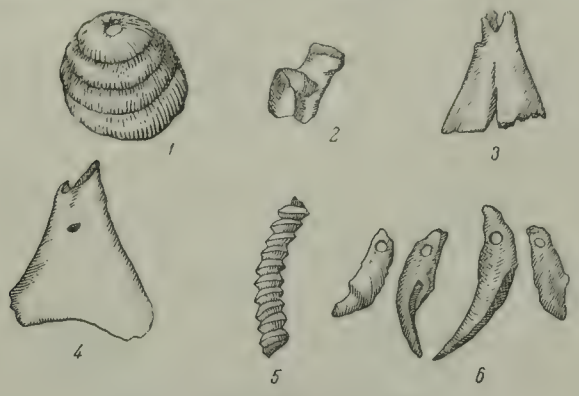


Рис. 6. Предметы украшения.

1, 6 — из кургана 8, погреб. № 6; *2, 3, 4* — из кургана 13, погреб. № 9; *5* — из кургана 8, погреб. № 7.

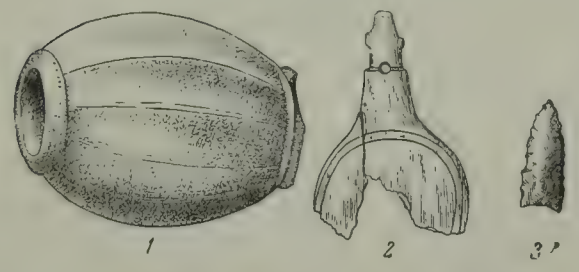


Рис. 7. Предметы из курганов 13 и 8.

1 — бронзовая булава, курган 8, погреб. № 7; 2 — поделка из кости, курган 13, погреб. № 2; 3 — кремневый наконечник стрелы, курган 13, погреб. № 2.

Рис. 8. Украшения на верхней половине костяка из погребения № 9 в кургане 13.

Погребение № 8. Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 2,5 м, ширина — 1,9 м, глубина — 1,92 м. Стенки могильной ямы обложены у дна бревнами. От накатника, шедшего поперек могилы, сохранились гнилушки, спускающиеся по стенкам ко дну.

Погребение разграблено. Сохранились лишь часть раздавленного сосуда в юго-восточном углу могильной ямы и небольшой поврежденный горшочек в северо-восточной части ее дна, причем последний находится не в первоначальном положении, так как стоит не на дне, а сантиметров на 5—7 выше дна — на толще могильной засыпки темного цвета. По всей засыпке, преимущественно в центральной части, ближе к северо-западному углу могилы разбросаны отдельные черепки и кости очень молодой женщины, а также часть таза ребенка лет семи. Положение костяка установить нельзя.

Кроме черепков и костей, в засыпке найдены белая пастовая бусинка, бронзовый крючочек и галька. На край накатника северной стенки у северо-западного угла могилы была положена грудка костей овцы и коровы. Часть костей сползла в могилу вместе с обрушившимся накатником. Точно определить количество особей из-за слабой сохранности костей трудно, однако их было, вероятно, не менее двух каждого вида. На грудке костей встречены отдельные черепки, видимо, грабительский ход прошел над этой грудкой.

Погребение № 9. Могильная яма ориентирована с ю.-з.-з. на с.-с.-в. Длина могилы — 1,85 м, ширина — 1,27 м, глубина — 1,85 м. Местами на дне могильной ямы вдоль стенок сохранились гнилушки сруба. Там же найдены сильно истлевшие части костяка девочки-подростка [1], ориентированного головой к ю.-з.-з. и лежавшего на левом боку, скорченно, с подогнутыми к лицу руками. От костяка сохранились части берцовых и бедренных костей, таза, черепа (последний сильно расселся по швам) и едва прослеживающиеся отдельные ребра.

Костяк снабжен большим количеством украшений (рис. 6, *2, 3, 4*; рис. 8). На черепе обнаружен бронзовый обруч с разомкнутыми спереди концами, видимо, украшавший головной убор; за черепом — костяная ворворка, возможно, основание султана на шапочке; по плечам и спине спускаются нити украшений. За спиной и по плечу лежит ряд низок (не меньше трех), состоящих из пастовых и бронзовых бус и бронзовых трубочек; внизу одна из них заканчивается треугольной бронзовой привеской, другая — трапециевидной бронзовой обоймицей, служившей, видимо, ворворкой кисти; третья нить, находящаяся за спиной,

[1] Возраст девочки трудно определить. Несмотря на плохую сохранность костяка, все же устанавливается, что рост девочки был не ниже 1,5 м, следовательно, ее вполне можно рассматривать как подростка. Однако среди сохранившихся зубов много молочных.

составлена из просверленных зубов собаки и просверленных же мелких косточек. Верхняя часть груди покрыта большим количеством пастовых бус, которые местами расположены рядами, идущими поперек костяка с провисанием книзу. Нити эти составляли ожерелье из нескольких рядов, или были свободно прикреплены за концы на груди. У двух нитей оказалось по очковидной привеске. От шеи через середину груди спускается длинная нить из чередующихся бронзовых и пастовых бус. Внизу она расширяется в кисть из четырех нитей, заканчивающихся каждая бронзовой пластинчатой привеской особой формы: круглой, крестообразной, ромбической, листовидной. На левой ключице обнаружено полое бронзовое кольцо, согнутое из листа, с заостренными концами. Непосредственно к кольцу с востока, снизу, примыкает совершенно окислившаяся круглая бляшка. Кольцо налегало на ряды бус. В области правой ключицы найдена часть такого же другого кольца и остатки бляшки. Прочие части кольца и бляшки растащены грызунами, проделавшими здесь, а также в области шеи и внутри черепа нору. Норой этой разрушен и череп, от него сохранились лишь три обломка черепной крышки. Часть молочных зубов оказалась затащенной под левую ключицу.

Другая, хорошо прослеживающаяся нора прошла вдоль костяка между нитями на плече и на груди. Из нагрудных украшений грызунами оттащены в область живота нижняя часть нити, состоящая из бронзовой трубочки и двух листовидных привесок. На предплечьях обеих рук обнаружено по два браслета из четырехгранного бронзового прута со спирально-завитыми концами. Кости каждой руки возле браслетов охватывают два ряда пастовых бусин с редкими медными пронизками. Бусы, видимо, украшали обшлага одежды. На дне могильной ямы в области живота костяка найдено несколько десятков пастовых бус, спускающихся почти до колен. Местами они расположены рядами. Видимо, бусы были нашиты на низ платья или передника. У колен найдены бронзовые круглые полушарные бляшки с двумя отверстиями для нашивания. В нижней части голени одной из ног, у лодыжки, обнаружена нить бронзовых и пастовых бусинок, охватывавших ногу. Спереди пастовые бусы образуют что-то вроде розетки. Сзади таза у крестца найден пучок просверленных зубов животных: клыки и резцы собаки и резцы домашнего быка. Эта кисть из клыков и зубов животных была, по всей видимости, привешена к поясу. За руками, к северу вскрыты мелкие кости и зубы животных со сверлинами; среди них различаются два коренных зуба собаки, две треугольные косточки и более круглое пятно,— кажется, распадающаяся раковина. Все это вместе составляло, надо думать, нить амулетов. К северу от них найдены две кости, похожие на ребра молодого животного, камень, схожий с клиновидным топором, и маленький сосудик.

В северо-западном углу могилы обнаружен большой сосуд, чиненый бронзовой скобочкой. Возле него к с.-в. и северу найдено по бабке коровы. За черепом, к западу от него, оказался средней величины сосуд, к югу — грудка костей животного, возможно, теленка. В северо-восточном углу обнаружен четвертый сосуд.

На северо-западный угол могильной ямы положены череп и кости ног овцы, частично сползающие в яму по обвалившимся бревнам накатника, шедшего вдоль могилы.

В могильной засыпке найдены два черепка с гребенчатым орнаментом, не от сосудов из могилы. Кроме того, в засыпке и норах обнаружено несколько бусинок, а в норе, на ю.-ю.-в. от большого сосуда — бронзовая скобочка — скрепка для сосуда.

Погребение № 10. Могильная яма очень малых размеров (0,68 × 0,43 м, при глубине 1,40 м) ориентирована по линии с.-з. — ю.-в. Погребение детское. Сильно истлевший костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой к ю.-в. Положение его определяется по сохранившимся фрагментам отдельных костей. В западном углу могилы найден сосуд.

Погребение № 11 также детское. Длина могилы по линии с.-з.— ю.-в.— 0,75 м, ширина — 0,38 м, глубина — 1,5 м. На дне найден хорошо сохранившийся костяк, лежавший на правом боку в скорченном положении, головой к с.-з. В северо-западном углу обнаружен сосуд, свалившийся на череп; сосуд лежал на боку и был обращен устьем к востоку.

Погребение № 12. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 0,95 м, ширина — 0,56 м, глубина — 1,66 м. На дне ямы лежал на левом боку, в скорченном положении, головой к северу сильно истлевший детский костяк. В северо-восточной части могилы перед лицевыми костями черепа найден сосуд, склонившийся несколько на бок, устьем к ю.-з. У края могилы, на западной ее стенке, ближе к юго-западному углу обнаружен другой сосуд, склонившийся устьем к западу. Рядом с ним, несколько западнее, открыт сильно истлевший костяк небольшого животного, положенный на левый бок, головой к востоку.

Погребение № 13. Могильная яма ориентирована с востока на запад. Длина могилы — 0,52 м, ширина — 0,37 м, глубина — 1,4 м. Погребение детское. Костяка не сохранилось. В центре могильной ямы найдены два небольших сосуда, западный из них наклонен устьем к востоку, восточный раздавлен. Сосуды занимают так много места, что трудно представить, где мог поместиться костяк, хотя бы и маленького ребенка. В 0,25 м к северу от могильной ямы у северо-западного угла ее

найдены кости черепа и ног овцы, рядом с ними, еще севернее,— сосуд, наклонившийся устьем к югу.

Погребение № 14. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинной осью по линии з.-с.-з.— в.-ю.-в. Длина могилы — 1,5 м, ширина — 1,15 м, глубина — 1,68 м. Могила оказалась ограбленной: ничего, кроме нескольких маленьких черепков без орнамента, встретившихся в засыпке, в ней не оказалось. Кое-где вдоль стенок на дне прослеживаются гнилушки сруба.

Погребение № 15. Могильная яма ориентирована с востока на запад. Длина ее — 0,95 м, ширина — 0,73 м, глубина — 1,64 м. Погребение детское. Сохранились отдельные фрагменты косточек нижней половины костяка, по которым можно судить, что костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой к западу. В северо-западном углу могилы найден сосуд. По всему дну и в засыпке близ дна встречались небольшие угольки.

В 0,35 м к с.-з. от угла могильной ямы найден другой сосуд. При сносе насыпи, близ этой могилы, в 0,50 м к северу от середины северной стенки, был изъят сосуд, видимо, относящийся к этому же погребению.

Погребение № 16. Могильная яма ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением. Длина могилы — 1,20 м, ширина — 0,88 м, глубина — 1,22 м. Могильная яма пронизана многими норами, обитателями которых, видимо, и уничтожено погребение. Никаких признаков костяка не найдено. Обнаружен лишь незначительный кусочек окиси меди.

Погребение № 17. Могильная яма ориентирована с ю.-з.-з. на с.-в.-в. Длина могилы — 0,60 м, ширина — 0,40 м, глубина — 1,34 м. В могильной яме ничего не обнаружено, кроме лежавших в северо-восточном углу ее костей ног и черепа овцы.

Погребение № 18. Могильная яма ориентирована по линии с.-з.-з.— ю.-в.-в. Погребение детское. Длина могилы — 0,80 м, ширина — 0,44 м, глубина — 1,36 м. Найдено лишь два сосуда в западном углу. В засыпке встречен небольшой уголек. Никаких следов костяка не сохранилось.

Погребение № 19 ориентировано почти параллельно предыдущему. Длина могилы — 0,97 м, ширина — 0,55 м, глубина — 1,39 м. На дне сохранились отдельные небольшие фрагменты косточек ребенка. В восточном конце могилы найдены части двух больших берцовых костей. Несколько западнее середины могилы обнаружены остатки лучевых и локтевых костей с бронзовыми браслетами на каждой руке. Вокруг нижней части берцовых костей шли нити бронзовых бусинок. По положению сохранившихся косточек можно судить, что костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой к западу.

В северо-западном углу могильной ямы обнаружен сосуд, склоненный устьем к востоку. По всему дну разбросана масса углей. Дно прорезано большими норами. Местами, в том числе и на костях ног, прослеживаются обугливщиеся сверху плахи дерева с гнилушками под ними, идущие с востока на запад. Видимо, это след накатника, на котором был разведен огонь, обугливший его сверху.

Над сосудом в засыпке в анатомическом порядке встречены кости овцы: череп и ноги, осевшие с угла накатника.

Погребение № 20. Могильная яма ориентирована по линии с.-з.— ю.-в. Длина могилы — 2,27 м, ширина — 1,6 м, глубина — 1,86 м. Вдоль стен сохранились бревна сруба толщиной до 0,35 м. В углах бревна не скреплены и не заходят друг за друга. Накатник шел вдоль могилы.

Погребение разграблено. В засыпке и на дне найдены отдельные переломанные и сильно истлевшие мелкие кости человека и один черепок. В середине могильной ямы ближе к северу обнаружена группа костей стоп человека, в том числе две пяточные, лежавшие поблизости одна от другой, но не в первоначальном положении. Видимо, костяк был ориентирован головой на юг. Кости принадлежали очень молодому человеку, может быть подростку, так как все эпифизы, даже на фалангах, не срослись и отпали.

На краю могилы, у юго-восточного угла ее, найдены череп и кости ног овцы, лежавшие на выкиде.

Погребение № 21. Могильная яма ориентирована по линии с.—ю. Длина могилы — 1,65 м, ширина — 1,30 м, глубина — 1,56 м.

Погребение ограблено. В засыпке могильной ямы обнаружено лишь несколько костей человека, а также одна длинная кость овцы и несколько черепков.

Погребение № 22. Могильная яма ориентирована с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 0,85 м, ширина — 0,5 м. глубина — 1,20 м. Судя по размерам, погребение детское, но никаких признаков костяка не сохранилось, не обнаружено также и никаких находок. Могильную яму пронизывает много нор.

Погребение № 23. Могильная яма ориентирована с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 2,35 м, ширина — 1,90 м, глубина — 1,78 м. Вдоль стенок на дне прослеживаются местами гнилушки сруба.

В южном углу могильной ямы, частично на стенке ее, частично над ямой, найдены кости животных — по комплекту костей ног и по черепу коровы и овцы. Черепа обращены мордами к могиле. На середине северо-западной стенки также найдены череп и кости ног овцы.

Погребение разграблено. В засыпке и по дну, преимущественно в северо-западной половине могильной ямы, найдены лежавшие в бес-

порядке отдельные кости человека в обломках и черепки. На лучевой кости человека замечена зелень окиси меди.

От западного угла могилы к ю.-з. прослежен грабительский ход с корытообразным, несколько наклонным в сторону могилы дном, длиной 1,70 м, шириной 0,90 м, глубиной 1,38 м. В грабительском ходе ничего не обнаружено.

Погребение № 24. Могильная яма ориентирована по линии с.-з.— ю.-в. Длина могилы — 0,73 м, ширина — 0,41 м, глубина — 1,53 м. На дне ее обнаружен костяк ребенка, лежавший на левом боку, в скорченном положении, с подогнутыми руками и ногами, головой на с.-з. В северном углу найден сосуд, склоненный устьем к ю.-в.

Погребение № 25. Могильная яма ориентирована по линии с.-с.-з.— ю.-ю.-в. Длина могилы — 0,66 м, ширина — 0,40 м, глубина — 1,60 м. На дне могилы лежал скорченно, на левом боку, сильно истлевший костяк ребенка обращенный головой к югу; бедра были расположены под прямым углом к позвоночнику. За головой костяка в юго-восточном углу найден сосуд.

На северной стенке могилы обнаружены черепа и кости ног двух овец, часть костей слегка сползла в северный конец могильной ямы, куда они были положены, видимо, на накатник.

Погребение № 26. Могильная яма ориентирована по линии с.-з. — ю.-в. Длина могилы — 1,90 м, ширина — 1,10 м, глубина — 2 м.

Могила сильно разрушена грабителями и большими норами. На дне ее ничего не найдено. В засыпке могилы встречено: несколько черепков, кремневый отщеп, две косточки ноги овцы, несколько мелких костей молодого человека. В норе, в дне могилы, найден второй кремневый отщеп. Вдоль северо-восточной стенки на дне могилы сохранилось бревно сруба и на нем следы накатника, шедшего вдоль могильной ямы.

Погребение № 27. Могильная яма ориентирована с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 0,88 м, ширина — 0,65 м, глубина — 0,50 м. Костяк не сохранился. В северном и западном углах могилы найдено по сосуду.

Погребение № 28. Могильная яма ориентирована по линии с.-с.-в.— ю.-ю.-з. Длина могилы — 2,5 м, ширина — 1,90 м, глубина — 1,70 м. На дне могильной ямы у стенок прослеживаются фрагменты сруба. У верха стенок замечены местами сползающие с них к центру бревна накатника, лежавшие поперек могилы. В засыпке и на дне могилы встречены отдельные кости человека, лежавшие в беспорядке, и один черепок. Кости (найдены 4 пяточные) принадлежат двум костякам, причем один из них очень молодого субъекта (эпифизы не срощены). Берцовые, лучевые, локтевые кости, ключица и шейные позвонки этого костяка сильно окрашены окисью меди.

У юго-западного угла, вне его, в 20 см от стенки могилы, в норе, идущей ко дну могилы под стенку, обнаружены плечевая кость мужчины и бедро взрослой женщины.

Погребение № 29. Могильная яма ориентирована по линии с.-с.-в.— ю.-ю.-з. и имеет почти квадратную форму. Длина могилы — 2,25 м, ширина — 2,20 м, глубина — 1,70 м. Погребение полностью разграблено: в засыпке и на дне найдены лежащие в беспорядке отдельные гнилушки, иногда довольно больших размеров, две бабки теленка и две бусины: белая пастовая и бронзовая боченковидная, согнутая из листа.

На южной стенке, возле юго-восточного угла могилы обнаружены два черепа и кости ног овцы. В юго-восточном углу на уровне грунтовой глины в норе найдена часть ребра крупного животного, возможно поделка.

Погребение № 30. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 1,01 м, ширина — 0,57 м, глубина — 1,35 м. На дне, несколько севернее середины, подле восточной стенки обнаружены остатки черепа ребенка.

Погребение № 31 расположено параллельно предыдущему. Длина могильной ямы — 1,12 м, ширина — 1,01 м, глубина — 1,34 м. Погребение детское. На дне могилы найден костяк девочки 5—7 лет, лежавший головой на юг, в скорченном положении, на левом боку, с подогнутыми руками и ногами. На каждом предплечье возле кистей надето по бронзовому браслету, возле браслетов обнаружено несколько просверленных резцов собаки [1], видимо, от ожерелья, и один молочный детский зуб. После снятия костей черепа в области шеи найдено два ряда пастовых бус. На внутренней нити бус в середине висела маленькая очковидная бронзовая привеска (рис. 5, *2*). На берцовых костях и подле них лежали низки из бронзовых и пастовых бус. В северо-западном углу, в ногах погребенной, был поставлен вверх дном маленький сосудик. В головах, в юго-восточном углу могилы найдено два сосуда.

У стенки могилы, возле юго-восточного угла ее, обнаружены кости ног и череп овцы.

Погребение № 32. Могильная яма ориентирована по линии с.-з.-з.— ю.-в.-в. Длина могилы — 0,98 м, ширина — 0,80 м, глубина — 1,35 м. В середине поперек могилы лежал сильно истлевший костяк ребенка в скорченном положении, на левом боку, головой к югу. Кисти рук находились у лица. На предплечьях были надеты бронзовые браслеты: на ближнем к черепу — два, на дальнем — один.

В юго-западном и юго-восточном углах могилы было найдено по одному сосуду, в северо-западном — два. Оба последние стояли вверх дном. Под черепом ребенка на уровне

[1] Определение В. Карачаровского.

зачистки обнаружены череп и кости ног овцы, видимо, обвалившиеся вместе с накатником. В области шеи лежали остатки ожерелья из пастовых бус и крестообразная привеска в середине нити; нижний конец креста обломан. На ногах и в области лодыжек были надеты низки из бронзовых бус.

Погребение № 33. Могильная яма ориентирована по линии ю.-з.— с.-в. Длина могилы — 0,65 м, ширина — 0,35 м, глубина — 1,40 м. На дне прослежен сильно истлевший костяк ребенка, ориентированный головой на ю.-з. и лежавший на левом боку, в скорченном положении. В западном углу погребения находился сосуд, склонившийся устьем к черепу. У подбородка найдена белая пастовая бусинка.

Погребение № 34. Могильная яма ориентирована по линии с.-з.— ю.-в. Длина могилы — 0,68 м, ширина — 0,51 м, глубина — 1,46 м. На дне ямы, в южном ее углу, обнаружен сосуд, склонившийся устьем к востоку. На юго-восточной стенке могилы найдены кости ног и черепа двух овец. Кости овец погребений № 25 и 34 соприкасаются друг с другом и расположены на одной глубине, видимо, эти два погребения сооружены одновременно.

Погребение № 35. Могильная яма ориентирована по линии с.-в.— ю.-з. Длина могилы — 0,54 м, ширина — 0,27 м, глубина — 1,36 м. Костяк не сохранился. В северном углу могилы открыт сосуд. У сосуда найдены молочный зуб ребенка и белая пастовая бусина.

Погребение № 36. Могильная яма ориентирована с с.-з. на ю.-з. Длина могилы — 0,65 м, ширина — 0,43 м, глубина — 1,34 м. Вдоль юго-западной стенки на дне могилы лежал на левом боку, скорченно, с подогнутыми руками и ногами костяк ребенка, ориентированный на с.-с.-з. На юго-западной стенке у южного угла могилы найден череп коровы, обращенный мордой к югу. В 50 см к ю.-ю.-в. от него — небольшой череп, видимо, собаки, также обращенный мордой к югу, и остатки другого животного, которое не удалось определить. Под черепом собаки оказалась яма небольших размеров, неясной формы, возможно, детская могила, разрушенная грызунами. В засыпке ямы найдено несколько черепков.

Погребение № 37. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 0,90 м, ширина — 0,50 м, глубина — 1,81 м. Восточная стенка расширена норой, обитатели которой разрушили все погребение. В норе найдены кости ног и ребра ребенка. У северной стенки обнаружены череп и кости ног овцы.

Погребение № 38 расположено под восточной полой кургана, на дне одной из выемок, образовавшихся при сооружении насыпи кургана. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина могилы — 0,86 м, ширина — 0,43 м, глубина — 2,04 м. В 1,07 м к северу от могильной ямы обнаружены череп и кости ног овцы. Через могильную яму прошла большая нора, разрушившая погребение. В норе найдена плечевая кость ребенка, а в засыпке — небольшой черепок с гребенчатым орнаментом, возможно, не имеющий отношения к данному погребению.

Погребение № 39. Могильная яма вырыта также в одной из выемок под восточной полой кургана и ориентирована с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. Длина могилы — 1,42 м, ширина — 0,90 м, глубина — 2,04 м. В дно выемки могильная яма углубляется лишь на 33 см. В засыпке найдено очень много черепков, в большинстве случаев от одного сосуда; черепки, лежавшие в полном беспорядке, встречались также и по дну. На северной стенке могильной ямы у самого края найдены черепа овцы и коровы. В 1,50 м на с.-з. от могилы, на глубине 1,20 м от вершины кургана обнаружены кости ног и череп лошади, обращенный мордой к ю.-з.

Погребение № 40. Могильная яма ориентирована с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. Длина могилы — 0,68 м, ширина — 0,40 м, глубина — 1,68 м. В юго-восточном углу могильной ямы найден череп ребенка. Остальные кости не сохранились. Рядом с черепом в юго-западном углу обнаружен сосуд.

Погребение № 41. Могильная яма нечеткой формы, близкой к овалу, ориентирована с с.-з. на ю.-в. Длина могилы — 0,95 м, ширина — 0,88 м, глубина — 1,65 м. В южной части могилы на дне найден черепок.

Погребения исследованных курганов отличаются довольно устойчивыми формами ритуала. Несмотря на то, что оба кургана содержали помногу погребений, все могилы были углублены в грунт. Ни одной из них не оказалось в насыпи курганов (если не считать спорного погребения № 5 кургана 8), что обычно бывает, когда практикуется «впуск» погребений в уже имеющуюся курганную насыпь. Курганы на оз. Алакуль создавались постепенно, путем многократных подсыпок к первоначальной насыпи, которая была сделана над первой, или, вернее, двумя первыми одновременно вырытыми могилами. Такими могилами в кургане 8 являются погребения № 2 и 7, а в кургане 13 — погребения № 1 и 2. Вокруг основания этой первоначальной насыпи, часто во рву или выемках, образовавшихся вокруг кургана в процессе изъятия материала для сооружения насыпи, в дальнейшем вырывались новые могильные ямы. Чтобы покрыть новые могилы насыпью, над ними делалась досыпка. Так постепенно курган рос в том направлении, в каком возникали новые могилы.

Описанное устройство курганов доказывается кольцеобразным расположением могил вокруг центральных погребений, наличием нескольких могил (№ 38 и 39) в выемках

кургана 13 и несколькими случаями положения сосудов и костей животных на краях могильных ям на уровне не древнего чернозема, а грунтовой глины и в ее толще, т. е. во рву или выемках.

Почти во всех могильных ямах вдоль стенок на дне прослежена обкладка из одного ряда бревен, концы которых не были скреплены и, следовательно, не образовывали сруба. Сверху могилы перекрывались накатником из бревен. В некоторых могилах следов бревен не сохранилось. Это объясняется или полным разграблением могилы или бесследным сгниванием дерева в маленьких могилах, в которых вместо бревен для устройства сруба и накатника употреблялись тоненькие плахи, доски или жерди.

Покойника клали на дно могильной ямы на бок со слегка подогнутыми ногами и согнутыми руками, причем кисти рук лежали перед лицом. В 16 погребениях покойники лежали на левом боку. Лишь в двух могилах можно было видеть костяки, лежавшие на правом боку, да в парном погребении (№ 7, курган 8) на правом боку лежала женщина. Последнее несомненно вызвано стремлением обратить труп женщины лицом к трупу мужчины.

Ориентировка костяков не устойчивая, но в большинстве могил, где ее можно было проследить, покойник оказывался обращенным головой к югу с отклонениями. Из 26 погребений, в которых удалось проследить ориентировку костяков, 16 костяков лежали головой к югу, ю.-в. и ю.-з., 7 — к северу с отклонениями и 3— к западу. Характерно, что во всех случаях, когда можно было установить ориентировку погребений взрослых, она оказывалась южной.

Могильный инвентарь исследуемых курганов представлен глиняными сосудами, костями домашних животных и большим количеством украшений. Случаи обнаружения других предметов, в частности орудий труда и оружия, единичны. К категории этих предметов относятся: кремневый наконечник стрелы, бронзовая булава и камень с зашлифовкой, напоминающий клиновидный топор. Все они найдены в больших могилах. Это дает основание предполагать, что отсутствие подобных предметов в могилах взрослых особей нужно объяснять разграблением этих могил, так как непотревоженными до нас дошли исключительно детские погребения.

Обязательной принадлежностью всех погребений являются глиняные сосуды, которые находились в каждой могиле в числе от 1 до 5. Они ставились обычно в головах покойника. Если это был один сосуд, то он ставился перед лицом; если их было несколько, то часто один-два сосуда ставились в ногах и в этом случае нередко один из них — в перевернутом вверх дном виде. Иногда, кроме того, горшок помещался и на краю могильной ямы.

Украшения располагались непосредственно на костяке, покрывая преимущественно верхнюю его половину, а также нижнюю часть голени. Шею и грудь украшали ожерелья из бус (белых пастовых, бронзовых кольчатых и согнутых из листа боченкообразных), просверленных клыков и зубов животных, просверленных раковин и разнообразных бронзовых привесок: очковидных, крестообразных, ромбических, треугольных, листовидных и т. п. Того же типа низки бус охватывали часть голени возле лодыжек, представляя, видимо, остаток обшивки по верхнему краю обуви. Руки возле кистей украшали желобчатые бронзовые браслеты или браслеты из четырехгранного прута, последние со спирально завитыми концами. Каждую руку украшали один-три браслета. Иногда рядом с браслетами оказывались охватывавшие кости рук низки из бус, которые также, надо полагать, были нашиты на обшлага одежды. В одном случае на черепе найден желобчатый бронзовый обруч с несомкнутыми концами, а в области спины и плеч — нити бус, спускающиеся вдоль тела, которые можно рассматривать как украшения кос (погребение № 9, курган 13). Перёд платья у женщин и девушек также часто покрывался вышивкой из белых пастовых бус. В области живота девушки-подростка из могилы № 9 кургана 13 оказалось пространство, усыпанное бусинками; в области таза женского костяка погребения № 7 кургана 8 встречались также отдельные белые бусинки.

Погребения с украшениями принадлежат женщинам и, видимо, девочкам, но не исключена возможность, что некоторые виды украшений носили мужчины и мальчики, как, например, просверленные клыки и раковины.

На краю многих могил оказывались положенными черепа и кости ног овцы, реже коровы; в одном случае на краю могилы лежали два целых костяка лошади (погребение № 2, курган 13). Кроме того, в восточной части кургана найдены череп и кости ног лошади в таком положении, что их трудно связать с каким-либо погребением. Кости животных обычно клались на край бревен накатника таким образом, что частично они оказывались над могильной ямой, и когда накатник проваливался, то и кости сползали в яму. И лишь в одном случае кости какого-то молодого животного лежали грудкой в углу на дне могильной ямы, рядом с черепом костяка погребения (погребение № 9, курган 13).

Нужно отметить также находку по соседству с могилой № 36 черепа некрупной собаки над ямой неопределенных очертаний. Поскольку в яме оказались черепки и никаких следов костей человека не найдено, можно предполагать наличие здесь ритуального погребения собаки, что уже встречалось в погребениях времени андроновской культуры.

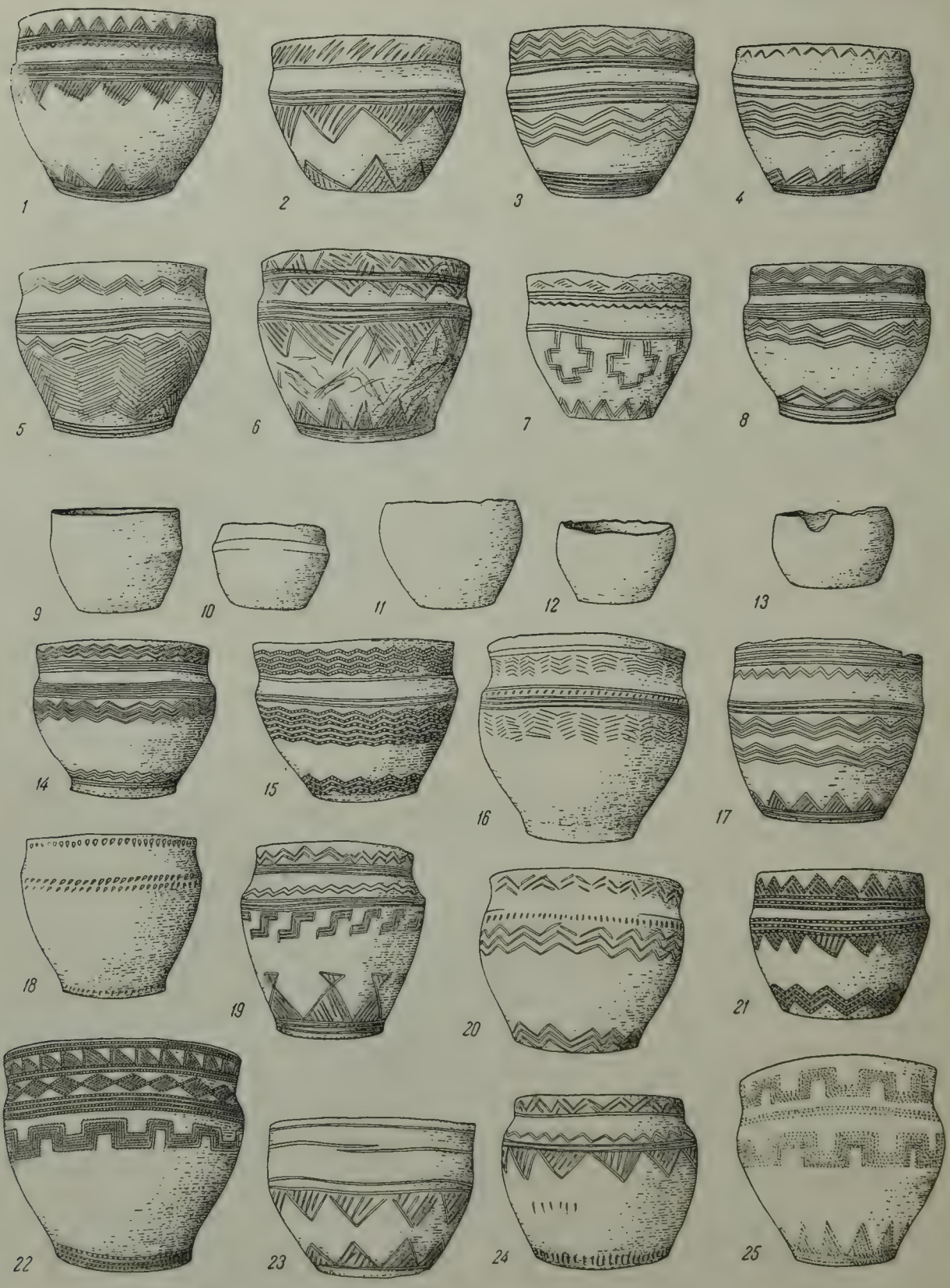


Рис. 9. Сосуды.

1 — из насыпи кургана 13; *2* — из кургана 13, погреб. № 36; *3* — из кургана 13, погреб. № 9; *4* — из кургана 8, погреб. № 5; *6* — из кургана 13, погреб. № 32; *6* — из кургана 13, погреб. № 35; *7*—из кургана 13, погреб. № 13; *8* — из кургана 13, погреб. № 34; *9* — из кургана 8, погреб. № 1; *10*— из кургана 8, погреб. № 2; *11* — из кургана 13, погреб. № 8; *12* — из кургана 13, погреб. № 31; *13* — из кургана 13, погреб. № 32; *14* — из кургана 13, погреб. № 32; *15* — из кургана 8, погреб. № 1; *16* — из кургана 8, погреб. № 4; *17* — из кургана 13, погреб. № 18; *18* — из кургана 13, погреб. № 27; *19* — из кургана 8, погреб. № 9; *20* — из кургана 13, погреб. № 10; *21* — из кургана 13, погреб. № 31; *22* — из кургана 13, погреб. № 15; *23* — из кургана 13, погреб. № 1; *24* — из кургана 8, погреб. № 8; *25* — из кургана 13, погреб. № 19.

Поскольку оба кургана дали совершенно одинаковые погребения как по ритуалу, так и по составу могильного инвентаря, считаю возможным характеризовать находки без подразделений на курганы и отдельные погребения.

В обоих курганах найдены следующие предметы:

Сосуды	65
Фрагменты керамики	1167
Браслеты бронзовые желобчатые (рис. 5, *3*)	16
Браслеты бронзовые со спирально загнутыми концами (рис. 5, *4*)	4
Раковины со сверлинами (рис. 6, *1*)	8
Клыки и зубы со сверлинами (рис. 6, *6*)	29
Бляхи круглые бронзовые (рис. 5, *7*)	4
Привески очковидные (рис. 5, *2*)	4
Привески других форм (рис. 5, *5*,)	12
Кремневые ножевидные пластинки	4
Бусы кольцевидные бронзовые	201
Бусы согнутые из бронзовых листов [1]	45
Кольца нагрудные бронзовые	3
Спиральки бронзовые (рис. 6, *5*)	14
Бусы пастовые (рис. 5, *2*)	375
Обоймочки бронзовые	6
Бляшки маленькие полушарные с двумя отверстиями [2]	5
Косточки со сверлинами (рис. 6, *2, 3, 4*)	4
Пронизки-трубочки бронзовые [3]	3
Скобочки для скрепления сосудов бронзовые	3
Прочие предметы	18

В число последних входят: поделки из бронзы — булава (рис. 7, *1*), головной обруч (рис. 5, *1*); привеска крестообразная (рис. 5, *6*), крючочек, обломок неопределенной поделки (может быть, височного кольца?); два обломка крупных медных изделий; бусина из талька; два кусочка мела или извести; кремневый наконечник стрелы (рис. 7, *3*); камень, напоминающий формой клиновидный топор; костяные поделки — пряжка (рис. 5, *8*), ворворка, поделка в виде кружка со стержнем (рис. 7, *2*); гальки.

Из 65 обнаруженных в погребениях сосудов большинство (47 экз.) орнаментировано различными комбинациями поясков из заштрихованных треугольников, рядов прямых и зигзагообразных линий, иногда с добавлением рядов ямок-насечек. Пояски из прямых линий и ямок-насечек носят подчиненный характер и лишь разграничивают основные мотивы — ряды треугольников и зигзагообразных линий (рис. 9, *14, 15, 16*).

Единичными являются сосуды или совсем не орнаментированные (6 экз.) (рис. 9, *9, 10, 11, 12, 13*), или имеющие орнамент, пополненный сверх перечисленных новыми элементами (12 экз.). Так, на пяти горшках виден меандр, на двух, сверх того,— поясок из ромбов (рис. 9, *22*), причем на одном ромбы заштрихованы, на другом заполнены ямками. Один сосуд орнаментирован по плечикам прямыми крестами (рис. 9, *7*); плечики другого занимает ряд зетобразных фигур (рис. 9, *19*); у двух сосудов с плечиков спускаются опрокинутые вниз вершинами уступчатые пирамиды; в одном случае они состоят из заштрихованных квадратов. Два сосуда, имея по верхней трети стенок пояски из всех основных элементов орнамента, по нижним двум третям покрыты сплошным елочным орнаментом (рис. 9, *5*; рис. 10, *2*). Наконец, еще один сосуд украшен только поясками из ямок-насечек (рис. 9, *18*).

Орнамент расположен по стенкам сосудов тремя зонами: по шейке, плечикам и вокруг нижней части сосуда у дна. Эти три зоны отделяются друг от друга неорнаментированными полосами: одна, узкая, идет по нижней части шейки, другая, широкая, отделяет плечики от придонной части. На шести сосудах это правило расположения орнамента нарушено: на четырех из них рисунок занимает всю поверхность стенок (рис. 9, *5;* рис. 10, *2*), на пятом верхняя полоса занята пояском ромбов (рис. 9, *22*), а на шестом на нижней полосе идет небрежно нацарапанный по обожженной поверхности, не гармонирующий с прочим орнаментом этого сосуда зигзаг (рис. 9, *6*). На нижней неорнаментированной части одного сосуда нанесено шесть вертикальных насечек (рис. 9, *24*).

Один сосуд обращает на себя внимание тем, что несет только одну орнаментальную зону — у дна, плечики же и шейки его лишены орнамента (рис. 11, *2*). Нужно отметить, что из шести неорнаментированных сосудов три стояли в ногах покойника вверх дном (один с краской) и два найдены в ногах же в раздавленном виде; не исключена возможность, что и они были перевернуты.

Техника нанесения орнамента различна. На подавляющем большинстве сосудов (на 37 экземплярах) мы видим резной орнамент, нанесенный острой палочкой. 18 сосудов орнаментированы гладким штампом, представлявшим, видимо, пластинку, заканчивавшуюся округлым лезвием, благодаря которому получались оттиски с заостренными концами, и только на 10 сосудах орнамент нанесен гребенчатым штампом, причем лишь в единичных случаях он дает четкие «классические» пунктирные линии; обычно же зубчатость этого штампа едва заметна.

Найденные сосуды — баночной и горшечно-баночной формы, большинство с характерным, иногда очень резким перегибом на грани плечиков и шейки («уступчиком»), прямым или несколько отогнутым кнаружи венчиком.

Вся керамика сделана из глины с примесью талька. На стенках нескольких сосудов заметны ямки,— повидимому, от выгоревших

[1] Ср. М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», II, 1927, стр. 205, рис. 24, *5, 6*.

[2] Ср. Н. Н. Бортвин. Доисторическое прошлое Курганского округа. «Курганский округ», Курган, 1930, стр. 9, рис. 3.

[3] Ср. М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, стр. 205, рис. 24, *4*.

Рис. 10. Сосуды.

1 — из кургана 13, погреб. № 18; *2* — из кургана 13, погреб. № 5; *3* — из кургана 13, погреб. № 12; *4* — из кургана 13, погреб. № 13; *5* — из кургана 8, погреб. № 3; *6* — из кургана 13, погреб. № 9; *7* — из кургана 8, погреб. № 1; *8* — из кургана 13, погреб. № 6; *9* — из кургана 13, погреб. № 24.

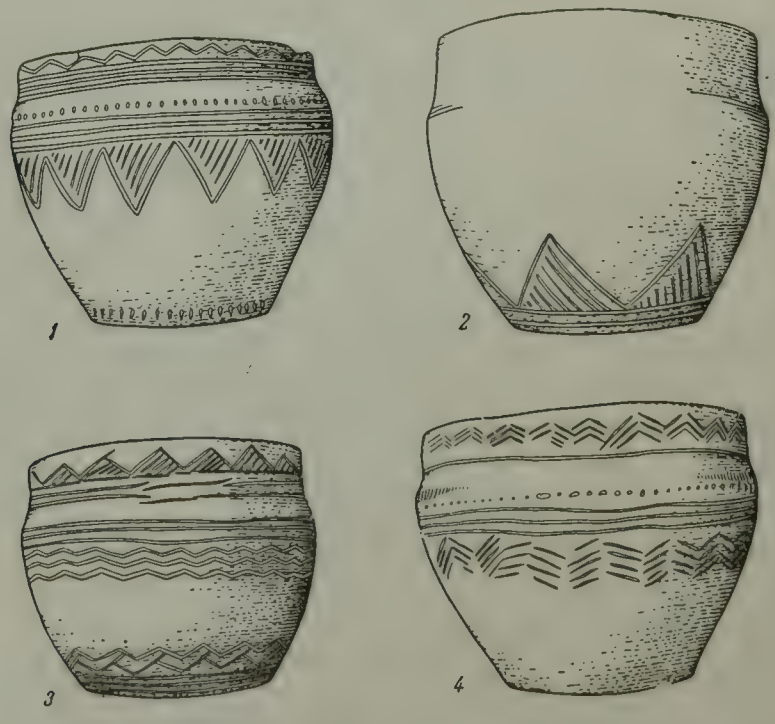


Рис. 11. Сосуды.

1 — из кургана 13, погреб. № 32; *2* — из кургана 13, погреб. № 2; *3* — из кургана 13, погреб. № 33; *4* — из кургана 8, с грудки костей овцы между погребениями № 6 и 9.

при обжиге мелких частиц органической примеси. На двух сосудах эти ямки имеют четкие прямоугольные очертания, как бы от рубленой соломы или травы.

Леплены сосуды от руки, без применения гончарного круга. В толщу стенки одного из сосудов (рис. 12) был включен небольшой бесформенный кусочек меди — застывшая капля расплавленного металла, попавшего несомненно в глину случайно во время изготовления сосуда. Этот факт свидетельствует о том, что лепка сосудов происходила где-то поблизости от места плавки металла, вероятнее всего,— близ очагов. На внутренней поверхности некоторых фрагментов керамики заметны отпечатки ткани (рис. 13). Отдельные сосуды починены у горла бронзовыми скобочками (рис. 14).

Необходимо отметить наличие приблизительно на половине всех сосудов нагара в виде пятен какого-то пригоревшего к стенкам вещества. Эти пятна встречаются как на внешней, так и на внутренней поверхности сосудов. Количество нагара различно — от незначительных следов до крупных пятен толщиной более миллиметра. Характерно расположение этого нагара. На внутренней поверхности он обычно замечен или на дне и прилегающих частях стенок, или, наоборот, по верхней половине стенок, причем в последнем случае дно и низ стенок совершенно чисты. На наружной поверхности сосудов распространение нагара ограничивается верхней половиной сосуда, чаще лишь горлом. Эти наблюдения дают основание предполагать, что варка в сосудах производилась или на открытом огне, на очаге, или в печах. В первом случае нагар образовался у дна, во втором — на верхней половине стенок. Думается, что сосуды, сопровождавшие покойников в могилу, имели двоякое употребление. Одни служили хранилищем ритуальной пищи покойнику, другие (таких единицы) — перевернутые вверх дном — имели, повидимому, какое-то иное назначение. Большинство перевернутых вверх дном сосудов оказалось в ногах костяков, в двух случаях — на краю могильной ямы и лишь в одном случае из-за полного разграбления могилы положение сосуда по отношению к костяку не может быть установлено (курган 13, погребение № 1). Об отношении перевернутых сосудов к культу огня свидетельствует наличие в одном из таких сосудов (курган 8, погребение № 1) красной краски, обычно символизировавшей огонь, а также оказавшаяся под другим сосудом (курган 13, погребение № 2) грудка пепла, возможно от сожженной травы.

Чтобы закончить описание керамики из курганов на оз. Алакуль, укажем некоторые особенности отдельных сосудов. Дно одного сосуда было покрыто резным орнаментом: две перекрещивающиеся линии делили его на четыре сектора, заштрихованные поочередно вертикально или горизонтально. Три сосуда имели на шейке по два расположенных друг против друга круглых отверстия, сделанных

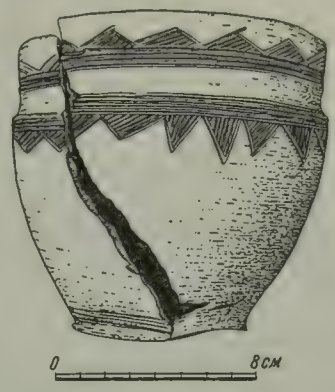


Рис. 12. Сосуд из погребения № 1 кургана 13.

Рис. 13. Обломок днища сосуда с отпечатком ткани.

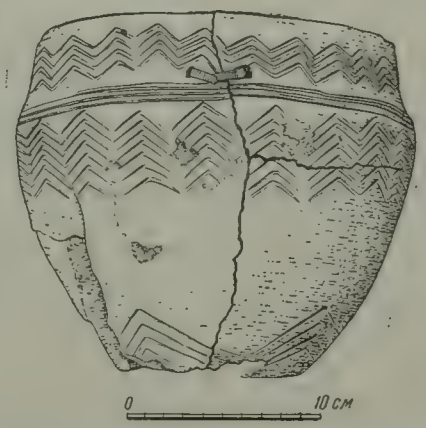


Рис. 14. Сосуд, починенный медной скобочкой, из кургана 13, погреб. № 9.

до обжига и служивших, видимо, для подвешивания сосуда. И, наконец, на краю четырех сосудов оказались с двух сторон друг против друга желобки или выемки, некоторые шириной до 4—5 см и глубиной до 1 см. Так как эти выемки образованы массой нарезок на самом краю сосуда и прилегающих

участках наружной стенки, а в одном случае и внутренней, можно предполагать, что они получились в результате трения о край сосуда как бы нити или волоса. Происхождение этих выемок непонятно (рис. 9, *13*).

Керамика из исследованных курганов типична по форме и орнаменту для погребений Приуралья времени андроновской культуры, хотя и обнаруживает известное своеобразие. Прежде всего бросается в глаза редкость применения гребенчатого штампа для нанесения орнамента. Этот штамп дает в рисунке четкие пунктирные линии, обычные в орнаментации сосудов из памятников андроновской культуры на всей территории ее распространения. На наших сосудах редко видна эта четкость пунктирных линий. В большинстве случаев чувствуется, что штамп применяется как отживающая традиция, так как за хорошим воспроизведением пунктира уже не следили. Обращает на себя внимание распространенность в орнаментике треугольников. Характерно, что они применяются не только для украшения сосудов, но и других вещей. Так, на найденной в насыпи (куда она попала из разграбленного погребения) штампованной бронзовой бляшке, имеющей форму равнобедренного треугольника, вдоль основания помещены два также равнобедренных треугольника из рельефных линий.

Представляют большой интерес отпечатки ткани, обнаруженные на внутренней поверхности некоторых сосудов и их фрагментов, главным образом на дне и прилегающих к нему участках стенок, как явление для памятников андроновской культуры довольно редкое. В большом количестве подобные отпечатки встречены только на керамике из Алексеевского поселения и могильника [1]. Нам известен еще ряд находок отдельных сосудов с отпечатками тканей в могильниках и черепков на поселениях Зауралья [2]. Факт обнаружения подобных отпечатков важен в двух отношениях. Во-первых, он дает ключ к анализу техники лепки сосудов: эти отпечатки указывают на вероятность применения для лепки сосудов полутвердой основы в виде мешочков, наполненных песком. Во-вторых, свидетельствует о развитом ткачестве у населения Зауралья эпохи бронзы. Как показали предварительные исследования отпечатков, ткань была шерстяная, довольно тонкая [3].

Прочий инвентарь исследованных курганов в большинстве случаев обычен для памятников андроновской культуры. Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться подробно на всем многообразии погребального инвентаря из курганов на оз. Алакуль. Поэтому мы ограничимся кратким перечислением встреченных предметов со ссылкой на подробные описания вещей этих типов.

Не новы для памятников андроновской культуры: желобчатые браслеты [1] и браслеты со спиральными концами [2], просверленные раковины [3] и клыки [4], очковидные [5] и пластинчатые различной формы привески [6], пастовые бусы одинарные и двойные [7], бронзовые кольчатые и согнутые из листов бусы [8], кольца нагрудные [9], полушарные бляшки [10], трубочки-пронизки [11], скобочки для скрепления сосудов [12], кремневые наконечники стрел [13].

Однако, наряду с перечисленными, некоторые предметы из находок в курганах на оз. Алакуль или не находят аналогий или чрезвычайно редки в памятниках андроновской культуры. Сюда относятся бронзовая яйцевидная булава, головной обруч, камень в форме клиновидного топора, костяная ворворка, пряжка и кружок со стержнем, бронзовые крупные бляхи, бронзовые спиральки, просверленные косточки, бронзовая крестообразная привеска, бронзовый крючочек, бусина из талька, обломки крупных бронзовых поделок, гальки. Ввиду своеобразия некоторых находок, ниже мы даем их описание.

Булава яйцевидная бронзовая (рис. 7, *1*) с 16 продольными гранями, длиной 7 см, наибольший диаметр ее 3,5 см, вес 580 г. Через середину булавы проходит продольное круглое отверстие, диаметром с одной стороны — 2,2 см, с другой — 1,5 см. В отверстии сохра-

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1946, стр. 143.

[2] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, вып. 21, 1951.

[3] Исследование отпечатков производил В. Н. Кононов в ИИМК АН СССР.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1948, рис. 36, *8*.

[2] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», II, Л., 1927, стр. 205, рис. 24, *1*; Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. «Археологические работы на новостройках», II, Л., 1935, стр. 93, рис. 67, *7*.

[3] Н. Н. Бортвин. Доисторическое прошлое Курганского округа. «Курганский округ», Курган, 1930, стр. 9, рис. 10; М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 184, рис. 17.

[4] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 25, *10*.

[5] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 24, *20*; «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 53, рис. II, *22*, О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 37, *5*.

[6] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 24; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 35, *1* и *2*; рис. 39.

[7] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 24, *13*.

[8] Там же, рис. 24, *5*, *6*, *9*; Н. Н. Бортвин. Указ. соч., стр. 9, рис. 5, 6, 8; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 35, *10*; рис. 36, *1* и *2*; рис. 35, *9*.

[9] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 24, *3*.

[10] Н. Н. Бортвин. Указ. соч., стр. 9, рис. 3; М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 209, рис. 25, *8*; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 35, *5*.

[11] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 205, рис. 24, *4*.

[12] Сосуд из раскопок С. Н. Дурылина под Челябинском (Челябинский областной музей).

[13] «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 53, рис. II, *30*.

нился остаток деревянного круглого стержня. Яйцевидная булава, но не бронзовая, а каменная, известна из Алексеевского селища близ г. Кустаная в раскопках О. А. Граковой.

Бронзовый головной обруч (рис. 5, *1*) овальной формы, желобчатый, с несомкнутыми концами, 12,5 см в поперечнике и костяная ворворка, найденная возле этого обруча, составляли несомненно части головного убора-шапочки (курган 13, погребение № 9). Совершенно подобный по внешнему виду предмет, но служивший шейным обручем-гривной, обнаружен О. А. Граковой в погребении близ пос. Алексеевского в Кустанайской области. В состав Верхне-Кизыльского клада входило второе такое же украшение [1].

Камень, напоминающий формой клиновидный топор, частично зашлифован, но не представляет законченного орудия. Несомненно он положен взамен топора или мотыги. Подобный случай известен из раскопок В. В. Гольмстеном ямного погребения у совхоза Березняки в Куйбышевской области [2].

Круглая костяная поделка (рис. 7, *2*), сохранившаяся неполностью, с круглым стержнем, отходящим от ребра, с отверстием и поперечной перекладинкой на этом стержне, представляет уникальную находку. Назначение ее не определено.

Интересны крупные круглые бронзовые бляхи (рис. 5, *7*), покрытые штампованным орнаментом из концентрических кругов. Одна из этих блях хорошо сохранилась, имеет диаметр 4,5 см и четыре пары крест-накрест расположенных отверстий для пришивания по краям. Подобные бляхи найдены лишь О. А. Граковой у пос. Алексеевского [3].

Бронзовые спиральки (рис. 6, *5*) из треугольных в сечении проволок в памятниках андроновской культуры нам известны только из того же Алексеевского могильника [4].

Просверленные мелкие косточки животных (рис. 6, *2, 3, 4*) (определение их не производилось) входили в один комплекс с просверленными клыками и зубами и имеют, следовательно, одинаковое с последними назначение, представляя или украшения или амулеты. Просверленные клыки, как указано выше, упоминаются в литературе, посвященной памятникам андроновской культуры, но о находках просверленных зубов (резцов и коренных) нам не известно, так же как и о просверленных косточках-привесках. Все зубы и часть клыков принадлежат домашней собаке. Два клыка, по определению В. Карачаровского, принадлежат лисице, несколько резцов — домашнему быку. Поскольку в в эпоху распространения андроновской культуры собака играла какую-то особую роль, о чем свидетельствуют встречаемые в ряде случаев ее ритуальные захоронения, мы склоняемся к мысли, что просверленные зубы собаки, а следовательно и других животных, служили не просто украшением, но амулетами.

Костяные пряжки нередко встречаются в курганах эпохи бронзы на юге Европейской части СССР. Для памятников андроновской культуры такая находка сделана, кажется, впервые. Наш экземпляр интересен тщательностью выработки. Так, для укрепления язычка в ребре пряжки имеется даже сквозное круглое отверстие (рис. 5, *8*).

Крестообразная привеска (рис. 5, *6*) из состава ожерелья уникальна по своей форме, На концах и в середине эта поделка имеет круглые шишечки, один конец ее отломан. Близкую аналогию можем указать лишь из раскопок С. Н. Дурылина у с. Исакова под Челябинском [1].

Хотя обычным материалом для изготовления бус из погребений андроновской культуры является медь или бронза и белая паста, однако известны случаи находок бус и из другого материала. М. П. Грязновым на притоках р. Урала близ г. Орска найдена бусина из сердолика. Нами найдена в погребении № 1 кургана 13 бусина из серого талька.

Маленький бронзовый крючочек с заостренным концом для скрепления с чем-то другим расплюснутым концом, загнутым под прямым углом, неопределим по своему назначению, но несомненно является частью какой-то сложной поделки.

На конце одной из трех найденных галек, крупной, несколько удлиненной формы заметны следы оббивки, две другие маленькие гальки хотя и не носят ясных следов обработки, но нахождение их в кургане не может быть случайным, так как насыпи курганов совершенно не содержат камня и гальки.

Обломки каких-то крупных медных изделий представляют собой две пластинки, размером 6,5 × 3,5 см и менее, при толщине обеих в 1 мм.

Кольцевидные предметы с несходящимися заостренными концами, гнутые из бронзовой пластинки на деревянном прутике, обычно называют браслетами [2]. На основании находки их в непотревоженном погребении № 9 кургана 13 в составе нагрудных украшений,

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1946, рис. 38, 1; N. N. Bortvin. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III, 1928, рис. 1—6.

[2] В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. «Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном институте», 1925, № 2. -

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 41.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 38, *3*.

[1] Н. Н. Бортвин. Доисторическое прошлое Курганского округа. «Курганский округ», Курган, 1930, стр. 9, рис. 6.

[2] М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 24, *3*.

считаю более правильным называть эти предметы нагрудными кольцами (рис. 8) [1]. Аналогичная находка известна из раскопок в Прибайкалье погребений времени глазковской культуры.

Таким образом, некоторые предметы, найденные в курганах на оз. Алакуль, являются уникальными, до сих пор не встречавшимися в памятниках андроновской культуры. Для других предметов впервые установлено их назначение, остававшееся пока неясным, так как все предшествующие находки относились к потревоженным погребениям, в которых вещи оказывались смешанными. При раскопках наших курганов, благодаря обнаружению нескольких непотревоженных погребений, удалось установить, что очковидные привески входили в состав ожерелий, подвешиваясь посредине.

Исключительное по количеству украшений погребение № 9 кургана 13 (рис. 8) дает возможность сделать реконструкцию костюма девушки-подростка. На голове по всей вероятности была вязаная шапочка [2], украшенная бронзовым обручем и заканчивающаяся вверху кисточкой или султанчиком, от которого сохранилось гнездо — костяная ворворка. Платье девушки было, наверное, из шерстяной ткани, судя по отпечаткам такой ткани на сосудах. Перёд платья украшали бусинки, которые начинались от пояса и заканчивались несколько ниже колен, что указывает на длину платья. Обшлага рукавов также были обшиты бусинками. Грудь украшали бронзовые кольца, по одному с каждой стороны груди в области ключиц, и несколько рядов бус (бронзовых и белых пастовых) с очковидными привесками. Кроме того, от ворота спускалась нить бус, разветвляющаяся в нижней части груди на несколько нитей, из которых каждая заканчивалась пластинчатыми привесками разных форм. Бусинки нанизывались на сухожилия или нити из кишок животных [3]. В талии платье охватывал, должно быть, пояс, к которому сзади был привешен пучок амулетов — просверленных зубов собаки и домашнего быка. Несколько кос, не менее трех, также заканчивались нитями бус, привесок, пронизок, просверленных зубов и клыков собаки. На ногах была надета обувь, о чем свидетельствуют низки бус, охватывавших кости голени у лодыжек. Что эти низки являлись огорочкой верха обуви, а не были браслетами на ноге, говорит их положение как на этом костяке, так и на ряде других. Браслеты должны были бы помещаться ближе к ступне; там же, где они обнаружены, они могли держаться лишь будучи нашитыми [1].

Интересны наблюдения, которые удалось сделать в процессе раскопок описываемых курганов, о характере и времени ограбления могил. Все могилы взрослых и некоторые детские были ограблены несомненно еще в древности. Никаких наружных признаков грабежа насыпи курганов не сохранили.

О времени ограбления позволяют судить следующие факты. В ряде ограбленных погребений и особенно в погребении № 2 кургана 13 удалось проследить, что дно могильной ямы было покрыто измельченными гнилушками накатника. Следовательно, ограбление совершено было спустя не один десяток лет после захоронения, когда успели уже сильно перегнить бревна накатника толщиной до 50 см. С другой стороны, зафиксированы лишь два случая нарушения грабительским ходом могильных стенок (рис. 4). Обычно грабители попадали безошибочно в наиболее содержательную часть могил — к головам покойников. Если грабители не были современниками и свидетелями захоронений, что доказывается находками гнилушек накатника на дне могильной ямы, то нужно предположить наличие на курганных насыпях каких-то внешних признаков расположения могил, которые послужили ориентирами грабителям из соседних враждебных племен.

Кости человека из всех могил дошли до нас в сильно фрагментированном состоянии, главным образом в результате древних ограблений погребений. Сохранился лишь один не совсем полный череп взрослой женщины (курган 13, погребение № 1), который позволил установить принадлежность погребенных в Алакульском могильнике к европеоидному типу.

Немалый интерес представляют кости животных, найденные при погребениях. Как упоминалось выше, они принадлежат главным образом корове и овце, единичны находки лошади и собаки. Кости определены В. И. Громовой, которая отметила интересные особенности представленных в Алакульских курганах видов домашних животных. Корову она характеризует следующим образом: «Остатки коровы отличаются значительной вариацией в размерах, что свидетельствует о нечистопородности коров. Особенно интересен череп из кургана 13 очень крупной комолой породы,

[1] О. А. Кривцовой-Граковой в аналогичном богатом погребении № 13 Алексеевского могильника подобные изделия из серебра найдены у шеи и рассматриваются ею как серьги. О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1948, стр. 115, рис. 37, *3*.

[2] Остатки вязаной шапочки известны в погребениях андроновской эпохи в верховьях Енисея. Г. П. Сосновский. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 2.

[3] Определение остатков этих нитей, сохранившихся в бусинках, произведено В. Н. Кононовым в реставрационной лаборатории Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.

[1] Необходимо отметить, что описанное погребение по составу и расположению украшений весьма близко погребению № 13 Алексеевского могильника из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой.

размерами с серого украинского быка. Присутствие в Западной Сибири в такое раннее время такого крупного скота, в то время как в Восточной Европе, кроме далекого западного Триполья и быть может Кавказа, имеется только мелкий скот, заставляет предполагать существование в Сибири самостоятельного центра приручения тура, помимо центра европейского. Намеки на это были известны уже и раньше,— находки очень крупного скота в остатках афанасьевской культуры».

Лошадь характеризуется В. И. Громовой как «довольно крупная и тонконогая».

Большое значение для изучения общественных отношений эпохи андроновской культуры в Зауралье имеет факт обнаружения многомогильных курганов, какими являются описываемые нами. Они несомненно представляют собой усыпальницы какой-то группы близких родственников, вероятнее всего большой патриархальной семьи.

На патриархальную стадию родового общества указывают и парные погребения. Из двенадцати погребений взрослых обоих курганов — в пяти установлено по два костяка (мужской и женский) (рис. 3), в двух с костями нескольких взрослых оказались и детские. В остальных пяти погребениях, которые мы по размерам могильных ям относим к погребениям взрослых, за отсутствием костей, вследствие полного разграбления могилы, количество погребенных определить невозможно.

На существование патриархальных отношений указывает и устанавливаемое по большому количеству костей домашних животных в курганах развитие скотоводства, приводящее к господству мужчины в семье, когда «муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения» [1].

Обращает на себя внимание большая смертность детей: 75% всех могил — детские.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 57.

Курганы на оз. Алакуль датируются второй стадией андроновской культуры Зауралья — XI—IX вв. до н. э. На такое заключение наталкивает прежде всего характер орнаментации сосудов. Техника нанесения орнамента гребенчатым штампом, обычная для «классических» памятников андроновской культуры, здесь уже отживает. Сосудов, орнаментированных этим способом, незначительное количество — 15% к общему числу. При этом на большинстве из них гребенчатый орнамент определяется лишь после внимательного анализа рисунка. Остальные сосуды орнаментированы гладким штампом и главным образом резьбой. Гладкий штамп надо, следовательно, рассматривать как форму, переходную к новому способу нанесения узора — путем резьбы.

Обычные для сосудов из погребений времени андроновской культуры меандровые элементы, зетобразные фигуры, косые треугольники на керамике из алакульских курганов встречаются чрезвычайно редко. Основная масса сосудов, как уже отмечалось выше, орнаментирована зигзагами и равнобедренными треугольниками, реже — прямоугольными [1].

Курганы на оз. Алакуль дали немало новых сведений по истории материальной культуры населения Зауралья конца эпохи бронзы. Но остается еще много неясного. Дальнейшие исследования памятников этого периода должны заполнить пробелы в нашем знании.

В первую очередь исследования должны быть направлены на разыскание и раскопки мест поселений. Материалы с селищ пополнят сведения, полученные при раскопках курганов, осветят вопрос о размерах поселков, о характере, величине и конструкции жилищ, что позволит полнее восстановить социально-экономический строй общества андроновского времени.

[1] Более полная характеристика стадий андроновской культуры Зауралья дана в моей статье «К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья». (Первое Уральское археологическое совещание, Молотов. 1948).

Л. А. Евтюхова

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

Среди многочисленных каменных изваяний, распространенных на территории Южной Сибири, особое место занимают изваяния, относящиеся к тюркскому времени, т. е. к VII—IX вв. н. э. Они резко отличны от изваяний всех других эпох и представляют собой вытесанные из камня человеческие фигуры различной степени отделки, начиная с отесанных плит, напоминающих фигуру человека, и кончая прекрасно выделанной круглой скульптурой. Все изваяния изображают мужчин в головных уборах или с прической, иногда с серьгами в ушах. К поясам, украшенным наборными бляхами самых разнообразных форм, бывают подвешены мечи или сабли, ножи, мешочки, кинжалы и пр. В руках изваяний в большинстве случаев изображен какой-нибудь сосуд.

До сих пор все эти детали мало привлекали к себе внимание исследователей, встречавших изваяния в различных местах Южной Сибири и опубликовывавших их без описания подробностей. Форма того или иного изображенного предмета никогда не подвергалась сравнительному изучению. Между тем, именно эти предметы и дают возможность подойти по-новому к изучению каменных изваяний, провести непосредственную связь между ними и инвентарем древнетюркских погребений той же эпохи, а также сделать некоторые выводы о расселении тюркских племен.

Нами собрано большое количество зарисовок и фотографий каменных изваяний Алтая, Хакассии, Тувы и Монголии. Это позволяет заняться рассмотрением их как единого комплекса памятников и дает некоторые основания для распределения их во времени.

Как в Туве, так и на Алтае и в Монголии, в большинстве случаев каменные изваяния врыты в землю у восточной стенки четырехугольных оградок, сооруженных из поставленных на ребро длинных каменных плит. Размеры оградок обычно колеблются от 1,5 до 3 м. Лицом изваяния, как правило, обращены на восток. Часто от изваяния тянется к востоку вереница камней, врытых одним концом в землю. Число этих камней бывает самое различное — от двух-трех до нескольких десятков. Все они обозначают стоящую фигуру человека. Аналогичные изваяния встречаются также и около погребальных сооружений знатных орхоно-енисейских тюрок. Однако в этих комплексах они не единственные. Там постоянны изваяния сидящих фигур, выполненных в виде круглой скульптуры.

I. ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ

(см. приложение 1)

Каменное изваяние № 1 вытесано из плоской плиты. Высота его около 90 см. Голова отбита. Левая рука, согнутая в локте, на уровне живота держит за ручку сосуд удлиненной формы со слегка расширенным горлом и плоским дном. Правая рука, согнутая в локте, опущена вниз. Нижняя часть изваяния отбита по пояс (рис. 1, *1*).

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила [1].

Каменное изваяние № 2 вытесано из плоской плиты. Высота его около 70 см. Лицо разбито на две части. Голова круглая с небольшой выемкой наверху (выбоина). Заметны следы усов. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит за ручку сосуд с удлиненным туловом и слегка расширенным горлом. Тулово сосуда внизу сужается и плавно переходит в поддон. Левая рука изваяния согнута в локте и опущена вниз. Низ изваяния отбит по пояс (рис. 1, *2*).

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила.

Каменное изваяние № 3 вытесано из плоской плиты зеленоватого сланца. Высота его около 50 см. Сохранились голова и верх груди, низ изваяния отбит. Лицо овальное, с неглубокими выемками вокруг глаз и носа. Усов и бороды нет (рис. 1, *3*).

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила.

[1] Каменные изваяния № 1—12 и 20—51 издаются по зарисовкам, сделанным на месте Л. А. Евтюховой.

Каменное изваяние № 4 вытесано из плоской плиты высотой около 60 см. Верхняя половина головы отбита. Никаких деталей, кроме бороды, отделяющей подбородок, не изображено.

Каменное изваяние № 6 вытесано из плоской плиты зеленоватого сланца. Высота его — 2,20 м, ширина — 57 см и толщина в поясе 15 см. Разработка деталей неглубокая, неясная. Голова равна по ширине туловищу,

Рис. 1. Алтай.

1 — каменное изваяние № 1; *2* — каменное изваяние № 2; *3* — каменное изваяние № 3.

Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки, расположенной рядом с изваянием № 11.

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила.

сверху затесана прямоугольно. Брови углублены. Глаза и нос рельефные. Усы выпуклые, длинные и загибаются кверху. Рот сделан в виде выемки, под нижней губой — треуголь-

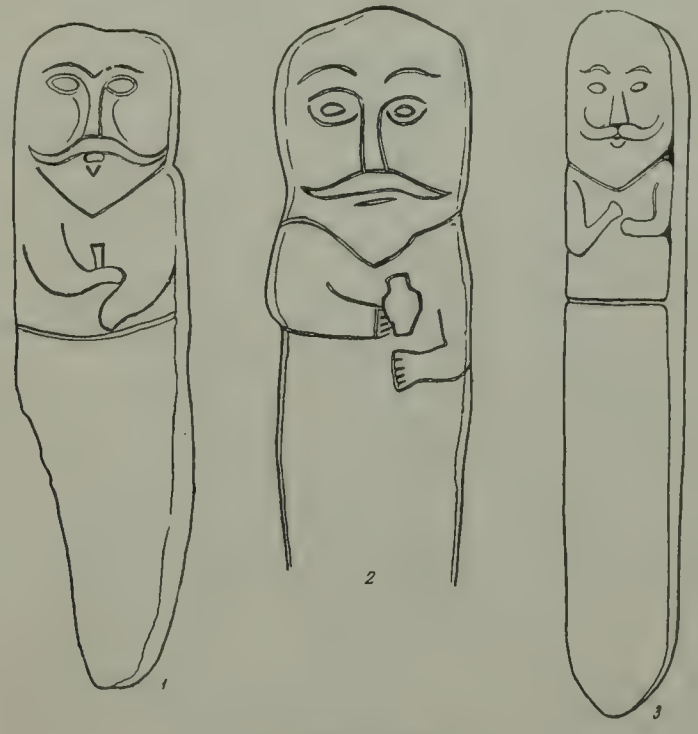


Рис. 2. Алтай.

1 — каменное изваяние № 6; *2* — каменное изваяние № 7; *3*—каменное изваяние № 8.

Каменное изваяние № 5. Сохранилась только верхняя часть. Отбит также верх головы.

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила. Лежит у школы в с. Курае.

ник, борода широкая, заостренная. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит какой-то предмет, может быть сосуд в виде бутылки (?), от которого видно только очень узкое горло. Левая рука, также согнутая в

локте, опущена вниз и кистью лежит на уровне живота (рис. 2, *1*). Изваяние стоит лицом на восток, у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Алтай, уроч. Кулада.

Каменное изваяние № 7 вытесано из плоской плиты, высотой 1,5 м. Голова почти равна всему туловищу, возвышающемуся над уровнем земли. Обрисовка деталей дана прорезными контурными линиями. Глаза обведены двойной чертой, усы большие, загнутые кверху, борода заострена. Правая рука, согнутая в локте, держит за ручку сосуд с узким горлом и поддоном. Левая рука, тоже согнутая в локте, поддерживает сосуд. Пальцы намечены прорезями (рис. 2, *2*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Алтай, уроч. Кулада.

Каменное изваяние № 8 вытесано из четырехугольного столба серовато-зеленого сланца, высотой около 2,15 м, при ширине граней до 36 см. Наверху одной из граней, на высоте одной трети, плоской скульптурой высечено поясное изображение человека. Голова подчетырехугольной формы. Широкие усы круто загибаются кверху, борода заострена. Правая рука, согнутая в локте, кистью прижата к груди, левая согнута в локте под прямым углом, кисть находится на уровне живота (рис. 2, *3*). Изваяние лежит у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Алтай, уроч. Кулада.

Каменное изваяние № 9 вытесано в виде круглой скульптуры из серовато-зеленого гранита; высота его около 2 м. На голове сохранились остатки небольшой шапки, верх которой отбит. Глаза, нос и рот выпуклые за счет углубления вокруг них фона. Борода небольшая. Голова отделена от туловища короткой шеей. Правая рука, согнутая в локте, держит на уровне груди за ручку шаровидный сосуд с широким горлом. Левая рука, также согнутая в локте, опущена вниз и средними тремя пальцами заткнута за пояс. Большие пальцы обеих рук и мизинец левой загнуты кверху. Пояс украшен четырехугольными выпуклыми бляхами. На левом боку на двух ремнях, вдетых в кольца ножен, подвешена прямая сабля с округлым навершием рукояти. На правом боку у пояса висит круглый мешочек. Шагах в двухстах от изваяния возвышаются несколько четырехугольных каменных оградок с изваяниями упрощенного типа (рис. 3, *1*).

Рис. 3. Алтай.

1 — каменное изваяние № 9; *2* — каменное изваяние № 10; *3* — каменное изваяние № 11.

Алтай, уроч. Кулада.

Каменное изваяние № 10 вытесано из довольно толстой плиты зеленовато-серого гранита, высотой 1,60 м, шириной в поясе 75 см. Изваяние выполнено в виде круглой

скульптуры и изображает мужчину с длинными, слегка загнутыми кверху усами и узкой длинной остроконечной бородой. Брови, глаза, нос и усы рельефны за счет выемки окружающего фона. Рот сделан в виде углубленного треугольника. На голове — небольшая шапка конусообразной формы со срезанным верхом. В ушах изображены кольчатые серьги. Правая рука согнута в локте под прямым углом и на уровне живота держит шаровидный сосуд с расширенным горлом. Левая рука, опущенная вниз, держит пояс. Пояс — широкий, с выпуклыми четырехугольными бляхами с узкими прорезями. К поясу на животе подвешена изогнутая сабля с прямым перекрестьем. На ножнах имеются две четырехугольные петли, в которые вдеты ремни. Справа, на поясе, на вырезной бляхе подвешен круглый мешочек. У местного населения это изваяние называется «Кезер» (рис. 3, *2*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки, раскопанной в 1935 г. Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С. В. Киселева.

Алтай, Курайская степь, уроч. Тötö.

Каменное изваяние № 11 вытесано из плоской сланцевой плиты серого цвета, высотой 1,05 м и шириной 38 см. Голова почти равна туловищу. На макушке заметен выступ, изображающий шапку. Брови и рот сделаны углубленными выемками. Глаза, нос, уши и усы рельефны. В ушах вдеты кольчатые серьги. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит округлый сосуд с расширенным кверху горлом. Левая рука держится за середину пояса. Пояс наборный, украшен четырехугольными бляхами. Спереди к поясу подвешена изогнутая сабля с прямым перекрестьем. На правом боку у пояса висит круглый мешочек (рис. 3, *3*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Алтай, Курайская степь, уроч. Тадила.

Каменное изваяние № 12 вытесано в виде круглой скульптуры из уплощенного камня и имеет большое сходство с изваянием № 10 из Курайской степи. Лицо отбито. На голове изображена небольшая шапочка конусообразной формы со срезанным верхом. На груди сделан острый вырез (возможно, показаны отвороты одежды). Правая рука, согнутая в локте, большим и указательным пальцами держит за ножку рюмкообразный сосуд. Пальцы левой руки, согнутой в локте, держатся за середину пояса. Пояс наборный, с четырехугольными выпуклыми бляхами. На левом боку, на двух перевитых ремнях подвешена слегка изогнутая сабля с прямым перекрестьем и рукоятью с зубчатым низом. На правом боку к поясу подвешен мешочек, кресало и нож (рис. 4).

Алтай, в 3 км от с. Белый Ануй, в долине р. Белый Ануй.

Каменное изваяние № 13 вытесано из плоского камня в виде круглой скульптуры. Брови и нос сделаны одним рельефом, т. е. при помощи выборки основного фона. Выпуклые овальные глаза с выемкой на месте зрачков. Небольшие выпуклые усы слегка загибаются кверху, рот слабо намечен. Уши рельефные. Правая рука согнута в локте и на уровне груди держит пальцами за ножку круглый сосуд с перехватами у горлышка и ножки. Левая рука, согнутая в локте, кистью лежит на середине пояса и держит рукоять прямой сабли, привешенной к поясу на двух широких ремнях на левом боку. На рельефном поясе

Рис. 4. Алтай. Каменное изваяние № 12.

изображены четырехугольные бляшки. На правом боку у пояса висит круглый мешочек (рис. 5, *1*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Восточный Алтай, Сейлюгемская степь, уроч. Ардун-Тёбё. (По фото С. И. Руденко, Государственный этнографический музей, фототека № 4688—9.)

Каменное изваяние № 14 вытесано из плоского камня. Лицо и правое плечо отбиты. Левое ухо рельефное. Правая рука согнута в локте и на уровне живота держит сосуд с высоким горлом и поддоном. Левая рука, также слегка согнутая в локте, пальцами лежит на середине пояса. Пояс сделан в виде отдельных выпуклых четырехугольных блях. Посредине пояса изображена овальная пряжка с язычком и длинным приемником. Слева подвешена сабля (рис. 5, *2*). Изваяние стоит возле четырехугольной каменной оградки.

Рис. 5. Алтай.

1 — каменное изваяние № 13; *2* — каменное изваяние № 14; *3* — каменное изваяние № 15

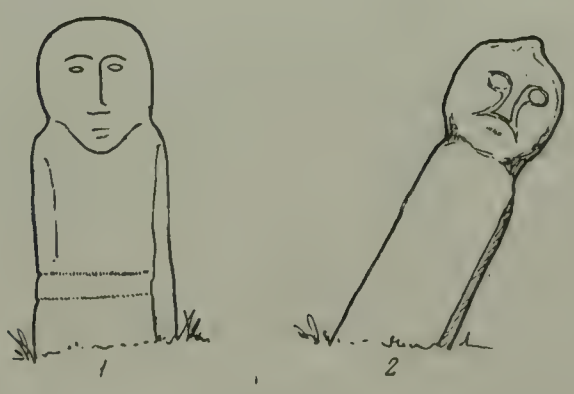


Рис. 6. Алтай.

1 — каменное изваяние № 16; *2* — каменное изваяние № 17.

Рис. 7. Алтай.

1 — каменное изваяние № 18; *2* — каменное изваяние № 19.

Восточный Алтай, Кукуринская степь. (По фото С. И. Руденко, Государственный этнографический музей, фототека № 4688—11.)

Каменное изваяние № 15 вытесано из плоского камня. Брови и прямой нос сделаны одним рельефом. Выпуклые глаза овальные. Усы и рот слабо намечены. Правое плечо отбито. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит, повидимому, сосуд. Левая рука, также согнутая в локте, лежит кистью на середине пояса и держит рукоять прямой сабли. На рельефном поясе изображены четырехугольные бляхи. У ножен сабли сделаны два полукруглых выступа для ремней. На правом боку к поясу подвешен круглый мешочек (рис. 5, *3*). Изваяние стоит лицом на восток возле восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Восточный Алтай, Сейлюгемская степь. (По фото С. И. Руденко, Государственный этнографический музей, фототека № 4688—8.)

Каменное изваяние № 16 вытесано из плоской четырехгранной плиты. Голова округлая, нос внизу расширен. Слегка намечены правая рука и пояс (рис. 6, *1*).

Алтай (H. Appelgren-Kivalo. Alt Altaische Kunstdenkmäler, Helsingfors, 1931, рис. 316).

Каменное изваяние № 17 вытесано из плоской плиты. Голова округлая, шире туловища. На макушке заметен выступ, повидимому изображающий головной убор. Черты лица выпуклые, за счет углубления фона вокруг них. Усы опущены книзу (рис. 6, *2*).

Алтай, между реками Башкаусом и Улаганом (H. Appelgren-Kivalo, рис. 317).

Каменное изваяние № 18 вытесано из узкого четырехгранного каменного столба в полтора человеческих роста высотой. Изображение человека находится на верхней трети столба. Черты лица намечены при помощи выемки фона на месте глазных впадин и вокруг прямого короткого носа. Овал головы отделан только спереди. Согнутые в локтях и опущенные книзу руки соединены вместе на животе и сделаны очень слабым рельефом (рис. 7, *2*).

Алтай, точнее неизвестно. МАЭ, № 135/103.

Каменное изваяние № 19 вытесано из светлосерого с зеленоватым оттенком гранита. Высота около 170 см. Голова овальная, черты лица разработаны слабо. Глаза трактованы в виде овальных углублений, нос и рот — выпуклые. Обе руки опущены вниз и на уровне низа живота держат рельефный сосуд с прямым, слегка отогнутым горлом, шаровидным туловом и прямым поддоном. Ниже рук прорезаны перекрещивающиеся косые полосы (рис. 7, *2*). Алтай, МАЭ [1].

[1] Во время печатания этой работы были получены от М. П. Грязнова рисунки еще десяти изваяний с Алтая. Они помещены на рис. 71, стр. 119.

II. ИЗВАЯНИЯ ТУВИНСКОЙ А. О.

(см. приложение 2)

Каменное изваяние № 20 вытесано из светлосерого сланца. Высота его 42 см. Изваяние представляет собой изображение человека. Проработана только голова. Прямой нос сделан слабым рельефом, рот дан в виде овального углубления. Туловище со слабо выступающими плечами вытесано из прямоугольной плоской плиты (рис. 8, *1*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. К востоку от изваяния отходит вереница из четырех камней, вкопанных в землю.

Тувинская А. О., котловина Деспен [1].

Каменное изваяние № 21 вытесано из плоской плиты светлосерого гранита. Высота его — 56 см, ширина — 11 см. Верхняя часть головы отбита, сохранились только рот в виде овального отверстия и подбородок. В правой руке, согнутой в локте, на уровне груди держит шаровидный сосуд с широким горлом. Левая рука также согнута в локте, а пальцы заткнуты за широкий пояс (рис. 8, *2*). Изваяние стоит у восточной стенки четырехугольной каменной оградки, обращенное лицом на восток. Перед ним к востоку отходит вереница из пяти камней.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 22 вытесано из плиты розового гранита, высотой 80 см. Три четверти этой плиты занимает изображение лица человека с загибающимися кверху усами и широкой бородой. Брови и рот углублены, глаза и нос выпуклые, причем их рельеф сделан за счет углубления щек вокруг глаз и носа (рис. 8, *3*). Это изваяние вкопано у восточной стороны четырехугольной оградки, лицом обращено на восток; к востоку же от него отходит вереница из 32 камней.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 23 вытесано в виде человеческой фигуры из плоской плиты — серого сланца высотой 72 см. Намечена округлая голова и слегка выступающие плечи. Никаких деталей на этом изваянии не изображено (рис. 9). Изваяние обломано и лежит у оградки, но его низ остался вкопанным у восточной стороны каменной оградки, примыкающей к другой такой же оградке с севера.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 24 представляет собой изображение человеческой фигуры, вытесанное из плоской плиты красного гранита, высотой 116 см. На макушке головы заметно небольшое возвышение. С боков голове

[1] В небольшой котловине Деспен, расположенной на южном склоне хребта Танну-Ола, Саяно-Алтайской экспедицией в 1947 г. было открыто 12 изваяний, стоящих перед четырехугольными каменными оградками.

Рис. 8. Тувинская А. О.
1 — каменное изваяние № 20; *2* — каменное изваяние № 21; *3* — каменное изваяние № 22.

Рис. 9. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 23.

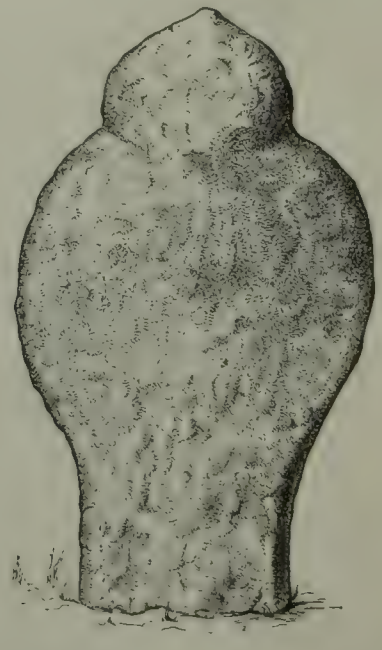


Рис. 10. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 24.

придана некоторая округлость, на месте шеи сделан перехват. Плечи — широкие. Руки намечены в виде полукруглых выступов по бокам плиты. Детали лица и туловища не разработаны (рис. 10). Это изваяние стоит перед восточной стенкой каменной оградки, примыкающей с севера к оградке с изваянием № 23.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 25 вытесано из узкой плиты серого гранита, высотой 70 см. Голова подчетырехугольной формы. Рельеф лица довольно выпуклый. Глаза, нос и подбородок со ртом выделаны при помощи углубления фона вокруг них. Особенно рельефно сде-

лан подбородок. Рот трактован овальной выемкой с приподнятыми кверху концами. От пояса кверху, почти вдоль всего туловища сделана глубокая выемка с округлым верхом, посредине которого находится рельефное изображение, повидимому, изогнутой сабли с округлым навершием. Правая рука не выделена, а левая, согнутая в локте, примыкает к середине пояса, сделанного в виде углубленного желобка (рис. 11).

Изваяние стоит лицом на восток перед восточной стороной четырехугольной каменной оградки.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Рис. 11. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 25.

Каменное изваяние № 26 сделано из плиты белого мрамора. Верхняя часть изваяния (до локтей) отбита, и в настоящее время оно сохранилось на высоту 56 см от уровня земли. Правая рука изваяния, согнутая в локте, была поднята кверху, но от нее сохранилась только небольшая часть. Левая рука также согнута в локте и кистью лежит на рукояти изогнутой сабли с прямым перекрестием и двумя полукруглыми выступами для ремней, подвешенных к поясу. К поясу на двух ремнях подвешен также прямой кинжал с изогнутой кверху рукоятью. На ножнах изображены два полукруглых выступа для ремней. На правом боку к поясу подвешен круглый мешочек. Задняя сторона фигуры гладкая (рис. 12). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. К востоку от него, на расстоянии 200 м, отходит веренца из 62 камней.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 27 высечено из плиты красноватого гранита, высотой 76 см. Отделана только голова округлой формы. Глаза и нос изображены рельефными, при помощи углубления фона вокруг них. Рот дан в виде полукруглого углубления. На месте шеи заметен небольшой перехват, переходящий в слабо выраженные плечи (рис. 13, *1*). Это изваяние очень похоже по форме на изваяние № 20. Оно стоит лицом на восток у восточной стороны каменного кургана, окруженного рвом и валом.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 28 высечено из плиты красного гранита, высотой 81 см. На одной стороне проработана только верхняя часть лица человека. Верхняя часть плиты (голова) закруглена. Глаза и нос сделаны выпуклыми, при помощи углубления фона вокруг них, кроме того, они обведены узкой

Рис. 12. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 26.

прорезью. Рот не намечен (рис. 13, *2*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки, выложенной во рву соседнего каменного кургана с каменным изваянием № 27.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 29 сделано в виде круглой скульптуры из толстой плиты розового гранита, высотой 1,10 м. На голове высечена высокая округлая шапка с уплощенным верхом. Близко поставленные глаза, нос, рот и усы рельефны. Длинные усы загнуты кверху, подбородок заострен в виде небольшой бородки. Рот дан в виде овальной выемки, усы опущены вниз. Выпуклые уши, по форме напоминающие вопросительный знак, обведены узким желобком. На шее заметен перехват, переходящий в желобок вокруг бородки. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит небольшой кувшинчик шаровидной формы с расширяющимся кверху горлом и

Рис. 13. Тувинская А. О.

1 — каменное изваяние № 27; *2* — каменное изваяние № 28.

слегка заостренным дном. Левая рука, также согнутая в локте, прикасается кистью к рукояти изогнутой сабли, подвешенной почти параллельно поясу. Задняя сторона фигуры не обработана (рис. 14). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. К востоку от изваяния отходит вереница из 16 камней.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Каменное изваяние № 30 представляет собой толстую плиту из серого гранита (высотой 125 см и шириной 22 см), на одной из широких сторон которой прорезным контуром изображено лицо мужчины с усами, загнутыми под углом кверху и широкой бородой «лопатой» (рис. 15). Намечен высокий головной убор. Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. К востоку от него отходит вереница из 16 камней.

Тувинская А. О., котловина Деспен.

Рис. 14. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 29.

Рис. 15. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 30.

Каменное изваяние № 31 вытесано из плиты белого мрамора, высотой около 1 м.

Рис. 16. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 31.

Верх головы отбит. Нос прямой, усы висячие, бородка острая. Правая рука на уровне груди поддерживает за низ горшковидный сосуд. Левая рука держит за рукоять изогнутую саблю (рис. 16). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Тувинская А. О., котловина Деспен, рядом со школой. (По фото Л. Д. Шорыгиной.)

Каменное изваяние № 32 представляет собой тонкую плиту серого песчаника высотой 75 см, на которой прорезным контуром изображено овальное, слегка уплощенное наверху, лицо человека. Разрез глаз косой, усы загнуты кверху в виде лежащего полумесяца. Борода маленькая, имеет вид острого треугольника. Угол плиты, из которой было вытесано левое ухо, отбит, а в правом ухе изображена серьга сердцевидной формы с прямым стержнем, опущенным вниз. Левая рука намечена легкой контурной линией (рис. 17, *1*).

Тувинская А. О., с. Арыг-Бажи.

Каменное изваяние № 33 высечено из тонкой плиты светлосерого песчаника, высотой 140 см, шириной 15 см. В верхней части головы сделан небольшой выступ, изображающий головной убор. Брови даны довольно глубокими прорезами; уши, глаза, нос и рот — выпуклые. Фон вокруг трех последних углублен. Усов нет. На конце носа намечены ноздри в виде двух полукруглых вырезов. Шея изо-

1 *2*

Рис. 17. Тувинская. А. О.

1 — каменное изваяние № 32; *2* — каменное изваяние № 33.

бражена в виде углубления вокруг подбородка. Правая рука держит (очевидно, за боковую ручку-петлю) на уровне груди небольшой кувшинчик с плоским дном и расширяющимся кверху горлом, левая держит рукоять сабли с треугольным навершием. На верхнем краю норельефом одной высоты. Глаза, загнутые концами кверху усы, а также рот, в виде овала, рельефны за счет углубления фона вокруг них. Выделена маленькая бородка в виде треугольника. От рельефных ушей спускаются вниз рельефные же серьги в виде небольшого

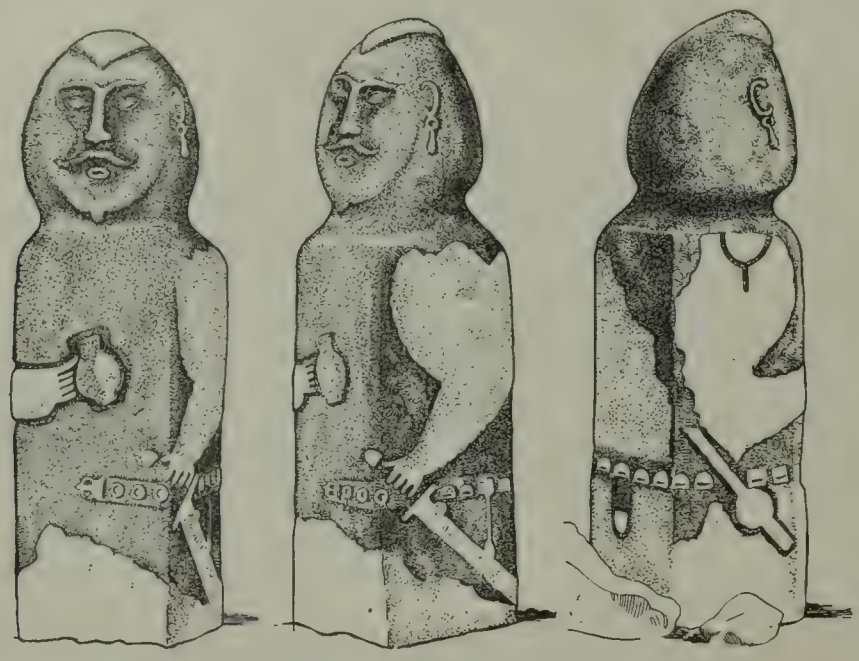


Рис. 18. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 34.

жен имеются два полукруглых выступа с прикрепленными к ним ремнями от гладкого пояса, на котором висит сабля. На правом боку подвешен мешочек с орнаментом в виде несомкнутого овала с завернутыми внутрь концами. От мешочка вниз спускается, повидимому, мусат или нож, в виде длинного, суживающегося книзу предмета с круглой головкой. Спина изваяния не обработана. Изваяние стоит лицом на с.-з. (рис. 17, *2*).

Тувинская А. О., уроч. Хожели-Хараган, в 4 км от Хандагайты, по дороге на Чедан.

Каменное изваяние № 34. Для изготовления этого изваяния использован четырехгранный столб серого гранита с тонкой розоватой коркой. Его высота около 1,10 м и ширина 35 см с каждой стороны. Для изображения деталей на фигуре использовано сочетание цветов корки и камня: вокруг рук, сабли, кувшинчика, бляхи пояса и пр. тонким слоем сбита корка, и на получившемся таким образом матовом сером фоне вырисовываются очертания деталей из розоватой блестящей корки. Голова изваяния вытесана в виде круглой скульптуры, но лицо уплощено. На голове рельефом изображен головной убор в виде треугольника, острым углом спускающийся на лоб. На боках линии этого головного убора сходят на-нет. Брови и нос трактованы общим колечка со стержнем, расширяющимся книзу. Правая рука, на уровне живота держит, повидимому за ручку, кувшинчик с узким горлом и поддоном. Очертания сосуда и руки обведены желобком. На правом плече изваяния изображен какой-то предмет или тамга в виде полуовала, обращенного вниз, от середины которого книзу прочерчена прямая черта. Левая рука вся помещена на боковой грани изваяния и кистью лежит на рукояти сабли. Пояс хорошо проработан со всех сторон. На нем изображены поясная овальная пряжка с четырехугольным приемником, поясные наременные бляхи — круглые в виде колец, овальные со срезанным низом и узким прямоугольным отверстием в нижней части и четырехугольные с такими же отверстиями. Сзади от одной из овальных блях спускается вниз ремень, заканчивающийся наременным прямоугольным наконечником со скругленным нижним концом. На левом боку к поясу подвешена прямая сабля со скругленным навершием рукояти и прямым перекрестием. На ножнах имеются два выступа: верхний — небольшой, полуовальный, и нижний — удлиненный. От последнего отходит вниз ремешок, прикрепленный к одной из четырехугольных блях пояса. С левой стороны изображен длинный прямоугольный предмет. Это, очевидно, засу-

нутый за пояс мусат (или нож?); на его нижней части вырисовывается круг, который, по-

Рис. 19. Тувинская, А. О. Каменное изваяние № 35.

видимому, представляет собой мешочек, обычно подвешивавшийся на этом месте (рис. 18). Каменное изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки каменной оградки (размеры ее — 3×3 м). С северной стороны к ней примыкают еще три оградки тех же размеров.

Тув. А. О., уроч. Таарбол близ Арыг-Бажи, левый берег р. Таргалок, в 1 км к югу от школы.

Каменное изваяние № 35 представляет собой круглую скульптуру, вытесанную из серого гранита, высотой 90 см. На голове заметен головной убор в виде узкой прямоугольной шапочки с загнутым вперед верхом. Нос и брови вырезаны общим рельефом (так же, как и на изваянии № 34); также рельефны загнутые кверху усы и овальный рот. Правое ухо сделано в виде рельефной петли, в него вдета серьга в форме кольца с каплевидной привеской. Левое ухо отсутствует. Правая рука держит, очевидно за ручку, кувшинчик со слегка расширяющимся кверху горлом и уплощенным дном. В левой руке — рукоять кривой сабли с прямым перекрестием, концы которого заострены. Вокруг пояса хорошо проработан поясной ремень с бляхами, аналогичными бляхам изваяния № 34. Слева за пояс заткнут предмет в виде стержня со скругленными концами — повидимому мусат или нож. На правом боку к поясу подвешен круглый мешочек (рис. 19). Ориентировано изваяние лицом на в.-с.-в.

Тувинская А. О., р. Таргалок, близ Арыг-Бажи.

Каменное изваяние № 36 вытесано в виде круглой скульптуры из серого гранита, высота его —162 см, толщина —30 см.

Рис. 20. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 36.

Спереди и с боков хорошо проработаны детали. Спина плоская. На голове изображены волосы, причесанные спереди на прямой пробор, а сзади переходящие в косу. Брови и нос сделаны общим рельефом. Глаза даны в виде выпуклых овальных колечек. Усы и рот объединены в один рельеф, узкий треугольный желобок отделяет нижнюю губу от длинной остроконечной бородки. Уши изображены в виде сильно выступающих массивных толстых валиков. Обеими руками изваяние держит на уровне живота кувшинчик с прямым горлом и плоским поддоном, с ручкой на правом боку в виде треугольной петли. Хорошо разработанный пояс с наборными бляхами опоясывает фигуру спереди и с боков, а на спине он только слегка намечен. Поясные бляхи все четырехугольные с узкой прямоугольной прорезью в нижней части. Кроме того, спереди имеется одна концевая бляха. На правом и левом боках от пояса спускаются по пяти узких ремешков с концевыми бляшками. После первых трех ремней (считая спереди) от пояса на ремешке свисает вырезная пряжка с сердцевидным отверстием (рис. 20). Изваяние обращено лицом на с.-в. При изваянии никаких следов каменной четырехугольной оградки нет.

Тувинская А. О., левый берег р. Шеми, близ ее впадения в р. Кемчик.

Каменное изваяние № 37 вытесано в виде круглой скульптуры из светлорозового гранита, высотой 1,30 м. На голове надета круглая шапка с небольшим острым мысом на лбу. С боков на макушку заложены ее откидные уши, стянутые сзади тесемкой с двумя концами. Поперек верха и посредине сзади видимы небольшие валики — очевидно, изображающие швы. Низ шапки сзади также имеет выпуклый узкий валик. Нос и брови изваяния сделаны общим рельефом. Глаза даны в виде узких выпуклых овалов с выпуклыми же зрачками, углубленными в середине. На груди небольшими выпуклостями намечены соски. Ле-

Рис. 21. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 37.

вая рука, согнутая в локте, держит круглый сосуд с узким, слегка расширяющимся горлышком и широким плоским поддоном. Правая рука также согнута в локте и кистью лежит возле сосуда. Хорошо отделанный рельефный пояс опоясывает фигуру изваяния. В центре его изображена круглая пряжка с приемником с заостренным концом. Направо от пряжки находятся три лунницеобразные наременные бляшки, налево — четыре такие же бляшки. На боках расположены: на правом — пять квадратных бляшек, от которых отходят висящие ремешки, покрытые сверху донизу бляшками в следующей последовательности: по одной узкой обойме, по три длинные бляхи с вырезом в верхней части и закруглением внизу и, наконец, по такой же, но немного более длинной концевой бляхе. На левом боку изображены те же бляхи в том же чередовании, но в середине, вместо трех, изображено по четыре длинные бляхи на каждом ремешке. Сзади, посредине поясного ремня, видимы еще пять квадратных блях, с таким же количе-

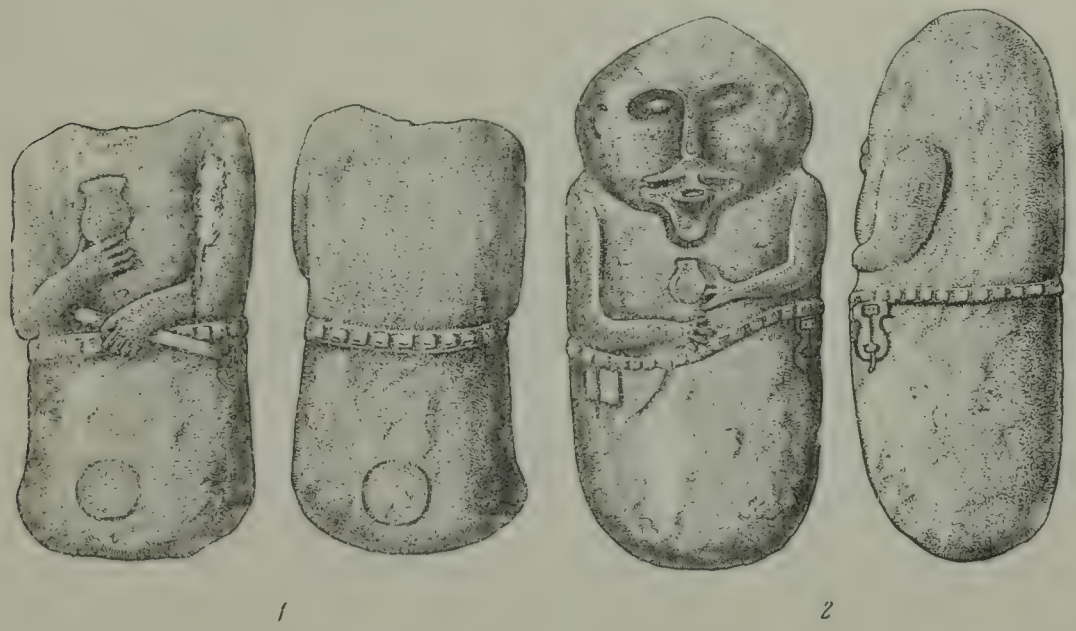
ством блях, висящих на ремнях, как и на правом боку. На левом боку, поверх свисающих вниз ремешков, изображен длинный предмет с короткой рукоятью, в ножнах, похожий на нож или кинжал (рис. 21). Вокруг изваяния членами экспедиции в 1947 г. было найдено несколько обломков разбитой плиты зеленого сланца, на торцовой части которой в свое время была вырезана орхоно-енисейская надпись. На собранных обломках сохранились лишь отдельные знаки. В 3 м к ю.-в. от изваяния обнаружен вкопанный в землю нижний конец от этой разбитой плиты. По словам живущих в этой местности аратов, плита лет 30 тому назад была разбита ламами.

Тувинская А. О., уроч. Эльте-Кежиг, близ Теели, правый берег р. Кемчика.

Каменное изваяние № 38 вытесано из крупного плоского обкатанного валуна желтоватого гранита. Голова отбита и не сохранилась. Высота изваяния без головы — 80 см. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит округлый сосуд со слегка расширяющимся кверху горлом. Сосуд как бы стоит на большом и указательном пальцах. Левая рука, также согнутая в локте, кистью лежит на рукояти слегка изогнутой сабли. На нижней стороне рукояти имеются три округлых выступа. Пояс сплошь заполнен квадратными бляшками, причем на спине они все имеют узкие четырехугольные прорезы в нижней части. На левом боку к поясу подвешена пряжка, сходная своей формой с костяными пряжками от подпруг, встречающимися в конских уборах алтайских погребений VII—VIII вв. В нижней части изваяния как спереди, так и сзади, высечен круг (рис. 22, *1*). Такие круги обычно встречаются на олённых камнях Тувы и Монголии. Возможно, что для изготовления описываемого изваяния был использован подобный камень. Изваяние лежит возле четырехугольной каменной оградки.

Тувинская А. О., с. Булун, в 18 км к ю.-в. от с. Теели, на левом берегу р. Барлык.

Каменное изваяние № 39 сделано из массивного обкатанного валуна светлосерого гранита, высотой 1 м. На макушке заметен небольшой остроконечный выступ, повидимому изображающий головной убор. Нос, усы, овальная борода и выступающие вперед губы сделаны общим рельефом за счет выемки фона вокруг них. Глазные впадины довольно сильно углублены, и в них вырезаны выпуклые овальные глаза. Уши сделаны в виде прорезных скобок. На груди слегка выпуклым рельефом изображены соски. Левая рука согнута в локте и имеет только четыре пальца, концами которых прикасается на уровне груди к круглому сосуду с прямой шейкой. Правая рука, также согнутая в локте, тоже имеет четыре пальца и прикасается ими к поясу. Рельефный пояс вокруг всей талии изваяния покрыт, расположенными вплотную друг к другу, четырехугольными бляшками. На левом боку, к поясу, язычком вниз, подвешена вырезная бляха — такая же как на изваянии № 38 (сходная по форме с костяными алтайскими бляхами). На правом боку, также язычком вниз, подвешена четырехугольная пряжка. Обе пряжки изображены контурным рисунком



1 *2*

Рис. 22. Тувинская А. О.

1 — каменное изваяние № 38; *2* — каменное изваяние № 39.

при помощи прорези (рис. 22, *2*). Изваяние стоит лицом на ю.-в. у восточной стороны четырехугольной каменной оградки.

Тувинская А. О., уроч. Булун, в 1 км к с.-с.-в. от дороги в сумон Тунгурлуктей, в 18 км от с. Теели.

Каменное изваяние № 40 сделано из обкатанного валуна розового гранита, высотой 90 см. На голове изображена, повидимому, прическа с прямым пробором на лбу, переходящая на спине в длинную лопасть, напоминающую косу. Нос, глаза, прямые усы и рот в виде овального колечка сделаны рельефом за счет выемки окружающего их фона. В глазах небольшими углублениями обозначены зрачки. Обе руки, согнутые в локте, держат на уровне груди небольшой сосудик с узким прямым горлом, широкими боками и узким плоским дном. На спине от рук отходят рельефные очертания лопаток. Вокруг талии изваяние опоясано рельефным поясом, причем на животе, ближе к правому боку, виден наложенный поверху, скругленный конец ремня. Спереди на поясе изображены шесть поясных блях в виде лунниц, накрепленных боком. На боках и спине — семь четырехугольных блях. Ниже пояса выпукло вытесаны бедра, линии которых спускаются вниз и соединяются в одну поперечную линию (рис. 23, *1*). Изваяние стояло лицом на ю.-ю.-з. и было вкопано (очевидно, повторно) посредине четырехугольной каменной оградки. В 1947 г. вывезено экспедицией ГИМ и ИИМК в Государственный Исторический музей.

Тувинская А. О., с. Булун, в 18 км от с. Теели.

Каменное изваяние № 41 сделано из неровного обкатанного валуна серовато-желтого гранита, высотой в 1 м при толщине в 35 см. Голова подчетырехугольной формы, брови, нос, губы, усы и борода сделаны общим рельефом. Глаза выпуклые. На груди, почти под подбородком, изображены в виде небольших выпуклостей два соска. Левая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит большой сосуд с шаровидным туловом, высоким горлом и поддоном, имеющим перехват. Правая рука опущена вниз и кистью лежит на естественном выступе камня, как бы на колене (рис. 23, *2*). Изваяние врыто в землю и обращено лицом на ю.-в. Оно стоит в 45 м к северу от школы в сумонном центре Тунгурлуктей.

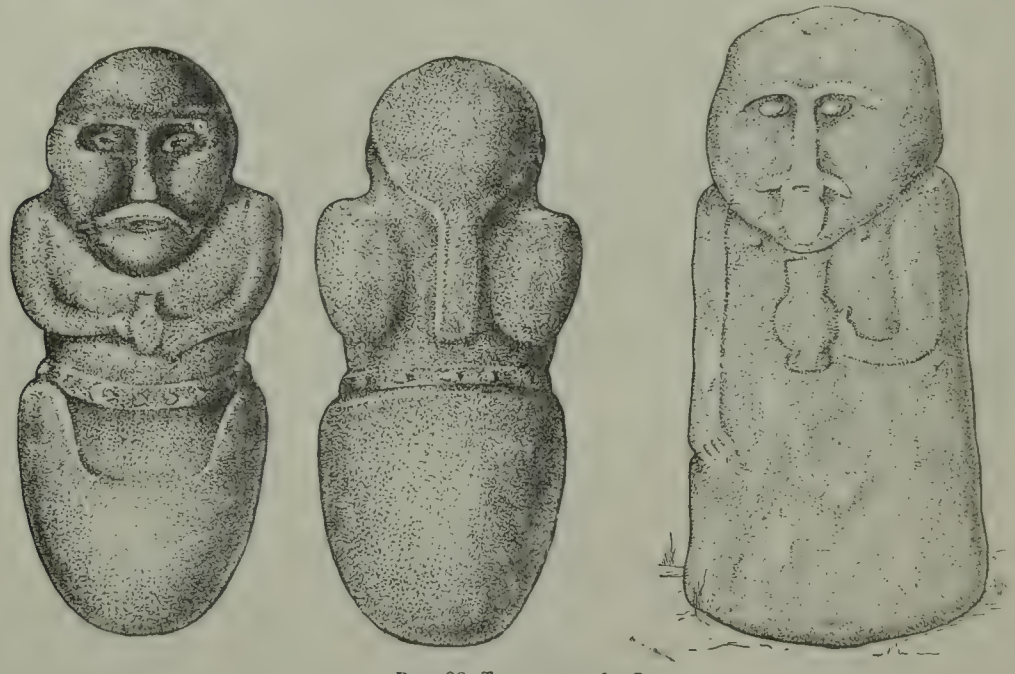


Рис. 23. Тувинская А. О.

1 — каменное изваяние № 40; *2* — каменное изваяние № 41.

Тувинская А. О., с Булун, в 18 км от с. Теели.

Каменное изваяние № 42 вытесано в виде очень хорошей круглой скульптуры из светлосерого гранита с черными крапинками. Высота изваяния — 1 м. Для изготовления его использован кусок гранита трехгранной формы, поэтому перёд фигуры выпуклый, а спина совершенно гладкая. Разработка всех деталей очень тщательная, а голова и черты лица выполнены с большой художественной выразительностью. На голове изображена шапка с острыми мысами на лбу и затылке. Откидные уши шапки закреплены сзади. По верху шапки, вдоль (до соединения наушников) и поперек (посредине), а также спереди, на лбу, выделены выпуклые швы. Лицо высечено очень пропорционально. Брови выпуклые, глаза с круглыми зрачками, слегка прищурены, нос

прямой, с крыльями ноздрей. Усы опущены книзу и на концах изогнуты. Рот приоткрыт и его верхняя и нижняя губа тщательно отделаны. Уши выпуклые. Лицо изваяно чрезвычайно натуралистично и, очевидно, портретно. Обе руки, согнутые в локтях, держат на уровне живота в растопыренных пальцах большой рельефный сосуд с круглым туловом и прямым горлом и поддоном, причем на горлышке, плечиках и дне заметны выпуклые валики. Рукава около кистей закончены узкими обшлагами.

Рис. 24. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 42.

Вокруг талии изваяния вырезан пояс с тщательно разработанными деталями. Спереди, немного правее середины, изображена округлая пряжка с длинным приемником со скругленным концом. Левее сделаны две квадратные и одна прямоугольная бляшки. На боках имеется по три квадратные бляхи с сердцевидными прорезями. От каждой такой бляхи вниз спущено по ремешку, на которых сверху вниз расположены: одна прямоугольная бляха, через интервал — узкая обойма и опять, после интервала — узкий наременный наконечник с полукруглой выемкой наверху, небольшим перехватом в середине и заостренным концом. Сзади на поясе не очень четким рельефом изображены три поясные бляхи с тремя спускающимися от них вниз ремешками (рис. 24). Изваяние обращено лицом на восток. Возле него справа, в расстоянии около 3 м, стоит другое изваяние (№ 43).

Следует отметить, что описанное изваяние представляет наиболее реалистическое изображение человека из всех известных нам каменных изваяний Тувы.

Тувинская А. О., уроч. Чанагаш, левый берег р. Чадан, правый берег р. Кемчик.

Каменное изваяние № 43 сделано из плоской плиты гранита почти черного цвета со слегка красноватым оттенком, высота его — 95 см. У изваяния обработаны только перёд и бока, а поверхность спины гладко затесана. На голове надета круглая шапка с острым мысом на лбу, скругленная на затылке. Уши шапки завернуты наверх и сзади завязаны узлом из тесьмы с двумя спускающимися вниз

Рис. 25. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 43.

концами. От середины мыса до завязок и поперек головы наверху показаны швы в виде валиков. Брови слегка выпуклые, глазные впадины глубокие. Выпуклые глаза обведены вокруг тонкой прорезью. На месте зрачков — углубленные точки. Нос прямой, выпуклый. Небольшие усы, также рельефные, слегка изогнуты. Рот сделан в виде овала с выпуклым ободком. Уши рельефные, плоские. Правая рука отбита, от нее сохранилась только кисть, но видно, что так же, как и левая, она была согнута в локте. На уровне живота изваяние держит обеими руками большой сосуд с шаровидным туловом, прямыми горлом и поддоном. На плечиках сосуда выделан выпуклый валик. Одежда вроде кафтана показана только узкими обшлагами у кистей рук. Спереди и на боках изваяния вырезан рельефный пояс. На поясе посредине изображена пряжка с острым концом и прямоугольным приемником. Весь ремень пояса сплошь заполнен квадратными бляшками. На выступающих

боках фигуры от бляшек спускаются вниз по три ремешка с прямыми скругленными внизу наременными наконечниками (рис. 25)

Изваяние обращено лицом на восток и стоит в 3 м от изваяния № 42

Тувинская А. О., уроч. Чанагаш, левый берег р. Чадан, правый берег р. Кемчик.

Каменное изваяние № 44 вытесано из светлосерого гранита. Высота его — 97 см Передняя сторона фигуры выпуклая, оборотная плоская. На голове изваяния надета высокая шапка. На лбу посредине и с боков перед ушами заметны остроугольные выступы. Сзади низ шапки заостренным выступом спускается на затылок. Уши шапки заложены назад и связаны. Посредине, вдоль и поперек,

Рис. 26. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 44

обозначены швы в виде выпуклых валиков. Вдоль всего края шапки проходит широкая кайма. Обе руки согнуты в локтях. Пальцы правой лежат на горле сосуда, который находится на уровне живота человека. Пальцы левой руки держат тулово кувшина круглой формы, с высоким прямым горлом и прямым же поддоном. На шейке и плечиках кувшина выделано по выпуклой полоске. Одежда, очевидно, имела вид кафтана с узким рукавом, о чем позволяет судить изображение обшлага на правом рукаве. У правой руки сбиты все пальцы, кроме большого. По талии вырезан рельефный пояс, весь заполненный пояснымн бляхами. В середине, на животе, ремень закругляется на концах, и между ними, примыкая к левому концу, вырезана овальная пряжка с прямым приемником. Левая сторона пояса, до бока, украшена четырехугольными наременными бляхами с сердцевидными отверстиями, прорезанными горизонтально; далее по всему поясу до пряжки эти отверстия вырезаны вертикально, острым концом вниз. На правом и левом боках от пояса спускаются по три ремня, украшенные каждый двумя бляшками с сердцевидным отверстием (расположенным острым концом вниз) и заканчивающиеся длинными наременными наконечниками с заостренными концами и вырезом наверху (рис. 26). Изваяние обращено лицом на восток и стоит в 1 км к югу от изваяний № 42 и 43.

Тувинская А. О., уроч. Чанагаш, левый берег р. Чадан и правый берег р. Кемчик.

Каменное изваяние № 45 вытесано из серого гранита в виде круглой скульптуры. Высота его — 63 см. Изваяние представляет собой фигуру сидящего человека с согнутыми в коленях поджатыми ногами. Голова и лежавшие на коленях кисти рук отбиты. На изваянии хорошо разработана одежда в виде накинутого на плечи кафтана с длинными узкими рукавами. Под фигурой, из того же куска гранита, вытесан выступающий на 10 см

Рис. 27. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 45.

плоский пьедестал (рис. 27). Изваяние стоит возле четырехугольного плоского кургана, обведенного рвом и валом. Здесь же находятся другое изваяние (№ 46) и части каменных фигур львов (изваяния № 47 *а* и *б*).

Тувинская А. О., с. Сарыг-Булун.

Каменное изваяние № 46 вытесано из серого гранита в виде круглой скульптуры. Высота его — 92 см. Изваяние изображает фигуру сидящего человека с согнутыми в коленях ногами. Голова, руки и ноги отбиты. Правая рука была изображена согнутой в локте и поднятой на уровень груди. Левая рука, также согнутая в локте, лежала кистью на колене, очевидно на рукояти сабли. На рельефном поясе, отделанном вокруг всей талии, вырезаны рельефные же четырехугольные бляшки с узкой прорезью в нижней части. На правом боку к поясу подвешен мешочек овальной формы, обведенный вокруг широкой рельефной

полосой. На левом боку сохранилась часть подвешенной к поясу сабли с полукруглым выступом для ремня на ножнах. За саблей отделан висящий вниз от пояса ремешок. Сзади от пояса спускается еще один ремень, с продольными бороздками, заканчивающимися кружком. На изваянии хорошо отделан узкий, облегающий фигуру кафтан, с круглым выпуклым воротом и сборчатыми рукавами. На правом боку он собран в мелкие сборки, грудь гладкая. Ниже пояса, между ног, изображены складки одежды. Под изваянием, из того же куска гранита, вытесан пьедестал высотой в 15 см, выступающий на 12 см вокруг всей статуи (рис. 28). Изваяние стоит возле четырехугольного плоского кургана, обнесенного рвом и валом. Здесь же находятся изваяние № 45 и фрагменты каменных фигур львов (изваяния № 47 *а* и *б*).

Тувинская А. О., с. Сарыг-Булун.

Каменное изваяние № 47*а* представляет собой фрагмент фигуры льва, вытесанного в виде круглой скульптуры из серого гранита. Голова, ноги и задняя часть туловища отбиты. Сохранилась лишь нижняя часть открытой пасти. На спине видны легкие волнистые бороздки ребер или шерсти. На груди заметны два неясных завитка, повидимому от гривы (рис. 29) . Изваяние № 47 *б* представлено обломком передней части туловища такой же фигуры (рис. 29). Изваяния

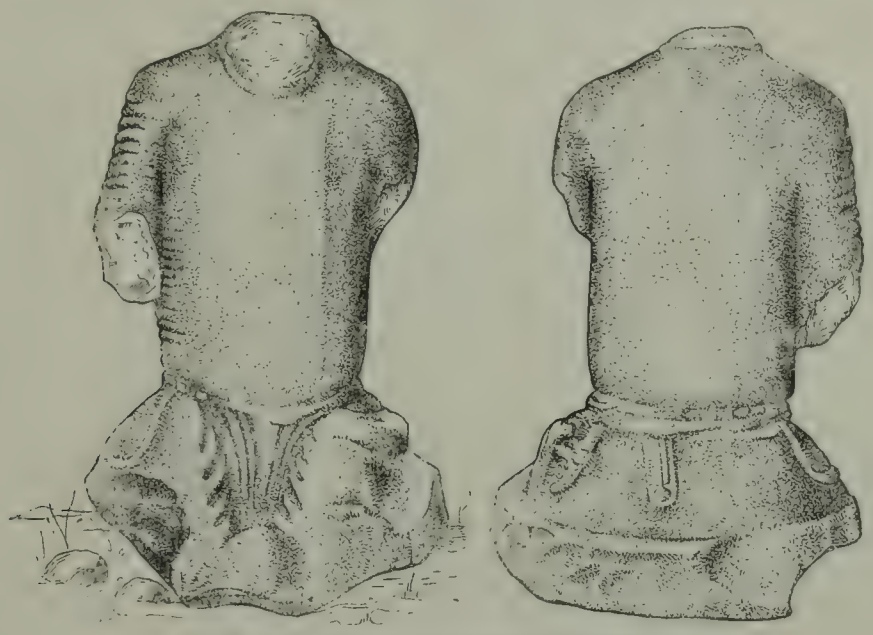
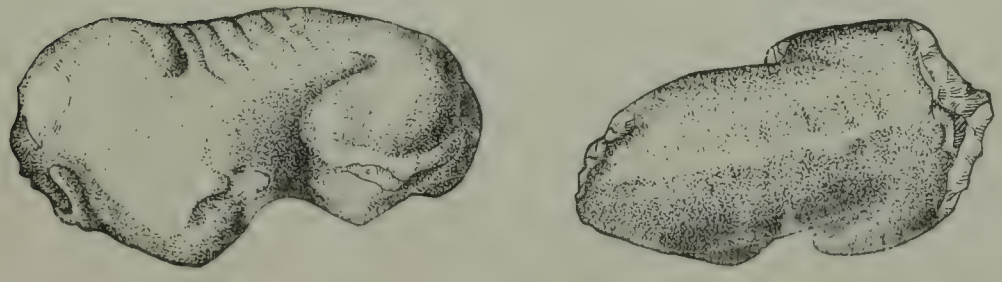


Рис. 28. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 46.



а *б*

Рис. 29. Тувинская А. О. Каменные изваяния № 47 (*а* и *б*). Два обломка каменных фигур львов.

лежат возле кургана со рвом и валом, где находятся изваяния № 45 и 46.

Тувинская А. О., с. Сарыг-Булун.

Каменное изваяние № 48 вытесано из серого гранита в виде круглой скульптуры. Высота его — 1,10 см. Изваяние представляет собой фигуру сидящего человека с поджатыми, скрещенными ногами. Голова и плечи отбиты. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит округлый сосуд с высоким горлом и прямым поддоном. Левая рука также согнута в локте и кистью лежит на правом бедре. Положение ног показано неглубокими чертами. Рельефный пояс слабо виден вокруг всей талии. На левом боку от

пояса спускается овальный мешочек с двумя рельефными округлыми завитками. У изваяния внизу вытесан толстый округлый шип.

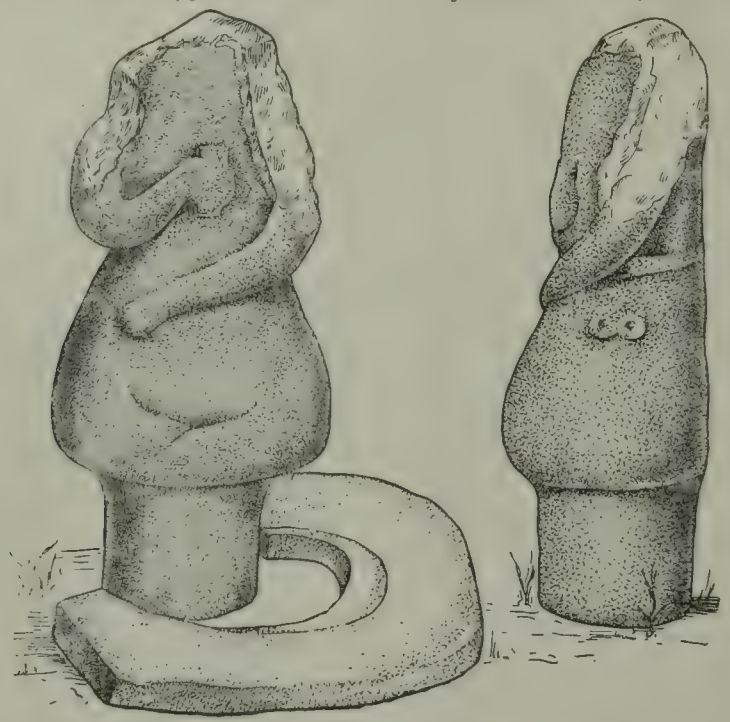


Рис. 30. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 48.

Этот шип служил для укрепления статуи в лежащем здесь же большом округлом камне с

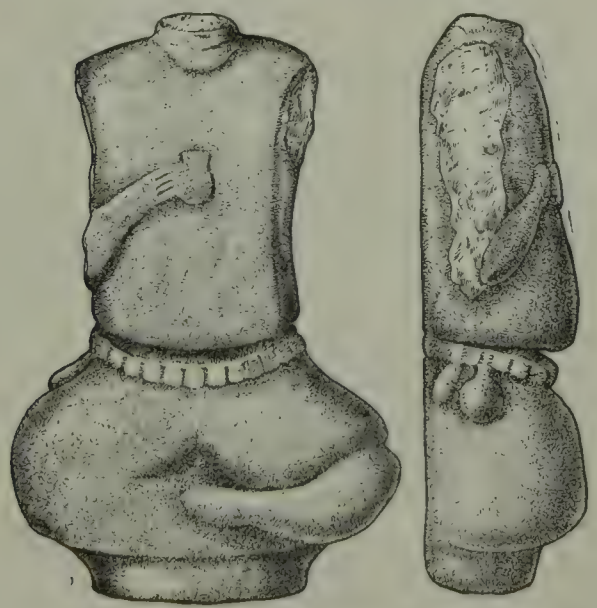


Рис. 31. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 49.

отверстием в середине (рис. 30). Изваяние стоит лицом на запад у западной стороны четырехугольной каменной оградки (положение, по-видимому, повторное, так как фигура вынута из пьедестала).

Тувинская А. О., с. Кызыл-Мажалык.

Каменное изваяние № 49 представляет собой вытесанную из серого гранита в виде круглой скульптуры фигуру человека, сидящего с поджатыми, скрещенными ногами. Высота его — 1,05 м. Голова и руки отбиты, само изваяние разбито на две части по поясу. Правая рука была согнута в локте, от нее сохранилась часть от локтя до кисти, лежащей на груди и держащей округлый сосуд с высоким горлом. Вокруг талии обведен рельефный пояс с четырехугольными бляхами с узкими прорезями в нижней части. На правом боку к поясу подвешен круглый мешочек, сзади него виден какой-то овальный выпуклый предмет. На ногах, до колен, изображены или расходящиеся полы одежды, или широкие шаровары. Под изваянием сохранилась часть широкого округлого шипа, служившего для укрепления фигуры в пьедестале (рис. 31). Это изваяние находится возле той же каменной оградки, что и изваяние № 48.

Тувинская А. О., с. Кызыл-Мажалык.

Каменное изваяние № 50 вытесано из валуна серого гранита. Высота изваяния — 70 см. На голове изображена прическа на прямой пробор. Брови и нос сделаны одним рельефом. Нос расширяется книзу, и видны крылья ноздрей. Усы и рот выделаны также одним рельефом. Уши представлены в виде рельефных валиков. На голове изображена шапка. Правая рука согнута в локте и

кистью лежит на животе, возле сосуда с круглым туловом, высоким прямым горлом и прямым поддоном; у руки только четыре растопыренных пальца. Левая рука, согнутая в локте, лежит кистью с четырьмя пальцами около дна сосуда. На груди заметны рельефные изображения сосков. Спереди вырезан рельефный пояс, украшенный четырехугольными бляхами (рис. 32, *1*). Рядом, в расстоянии около 1 м, стоит изваяние № 51.

1 *2*

Рис. 32. Тувинская А. О.

1 — каменное изваяние № 50; *2* — каменное изваяние № 51.

Тувинская А. О., р. Барлык.

Каменное изваяние № 51 вытесано из серого гранита. Высота его — 75 см. На лбу и над ушами проведены контуры головного убора с острым мысом над носом. Брови и нос сделаны одним рельефом. Глаза углублены, имеют форму овалов. Нос расширен книзу. Рот изображен в виде овального рельефного кольца с небольшими усами (?) над ним. На груди — рельефные соски. Правая рука согнута в локте и кистью с четырьмя пальцами держит сосуд с округлым туловом, прямым высоким горлом и прямым поддоном. Левая рука также согнута в локте и кистью с четырьмя пальцами поддерживает сосуд снизу. По всей вероятности, изваяния № 50

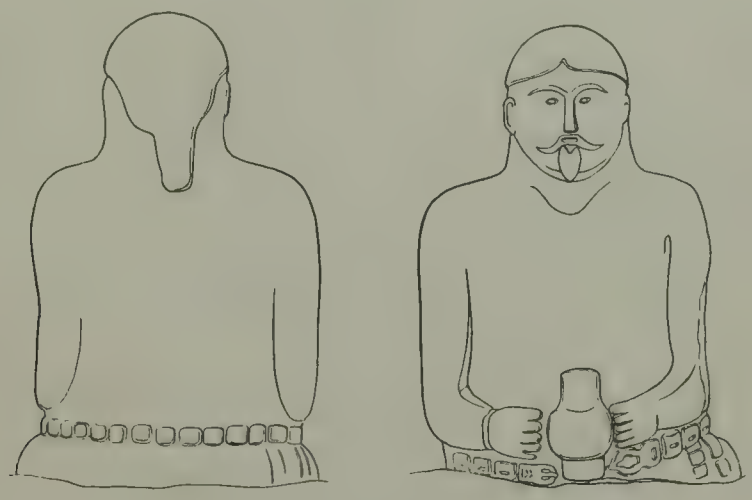


Рис. 33. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 52.

и 51 сделаны одним мастером, так как выделка скульптуры идентична, так же как и ее детали (рис. 32, *2*). Изваяние стоит в расстоянии 1 м от изваяния № 50, с левой стороны его.

Тувинская А. О., р. Барлык.

Каменное изваяние № 52 высечено в виде круглой скульптуры из каменной плиты. На голове изображена прическа на прямой пробор, переходящая сзади в косу. Брови и нос сделаны одним рельефом. Глаза выпуклые, усы спускаются вниз и кончики их

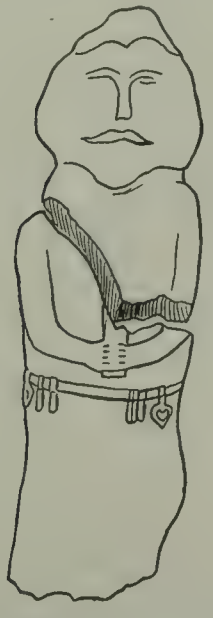


Рис. 34. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 53.

Рис. 35. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 54.

завернуты кверху. В усах сделано овальное углубление рта. Под нижней губой очерчен небольшой треугольник — бородка овальной формы. На уровне живота изображены обе руки, согнутые в локтях, поддерживающие сосуд с узким горлом, круглым туловом на прямоугольном поддоне. Пояс, охватывающий всю фигуру человека, состоит из квадратных наременных блях, сзади гладких, а спереди с прямоугольными узкими прорезями на нижней части. С правой стороны на животе пояс заканчивается полукруглой пряжкой с язычком и прямоугольным приемником, на котором видны косые штрихи, очевидно передающие узор. С левой стороны пояс заканчивается пряжкой, напоминающей своей формой костяную; она — округлая, с выступом впереди и перехватом перед приемником, на котором имеется узкая прямоугольная прорезь. На левом боку видны два свисающих от пояса ремня с четырехугольными бляхами. Спина гладкая, на боках линиями обозначены руки (рис. 33). Судя по фотографии, изваяние стоит посредине невысокого каменного кургана.

Тувинская А. О., р. Кемчик, курган в степи близ Бичиг-Кая. (ВГО, Архив № 483. Альбом С. Р. Минцлова «Урянхайский край»).

Каменное изваяние № 53 вытесано из плоской каменной плиты. На голове изображена высокая суживающаяся кверху шапка. Глаза, нос и усы рельефные. В обеих руках изваяние держит сосуд, форма которого неясна из-за излома, но видно, что он с прямыми стенками и напоминает высокий стакан. От пояса на правом и левом боку спускаются по три ремня: на одном из них острием вниз подвешена бляха или пряжка сердцевидной формы (рис. 34).

Тувинская А. О., близ Чакуля, между рр. Кемчиком и Улукемом. (H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 333 А.)

Рис. 36. Тувинская А. О.
1 — каменное изваяние № 55; *2* — каменное изваяние № 56.

Каменное изваяние № 54 вытесано в виде каменной плиты. Рельефное изображение человеческой фигуры разработано только спереди. На голове человека — высокая шапка с обломанным верхом. На уровне живота находится сосуд с круглым туловом и высоким горлом, с небольшим перехватом около плечиков (рис. 35).

Тув. А. О., с. Шагонар на Улукеме (H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 333).

Каменное изваяние № 55 вытесано из валуна. Высота его — 1 м. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит округлый сосуд с высоким прямым горлом и поддоном. Левая рука, также согнутая в локте, кистью лежит на поясе (рис. 36, *1*).

Тувинская А. О., с. Эрги-Барлык сумон (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 56 вытесано из тонкой плиты, толщиной 26 см и высотой 90 см. Черты лица рельефные. Правая рука, согнутая в локте, держит сосуд, левая рука поддерживает этот сосуд снизу (рис. 36, *2*).

Тувинская А. О., с. Эрги-Барлык сумон (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 57 вытесано из валуна, высотой 1 м. На голове изображен головной убор в виде шапки с идущей вокруг узкой каймой и продольным швом. Нос расширяется книзу, глаза и рот сделаны в виде выпуклых овальных колец. На груди двойной чертой изображена деталь одежды в виде спускающейся от плеч на грудь скругленной лопасти. Правая рука, согнутая в локте, держит на уровне живота большой округлый сосуд с высоким прямым горлом и низким поддоном. Левое плечо отбито. Сохранилась часть руки ниже локтя. Кисть левой руки лежит на животе. Пояс узкий, без блях (рис. 37).

Тув. А. О., (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 58 вытесано из черного гранита. Высота его — 43 см. На голове сохранилась часть головного убора. Лицо рельефное, остальные подробности неизвестны, так как изваяние по грудь закопано

Рис. 37. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 57.

Рис. 38. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 58.

Рис. 39. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 59.

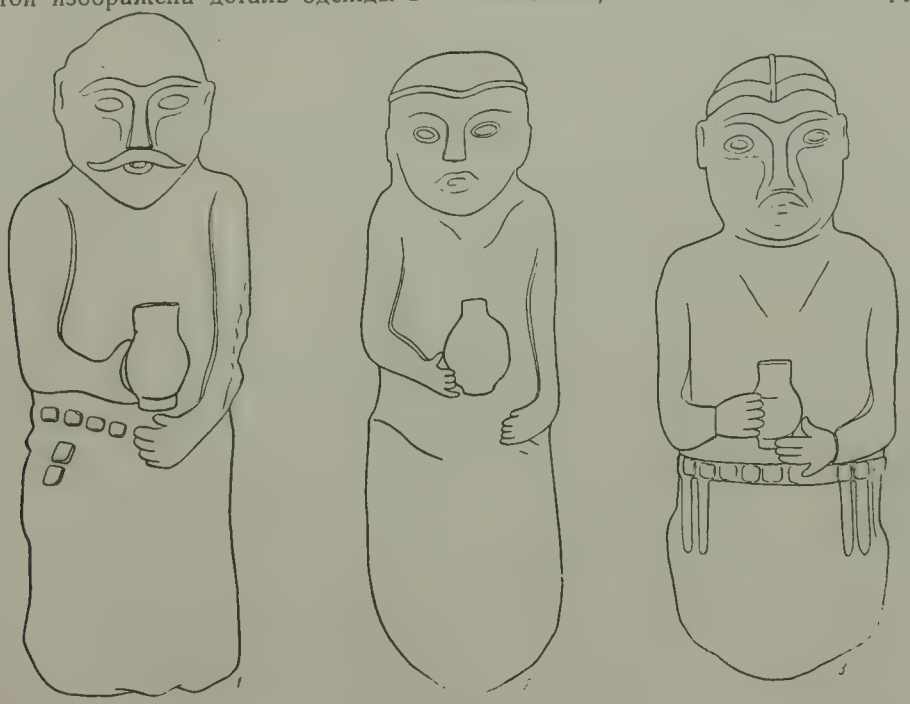


Рис. 40. Тувинская А. О.

1 — каменное изваяние № 60; *2* — каменное изваяние № 61; *3* — каменное изваяние № 62.

в землю (рис. 38). К ю.-з. от изваяния отходит вереница из шести камней.

Тувинская А. О., у горы Алды-Саир, близ сумонного центра Шуй (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 59 представляет собой обломок плиты, на плоской стороне которой прорезью сделано изображение лица усатого мужчины (рис. 39).

Тувинская А. О., р. Баянгол (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 60 вытесано из камня, высотой 140 см. Черты лица, — брови, нос и усы сделаны одним рельефом, за счет углубления фона вокруг них. Уши выпуклые. Правая рука, согнутая в локте, держит большой круглый сосуд с широким прямым горлом и узким прямым поддоном. В левой руке, слегка согнутой в локте, повидимому рукоять сабли (изображение неясно). Пояс рельефный, украшенный четырехугольными бляхами. На правом боку от пояса спускается ремень с такими же бляхами (рис. 40, *1*). Изваяние стоит лицом на восток около восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Тувинская А. О., Тыт-Кудру (по рисунку из музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 61 вытесано из камня, высотой 90 см. На голове двойной чертой обведен головной убор (или прическа). Брови и нос сделаны одним рельефом. Небольшие, опущенные книзу усы и губы рельефны. Правая рука, согнутая в локте, держит круглый сосуд с узким горлом и невысоким прямым поддоном. Левая рука опущена вниз и, повидимому, охватывает рукоять сабли. Все изваяние сделано не четко (рис. 40, *2*).

Тув. А. О., (по рисунку музея в г. Кызыл).

Каменное изваяние № 62 вытесано из серого гранита в виде круглой скульптуры. Высота его около 1,5 м. Головной убор в виде шапки окружен широким отворотом с выпуклым швом посредине. На лбу — выступ в виде острого мыса. Брови и нос сделаны одним рельефом. Глаза вырезаны в виде овальных выпуклых колец. Прямой нос расширен внизу. Небольшие усы опущены книзу, рот выпуклый. Правая рука, согнутая в локте, на уровне живота держит круглый сосуд с высоким горлом и прямым поддоном. Левая рука, согнутая в локте, поддерживает сосуд снизу. Широкий рельефный пояс охватывает всю талию; на нем изображены выпуклые четырехугольные бляхи (рис. 40, *3*).

Это изваяние М. П. Грязновым и Е. Шнейдером в работе «Древние изваяния Минусинских степей»[1] ошибочно описано как происходящее из дер. Синявино Минусинского округа. На самом же деле оно привезено А. В. Адриановым в Минусинский музей из Тувы. Это выяснено В. П. Левашовой со слов минусинского краеведа Тропина. Кроме того, это изваяние издано в книге Д. Каруттерса «Неведомая Монголия» (П., 1914 г., т. I, стр. 152), где указано, что оно происходит с верховьев р. Енисея, т. е. из Тувинской А. О.

Тувинская А. О., Минусинский музей.

Каменное изваяние № 63 высечено в виде круглой скульптуры с рельефными чертами лица и руками. На голове надета шапка с «ушами», завернутыми кверху. В руках,

Рис. 41. Тувинская А. О. Каменное изваяние № 63.

на уровне живота, изваяние держит кувшинчик. Пол этого изваяния неясен. Имеющиеся на груди кружки могут передавать и женские признаки, но могут быть и деталями одежды и нагрудными бляхами панцыря. К сожалению, в рисунках Аппельгрена наблюдаются неточности, поэтому трудно судить, были ли у изображения усы (рис. 41).

Тувинская А. О., Чирчарек на р. Кемчик (H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., стр. 320).

III. ИЗВАЯНИЯ ХАКАССКОЙ А. О.

(см. приложение 3)

Каменное изваяние № 64 вытесано из плоской каменной плиты с острыми гранями на боках, изображает фигуру мужчины с большими, прямыми усами и с бородой. На голове прическа, переходящая сзади в широкую косу. В обеих руках виден сосуд со скругленным дном. На задней поверхности изваяния высечена орхоно-енисейская надпись, свидетельствующая о том, что изваяние изображает знатного тюргеша[1] (рис. 42).

Хакасская А. О., дер. Знаменка между рр. Тесью и Ербой (H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 124). Находится в Минусинском музее.

Каменное изваяние № 65 вытесано плоским рельефом из плиты серого девонского песчаника 20 см толщиной. Высота из-

[1] «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 25.

[1] W. W. Radloff. Die Alttürkische Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, S. Pb., 1895, стр. 344.

ваяния 1,10 м. Голова отбита. В поднятых на уровень груди руках виден кувшин с узким горлом и круглой ручкой. На спине заметен

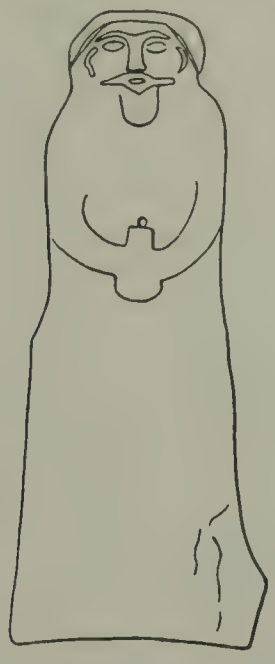


Рис. 42. Хакасская А. О. Каменное изваяние № 64.

низ прически. Возможно, что это коса, подобная той, которая изображена на изваянии

Рис. 43. Хакасская А. О. Каменное изваяние № 65.

№ 36 из Шеми в Туве. На талии изваяния сделан довольно узкий перехват. Нижняя часть изваяния расширена, можно думать, что этим приемом мастер изобразил сидящего человека. Это также сближает описываемое изваяние с тувинскими из Кызыл-Мажалыка и Сарыг-Булуна. У местного населения изваяние известно под названием «Тас-иней» (старуха-камень) и связано со следующей легендой: когда-то здесь боролись два шамана (хама) — хакасский и тувинский (соян); оба были равны по силе и хитрости. Они очень долго боролись. Наконец хакасский шаман поймал тувинского арканом за ногу и убил.

Подобного типа изваяния, в отличие от Тувы, не характерны для Хакассии и на ее территории единичны. Из приведенной легенды видно, что и местное население не считает их своими, а связывает их происхождение с Тувой (рис. 43).

Изваяние находится в 3 км к с.-в. от улуса База (Сухановтар-аалы) на территории колхоза Кол-Хонын-Чолы, в урочище Хаматхан («хам [шаман] стрелял»). В настоящее время изваяние лежит у большого кургана времени тагарской культуры, но сюда перенесено с другого места этого же урочища, где оно стояло возле четырехугольной каменной оградки с округлой насыпью в середине.

(Издается по рисунку Л. Р. Кызласова, сообщившего мне также приведенную выше

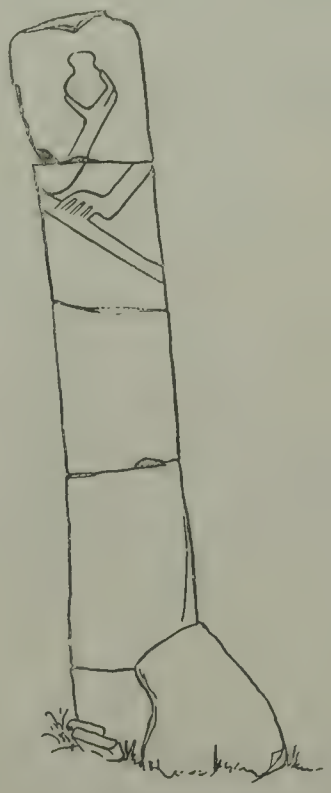


Рис. 44. Хакасская А. О. Каменное изваяние № 66.

легенду. У Аппельгрена (рис. 216) были неверно зарисованы кувшинчик и руки.)

Каменное изваяние № 66 вытесано в виде высокого каменного столба четырехгранной формы. Голова отбита. На верхней трети высоты фигуры плоскостным рельефом

вырезаны руки. Правая из них держит кувшинчик с узким горлом. Левая лежит на рукояти сабли (рис. 44).

Хакасская А. О., на дороге из улуса Подкаменского в Чебаки (H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 301).

Каменное изваяние № 67 вытесано из высокой плиты красного девонского песчаника. Изображает фигуру мужчины. На голове видна высокая шапка со скругленным верхом. Глаза, нос и усы рельефные. Правая рука, согнутая в локте, держит на уровне груди круглый сосуд с прямыми высокими горлом и поддоном. Левая рука кистью лежит на рукояти изогнутой сабли. На поясе изображены четырехугольные бляхи. У пояса на правом боку висит мешочек, на левом — сабля и за ней второй мешочек (рисунок изваяния примитивный).

Хакасская А. О., правый берег р. Черного Июса, близ с. Саралы [1].

Каменное изваяние № 68. На плоской изогнутой высокой плите красного песчаника нанесено изображение человеческой фигуры со сложенными на груди руками. В правом ухе вырезана серьга в виде круглого завитка. Рисунок Г. Спасского, приведенный в статье М. П. Грязнова и Е. Шнейдера, очень плохой, детали и сама техника изготовления изваяния неясны.

Хакасская А. О., близ устья Аскыза в 1 км от улуса Куртуякова (рядом с изваянием № 69) [2].

Каменное изваяние № 69 представляет собой высокую плиту красного песчаника, на которой нанесено изображение фигуры человека, держащего в левой руке сосуд четырехугольной формы. Рисунок Г. Спасского в указанной статье очень плохой, на нем нельзя разобрать ни деталей, ни техники, которой это изображение сделано.

Хакасская А. О., близ устья Аскыза в 1 км от улуса Куртуякова (рядом с изваянием № 68) [3].

IV. ИЗВАЯНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(см. приложение 4)

Каменное изваяние № 70 вытесано из гранита в виде круглой скульптуры. На голове изображена высокая, прямая, закругленная сверху шапка. Брови, нос, рот и усы рельефные за счет углубления фона вокруг них. В правой руке, согнутой в локте и поднятой на уровень груди, виден какой-то предмет неопределенной формы. Левая рука, слегка согнутая в локте, опущена вниз и кистью лежит поверх пояса. На поясе сплошь по всей его поверхности изображены квадратные выпуклые бляхи с прямоугольными узкими отверстиями в нижней части. На правом боку на поясе висит округлый мешочек с орнаментом в виде полукруга с несомкнутыми и завернутыми внутрь концами (рис. 45, *1*).

Монголия, степь между Мишик-гун и Уйцзен-ван-хуре. Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова, 1923—1926 гг. (Архив ВГО, дело № 9).

Каменное изваяние № 71 вытесано из высокого узкого каменного столба. Голова отбита. Спереди, ниже горла, посредине, виден вырез, обращенный острым концом вниз. Левая рука ниже локтя отбита. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит за низ кувшинчик с шаровидным туловом и высоким горлом. На боку с левой стороны сосуда сделана ручка в виде кольца. Пояс отделан не четко: в середине видна пряжка, поясные наборные бляхи четырехугольной формы, с узкой прорезью в нижней части. Правый рукав у кисти заканчивается узким обшлагом в виде рельефной полоски (рис. 45, *2*).

Монголия. Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова, 1923—1926 гг. (Архив ВГО, дело № 9).

Каменное изваяние № 72 вытесано из широкой плоской каменной плиты. Черты лица усатого человека проработаны очень слабо. Левая рука согнута в локте и кистью лежит на поясе. Правая рука, также согнутая в локте, на уровне живота держит широкий рюмковидный сосуд на высоком поддоне с перехватом. Все изваяние сделано примитивно, с очень слабой проработкой деталей (рис. 45, *3*).

Монголия. Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова, 1923—1926 гг. (Архив ВГО, дело № 49).

Каменное изваяние № 73 вытесано из плоской каменной плиты с хорошей проработкой деталей. Голова отбита по плечи. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит пальцами за ножку широкий рюмкообразный сосуд на невысоком поддоне с перехватом. Левая рука, согнутая в локте на уровне живота, лежит кистью, с поднятым кверху большим пальцем, на рукояти сабли. Пояс рельефный. С левой стороны видны три наременные бляхи — две четырехугольные и одна со скругленным верхом и прямым низом. Такая же бляха вырезана на поясе и под правым локтем. От первых двух блях слева спускаются ремни, на которых висит изогнутая сабля с длинной рукоятью, её навершье треугольной формы; перекрестье сабли прямое; на ножнах сделаны два полукруглых выступа для ремней. От последней бляхи с левой стороны свисает вниз какой-то узкий длинный предмет со скругленным нижним концом. (Может быть, это нож?) На правом боку на поясе

---

[1] М. Грязнов и Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. VII, рис. 64.

[2] М. Грязнов и Е. Шнейдер. Указ. соч., табл. VII, рис. 67.

[3] Там же, табл. VII, рис. 68.

Рис. 45. Монголия.

1 — каменное изваяние № 70; *2* — каменное изваяние № 71; *3* — каменное изваяние № 72.

Рис. 46. Монголия.

1 — каменное изваяние № 73; *2* — каменное изваяние № 74; *3* — каменное изваяние № 75.

висит круглый рельефный мешочек. У поясной бляхи перед мешочком видно неясное изображение какого-то ремешка (рис. 46, *1*).

Монголия, г. Улясутай, Музей (по фотографии Комитета наук МНР).

Каменное изваяние № 74 вытесано в виде круглой скульптуры. Голова слегка заострена кверху; очевидно, этим приемом передан головной убор. Брови и нос выделены одним рельефом. Глаза овальные, выпуклые, обведенные узким желобком. Узкие усы загнуты кверху, рот изображен в виде овального выпуклого колечка. Все черты лица сделаны рельефными путем углубления фона вокруг них. Уши даны в виде выпуклых скобок; в правом ухе видно кольцо серьги. Правая

рука согнута в локте и на уровне груди держит маленький рюмковидный сосуд. Рукава одежды — с прямым обрезом у кисти. Левая рука отбита по локоть (рис. 46, *2*). Изваяние вкопано в землю по пояс.

Монголия, уроч. Загастей-гол (по фотографии Комитета наук МНР).

пальцами лежит на рукояти сабли посредине пояса. Пояс рельефный, украшенный квадратными бляхами. Сабля изогнутая, с прямой рукоятью. На ножнах два полукруглых выступа для ремней (рис. 47, *1*).

Монголия, точное местонахождение не известно (по фотографии Комитета наук МНР).

Рис. 47. Монголия.

1 — каменное изваяние № 76; *2* — каменное изваяние № 77; *3* — каменное изваяние № 78.

Каменное изваяние № 75 вытесано из четырехгранного каменного столба. Голова округлой формы. На голове или плоская шапка, или прическа. Правое ухо сделано выпуклым в виде вопросительного знака. Книзу от него спускается каплевидная привеска от серьги. На груди сделан треугольный вырез. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит сосуд полушаровидной формы. Левая рука опущена вниз и кистью лежит на рукояти изогнутой сабли, подвешенной к поясу. Пояс рельефный, спереди гладкий, на боках украшен четырехугольными наременными бляхами с узкой прорезью в нижней части (рис. 46, *3*). Изваяние стоит перед каменной четырехугольной оградкой.

Монголия, уроч. Орта-Булак (по фотографии Комитета наук МНР).

Каменное изваяние № 76 вытесано из плоской плиты. Верхняя половина головы отбита, сохранился только низ носа с расширением внизу. Узкие длинные усы на концах слегка загнуты кверху. Губы выпуклые. Правая рука, согнутая в локте, держит на уровне груди за ножку рюмковидный сосуд. Левая рука, также согнутая в локте, опущена вниз и

Каменное изваяние № 77 вытесано в виде круглой скульптуры. Голова отсутствует. Правая рука, согнутая в локте, держит за низ бокаловидный сосуд треугольной формы. Левая рука опущена вниз и кистью лежит на прямой рукояти изогнутой сабли. На рельефном поясе справа на узком ремешке подвешен круглый мешочек. За ним, ближе к середине, спускаются вниз три ремня. Слева подвешена сабля. Одежда изображена в виде халата с широким воротником, запахнутым на правую сторону (рис. 47, *2*).

Монголия, Гоби, Средний Нарин (по фотографии Комитета наук МНР).

Каменное изваяние № 78 вытесано в виде круглой скульптуры, оно — выше роста человека. На голову надета остроконечная шапка со слегка выступающим верхом. Посредине, спереди и по бокам выделаны вертикальные грани. На лбу, над носом имеется небольшой острый выступ. Черты лица монголоидные. Под изогнутыми бровями изображены выпуклые глаза с монгольским разрезом век. Нос прямой, плоский, слегка расширяется внизу. Губы выпуклые, усов нет. Подбородок слегка выдается вперед. Уши трак-

тованы в виде узких выпуклых валиков. На концах ушей сделаны серьги каплевидной формы. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит широкий рюмковидный сосуд. Левая рука опущена вниз, повидимому на рукоять сабли (на фотографии неясно). Пояс гладкий, рельефный. На изваянии хорошо видна одежда в виде халата с широким воротником, лежащим на плечах, запахнутая на правую сторону. На правой руке, из-под широкого рукава виден другой, более узкий рукав. Ниже плеч и на сгибах локтей выделаны складки. Низ изваяния затесан округлым шипом и вставлен в круглое отверстие плоского каменного постамента (рис. 47, *3*). По своему внешнему виду изваяние сильно отличается от остальных подобных изваяний.

Монголия, уроч. Олоту (по фотографии Комитета наук МНР).

Каменное изваяние № 79 вытесано в виде круглой скульптуры. На голову надета, повидимому, шапка со спущенными наушниками (или шлем). Черты лица — рельефные,

Рис. 48. Монголия.

1 — каменное изваяние № 79; *2* — каменное изваяние № 80.

нос — тупой с выделанными ноздрями. Узкие усы завернуты кверху. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит какой-то обломанный предмет (вроде птицы без головы). Левая рука согнута в локте и на уровне пояса держит рукоять сабли. Пояс рельефный, гладкий. Сабля прямая с прямым коротким перекрестьем и скругленной сверху рукоятью. Кроме того, на изваянии изображена одежда: на плечах видны накладные четырехугольные выступы, суживающиеся на груди. Вокруг кистей рук сделаны узкие обшлага. На сгибах локтей выделаны складки рукавов (рис. 48, *1*).

Монголия, точное местонахождение не известно (по фотографии Комитета наук МНР).

Каменное изваяние № 80 вытесано из плоской каменной плиты. На голову, сделанную почти в ширину плеч, надета конусообразная шапка со скошенным верхом. Брови и нос сделаны одним рельефом. Близко поставленные овальные глаза, усы и рот также рельефны. Все черты лица выделаны выпуклыми путем углубления фона вокруг них. Шея намечена в виде небольшого перехвата, отделяющего голову от плеч. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит небольшой сосуд с узким горлом, шаровидным туловом и плоским поддоном. Левая рука также согнута в локте и кистью лежит на уровне живота, ближе к правому боку. В этом месте часть изваяния отбита (рис. 48, *2*). Изваяние обращено лицом на восток и стоит у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Монголия, у перевала Темир-Хануй.

Каменное изваяние № 81 вытесано из плоского камня. Голова сделана в ширину плеч. Брови и прямой нос выделаны одним рельефом. Глаза овальные. Усы и рот в виде колечка сделаны общим рельефом. На груди виден какой-то длинный предмет, который человек держит в обеих руках. Этот же предмет, повидимому, проходит и ниже, под поясом. Пояс рельефный. Справа и слева на нем висят какие-то предметы (справа подвешен, очевидно, мешочек подчетырехугольной формы) (рис. 49, *1*). Изваяние стоит спиной к четырехугольной каменной оградке.

Монголия (диапозитив А. М. Позднеева. Архив ВГО).

Каменное изваяние № 82 вытесано из плоского камня в виде круглой скульптуры. Черты лица и уши рельефны. Правая рука согнута в локте и на уровне груди держит плоскую чашечку. Левая рука, также согнутая в локте, выше пояса держит рукоять сабли. Рукоять другого предмета (может быть, кинжала) висит внизу, параллельно линии пояса. Пояс наборный, украшен рельефными четырехугольными бляхами с узкими прорезями в нижней части. На правом боку от пояса свисает ремень (рис. 49, *2*).

Монголия, уроч. Томен-Сулин-гол.

Каменное изваяние № 83 вытесано из плоской плиты с округленными боками. Высота его — около 1 м. На голову надета высокая шапка. Глаза, нос и усы сделаны одним рельефом путем выборки фона вокруг них. Подбородок заострен в форме бороды (рис. 50, *1*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной оградки, к северу от которой находятся еще две оградки (с изваяниями № 84 и 85).

Монголия, между Баин-голом и Сонгинсомоном (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 84 вытесано

из плоской плиты. Высота его около 80 см. Голова занимает две трети той части фигуры,

Рис 49. Монголия.

1 — каменное изваяние № 81; *2* — каменное изваяние № 82.

которая возвышается над уровнем почвы. Черты лица и усы выделены рельефом путем

расположенной посредине между изваяниями № 83 и 85.

Монголия, между Баин-голом и Сонгин-сомоном (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 85 вытесано из плиты. Высота его — около 60 см. Изображение лица человека неясное, сохранились нижняя часть носа, усы и широкая заостренная борода, сделанные рельефом путем углубления фона вокруг них. Лицо занимает больше половины камня (рис. 50, *3*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки крайней к северу в этом ряду четырехугольной каменной оградки с изваяниями № 83 и 84. На восток отходит вереница из нескольких, врытых одним концом в землю, каменных плит.

Монголия, между Баин-голом и Сонгин-сомоном (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 86 вытесано из плиты, высотой около 80 см. На лицевой стороне прорезным контуром нанесено изображение усатого человека, держащего в руках, на уровне груди, сосуд с шаровидным туловом и невысоким горлом (рис. 51, *1*). Изображение стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки.

Монголия, между Баин-голом и Сонгин-сомоном (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

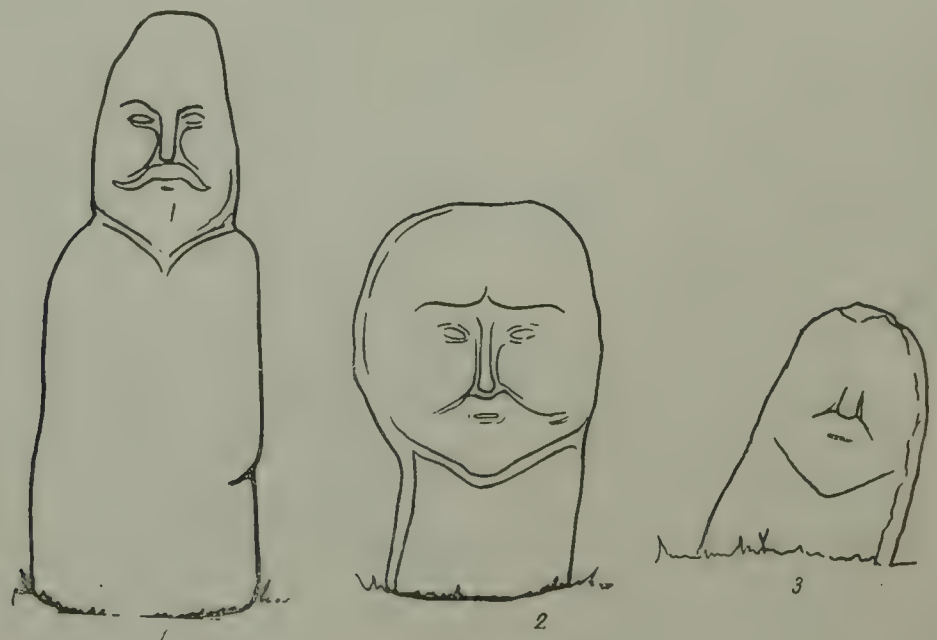


Рис. 50. Монголия.

1 — каменное изваяние № 83; *2* — каменное изваяние № 84; *3* — каменное изваяние № 85.

углубления фона вокруг них. Подбородок слегка заострен в форме небольшой бородки (рис. 50, *2*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной оградки,

Каменное изваяние № 87 вытесано из плоской плиты, высотой около 80 см. Голова равна туловищу, по пояс закопанному в землю. На голове, повидимому, была сделана

высокая шапка, но верх ее отбит. Черты лица не четкие, сделаны слегка рельефными путем углубления фона вокруг них. Маленький рот изображен в виде овального углубления. Правая рука, согнутая в локте, поднята кверху, левая опущена вниз (рис. 51, *2*). Из-

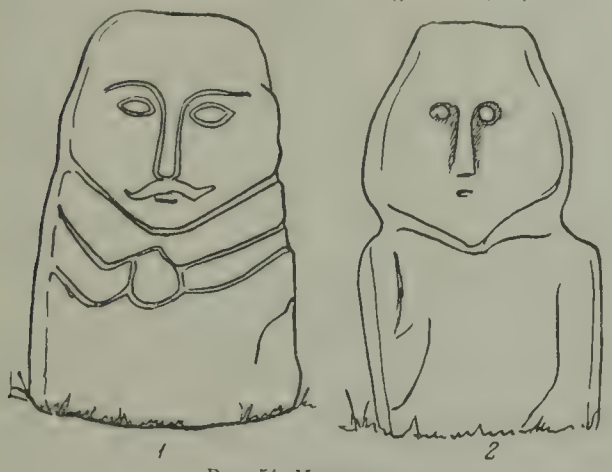


Рис. 51. Монголия.
1 — каменное изваяние № 86; *2* — каменное изваяние № 87.

ваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки. Рядом с этим изваянием, несколько к северу от него, имеется такая же оградка, но без изваяния.

Монголия, уроч. Сонгино (по рисунку К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 89 вытесано из узкого и плоского столба, высотой около 1 м. Голова овальной формы, нос намечен слабым рельефом, рот изображен в виде небольшого углубления (рис. 52, *2*). Изваяние

Рис. 52. Монголия.
1 — каменное изваяние № 88; *2* — каменное изваяние № 89.

стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки, расположенной к югу от описанной выше.

Монголия, Завханский аймак (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 90 вытесано из плоской плиты круглой скульптурой, высотой около 1,20 м. Голова — овальная со слабо намеченными рельефными чертами лица.

Рис. 53. Монголия. Каменное изваяние № 90 перед четырехугольной каменной оградкой.

Каменное изваяние № 88 вытесано из плоской плиты. Высота его около 50 см. Изваяние врыто в землю по плечи. Голова округлая, черты лица мало заметны. Нос рельефный, прямой, фон вокруг него углублен (рис. 52, *1*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной оградки. Рядом с этим изваянием, несколько к северу от него видна такая же оградка с изваянием № 89 и еще одна оградка со стоящим камнем, вытесанным наподобие изваяния, но без обработки лица.

Монголия, Завханский аймак (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Правая рука опущена вниз, левая согнута в локте на уровне живота. Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки четырехугольной каменной оградки (рис. 53); к востоку от него отходит вереница камней. К югу, рядом, расположена еще одна такая же оградка, но без изваяния.

Монголия, Убсанорский аймак, между Турун-сомоном и Турун-монхозом, на берегу р. Турун (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Каменное изваяние № 91 вытесано из плоской плиты, высотой около 70 см. Голова овальная, брови, глаза и рот сделаны

прорезью, нос рельефный, за счет выборки вокруг него фона. Изваяние (рис. 54, *1*) врыто у северо-восточного угла восточной стенки

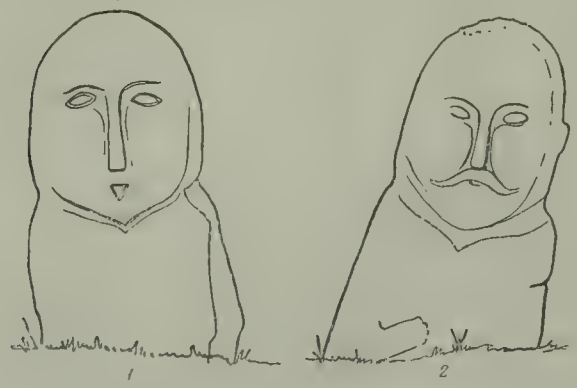


Рис. 54. Монголия.
1 — каменное изваяние № 91; *2* — каменное изваяние № 92.

четырехугольной каменной оградки. К северу от нее находится такая же оградка с изваянием № 92, к югу расположена оградка без изваяния.

плоское, черты лица рельефные за счет выборки вокруг них фона. Нос — прямой, усы — висячие. Правая рука согнута в локте (рис. 54, *2*). Изваяние стоит лицом на восток у восточной стенки оградки, расположенной рядом с изваянием № 91.

Монголия, Убсанорский аймак, уроч. Цайдам, за перевалом Хан-Хухэ (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

Изучение деталей каменных изваяний имеет большое значение; они дают представление о местных особенностях одежды, украшений и вооружения древнего населения Центральной Азии и Южной Сибири и позволяют определить время этих памятников.

Головные уборы имеются на большинстве каменных изваяний Алтая, Тувы, Хакассии и Монголии. Среди них можно выделить четыре основных типа.

К первому типу можно отнести высокие округлые шапки (рис. 55). Возможно, что в натуре они были меховыми. Интересно

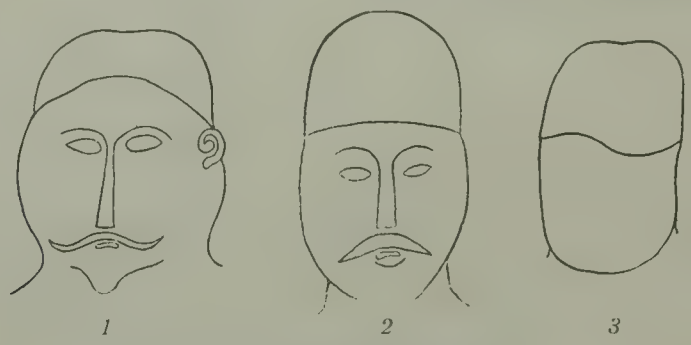


Рис. 55. Головные уборы первого типа.
1 — каменное изваяние № 29 (Тува); *2* — каменное изваяние № 70 (Монголия); *3* — каменное изваяние № 67 (Хакассия).

Монголия, Убсанорский аймак, уроч. Цайдам, за перевалом Хан-Хухэ (по фотографии К. В. Вяткиной, 1949 г.).

отметить, что С. И. Руденко в 1947 г. при раскопках 2-го Пазырыкского кургана была найдена шапка из собольего меха совершен-

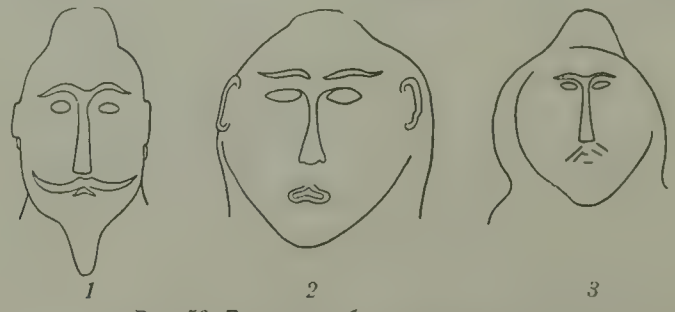


Рис. 56. Головные уборы второго типа.
1 — каменное изваяние № 10 (Алтай); *2* — каменное изваяние № 33 (Тува); *3* — каменное изваяние № 80 (Монголия).

Каменное изваяние № 92 вытесано из плоской плиты, высотой около 70 см. Голова овальная, слегка отделена от плеч. Лицо

но такой же формы. Судя по этому можно думать, что и в дотюркское время такая форма шапок была распространена у на-

родов Южной Сибири [1]. К первому же типу, повидимому, относится и шапка изваяния, стоящего близ Чакуля в Туве (изваяние № 54). К сожалению, верх шапки обломан, и точно судить об ее форме затруднительно. Край этой шапки на лбу имеет вырез.

Второй тип головных уборов представляют небольшие шапки в виде усеченного конуса (рис. 56), своей формой напоминающие современные казахские шапочки. Наибольшее распространение они получили на Алтае, где встречены на восьми изваяниях [2]. Из Тувы известны три и из Монголии — две такие шапки [3]. Некоторые из них очень хорошо отделаны (изваяния № 10, 12, 80), другие лишь намечены в виде небольшого выступа на макушке.

К третьему типу, известному до сих пор только по каменным изваяниям Тувы, относятся невысокие круглые шапки, напоминающие современные ушанки (рис. 57) [4]. Спереди на лбу они имеют выступающий книзу мыс. Наушники обычно отогнуты назад и на затылке завязаны тесемками. Почти всегда продольными и поперечными выпуклыми валиками показаны швы на тулье. Вокруг всей шапки, по нижнему краю часто бывает сделана кайма. Подобного же рода шапки и до сих пор носят тувинцы. Обычно они сшиваются из двух половин цветного плотного сукна с продольным швом. Сзади на спину спускается выступ [1]. Как раз такой же выступ мы видим и на шапке изваяния № 44 из Чанагаша. Судя по тому, что шапки описываемого типа в Туве известны на десяти изваяниях, можно предположить, что этот тип в древнетюркское время имел на территории современной Тувинской автономной области широкое распространение. По форме к третьему типу головных уборов можно отнести и убор каменного изваяния № 79 из Олоту в Монголии. Этот убор представляет собой круглую шапку со спущенными на уши наушниками.

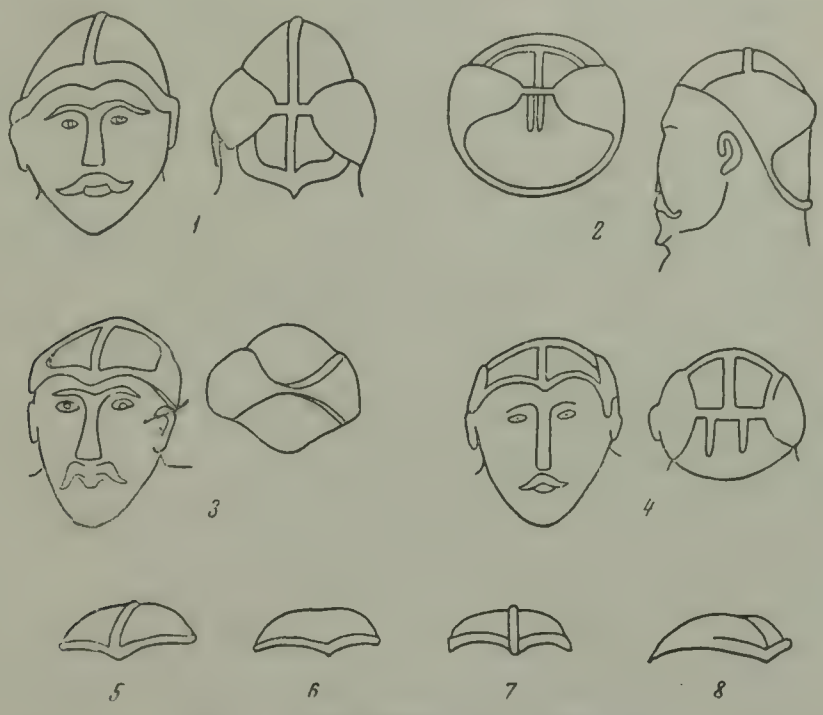


Рис. 57. Головные уборы третьего типа. Тува.

1 — каменное изваяние № 44; *2* — каменное изваяние № 37; *3* — каменное изваяние № 42; *4* — каменное изваяние № 43; *5* — каменное изваяние № 57; *6* — каменное изваяние № 61; *7* — каменное изваяние № 62; *8* — каменное изваяние № 50 и 51.

Четвертый тип представляют два головных убора (рис. 58). Один из них — из Монголии (изваяние № 78), другой — из Тувы (изваяние № 35). Первый имеет вид высокой конусообразной шапки, острый верх которой загнут вперед. Спереди, на боках и на лбу изображены выпуклые швы в виде каймы (рис. 58, *1*). Второй головной убор из Тувы похож на первый, с той лишь разницей, что верх шапки не острый, а тупой (рис. 58, *2*).

Ближайшей аналогией для шапок этого типа являются рельефные изображения двух коленопреклоненных и одной сидящей между

[1] Каменные изваяния № 29 (Тува), № 67 (Хакассия), № 70, 83, 87 (Монголия).

[2] Каменные изваяния № 7, 9—12, 14, 17, 19.

[3] Тува, каменные изваяния № 33, 39, 53. Монголия, каменные изваяния № 74 и 80 и изваяние, стоящее на могиле Кюль-Тегина.

[4] Изваяния № 37, 42, 43, 44, 50, 51, 57, 61, 62 и 63.

[1] С рисунка художника Тувинского национального театра Н. К. Рушева.

ними фигур, открытые Орхонской экспедицией на каменной торцовой плите гробницы в урочище Асхете на р. Хабцыл-голе в Монголии [1]. Средняя фигура изображена в такой же шапке, как и на изваянии № 78 из Олоту,

1 *2*

Рис. 58. Головные уборы четвертого типа.

1 — каменное изваяние № 78 (Монголия); *2* — каменное изваяние № 35 (Тува).

только верх ее более округлый (рис. 59). На боковых фигурах эти же шапки представлены в профиль и здесь хорошо видны загнутый книзу боковины с завязками (рис. 60). Эта гуннская шапка сшита продольным швом из двух половин, точно так же, как шьются и современные тувинские шапки. Таким образом, более древние формы шапок гуннского населения Монголии, бытовавшие, судя по каменным изваяниям, в VII—IX вв. н. э., сохранились и в современном костюме тувинцев и монголов.

Прически. Кроме описанных выше головных уборов, на тувинских каменных изваяниях можно видеть и прически (рис. 61). В двух случаях (изваяния № 36 и 51) изображены волосы, расчесанные на прямой пробор, переходящие сзади в косу с прямым обрезом. На косе изваяния № 36 заметны даже продольная и косые нарезки, подчеркивающие переплетение прядей волос. У двух других изваяний (№ 40 и 52) этих нарезок нет. Низ косы имеет прямой обрез. Может быть, здесь пряди не прочерчены потому, что мастер изобразил косу в накоснике: не исключена возможность, что обычай носить накосники сохранился от гуннского времени. Такая же

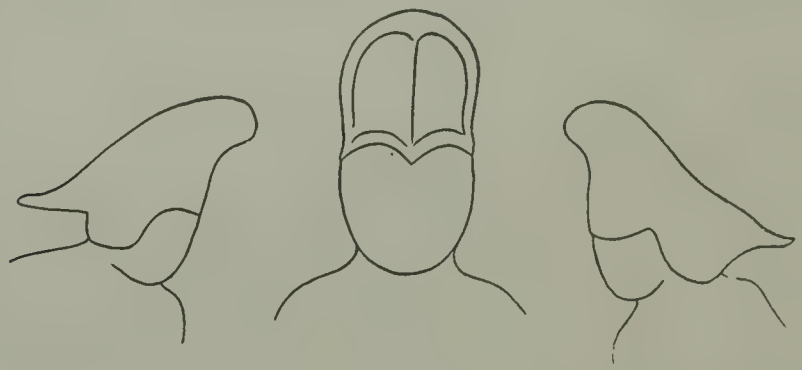


Рис. 59. Изображения на гробнице из Асхете (Монголия).

остроконечный верх и спускающийся на затылок выступ. Этот тип головного убора сохранился в Монголии и до сих пор. Следует отметить, что на шапке с завязанными сзади наушниками изваяния № 44 из Тувы также имеется выступ на затылке, а прямая тулья этой шапки несколько выше тулий всех остальных шапок, отнесенных нами к третьему типу. На левой же фигуре с надгробия из Асхете виден спущенный на правое ухо наушник. Таким образом, в шапке изваяния № 44 сочетаются элементы и третьего и четвертого типов, но по форме она ближе к третьему.

Шапки третьего и четвертого типов напоминают шапку из шестого кургана Ноин Улы [2]. Здесь мы видим высокую тулью со слегка загнутым вперед верхом и спущенные

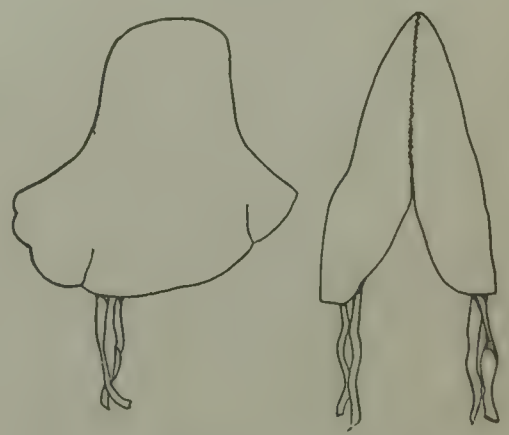


Рис. 60. Шелковая шапка из шестого кургана Ноин-Улы.

прическа видна на изваянии № 64 из с. Знаменка в Минусинской котловине и на изваянии № 65 из с. Базы в Хакассии.

[1] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, СПб., 1892, табл. XV, рис. 2.

[2] C. Trever. Excavations in Northern Mongolia, Ленинград, 1932, табл. 23, рис. 3—4.

На изваянии № 34 из Таарбола (Тува), повидимому, также изображена прическа, а не шапка. Спереди — это рельефный мыс, расширяющийся к макушке и сходящий сзади на-нет. Еще одно изваяние с прической на

дят посредине широкой продольной полосой. Кафтаны подпоясаны поясами.

Кроме того, гладкие рукава от одежды (очевидно, кафтанов) изображены на нескольких изваяниях: № 10 с Алтая, № 52 из

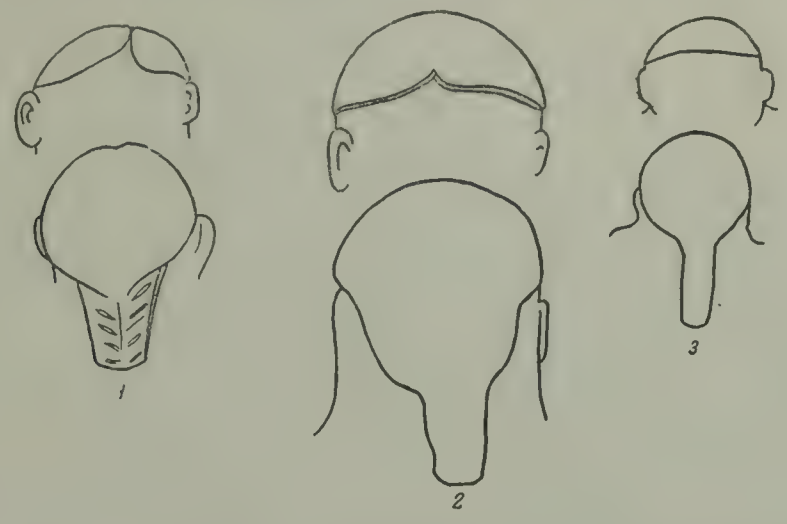


Рис. 61. Косы каменных изваяний Тувы.

1 — каменное изваяние № 35; *2* — каменное изваяние № 52; *3* — каменное изваяние № 40.

прямой пробор нам известно из поселка Тюскаина на Западном Алтае [1].

Одежда. При описании одежды, изображенной на рассматриваемой нами серии каменных изваяний, прежде всего следует остановиться на двух костюмах. Первый встречаем на двух фигурах из Монголии: № 77 из Нарина (Гоби) и № 78 из Олоту. Повидимому, это верхняя одежда в виде мехового халата, потому что на правой руке изваяния № 78 изображен широкий рукав, из которого выступает более узкий от нижней одежды, и на сгибах рук обоих изваяний показаны толстые складки, какие бывают на бараньих шубах — халатах современных кочевников. Кроме того, об этом же говорят откинутые на плечи широкие отвороты воротников. В обоих случаях халаты застегнуты на правую сторону и подпоясаны поясами. Подобную же одежду находим на каменном изваянии с могилы Кюль-Тегина [2]. Здесь виден, особенно хорошо на левой руке, сборчатый рукав мехового халата, запахнутого на правую сторону и подтянутого поясом. Одежда второго покроя, повидимому, представляет собой нижний кафтан. Она изображена на изваяниях № 57 из Тувы и № 79 из Монголии. На последнем видим одежду с узким рукавом с обшлагами. Ворот круглый, на плечах широкие четырехугольные выступы, которые на груди суживаются и прохо-

Тувы и № 76 из Монголии, а рукава с узкими отворотами-обшлагами — на изваяниях № 42, 43 и 44 из Чанагаша в Туве и № 74 из Загастей-гола в Монголии.

Серьги, изображенные на трех каменных изваяниях Тувы (№ 32, 34 и 35) (рис. 62, *1—3*), одного типа: вдетое в мочку кольцо, от которого спускается вниз небольшой стерженек, расширяющийся книзу в двух случаях. Подобного типа серьги хорошо известны в кочевнических погребениях Алтая. В Курайской степи они встречены в двух курганах: Курай II, курган 3 (рис. 62, *4*) и Курай VI, курган I (рис. 62, *5*) в сопровождении вещей, типичных для VII—VIII вв. н. э. [1]. Этот тип серег был широко распространен в кочевническом мире того времени. Такие же серьги известны из могильников Северного Кавказа в Комунте [2], Дергавсе [3], Кобанских катакомбах [4] (рис. 62, *6*) и в Салтовском могильнике [5].

Серьги на двух изваяниях из Монголии (№ 75 и 78) выглядят несколько иначе: они изображены в виде отходящей прямо от мочки шаровидной привески (рис. 62, *7, 8*). К сожалению, на имеющихся у нас фотографиях изваяний недостаточно хорошо видно, есть ли

[1] А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). ИАК, вып. 62, 1916, стр. 80, рис. 34 и 35.

[2] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, СПб., 1892, табл. XI, рис. 2 и 3.

[1] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Труды ГИМ», XVI, 1941, рис. 17 и 23.

[2] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, табл. CXXIII, рис. 18.

[3] Там же, табл. LII, рис. 1 и 6.

[4] Там же, табл. XLVI, рис. 15 и 16.

[5] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. «Труды XII Археологического съезда», т. 1, табл. XXI, рис. 25.

у этих серег колечки. Тем не менее нетрудно сопоставить этот тип серег с серьгами, найденными в Сросткинском могильнике на Алтае

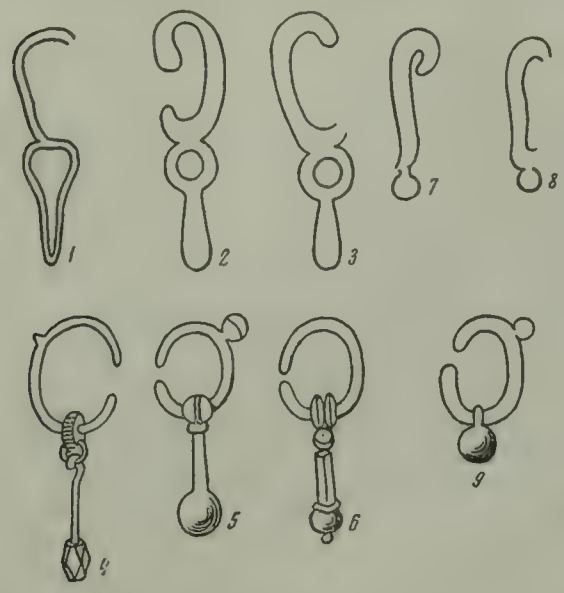


Рис. 62. Серьги VII—VIII вв.

1 — каменное изваяние № 32 (Тува); *2* — каменное изваяние № 34 (Тува); *3* — каменное изваяние № 35 (Тува); *4* — Алтай. Курай II, курган № 3; *5* — Алтай, Курай VI, курган № 1; *6* — Кобанский могильник; *7* — каменное изваяние № 75 (Монголия); *8* — каменное изваяние № 78 (Монголия); *9* — Сросткинский могильник. Алтай.

и относящимися к IX в., судя по китайским монетам императора Ву-Дзуна и вообще по всему инвентарю, найденному в этих могилах (рис. 62, *9*) [1]. Оба только что упомянутые изваяния из Монголии по своему облику и деталям несколько отличаются от изваяний обычного типа и поэтому отнесение их к несколько более позднему времени, а именно к IX в., не лишено оснований.

[1] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. «Материалы по изучению Сибири», вып. 2, Новосибирск, 1930, таблица, рис. 166.

В правом ухе каменного изваяния № 74 из Загастей-гола в Монголии изображена серьга еще одного типа: к тонкому, довольно крупному проволочному кольцу, продетому в мочку, примыкает второе, более широкое кольцо.

У вырезанного на каменной плите изображения человека, найденного близ устья Аскыза в Хакассии (№ 68), в правом ухе выделана серьга в виде небольшой спирали.

Издаваемая мною серия каменных изваяний состоит из 102 экземпляров. Большинство из них (58) держат в руках сосуды различных форм. Кроме того, у шести изваяний в руках видимы какие-то неясные предметы, по всей вероятности тоже сосуды, но определить их форму невозможно.

По изучаемым мною областям каменные изваяния распределяются следующим образом:

С Алтая имеется 29 изваяний,	из них	с	сосудами	—	14
из Тувы — 44 изваяния	„	„	„	—	29
из Хакассии 6 изваяний	„	„	„	—	4
из Монголии 23 изваяния	„	„	„	—	11

Сосуды, изображенные на изваяниях, распределены мною на 10 наиболее характерных групп.

К первой группе отнесены сосуды, изображенные на трех изваяниях с Алтая (№ 1, 2 и рис. 71, *3*). Они имеют удлиненное тулово с широким, слегка отогнутым горлом. Поддон сосуда у изваяния № 2 слегка расширен; у сосуда, изображенного на изваянии № 1, тулово книзу сужено и плавно переходит в поддон. Нам известны два серебряных сосуда этой формы из перещепинского клада [1] и один сосуд (той же формы, что и сосуд изваяния № 1) из Кочкарской долины Токмакского уезда Семиреченской области [2].

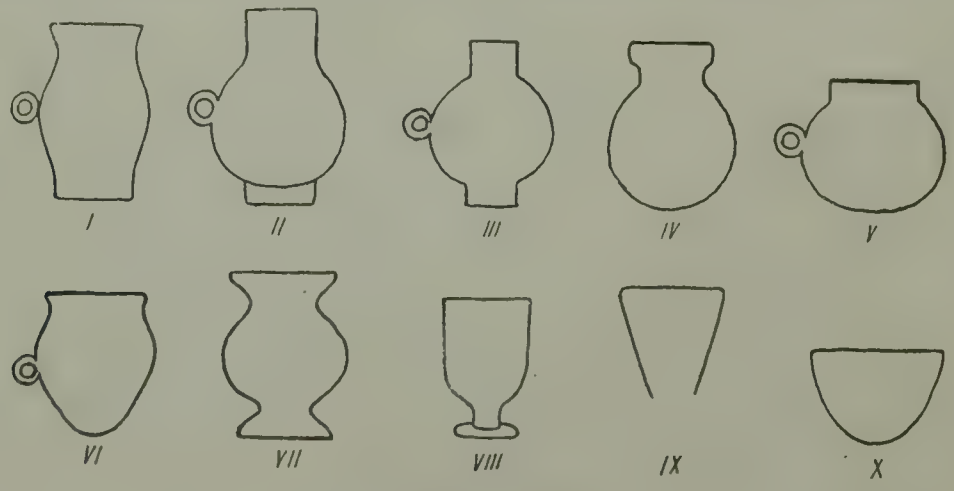


Рис. 63. Таблица типов сосудов.

[1] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 50 и 62.

[2] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XCII, рис. 172.

Основываясь на том, что перещепинский клад датируется VII в., можно считать, что и семиреченский сосуд также относится к этому же времени. Вполне возможно, что и эти три изваяния, наиболее примитивные по отделке, т. е. представленные в виде каменных плит с плоским рельефом, должны быть отнесены к серии наиболее ранних каменных изваяний Алтая.

Вторая группа — наиболее многочисленная (26 экземпляров) — представлена сосудами с круглым туловом, высоким, сравнительно узким горлом, плавно переходящим в тулово, и довольно широким прямым поддоном. У двух сосудов (изваяние № 36 из Тувы и № 71 из Монголии) изображены небольшие ручки в виде круглых колечек; у двадцати сосудов, несомненно, также имеются такие ручки, на это указывает положение держащих их рук; и наконец, четыре сосуда (№ 42, 43, 44 и 54 из Тувы) поддерживаются обеими руками так, что можно предполагать отсутствие у них ручек.

Сосуды второй группы распределяются по областям следующим образом: с Алтая известно 3 экз.[1], из Тувы — 20 экз.[2], из Хакассии — 1 экз.[3] и из Монголии — 2 экз[4].

Золотая и серебряная посуда такого же типа хорошо известна по кладам и находкам в курганах на территории Алтая и Минусинской котловины. У одних из сосудов имеются кольчатые ручки, у других ручек нет. В качестве прямых аналогий можно указать на серебряные сосуды — с орхонскими надписями с Алтая: из Катанды[5], Курайской степи[6] и Туяхты[7] и без надписи — из Гурьевского завода[8]. В Минусинской котловине, близ дер. Биджи, повидимому где-то около или на самом Биджинском чаатасе, был найден целый клад серебряных сосудов описываемого типа[9]. Два таких же сосуда в атласе «Восточное серебро» описаны, как найденные в Сибири[10]. Вероятнее всего, они были найдены в той же Минусинской котловине. На одном из этих сосудов[11] имеется орхоно-енисейская надпись. Наконец, три золотых сосуда из тайника второго кургана Копёнского чаатаса[1] (два из них также с орхоно-енисейскими надписями), имеют совершенно ту же форму, что и выделенные нами во вторую группу сосуды каменных изваяний.

Несомненно, что сосуды этого типа были наиболее распространены в VII—VIII вв. среди населения Саяно-Алтайского нагорья. Несмотря на то, что на территории Тувинской автономной области эта посуда еще не известна по находкам, теперь, после изучения большой серии каменных изваяний, совершенно ясно, что и в этой области сосуды описываемой формы имели самое широкое распространение. Однако относительно Монголии этого сказать нельзя — здесь, при наличии уже довольно большого количества известных нам каменных изваяний, лишь в руках двух из них мы видим сосуды такого типа.

К третьей группе мною отнесены сосуды с шаровидным туловом, узким горлом и прямым поддоном. Судя по положению рук изваяний, у сосудов были ручки. Из Хакассии известно одно изваяние с сосудом этой формы (№ 67), из Тувы — тоже одно (№ 61). Им аналогичен золотой сосуд в виде бутылочки из Копёнского чаатаса[2].

В четвертую группу включены сосуды с туловом шаровидной формы, широким и высоким горлом, круглым дном без поддона. С Алтая нам известны четыре изваяния с сосудами этой формы (№ 10 и 11 и рис. 71, *5* и *9*), из Тувы — пять (№ 29, 38, 39, 49, 54), из Хакассии — два (№ 64 и 66). Им аналогичны глиняные бутылочки из кыргызских чаатасов в логе Джесос и на Уйбате[3]. У сосудов изваяний № 10, 11, 39 и 49 имеются ручки; руки изваяний № 29, 38 и 54 поддерживают сосуды снизу, следовательно у этих сосудов ручек нет.

В пятую группу выделены сосуды шаровидной формы без поддона, с невысоким прямым горлом. По одному они встречаются у изваяний Алтая (№ 9), Тувы (№ 21) и Монголии (№ 86). У сосудов, изображенных на изваяниях с Алтая и из Монголии, видны ручки. Из сасанидского круга памятников в качестве ближайшей аналогии для этой группы можно указать на золотой сосуд из устья Дона[4].

Шестая группа представлена одним сосудом из Тувы (каменное изваяние № 31). Он имеет округлое, вытянутое тулово и выступающие плечики, переходящие в довольно широкое горло с отгибом кнаружи. Своей формой он сильно напоминает простые, сделанные из грубой глины сосудики той же

---

[1] Каменные изваяния № 7, 14, 19.
[2] Каменные изваяния № 33—37, 40—44, 48, 50—52, 55—57, 60, 62, 63.
[3] Каменное изваяние № 65.
[4] Каменные изваяния № 71, 80.
[5] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XCII, рис. 169.
[6] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Труды ГИМ», XVI, 1941, табл. I, рис. 1, 2.
[7] Там же, табл. II, рис. 2, 3.
[8] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XCIV, рис. 181.
[9] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XCV, рис. 184—193.
[10] Там же, табл. XCII, рис. 170 и 171.
[11] П. М. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВОРАО, т. XIV, вып. 1, СПб., 1902, стр. 17—22 и его же. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея, там же, т. XV, в. 1, СПб., 1903, стр. 34.

[1] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у села Копёны. «Труды ГИМ», XI, 1940, табл. III, IV.
[2] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Указ. соч., табл. V.
[3] Хранится в Государственном историческом музее.
[4] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. № 54.

формы, постоянно встречающиеся в кыргызских могилах Минусинской котловины.

К седьмой группе мною отнесен один сосуд блоковидной формы, изображенный на каменном изваянии № 13, происходящем с Восточного Алтая. У него округлое тулово с перехватом у шейки и дна. Горло и дно сосуда после перехвата расширяются кнаружи.

Из шести сосудов восьмой группы пять происходят из Монголии (изваяния № 72, 73, 74, 76, 78) и один с Алтая (изваяние № 12). Все они имеют вид широких кубков с прямым туловом, на довольно толстой ножке. Изваяния держат их в правых руках. В трех случаях (изваяния № 73, 76 и 12) сосуд держится двумя пальцами за низ ножки. Такого рода глиняные сосуды в форме кубков хорошо известны в Южной Сибири и особенно в Минусинской котловине еще с тагарской и таштыкской эпох. Кроме того, от более позднего времени известны серебряные и золотые сосуды этой же формы, бытовавшие там же вплоть до XIV—XV вв. (повидимому, они монгольского происхождения) [1].

В девятую группу выделен один сосуд из Монголии (каменное изваяние № 77). К сожалению, на изваянии отделана только верхняя часть сосуда в виде усеченного внизу конуса, а низ скрывается в держащей его руке.

В десятую группу входят два сосуда из Монголии (каменные изваяния № 75 и 82), и один с Алтая (рис. 71, *4*), в виде небольших плоских чашечек, причем у изваяния № 75 сосудик очень миниатюрен. В атласе «Восточное серебро» мы видим серебряные и золотые чаши, относящиеся к довольно позднему времени,— вплоть до XIV в. [2] На некоторых из них имеются монгольские надписи. Вместе с четырьмя такими чашечками из клада, обнаруженного близ с. Нюкское Верхнеудинского округа Забайкальской области, найдены даже две пайдзы с квадратным монгольским письмом [3]. При описании серег, изображенных на изваянии № 75, было обращено внимание на то, что они должны быть датированы сравнительно поздним временем. Сосуд, представленный на этом изваянии, подтверждает, таким образом, более позднюю датировку этого изваяния по сравнению со всеми остальными.

После распределения по типам всех сосудов, изображенных в руках у изваяний, можно сделать некоторые выводы о распространении определенных форм сосудов по различным областям. Так, сосуды второй группы были наиболее распространены на территории Тувы. Сосуды восьмой группы в виде кубков и сосуды десятой группы в виде чаш были распространены главным образом в Монголии, причем последняя группа, как говорилось выше, относится к более позднему времени.

Пояса. Почти непременным атрибутом каждого каменного изваяния, изображающего фигуру человека, является пояс. Отделка деталей обычно зависит от степени отделки самой скульптуры. У описываемой нами серии 102 изваяний имеется 53 пояса различной степени отделки и разнообразных форм. Из них 16 поясов — гладкие, 33 украшены наборными бляхами и 3 пояса намечены в виде простой черты вокруг талии. От многих поясов спускаются вниз по 3 или по 5 ремешков, также зачастую украшенных бляхами и наременными наконечниками, а также фигурные бляшки на висящих ремешках. Некоторые пояса имеют посредине пряжки-застежки. У многих поясов, кроме того, с правого бока бывает подвешен мешочек округлой формы, а с левого бока — сабля.

Пояса с наборными бляхами распределяются по областям следующим образом: с Алтая известно 9 экз. [1], из Хакассии — 1 экз. [2], из Тувы — 17 экз. [3], из Монголии — 6 экз. [4]

Изображенные поясные бляхи преимущественно четырехугольные — гладкие, или с узкими прорезями в нижней части; кроме того, встречаются полукруглые,— со срезанной нижней частью и узкой прорезью внизу, круглые — в виде колечек, квадратные — с сердцевидной прорезью и, наконец, бляхи в виде лунниц. Первые три типа в двух случаях (на каменных изваяниях № 14 и 15) изображены одновременно на одном поясе. Такое же сочетание форм серебряных поясных блях было отмечено на поясе, найденном в кургане 4 у с. Туяхта на Алтае [5], где погребение сопровождалось серебряным кувшинчиком с орхонской надписью. Другой пояс нам известен из погребения в кургане 3 второй группы Курайской степи на Алтае [6]. Эти формы бляшек, а также и самые лунницы известны и в венгерских древностях VII—VIII вв. [7]

Интересен пояс изваяния № 37 из урочища Эльте-Кежиг в Туве. Спереди он украшен лунницами, а сбоков и сзади — квадратными бляхами. От последних тремя группами

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XCVI, рис. 195, 196, 207—209; табл. XCII, рис. 198, 199 и 200; табл. XCIX, рис. 203—211, табл. C, рис. 212, 213.

[2] Там же, табл. C, рис. 213, 214, 215 и 216.

[3] Там же, табл. XCIII, рис. 176, 177, 178 и табл. XCIV, рис. 179, 180.

[1] Каменные изваяния № 9—15.

[2] Каменное изваяние № 67.

[3] Каменные изваяния № 34—40, 42—44, 46, 49.

[4] Каменные изваяния № 70, 71, 73, 75, 76, 82.

[5] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., табл. III, рис. Б.

[6] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., табл. III, рис. 15.

[7] N. Fettich. Metallkunst der landnehmenden Ungarn. «Archaeologia Hungarica», т. XXI, 1937, табл. XVII, рис. 1—4 и табл. XVIII, рис. 26—69.

свисают вниз по пяти ремешков, сплошь украшенных бляхами в виде наременных наконечников с вырезным верхним краем и заостренным концом. Три верхние из них — небольшие, нижние — большего размера и более заостренные на концах. Лунницы можно видеть также и на поясе изваяния № 40 из Булуна в Туве; такие же наременные наконечники изображены на упомянутых уже поясах из погребений Туяхты и Курайской степи. Бляшки в форме лунниц известны и из второго тайника кургана 2 Копёнского чаатаса [1].

Как видно из приведенных аналогий, бляхи этого типа хорошо датируются погребальным инвентарем и относятся к VII—VIII в. н. э. Два пояса каменных изваяний Тувы, найденных в Чанагаше (№ 42 и 44), привлекают внимание набором поясных блях. Эти бляхи двух видов: квадратные с сердцевидными выпуклостями в середине (рис. 64, *1—2*) и проблях Копёнского чаатаса) [1] принимают почти сердцевидную форму, которая в окончательном виде вырабатывается к IX в.

Также к сравнительно позднему времени, т. е. к IX—X вв., относится, повидимому, и изваяние № 36 с р. Шеми, на поясе которого, среди висящих ремешков, вырезаны две подвесные пряжки лирообразной формы (рис. 65, *1* и *2*). На них, очевидно, подвешивались мешочек и сабля. Подобного типа пряжки были найдены Ю. Талько-Грынцевичем в Хойцегорском могильнике Забайкалья [2], относящемся к указанному времени; они известны также в Семиречье [3]. Более простую пряжку сердцевидной формы, но этого же типа мы видим на поясе изваяния № 53 из Тувы (рис. 65, *3*). Спереди на этом поясе имеется длинный прямой наременный наконечник со скругленным концом. Такие наконечники бытуют вплоть до X в., как показывают находки из Сросткин-

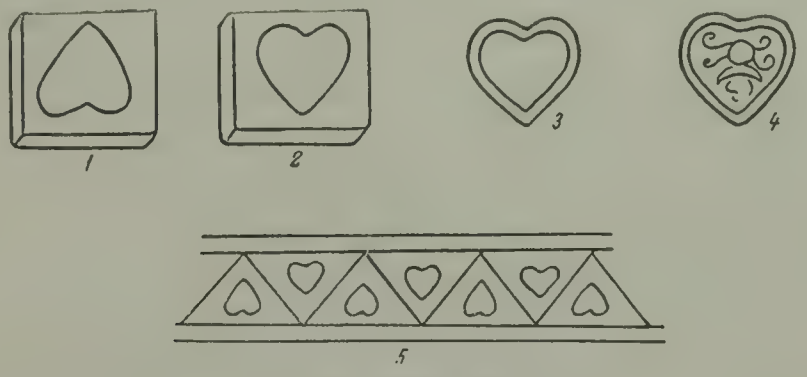


Рис. 64. Поясные бляхи.

1 — на каменном изваянии № 42 (Тува); *2* — на каменном изваянии № 44 (Тува); *3* — из Сросткинского могильника (Алтай); *4* — из Хойцегорского могильника, Забайкалье; *5* — узор на гробнице из Асхете (Монголия).

сто сердцевидные. Эта форма как орнаментальный мотив встречается и в Монголии, на что указывает фриз из треугольников со включенными в них сердцевидными вырезками, находящийся на торцовой каменной плите гробницы в урочище Асхете на р. Хабцылголе (рис. 64, *5*) [2]. Бляхи последнего типа известны из Сросткинского могильника IX в. [3] (рис. 64, *3*), из Забайкальских могил (Хойцегор, могила № 3) и «Узкое место» близ Кяхты (рис. 64, *4*) [4]. Повидимому, этот тип блях является более поздним.

В VII—VIII вв. бытуют лунницеобразные бляхи (пояса из раскопок в Туяхте, Курае и др.). Некоторые из них благодаря тому, что концы блях смыкаются (например, одна из

ского могильника [4]. Таким образом, не снимается наше предположение о том, что изваяние № 36 должно быть датировано VIII—IX вв.

Очень интересны два пояса из Булуна в Туве (каменные изваяния № 38 и 39). К поясам с четырехугольными бляхами с узкой прорезью внизу прикреплены на левом боку висящие пряжки необычного вида. Несомненно, что здесь изображены костяные пряжки, хорошо известные по многочисленным находкам в Алтайских курганах тюркского времени и служившие для закрепления конской подпруги, так как всегда они находятся при конских костяках. Пряжки, изображенные на

---

[1] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копёны, рис. 22.

[2] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. XV, рис. 2.

[3] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, Новосибирск, 1930, стр. 10, рис. 156.

[4] Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, Иркутск, 1902, табл. VI, рис. f и табл. XI, рис. d.

[1] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копёны, рис. № 22.

[2] Ю. Талько-Грынцевич. Указ. соч., табл. VI, рис. c и d; N. Fettich. Metallkunst der landnehmenden Ungarn, XX.

[3] Чуйская долина. «Труды Семиреченской археологической экспедиции», МИА, вып. 14, 1950, табл. XLIV рис. 9.

[4] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. стр. 10, рис. 160 и 161.

360

наших изваяниях, с перехватом посредине и выступом, довольно позднего типа. Их форма синхронна Сросткинскому могильнику, т. е. бытует в VIII—IX вв. [1]

К поясу изваяния № 39 на левом боку подвешена еще одна пряжка квадратной формы с длинным язычком. Она также имитирует конскую железную подпружную пряжку алтайского типа.

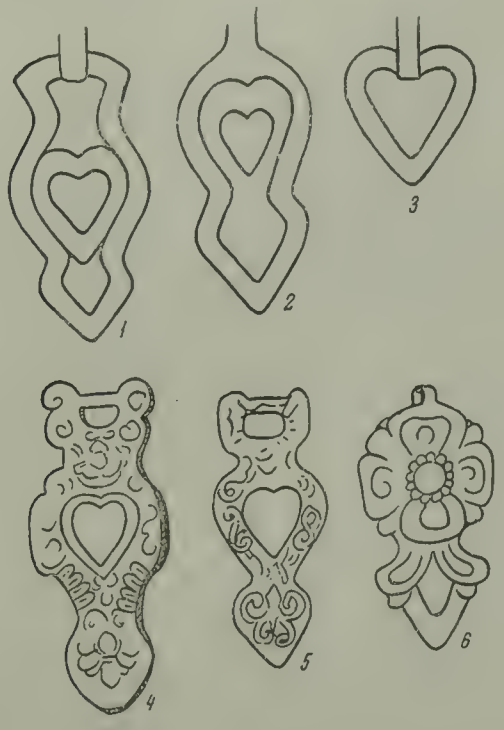


Рис. 65. Подвесные бляхи IX в.

1 — 2 — каменное изваяние № 35 (Тува); *3* — каменное изваяние № 53 (Тува); *4* — из Забайкалья (Хойцегорский могильник); *5* — из Семиречья (Чуйская долина); *6* — с Алтая (Сросткинский могильник).

Пряжки от застежки поясов на каменных изваяниях довольно однообразны. На четырех поясах из Тувы (каменные изваяния № 34, 35, 37, 44) и одном с Алтая (№ 14) изображены пряжки, овальные по вертикали, с приемником несколько более узким, чем сама пряжка (рис. 66, *1*) (приемник в двух случаях — изваяния № 37 и 14 — слегка суживается к концу). Две другие пряжки — с прямым обрезом короткого приемника (изваяния № 34 и 44). Все эти пряжки имели очень широкое распространение в кочевническом мире Восточной Европы VII—VIII вв. н. э.

Пряжка на поясе изваяния № 43 из Чанагаша другого типа. У нее округлые бока, переходящие в острый конец, а приемник прямоугольный (рис. 66, *2*). Такие бронзовые пряжки известны из более поздних погребений, например из Сросткинского могильника (рис. 66, *3*) [1]. В этом же роде, но более угловатой формы изображена левая пряжка у изваяния № 52 с р. Кемчика из Тувы. Навстречу к ней подходит вторая пряжка — она прямая, с закругленным кольцом, на приемнике нанесен узор из четырех косых и одной вертикальной нарезки.

Довольно часто у изваяний изображены на правом боку подвешенные к поясу небольшие

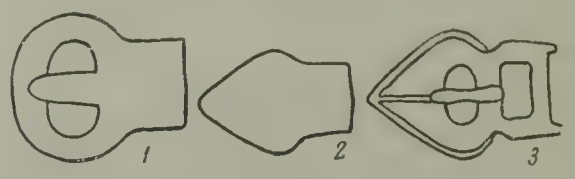


Рис. 66. Поясные пряжки.

1 — каменное изваяние № 35 (Тува); *2* — каменное изваяние № 43 (Тува); *3* — Сросткинский могильник на Алтае.

мешочки [2]. Все они округлой формы. Какие это были мешочки и что носилось в них, мы знаем по находкам в могилах на Алтае. В кургане 1 урочища Тадила Курайской степи был найден небольшой мешочек из китайского шелка, отделанный серебряными бляшками и лунницами. В нем находилось железное кресало и еще два шелковых мешочка меньших размеров. В первом мешочке лежали три человеческих зуба, зуб грызуна и кусочки бересты, во втором — два кремешка и остатки трута [3]. В кожаном мешочке из кургана 4 Туяхты найдено несколько кремешков, железное огниво и четыре деревянных предмета призматической формы. Все эти вещи были, повидимому, положены в три меньшие шелковые мешочка, остатки которых были найдены здесь же [4].

Все мешочки на поясах описываемых мною изваяний гладкие, за исключением трех. Один из них из Тувы (изваяние № 33) и два из Монголии (изваяния № 70 и 73). На них нанесен орнамент в виде каймы по краю мешочка. Концы каймы наверху не сомкнуты, а завернуты внутрь. Возможно, что здесь показан откидной клапан такого же типа, что и на мешочках изваяний с могилы Кюль-Тегина [5]. Мешочки, найденные в алтайских курганах, обычно подвешивались к поясам на пряжках.

Сабли. У многих каменных изваяний на левом боку изображены подвешенные к поясу изогнутые или почти прямые сабли. Так, у изваяний с Алтая мы имеем четыре изогнутые

[1] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 10, рис. 163.

[1] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, стр. 10, рис. 152.

[2] Алтай — 4 (№ 10, 13, 15, 11); Хакассия — 1 (№ 67); Тува — 5 (№ 26, 33, 34, 35, 53); Монголия — 4 (№ 70, 73, 77 и 76).

[3] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах..., стр. 105.

[4] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LI.

[5] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. XI, рис. 7 и 8.

сабли с перекрестьями и две без них (№ 10, 11, 12, 13 и рис. 71, *4, 5*) и три прямые без перекрестий (№ 9, 14, 15); у изваяний из Тувы: две изогнутые сабли с перекрестьями (№ 26, 35); две без перекрестия (№ 29, 31); одну прямую с перекрестием (№ 34) и одну без него (№ 38). Из Хакассии имеется одна изогнутая сабля на изваянии № 67; из Монголии — две изогнутые сабли с перекрестиями (изваяния № 73 и 75), одна без него (изваяние № 76) и одна прямая сабля (изваяние № 79).

Все сабли имеют прямые рукояти. Указанного типа сабли хорошо описаны в венгерских древностях Хампелем и датируются VII—VIII вв.[1] В Кобанском могильнике была найдена сабля, аналогичная нашим и относящаяся к тому же времени[2]. Сабли без перекрестия (каменные изваяния № 29 и 76) существовали, очевидно, одновременно, так как изваяния, у которых они изображены, ничем не отличаются от других одновременных изваяний.

Рис. 67. Сабли каменных изваяний.

А) Алтай: *1* — каменное изваяние № 9; *2* — каменное изваяние № 15; *3* — каменное изваяние № 11; *4* — каменное изваяние № 10; *5* — каменное изваяние № 12; *6* — каменное изваяние № 13. Б) Тува: *7* — каменное изваяние № 38; *8* — каменное изваяние № 34; *9* — каменное изваяние № 35; *10* — каменное изваяние № 26; *11* — каменное изваяние № 29; *12* — каменное изваяние № 31; *13* — каменное изваяние № 33. В) Монголия: *14* — каменное изваяние № 82; *15* — каменное изваяние № 79; *16* — каменное изваяние № 75; *17* — каменное изваяние № 76; *18* — каменное изваяние № 73.

[1] J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, Braunschweig, 1905, Kassa, т. III, табл. 276, рис. 18; Keskémet, т. III, табл. 277, рис. I; Békás, т. III, табл. 278, рис. II. О датах см. т. I, стр. 814.

[2] Хранилась в Берлине в Museum für Vor- und Frühgeschichte. «Archaeologia Hungarica», т. XVI, 1934, табл. VI, рис. 5.

Прямая сабля изваяния № 34 из Тувы с длинным перекрестием особенно близка к сабле, найденной М. П. Грязновым в 1947 г. в пятой могиле кургана 1 в местности Ближние Елбаны VIII, у с. Большереченского на Алтае [1]. Такая же прямая сабля известна из Сросткинского могильника на Алтае и, по найденным там китайским монетам, датируется серединой IX в. (император Ву-Цзун, 841—846 гг.). Вторая такая же сабля у каменного изваяния № 38 из Тувы изображена без перекрестия. Прямые сабли без перекрестий имеются на алтайских изваяниях (№ 9, 13, 15). Одна сабля изваяния Монголии изображена с коротким перекрестием и на рукояти имеет круглое навершие с шишечкой (№ 79). Здесь нельзя не отметить, что серьги, украшающие изваяние № 34, должны быть отнесены, судя по форме, ко времени, повидимому, ранее IX в. Весьма возможно, что здесь мы имеем первое указание на бытование сабель, близких сросткинской, не только в IX в., но и ранее, одновременно с древнейшими формами южносибирских сабель.

«Сабля» изваяния № 73 из Монголии с длинной рукоятью, представляет собой типичный китайский однолезвийный меч.

Изображенные у изваяний сабли все находились в ножнах. На это указывают имеющиеся всюду или полукруглые выступы, или кольца, или четырехугольные петли, в которые вдевались ремни, прикрепленные к поясам.

Кинжал у пояса каменного изваяния № 26 из Деспена (Тува) (рис. 68, *1*) является единственным в своем роде для изваяний описываемой нами серии: он чрезвычайно интересен тем, что абсолютно совпадает с железным кинжалом, найденным нами в могиле № 1 кургана 7 Уйбатского чаатаса в Хакасской автономной области [1]. По форме это однолезвийный кинжал с резко отогнутым внутрь коленчатым черешком. У основания черешка находится напускное перекрестие с гвоздевидными коническими концами и расширением посредине каждой стороны. О толщине накладной рукояти можно судить по гвоздю с широкой шляпкой, длиной в 17 мм, пропущенному через черешок. Даже пропорции кинжала изваяния № 26 точно совпадают с пропорциями Уйбатского кинжала (рис. 68, *2*). Кинжал у тувинского изваяния подвешен параллельно поясу, на животе, на двух ремнях, отходящих от полукруглых выступов ножен. Также очень близок к тувинскому и уйбатскому еще один кинжал, найденный С. К. Кузнецовым в кургане № 26 Архиерейской заимки близ г. Томска (рис. 68, *3*) [2]. На кинжале сохранились две железные обоймы от ножен, подтверждающие ношение кинжала у пояса на двух ремнях. В этом же погребении Кузнецовым были найдены китайская монета танского времени и бронзовая серьга с каплевидной привеской, аналогичная изображенным на изваяниях № 34 и 35 из Тувы, относящихся к VII—VIII вв.

Можно проследить распространение кинжалов этой формы и в более западных областях. Один нам известен из Борисовского могильни-

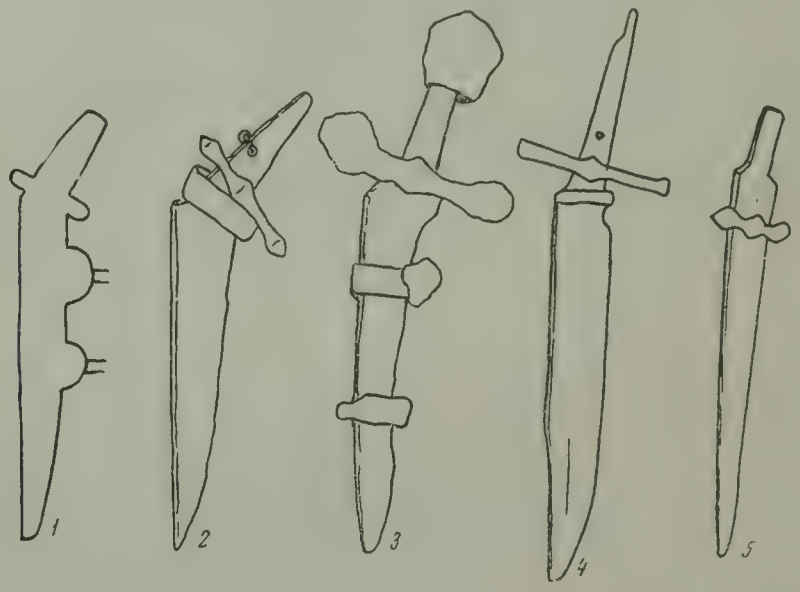


Рис. 68. Кинжалы, изображенные на каменных изваяниях.

1 — Тува, каменное изваяние № 26; *2* — Уйбатский чаатас в Хакассии; *3* — „Архиерейская" заимка близ Томска; *4* — Борисовский могильник на Северном Кавказе; *5* — Тополи, Харьковской обл.

[1] Хранится в коллекциях Гос. Эрмитажа.

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948, рис. 30.

[2] ЗРАО, т. XI, вып. 1—2 (новая серия), Труды Отд. славянской и русской археологии, кн. 4, стр. 316 и 322.

ка (рис. 60, *4*) на Северном Кавказе [1]; другой найден у с. Тополи близ Купянска в Харьковской области (рис. 68, *5*) [2]. Однако их пропорции несколько отличны от пропорций первых трех кинжалов; сближает их только отогнутая рукоять и перекрестье.

Подобное совпадение форм оружия указывает на взаимосвязь таких довольно далеко отстоящих друг от друга районов, как котловина Деспен в Туве и долина р. Уйбата, населенная в VII—VIII вв. енисейскими кыргызами, с одной стороны, и Северный Кавказ и Украинские степи — с другой. На изваянии с Алтая (рис. 71, *4*) кинжал иной — с прямой рукоятью.

Ножи. В четырех случаях на изваяниях Тувы (№ 33, 34, 35, 37) и в одном случае на изваянии Монголии (№ 73) мы видим предметы, повидимому изображающие ножи в ножнах. Два ножа (на изваяниях № 33 и 37) подвешены к поясу а у изваяний № 34 и 35 они изображены засунутыми за пояс на правом боку. Интересно отметить, что у изваяния стоящего человека на могиле Кюль-Тегина [3] на спине за пояс засунут точно такой же нож, как и у изваяния № 35. Этот обычай ношения ножей и до сих пор существует как в Туве, так и в Монголии, где кроме ножа в одном с ним футляре иногда еще бывают вставлены палочки для еды, сделанные из слоновой кости.

Суммируя данные, полученные в результате рассмотрения серии каменных изваяний четырех смежных областей, можно сделать следующие выводы. Прежде всего следует отметить, что в каждой области встречаются изваяния одних и тех же типов: в виде примитивно обтесанных каменных плит или столбов, с нанесенными на них изображениями или одной головы или с дополнениями отдельных частей тела, главным образом рук человека. Точно так же встречаются и примитивные, но уже скульптурные изображения с более или менее разработанными рельефными деталями головы человека. И, наконец, встречаются также скульптурные изваяния в виде фигур людей. Однако все названные формы нельзя считать вполне реалистическими. Все они отличаются некоторой схематичностью в трактовке человеческих черт. Так, для выделения рельефа носа, глаз, бровей и усов применялся всегда один и тот же прием обработки камня: сначала обтесывалась голова уплощенной, округлой или овальной формы, а затем на лице выбирался фон вокруг носа, глаз, усов и рта, в результате чего все они, так же как и само лицо, получались уплощенные. Этот прием не применялся при отделке ушей, их рельеф обтесывался заранее, при выделке формы головы, но трактовка их очень примитивна и также далека от реализма. Таким же образом обрабатывались руки изваяний, причем не всегда правильно давалось расположение пальцев и даже их количество, как это мы видим у изваяний № 39, 50, 51 из Тувы, где изображены руки с четырьмя пальцами. Конечно, эти погрешности можно объяснить способностями того или иного мастера, делавшего отдельные фигуры.

Все сказанное, однако, не распространяется на предметы, изображенные на изваяниях. Все они (сосуды, пояса, сабли и пр.) сделаны в большинстве своем очень тщательно, с точным соблюдением пропорций изображаемого.

Очень интересен способ, примененный мастером при выделке изваяния № 34 (Тува, Таарбол). Четырехгранный столб серого гранита, покрытого розовой коркой загара, был обработан только в верхней части, где в виде круглой скульптуры была выделана голова. Рельефным сделан также кувшинчик, при помощи выемки фона вокруг него. Все остальные детали — руки и пояс с подвешенными к нему предметами — были обведены контуром и оставлены нетронутыми, а вся корка вокруг них оббита очень тонким слоем. Таким образом, получилось двухцветное изображение: розовые предметы на сером фоне. Не исключена возможность, что находящееся в 6 км от только что описанного изваяние № 35 сделано одним и тем же мастером. На мысль об этом наводит сходство деталей, подмеченное у этих фигур. Несмотря на то, что черты лица у обеих фигур различны, все же усы, рот колечком и расширение носа на конце сделаны в одной манере. Наиболее схожи между собой пояса, где одинаковы форма пряжек и блях, а также их чередование.

Несомненно одним мастером сделаны и три изваяния из Чанагаша близ Чадана (№ 42, 43 и 44). Первые два стоят возле смежных четырехугольных каменных оградок, а третье на расстоянии 1 км к югу от них. Все эти изваяния, несмотря на различие объектов изображения, объединяет манера, в которой они выполнены. По качеству отделки и выразительности они все стоят на высоком уровне, причем особенно выделяется изваяние № 42, являющееся, пожалуй, наиболее реалистическим и совершенным по сравнению со всеми остальными изваяниями, рассматриваемыми нами в настоящей работе. Помимо этих общих наблюдений, обращает на себя внимание трактовка черт лица. Глаза всех изваяний имеют зрачки: у изваяний № 43 и 44 они даны в виде углубленных точек; у изваяния № 42 отделаны круглый выпуклый зрачок и веки. Усы хотя и индивидуальны у каждого изображения, но тем не менее трактованы в одной

---

[1] В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе. ИАК, вып. 56, 1914, табл. III, рис. 23.

[2] ОАК, 1891, стр. 128.

[3] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. XI, рис. 3.

манере невысокого рельефа. Очень тщательно отделаны руки, держащие совершенно одинаковые сосуды, но рукам приданы различные положения. Пояса на всех изваяниях различные, но бляхи, изображенные на поясах изваяний № 42 и 44, имеют одинаковый узор, нигде больше в других местах не встречающийся. На примере этих трех изваяний, сделанных одним мастером, особенно хорошо видно, что каждое из них представляет портретное изображение.

По всей вероятности изваяния № 38 и 39 из Булуна сделаны также одним мастером. Несмотря на то, что характер скульптуры иной, их сближают изображенные у пояса пряжки одной и той же формы; это — костяные пряжки алтайского типа, находимые там в погребениях. Кроме этих двух изваяний, подобные пряжки нам нигде не известны.

Чтобы убедиться в том, что все изваяния портретны, достаточно внимательно просмотреть всю описанную нами серию. В каждом отдельном случае изображен мужчина с носившимися им усами и бородой, или только усами, или без того и другого (каменное изваяние № 33). Усы все индивидуальны, разной длины и формы, бороды также различны, начиная от широких, окладистых (каменное изваяние № 22) и, кончая маленьким треугольником под нижней губой (каменное изваяние № 6).

Среди изваяний Монголии, за исключением одного случая (каменное изваяние № 83), все мужские фигуры не имеют ясно выраженных бород, а только одни усы различных форм. На Алтае же и в Туве, наоборот, на лицах изваяний преобладают разнообразные бороды вместе с усами.

У большинства изваяний ясно видна выраженная скульпторами монголоидность черт лица.

Во всех атрибутах, изображенных у изваяний, начиная от посуды и кончая поясами и украшающими их бляхами, замечается большое разнообразие форм. При рассмотрении сосудов, обращает внимание, что выделенные в первую группу два сосуда с Алтая, на основании сравнения с аналогичными датированными сосудами, могут быть отнесены к наиболее раннему времени существования каменных изваяний описываемого нами типа, т. е. к VII в. Остальные пять групп посуды (со второй по шестую) бытуют в VII—VIII вв. Рюмковидные сосуды седьмого типа преобладают в Монголии, с Алтая известно только одно изваяние с таким сосудом. Группы седьмая и девятая как более поздние должны быть датированы временем после VIII в. Наиболее распространенной формой следует признать сосуды второго типа. Это видно по частоте их изображений на изваяниях и по количеству находок в погребениях и кладах Хакассии и Алтая.

Пояса изваяний всех областей очень разнообразны; они или гладкие, или украшены накладными бляхами, причем наиболее распространены четырехугольные с узкой прорезью в нижней части. Но нигде, кроме Тувы, не встречаются пояса, украшенные с такой пышностью.

Еще одной особенностью изваяний Тувы являются описанные выше шапки с откидными наушниками, нигде, кроме этой области, не встречающиеся.

Для решения вопроса о назначении описанных нами изваяний, изображающих стоящую фигуру человека, важно определить назначения тех четырехугольных каменных оградок, перед которыми они установлены. Оградки с изваяниями, как указывалось выше, нам известны и на Алтае, и в Туве, и в Монголии. Встречаются они также и в Казахстане. Кроме простых оградок, у изваяний в большом количестве, особенно на Алтае, встречаются оградки, от которых на восток тянутся вереницы врытых вертикально в землю необработанных камней.

На Алтае и в Туве нами было раскопано свыше десяти таких оградок, причем у некоторых из них, как, например, в урочище Тötö на Алтае, стояло каменное изваяние (№ 10). Выяснилось, что характер этих сооружений совершенно одинаков: в центре под насыпью находится круглая яма, диаметром от 80 до 40 см, заполненная крупными камнями, пересыпанными землей с углями и золой, а ближе ко дну встречались куски и тлен от сгнившего дерева. Иногда в дно был вбит деревянный кол, или заостренный чурбан, диаметром до 30 см. В каждой из ямок на дне были найдены или позвонок барана или (в трех случаях) часть нижней челюсти лошади. На горизонте под насыпью иногда встречались единичные кости лошади или барана и угли с золой; последние иногда в значительном количестве. Ни обожженных, ни целых костей человека здесь ни разу не было найдено [1].

В 1939 г. М. П. Грязновым в Яконуре на Алтае также были раскопаны две смежные каменные оградки с вереницей камней. Погребения, как и следовало ожидать, здесь найдено не было, но исследователь по неизвестным причинам находит возможным считать эти сооружения погребальными [2].

Таким образом, оградки с изваяниями и с вереницами камней оказываются памятниками, сходными между собой как по внешнему виду, так и по назначению. Результаты раскопок каменных оградок говорят, повидимому, за то, что здесь мы имеем дело не с погребальными памятниками, а с сооружениями иного значе-

---

[1] Каменные оградки были раскопаны нами и у всех каменных изваяний в урочище Кулада на Алтае.

[2] М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. «Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. I, Л., 1940, стр. 19—20.

ния. Анализ деталей каменных изваяний показал, что они одновременны курганам, содержащим погребения VII—IX вв. н. э. В большинстве случаев оградки, возле которых стоят эти изваяния (это особенно хорошо было изучено нами на Алтае), расположены вблизи этих курганов и как бы входят вместе с ними в комплекс сооружений. Повидимому, площадки в пределах оградки являются местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах. В связи с таким определением назначения оградок нужно ставить вопрос и о каменных изваяниях.

Как известно, каменные изваяния, очень близкие к описываемым нами, постоянно встречаются при погребальных сооружениях знати орхонских тюрок VII—VIII вв. Эта одновременность, с одной стороны, и алтайское происхождение орхонских тюрок и их культуры — с другой, заставляют нас прежде всего коснуться вопроса о назначении изваяний у могил орхонских тюрок.

Орхонские надписи VIII в. н. э. из Кошо-цайдама в долине р. Орхона говорят об установке у ханских могил балбалов (камней) и изваяний, олицетворяющих врагов, убитых или побежденных покойным. В надписи в честь Кюль-Тегина его брат Бильге-каган рассказывает о своем отце Эльтерес-кагане: «Мой отец каган ... власть (свою) расширив, улетел (т. е. умер). В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставил «балбалом» (изображение) Баз-кагана» [1] (бывшего врагом Эльтерес-кагана и погибшего в борьбе с ним).

Об этом же обычае мы узнаем и из сообщения Бильге-кагана: после смерти его дяди Мочжо-кагана, при котором орхонские тюрки неоднократно воевали с енисейскими кыргызами, он поставил в честь умершего во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» кыргызского кагана [2].

Об этом же говорит надпись в честь самого Бильге-кагана: «Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), я поставил (ему) балбалом Куг-Сенгуна» [3]. Несколькими строками выше, из той же надписи, мы узнаем, что Куг-Сенгун был разбит тюрками вместе со своим сорокатысячным войском, т. е. он также был их врагом.

При археологических исследованиях в Кошо-Цайдаме, в длинной веренице камней, тянущейся на 3 км к востоку от могилы Бильге-кагана, на ближайшем к главным погребальным сооружениям высоком камне была обнаружена надпись: «Это каменный балбал шада тёлёсов» [1]. Камень этот, повидимому, изображал «каменную бабу», но вследствие плохой сохранности потерял свою первоначальную форму. Надпись «Балбал Сабра Таркан» была обнаружена и на каменной стеле перед ханской могилой в Онгине, которую считают местом погребения Эльтерес-кагана [2]. Повидимому, и эти балбалы установлены в память побежденных врагов.

Как на месте находки памятника Бильге-кагана, так и в расстоянии 1 км к с.-в. от него, на месте находки памятника Кюль-Тегину, были обнаружены остатки храмов из сырцового кирпича с черепичными кровлями, гранитные постаменты от статуй с углублениями посредине (как в Кызыл-Мажалыке) и ряд статуй, выполненных круглой скульптурой, изображавших самого хана, ханшу и их приближенных. В результате разгрома, произведенного врагами орхонских тюрок (вероятно, уйгурами), статуи были обезглавлены, изуродованы и сброшены с мест. Поэтому нам не известны точно те места, на которых статуи стояли первоначально. Между тем, по аналогии с описываемыми ниже, лучше сохранившимися могильниками, можно предполагать, что эти статуи стояли около могилы хана, не найденной небольшими раскопками экспедиции В. В. Радлова или уничтоженной разгромом.

Более скромные по размерам памятники орхонской знати, также сопровождаемые каменными изваяниями и врытыми в землю балбалами, обычно имеют гробницы-саркофаги, сооруженные из орнаментированных плит. Таким образом, их погребальный характер несомненен. Такие гробницы известны к северу от памятника Кюль-Тегину [3], у горы Хоин-Те [4], в урочище Асхете на р. Хабцил-голе [5], на р. Толе [6], на могиле знаменитого «мудрого» Тоньюкука [7], а также на могиле Эльтерес-кагана (?) в Онгине [8].

Весь комплекс описанных выше погребальных сооружений при ханских могилах вполне соответствует и известному описанию похоронного обряда тюрок тугю в китайской летописи Тан-Шу, где говорится: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких

---

[1] П. И. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 68.
[2] П. И. Мелиоранский. Указ. соч., стр. 70.
[3] В. В. Радлов и П. И. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. IV, СПб., 1897, стр. 34.

[1] Там же, стр. 7 и 45.
[2] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I, табл. XIV, 1893.
[3] Там же, табл. XII.
[4] Там же, табл. XIII.
[5] Там же, табл. XV.
[6] Сб. «Северная Монголия», т. II, Л. 1927, стр. 76—79.
[7] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. III, 1896.
[8] Там же, вып. I, табл. XIV

камней простирается до ста и даже до тысячи» [1].

Суммируя данные о погребальном обряде орхонских тюрок, можно сказать, что все каменные изваяния подразделяются на две группы: изображения самого умершего, его близких и, обычно, гораздо грубее сделанные изваяния или просто камни, стоящие в вереницах, обозначающие сраженных врагов покойного.

Несомненно, что как изваяния, так и каменные четырехугольные оградки из всех изучаемых нами областей имели подобное же назначение.

Каменные изваяния обозначают самих умерших. Об этом свидетельствует ясно обнаруживающееся стремление к передаче индивидуальных портретных черт лица — его овала, формы усов и бороды, особенностей украшений, изображенных на изваянии, различий форм сосудов в руках.

Что же касается верениц камней, отходящих от площадок в оградках, то их можно отождествлять с балбалами у могил орхонских тюрок. Вероятно также, они напоминают, как и на Орхоне, об убитых врагах.

Дальнейшие исследования должны выяснить время появления в различных областях верениц камней. Вполне возможно, что этот обычай окажется более древним, чем установка портретных изваяний.

В особую группу я выделяю шесть каменных изваяний, открытых нами в двух пунктах южной части Тувы.

Два изваяния, изображающие фигуры людей, и два изваяния львов, сделанные в виде круглой скульптуры, находятся на западной окраине с. Сарыг-Булун Эрзинского района. Курган, возле которого они расположены, представляет собой подчетырехугольную платформу, насыпанную из земли с камнями, высотой до 0,35 м (рис. 69). Вокруг нее проходит ров глубиной до 0,25 м и шириной 2 м. Ров окружен валом шириной от 2 до 3 м. Все сооружение ориентировано сторонами по странам света. У восточной стороны платформы стоит каменное изваяние № 45, выполненное круглой скульптурой и изображающее сидящего с поджатыми ногами человека. На человеке надет в накидку кафтан с узкими рукавами. Под фигурой имеется постамент четырехугольной формы, вытесанный из того же куска камня, что и само изваяние. Вторая фигура (№ 46) находится у восточной части насыпи, лицом на восток, возле ямы, из которой, по словам местного арата, она 20 лет тому назад была извлечена. Это изваяние изображает также сидящего человека с поджатыми ногами. Судя по сохранившимся частям, правая рука была согнута в локте и кистью прижата к груди. Левая — кистью лежала на колене. Человек изображен одетым в узкий кафтан со сборчатыми рукавами. Рядом с курганом валяются два обломка каменных фигур львов (№ 47, *а* и *б*) [1].

Два других изваяния, изображающие людей, сделанные той же техникой, в той же позе, как и только что описанные, находятся около четырехугольной каменной оградки в 4 км к югу от г. Кызыл-Мажалыка. Одно из этих изваяний (№ 49) лежит разбитое на две части у южной стороны оградки, другое (№ 48) стоит у ее западной стороны.

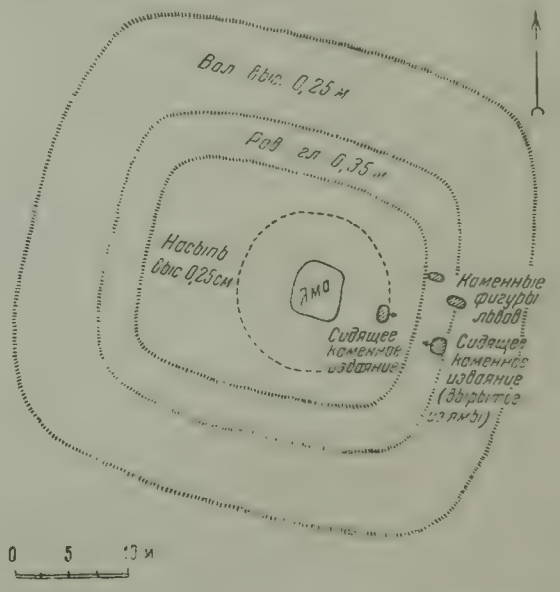


Рис. 69. Погребальное сооружение с сидячими каменными изваяниями в Сарыг-Булуне (Тува).

Перейдем к рассмотрению деталей, изображенных на всех четырех изваяниях. Одежда первых двух (№ 45, 46) уже описана выше, но на кызыл-мажалыкских изваяниях только на фигуре № 49 можно усмотреть не то расходящиеся нижние полы кафтана, не то короткие широкие штаны.

В правых руках изваяний из Кызыл-Мажалыка (№ 48 и 49) находятся кувшинчики одинаковой формы, относящиеся ко второй группе нашей классификации сосудов. На изваяниях № 46 и 49 изображены пояса, украшенные четырехугольными бляхами с узкими прорезями в нижней части.

У изваяния № 46 слева на спине изображены два ремня, висящие книзу от пояса. Из них левый — имеет на конце квадратную бляху, а правый — круглую и четыре продольные полоски, идущие от бляхи. У изваяний № 46 и 49 справа у пояса висят мешочки. У изваяния

[1] Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, населявших Среднюю Азию в древнейшие времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 270.

[1] На этом месте во время экспедиции 1876—1877 гг. побывал Г. Н. Потанин и вкратце описал эту группу изваяний, ошибочно определив фигуры львов, как обломки человеческих фигур в коленопреклоненной позе. См. Очерки Северо-западной Монголии, вып. II, СПб., 1881, стр. 73—74.

№ 49 мешочек округлый, гладкий, а у изваяния № 46 — овальный с рельефным ободком. Мешочек у изваяния № 48, намеченный очень слабым рельефом, помещен на левом боку и на нем видны остатки двух спиральных заворотов.

У изваяния № 46 на левом боку сохранилась небольшая часть сабли с полукруглым выступом на ножнах для ремня.

При осуществлении большого разведочного маршрута Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1947 г., охватившего юго-восточные, южные и юго-западные районы Тувинской автономной области, изваяния описываемого типа были встречены, как указано выше, в двух местах.

Однако в котловине Деспен (где экспедицией было зарегистрировано сразу двенадцать каменных изваяний) имеется одно сооружение, по своей структуре целиком совпадающее с сарыг-булунским. Здесь был обнаружен каменный курган диаметром в 8 м, обнесенный четырехугольным валом. Внутри вала проходит ров шириной до 2 м и глубиной 0,25 м. Ров окружает четырехугольную платформу высотой до 0,5 м; в ее середине расположен каменный курган высотой до 0,3 м. С восточной стороны вала, лицом на восток, стоит каменное изваяние № 27. Во рву этого кургана выложена каменная оградка, ориентированная так же, как вал со рвом, по странам света. У середины восточной стороны оградки стоит лицом на восток еще одно каменное изваяние (№ 28). К востоку от него, на протяжении 278 м отходит вереница камней, из которых сохранилось 16. На 143-м метре по линии вереницы выложен небольшой круг из камней. К северной стенке оградки, уже на валу, примыкает вторая небольшая оградка размером 1,5 × 1,5 м.

Из приведенного описания видно, что с одной стороны структура деспенского кургана со рвом и валом сближается с сарыг-булунским сооружением, но типы каменных изваяний при них различны. С другой стороны — кызыл-мажалыкские изваяния, сходные с сарыг-булунскими, находятся возле четырехугольной оградки. Относительно деспенского кургана со рвом можно сказать, что он был насыпан ранее двух площадок с изваянием № 28, которые были сооружены в его рву и на валу.

На Алтае подобного рода памятники до сих пор не известны.

В Хакассии, к настоящему времени уже достаточно всесторонне обследованной, изваяния, подобные сарыг-булунским и кызыл-мажалыкским, тоже не найдены. Однако изваяние № 65 из Базы, повидимому, все же можно отнести к серии «сидящих». Плоскость плиты, из которой сделано изваяние, позволила мастеру передать позу сидящего человека при помощи расширения нижней части. Существующая же у местного населения легенда о принадлежности этого изваяния тувинцу[1], точно так же как и прически с косами у каменных изваяний № 64 и 65, столь характерными для Тувы, подтверждают принадлежность этого типа изваяний не кыргызам-хакасам. В этой связи важно отметить, что у с. Знаменка находится земляной курган, диаметром 10 м, окруженный четырехугольным рвом и валом, размером с севера на юг около 30 м и с востока на запад — 40 м (рис. 70). В середине восточной стенки вала имеется перерыв, образующий вход в пространство, огражденное валом[2]. Подобного рода сооружение не характерно для Минусинской котловины, зато оно совершенно аналогично двум описанным выше тувинским (Сарыг-Булун и Кызыл-Мажалык). Напомню, что у с. Знаменки находился и еще один не кыргызский памятник — изваяние тюргеша (рис. 42).

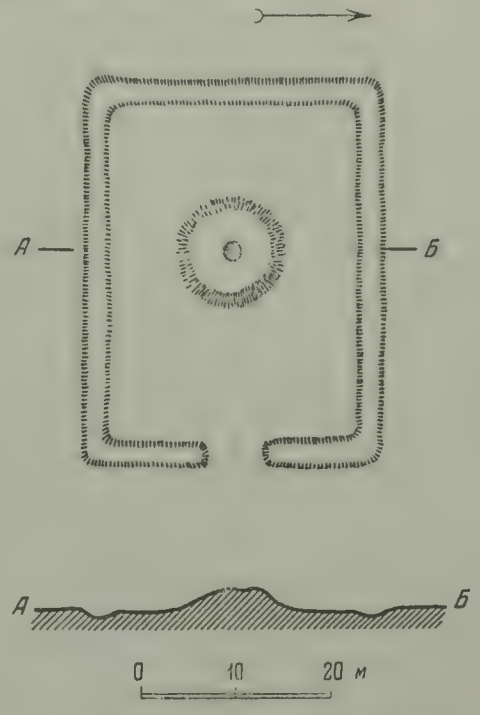


Рис. 70. Погребальное сооружение к югу от с. Знаменка (Хакассия).

Наличие подобных могил в Туве, и повидимому только одной в Хакассии, представляет исключительный интерес. Дело в том, что эти сооружения совершенно аналогичны по своей конструкции и наличию при них каменных изваяний в виде сидящих при них фигур людей, а также львов, сооружениям, воздвигнутым при совершении погребальных обрядов по умершим представителям высшего слоя знати орхонских тюрок VII—VIII вв. Такие четырехугольные насыпи встречаются в погребальном

[1] Приведена в описании изваяния.

[2] H. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., стр. 24, рис. 122.

комплексе Бильге-кагана и его брата Кюль-Тегина в Кошо-Цайдаме[1]. Аналогичная насыпь имеется и в Налайхе, в комплексе памятников Тоньюкука — «канцлера» Бильге-кагана[2] и у памятника правителя народа тардушей — Куличура в Ихе-Хушоту[3], а также в комплексе Баин-даванэ-аман, на р. Толе (несомненно принадлежавшего знатному лицу)[4] у древне-тюркского погребения, открытого Б. Бимбаевым у Терхе-Цаган-Нура[5], Ядринцевым на Улан-Худжире[6], Боровкой в Унгету и Козловым на Мукуре[7]. Сидящие фигуры, кроме того, найдены около саркофага и стелы с надписью в Онгине[8]. Этот памятник, как известно, приписывается отцу Бильге-кагана — Эльтерес-кагану.

Таким образом, наличие в Туве и даже в Хакассии единичных погребальных сооружений с сидящими фигурами и с курганами, окруженными четырехугольными валами со рвом, должно рассматриваться, как доказательство проникновения знатных орхонских тюрок на север. То обстоятельство, что на Алтае нет ни подобных сооружений, ни сидящих фигур, заставляет видеть в них результат дальнейшего развития древнетюркского погребального обряда уже в Монголии, в эпоху господства алтайских тюрок в Центральной Азии.

На Алтае в очень раннюю эпоху зарождается обряд сооружения поминальных четырехугольных оградок. Вероятнее всего, он возникает здесь еще в гуннскую эпоху,— на мысль об этом наводят овальные выкладки из камней возле каменных курганов Пазырыкского типа.

Нигде нет такого большого количества четырехугольных каменных оградок, часто в сопровождении верениц камней, как на Алтае[9] и в Туве. Этот обряд, очевидно, после возникновения на Алтае распространился и у тюркоязычных племен Тувы, после же завоевания алтайскими тюрками Центральной Азии (в эпоху Орхонского каганата) получил широкое распространение в Монголии. Там развивалось уже классовое общество, и первоначальный обряд в виде сооружения простой каменной оградки с каменным изваянием осложнился применением более сложных сооружений, воздвигавшихся в память орхонских каганов и их приближенных, которые изображались круглой скульптурой в виде сидящих, а иногда и стоящих фигур. Однако, наряду с ними, на этих сооружениях имелись и более простые изваяния (первого типа), очевидно изображавшие второстепенных лиц. Таким образом, оба типа изваяний сосуществовали. Такому выводу не противоречат, а, наоборот, подтверждают его все аксессуары, изображенные у фигур обоих типов[1].

Во время походов орхонских войск против северных соседей, особенно через Туву против кыргызов и посольств туда же, умерших чужеземцев и в Туве и в Хакассии хоронили по их обряду с их усложненными могильными сооружениями и сидячими каменными изваяниями.

Область распространения изваяний первого типа соответствует территории расселения алтайских тюрок и, очевидно, наиболее родственных им племен Тувы и районов Семипалатинска и Каркалинска. Что касается Семиречья — области западно-тюркского каганата, то здесь мы имеем некоторое отличие. Ничего не известно о наличии там могил, окруженных рвом, нет там и сидящих изваяний. Обычные же изваяния имеют большое внешнее сходство с тувинскими и алтайскими[2]. Однако нельзя не отметить, что все эти изваяния с сосудами в Семиречье держат в руках кубки, что прежде всего сближает их с монгольскими. В этом,

[1] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. VI, рис. 2, особенно четырехугольный холм «южной группы», а также более мелкие квадратные насыпи к северу от памятника Кюль-Тегина, табл. XII, рис. 5 и 7.

[2] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. Сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 41—42.

[3] W. Kotwicz. Le monument turk d'Ykhe-Khocho-to en Mongolie Centrale (Rosznik Orientalisticzny, т. IV, Lwow, 1928, особенно раздел «Description du monument»).

[4] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 38—41.

[5] Предварительный краткий отчет Б. Бимбаева в 1927 г. Архив Сектора истории Комитета наук МНР, № 31 (см. особенно план).

[6] Сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 77.

[7] Там же, стр. 77—79.

[8] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, табл. XIV, рис. 2 и 5.

[9] Окрестности Усть-Ини, Курайская степь и многие другие места.

[1] М. Грязнов и Е. Шнейдер в своей работе «Древние изваяния Минусинских степей» ошибочно датируют сидящие фигуры III—IV вв. н. э., основываясь на изображении на камне из Тувинской автономной области, на котором видна фигура человека, со скрещенными ногами, как будто пляшущего вприсядку, держащего в правой руке большой сосуд. У ног человека изображены котлы скифо-сарматского типа, наиболее близкие к таштыкским (около начала н. э.). М. Грязнов и Е. Шнейдер, делая такое сопоставление, совершенно упустили из виду, что здесь перед нами изображение не скульптурное и по своей трактовке значительно отличающееся от всей известной нам серии изваяний тюркского времени. Не исключена возможность, что изваяния типа № 68 и 69 (по нумерации М. Грязнова и Е. Шнейдера) при накоплении новых фактов можно будет выделить в серию изваяний, относящихся к таштыкской культуре. В связи с этим особенно важна находка в 1950 г. А. Н. Липским в Хакассии каменного изваяния, резко отличного от андроновских, карасукских и тюркских, но имеющего много общего с таштыкскими погребальными масками. Авторы совершенно игнорировали значительную серию сидящих изваяний Тувы и Монголии, находящихся исключительно возле погребальных сооружений знати орхонских тюрок. Что касается обычая изображать в руках сосуд, то он имеет большую древность. Достаточно вспомнить скифские изваяния с ритонами в руках. Судя по рисунку № 69 в статье М. Грязнова и Е. Шнейдера, сосуд вполне может быть большой бронзовой кринкой гуннского типа, подобной найденным в Минусинской котловине (хранятся в Минусинском музее).

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 62—63, и табл. X.

Рис. 71. Каменные изваяния Алтая (по рисункам М. П. Грязнова).

1 — р. Урсул, высота ок. 75 см, стоит лицом на в. у четырехугольной каменной оградки; *2* — устье р. Талдушки, высота ок. 1 м, из серого песчаника, стоит лицом на в. у четырехугольной каменной оградки; *3* — уроч. Шибе на р. Урсуле, высота ок. 1,5 м, стоит лицом на в. у четырехугольной каменной оградки; *4* — уроч. Шибе на р. Урсуле, стоит лицом на в. у четырехугольной каменной оградки; *5* — Алтай, ближе неизвестно, высота ок. 1,60 м; *6* — устье р. Талдушки, высота ок. 1,80 м, стоит лицом на в. у четырехугольной каменной оградки; *7* — Уймонский аймак; *8* — близ г. Горно-Алтайска, высота ок. 1,80 см; *9* — Б. Улаган; *10* — близ с. Иня в долине р. Катуни, около устья р. Чуи, высота ок. 2 м.

очевидно, отражена особенно тесная связь между тюрками западного каганата и тюрками восточного Орхонского каганата. Алтай и особенно Тува, повидимому, были в это время более обособленны от орхонского юга.

Почти полное отсутствие каменных изваяний тюркских типов в Минусинской котловине[1] свидетельствует об отсутствии у древних обитателей этой области енисейских кыргыз-хакасов обычая устанавливать каменные изваяния в память погибших богатырей и знатных. Этот факт имеет большое значение для решения вопроса о том, входила ли современная Тува в область расселения кыргызов. Резкое различие в погребальных обрядах VI—IX вв. в Минусинской котловине по сравнению с Алтаем и Тувой и, наоборот, большое сходство в этом отношении между Тувой и Алтаем заставляет ограничивать область расселения кыргыз-хакасов в эпоху развития их собственного государства территорией Минусинской котловины. Это, конечно, не снимает вопроса о военном проникновении кыргызов на юг в ходе борьбы с орхонскими тюрками, когда они заключали союзы с племенами, обитавшими на верховьях Енисея[1] и, особенно, в эпоху борьбы с уйгурами, а также при установлении, хотя и временного, господства кыргызского кагана над всей Центральной Азией в 40-х годах IX в.

[1] Поскольку знаменское изваяние, согласно надписи, принадлежало тюргешу — пришельцу, а изваяние из Базы изображено в «сидящей позе» с косой, минусинскими изваяниями остаются только два: из Чебаков и Саралы. Они более всего сходны с тувинскими и, повидимому, расположены в долинах, связывающих Минусинскую котловину с территорией современной Тувинской автономной области.

[1] См. тексты памятников Бильге-кагана, Кюль-Тегина и Тоньюкука.

Каменные изваяния Алтая

N	Местонахождение	[illegible]	[illegible]	У оградки	У кургана	Куда обращено лицом	[illegible]	Круглая скульптура	Плоская скульптура	Материал	Размер (высота)	Мужчина	Женщина	Усы (или усы с бородой)	Борода	Головной убор	Серьги	Сосуд	В какой руке сосуд	Сабля	Кинжал	Нож	Пояс	Поясные пряжки	Поясные бляхи	Мешочек	Мусат	Одежда	Где находится	[illegible]
1	[illegible] степь, [illegible]	+		+					+		90 см	+		у изваяния отбиты верх головы и низ, по пояс					в левой										[illegible] на месте	
2	[illegible] степь, Тадила	+		+					+		70 см			середина лица отколота, сохранились следы усов					в правой				отбито по пояс						лежит на месте	
3	[illegible] степь, Тадила		+	+					+	Зеленоватый сланец	50 см			нижняя часть отбита на уровне груди															лежит на месте	
4	Курайская степь, Тадила		+	+		В			+		60 см			верхняя	половина головы отбита														на месте	
5	Курайская степь, Тадила		+	+					+	зеленоватый сланец	ок. 60 см			нижняя часть отбита на уровне груди															с. Курай у школы	
6	Кулада	+		+		В			+	Зеленоватый сланец	2,20 м	+																	Гос. Истор. [illegible] (Москва)	в правой руке
7	Кулада	+		+		В			+		1,50 м	+							в правой										на месте	
8	Кулада	+		+		В			+ четырехгранный столб	серовато-зеленый сланец (?)	2,15 м	+																	на месте	
9	Кулада	+		+		В		+		серовато-зеленый гранит	2 м	+							в правой				наборный						на месте	
10	[illegible] урочище [illegible]	+		+		В		+		[illegible] гранит	1,50 м	+							в правой				наборный					рукава	на месте	
11	Курайская степь [illegible]	+		+		В		+		[illegible] сланец	1,05 м	+							в правой				наборный						на месте	
12	[illegible]	+						+											в правой				наборный						на месте	
13	[illegible]	+		+		В		+				+							в правой				наборный						на месте	
14	[illegible]	+		+				+				+		лицо и правое плечо отбиты		отбит			в правой				наборный						на месте	
15	[illegible]	+		+		В		+				+						сосуд неясен	в правой				наборный						на месте	
16	Алтай	+							+			+											гладкий						на месте	
17	Алтай, между реками Башкаусом и Улаганом		+						+			+																	на месте	
18	Алтаи	+							+ четырехгранный столб		ок. 2 м																		на месте	
19	Алтай?	+						+		светло-серый гранит	ок. 1,70 м								в обеих										Ленинград МАЭ	на нижней части косые штрихи

БИБЛИОТЕКА

N	Местонахождение	Фигура человека	Голова или лицо	У оградки	У кургана	Куда обращено лицом	Вереница камней (число)	Круглая скульптура	Плоская скульптура	Материал	Размер (высота)	Мужчина	Женщина	Усы (или усы с бородой)	Борода	Головной убор	Серьги	Сосуд	В какой руке сосуд	Сабля	Кинжал	Нож	Пояс	Поясные пряжки	Поясные бляхи	Мешочек	Мусат	Одежда	Где находится сейчас	Примечания и дополнения
20	Деспен		+	+		В	4		+	светло-серый сланец	42 см																		на месте	
21	Деспен	+		+		В	5	+		светло серый гранит	56 см	+		+		верх головы отбит			в правой				гладкий						на месте	
22	Деспен		+	+		В	32		+	розовый гранит	80 см	+																	на месте	
23	Деспен	+		+					схема фигуры	серый сланец	72 см																		на месте	
24	Деспен	+		+		В			схема фигуры	красный гранит	118 см																		на месте	
25	Деспен	+		+		В		+		серый гранит	70 см												врезан						на месте	
26	Деспен	+		+		В	62	+		белый мрамор	56 см					верхняя часть отбита по грудь							гладкий						на месте	
27	Деспен		+		+	В			+	розовый гранит	76 см																		на месте	
28	Деспен		+	+ ([illegible] № 27)		В			+	красный гранит	81 см																		на месте	
29	Деспен	+		+		В	15	+		розовый гранит	110 см	+							в правой				гладкий						на месте	
30	Деспен		+	–		В	15		+	розовый песчаник	125 см	+																	на месте	
31	Деспен	+		+		В			+	белый мрамор	ок. 1 м	+				верх головы отбит			в правой										на месте	
32	Арыг-Бажи		+	+		В			+ (контурная прорезь)	серый песчаник	75 см	+																	на месте	
33	Хожели-Хараган	+		+		СЗ		+		светло-серый песчаник	140 см	+				небольшой выступ			в правой				гладкий						на месте	
34	Таарбол	+		+		В		+		сер. гранит с розовой коркой	110 см	+							в правой				наборный						на месте	на правом плече
35	Таргалок	+		+		ВСВ	8	+		серый гранит	90 см	+							в правой				наборный						на месте	
36	Шеми	+				СВ		+		серый гранит	162 см	+				коса			в обеих				наборный						на месте	
37	[illegible]	+				С (переставлено)		+		светло-розовый гранит	130 см	+				вид сзади			в обеих				наборный						на месте	рядом найдены обломки камня с орхонской надписью
38	[illegible]	+		+		[illegible]		+		гранит желтоватого цвета	80 см	+		голова отбита на уровне шеи					в правой				наборный						на месте	спереди и сзади в нижней части
39	[illegible]	+				ЮВ		+		светло-серый гранит	1 м	+				остроконечный выступ			в левой				наборный						на месте	у рук по 4 пальца
40	Булун	+		стоит посредине оградки (вторично)		ЮЮВ		+ из валуна		розоватый гранит	90 см	+				коса			в обеих				наборный						в Гос. Историческом музее (Москва)	
41	Булун	+				ЮВ		+ из валуна		серо-желтый гранит	1 м	+							в левой										на месте	
42	[illegible]	+				В		+		светло-серый гранит	1 м	+							в обеих				наборный					обшлага	на месте	передник на поясе
43	Чанагаш	+				В		+		черный гранит	95 см	+							в обеих				наборный					обшлаге	на месте	
44	Чанагаш	+				В		+		светло-серый гранит	97 см	+				вид сзади			в обеих				наборный					обшлага	на месте	
45	Сарыг-Булун	+			+			+		серый гранит	63 см			голова отбита по плечи														кафтан в накидку	на месте	человек изображен в сидячем положении, ноги поджаты, руки лежат на коленях. Стоит на пьедестале
46	Сарыг-Булун	+			+			+		серый гранит	92 см			голова, руки и ноги отбиты						+			наборный					кафтан	на месте	то же
47	Сарыг-Булун	два фрагмента фигур львов			+			+		серый гранит																			на месте	
48	[illegible]	+		+		З		+		серый гранит	110 см			голова и плечи отбиты					в правой										на месте	человек изображен в сидячем положении, [illegible]
49	Кызыл-Мажалык	+		+				+		серый гранит	105 см			голова, левая рука и правое плечо отбиты					в правой				наборный						на месте	
50	[illegible]	+						+		из валуна серого гранита	70 см					шапка			в обеих										на месте	
51	[illegible]	+						+		серый гранит	75 см	+				шапка			в обеих				наборный						на месте	
52	[illegible]	+						+				+				прическа с косой			в обеих				наборный с висящ. ремнями					рукава	на месте	
53	Чакуль	+						+				+				шапка			в обеих				наборный с висящ. ремнями						на месте	
54	[illegible]	+							+?			+				шапка			в обеих										на месте	
55	[illegible]	+						+			140 см	+							в правой										на месте	
56	[illegible]	–						+		плита	90 см								в обеих										на месте	
57	Тува (точнее неизвестно)	+						+		из валуна	1 м	+		+		шапка			в обеих				гладкий						на месте	
58	[illegible]	+					6	+		черный гранит	43 см	+		+		шапка													на месте	
59	Баянгол		+						резное контурное изображение			+		+															на месте	
60	[illegible]	–				В		+			140 см	+				?			в правой	сабля(?)			наборный						на месте	
61	Тува (точнее неизвестно)	+						+			30 см	+				шапка			в правой	рукоять сабли(?)			гладкий						на месте	
62	Тува (точнее неизвестно)	+						+		серый гранит	ок. 150 см	+				шапка			в обеих				наборный с висящ. ремнями						Минусинский музей	ранее считалась из с. Синявина Хакасск. а.о.
63	Чирчарек на р. Кемчик	+						+								шапка			в обеих										на месте	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Каменные изваяния Хакасской А. О.

N	Местонахождение	Фигура человека	Голова или лицо	У оградки	У курганa	Куда обращено лицом	Вереница камней (число)	Круглая скульптура	Плоская скульптура	Материал	Размер (высота)	Мужчина	Женщина	Усы (или усы с бородой)	Борода	Головной убор	Серьги	Сосуд	В какой руке сосуд	Сабля	Кинжал	Нож	Пояс	Поясные пряжки	Поясные бляхи	Мешочек	Мусат	Одежда	Где находится сейчас	Примечания и дополнения
64	[illegible] Тесью и Ербой	+							+	серый гранит		+				коса (вид сзади)			в обеих										минусинский музей	на спине орхоно-енисейская надпись
65	Улус База (Суханов тар-аалы)	+			+				+	серый песчаник	110 см					прическа (вид сзади)			в обеих										на месте	Лежит у тагарского кургана, но перенесена от четырехугольной насыпи
66	[illegible] ным улусом и [illegible]	+							[illegible]					Голова	отбита	по плечи			в правой										на месте	
67	Черный [illegible] близ Сарала	+								красный песчаник		+		+		шапка			в правой				наборный						на месте	
68	Улус Куртуяков близ устья Акыза	+							прорезн. контур фигуры	красный песчаник							+	?											?	рисунок не достоверный
69	Там же	+							прорезн. контур фигуры	красный песчаник		+		+				+	в левой										?	рисунок не достоверный

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Каменные изваяния Монгольской Народной Республики

N	Местонахождение	Фигура человека	Голова или лицо	У оградки	У курганa	Куда обращено лицом	Вереница камней (число)	Круглая скульптура	Плоская скульптура	Материал	Размер (высота)	Мужчина	Женщина	Усы (или усы с бородой)	Борода	Головной убор	Серьги	Сосуд	В какой руке сосуд	Сабля	Кинжал	Нож	Пояс	Поясные пряжки	Поясные бляхи	Мешочек	Мусат	Одежда	Где находится сейчас	Примечания и дополнения
70	В степи между Мишик Гун и Уйцзен-ван-хурэ	+						+		гранит		+						неопределенный предмет	в правой				наборный					рукава	на месте	
71	Монголия (точнее неизвестно)	+						+				+		голова отбита по шею					в правой				наборный					обшлага	на месте	
72	Монголия (точнее неизвестно)	+						+				+							в правой				гладкий						в музее (Улясутай?)	
73	Улясутай, музей	+						+				+		голова отбита по плечи					в правой				наборный						Улясутай, музей	
74	Завастей-гол	+						+				+							в правой									рукав	на месте	
75	Орта-булак	+		+				+				+							в правой				наборный						на месте	IX век
76	Монголия (точнее неизвестно)	+						+				+				верх головы отбит			в правой				наборный						на месте	
77	Гоби, ор. Нарин	+						+				+		голова отбита по плечи					в правой				гладкий с висящ. ремнями						на месте	
78	Олоту	+						+			ок. 170 см	+							в правой				гладкий						на месте	Укреплен в постаменте из плиты с отверстием в середине
79	Монголия (точнее неизвестно	+						+				+						?	в правой				гладкий						на месте	В руке неясный предмет
80	У перевала Темир-Хануй	+		+		В		+				+							в правой									рукава	на месте	
81	Монголия (точнее неизвестно)	+		+				+				+											гладкий						на месте	Обеими руками на груди держит предмет вроде кинжала
82	Томен-Сулин-гол	+						+				+							в правой	руковять			наборный						на месте	
83	Между Баин-голом и Донгин-сомоном	+	+	+		В			+		ок. 1 м	+																	на месте	
84	Между Баин-голом и Донгин-сомоном	+	+	+		В			+		ок. 80 см	+																	на месте	
85	Там же	+	+	+		В			+		ок. 50 см	+																	на месте	
86	Там же	+		+		В			+		ок. 80 см	+							в обеих										на месте	
87	Сонгино	+		+		В			+		ок. 80 см																		на месте	
88	Завханский аймак	+	+	+		В			+		ок. 50 см																		на месте	
89	Завханский аймак	+	+	+		В			+		ок. 1 м																		на месте	
90	Убсанорский аймак, Турун сомон	+		+		В	+	+			ок. 1,20 см																		на месте	
91	Убсанорский аймак, Уроч. Цайдам	+	+	+		В			+		ок. 70 см																		на месте	
92	Там же	+	+	+		В		+			ок. 70 см	+																	на месте	

В. П. Левашова

ДВА МОГИЛЬНИКА КЫРГЫЗ-ХАКАСОВ

Летом 1934 г. на Капчальском руднике в Хакассии была сделана случайная находка, состоявшая из деревянной статуэтки барана с обложенной листовым золотом головой, золотого браслета, серебряного украшения и железных удил с инкрустированными серебром стременами. Работавший в то время на руднике инженер-геолог И. А. Казанцев сохранил найденные вещи и передал их Минусинскому музею с описанием условий находки. Выехав немедленно на рудник, я убедилась, что вещи эти были извлечены из случайно затронутого погребения. В окрестностях рудника обнаружено несколько групп плоских каменных курганов, имеющих в плане круг, выложенный камнями, настолько заросших дерном, что с первого взгляда их легко можно принять за естественные выходы камня. В двух таких группах, на расстоянии около 700—800 м к с.-с.-з. от рудничного поселка и производилась в 1934 г. выборка камня для строительства рудника. Рабочие, случайно углубившись ниже горизонта, захватили часть могильной ямы и нашли в ней вещи. Эта группа курганов была вся раскопана мною в том же 1934 г., а соседняя с ней — в течение 1935—1936 гг. сотрудниками Минусинского музея.

РАСКОПКИ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КАПЧАЛЫ I

(см. приложение 1)

Исследованная в 1934 г. курганная группа Капчалы I состоит из 9 круглых плоских каменных насыпей, из которых некоторые достигают высоты 0,35 м, другие же совершенно не выделяются над поверхностью. Расположены они так близко друг к другу, что некоторые насыпи почти сливаются. Около более крупных курганов № 1, 2 и 4 (диаметр 4,5—6 м) группируются маленькие курганчики № 1а, 2а, 2б и 4а (диаметр 1,2—2,6 м).

Раскопки велись на снос, захватывая полностью окружность насыпи. Под насыпями с горизонта открывались могильные ямы (по одной, реже по две) овальной или близкой к овалу формы, вытянутые большей частью с с.-з. на ю.-в

Стенки могильных ям почти отвесные, дно плоское; изнутри могилы ничем не обкладывались, погребения совершались без гробов и подстилок прямо на дне ямы. Могилы засыпались землей, иногда до половины заваливались камнем. Лишь в одном случае (курган 3) было прослежено покрытие из лиственничного луба, накрывавшее самое погребение. Некоторое отклонение от обычного правила представляет также могила первая кургана 1. В ней, на глубине 0,4 м в плоском дне (материковая глина), открылась вторая, внутренняя яма, длиною 0,8 м, шириною и глубиною 0,4 м, вытянутая с севера на юг, тогда как открывшееся с горизонта пятно ямы было вытянуто с с.-з. на ю.-в. при размерах 1,8 × 1 м.

Размеры и устройство могилы, нарушенной рабочими рудника (курган 5), были восстановлены нами при раскопках. Шурф для выборки камня имел вид неправильной ямы, площадью около 0,6 × 0,7 м, глубиною 0,7 м от поверхности насыпи, и захватывал часть могилы в северо-западном конце ее. В западной части шурфа, вне границ могильной ямы, была еще пробита рабочими узкая воронка на глубину 0,3 м (искали «золотой нож», который должен был быть воткнут, по мнению рабочих, рядом с «кладом»). Установить порядок расположения вещей и выяснить, были ли в шурфе пережженные кости, не удалось. Установлено только, что первыми показались дужки стремян, а когда их стали откапывать, то нашли «в кучке» и другие вещи. Остальная площадь могилы оставалась нетронутой и на дне ее около юго-западной стенки мною было найдено трупосожжение и при нем, между двух параллельно воткнутых по длине могилы плиток, лежала вторая фигура барана с головой, обложенной золотом.

В основном все погребения этих курганов делятся на две группы: могилы с трупосожжением (рис. 2, 3) и могилы с трупоположением (рис. 4). Инвентарь, найденный в могилах с

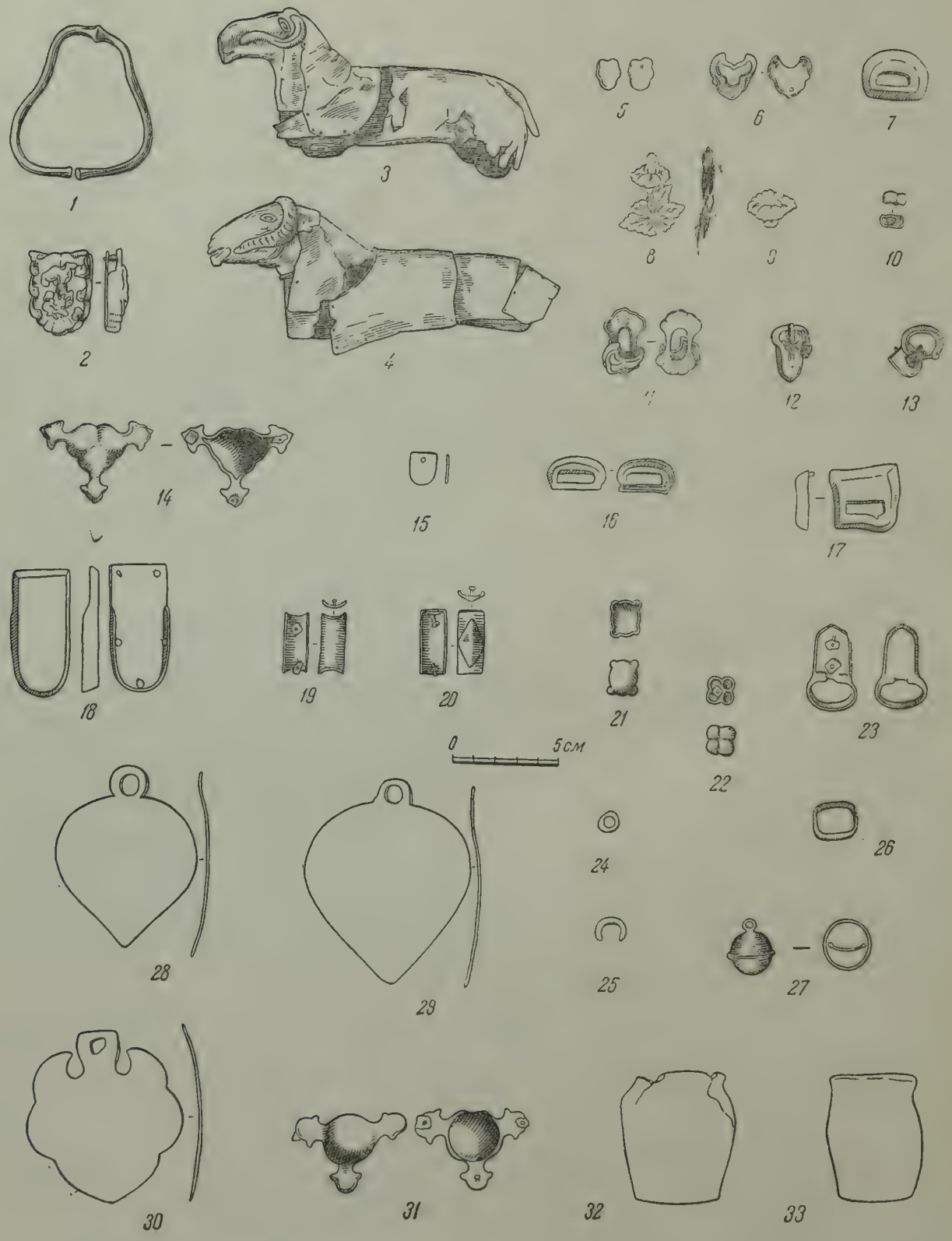

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
0
5см
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

Рис. 1. Находки из курганной группы Капчалы I.

Курган 5: *1* — золотой браслет; *2* — серебряное украшение пояса; *3* — деревянная статуэтка барана с золотой обкладкой головы и серебряной обкладкой туловища; *4* — то же, с бронзовой обкладкой туловища и золотой обкладкой головы; *36* — железные удила; *40* — железное стремя с остатками серебряных апликаций и деталь апликации.
Курган 4: *5—7, 15—18* — серебряные украшения ремней; *8—9* — серебряные апликации; *10—11* — золотые украшения ремней; *14* — бронзовая сбруйная накладка (2 экз.); *12—13* — бронзовые пряжки; *38* — железные удила; *39, 42* — стремена
Курган 1, погребение 2: *19—31* — бронзовый сбруйный набор; *37* — железные удила; *41* — стремя
Курган 2, погребение 2: *32, 33* — глиняные сосуды
Курган 3, *34* и *35* — глиняные сосуды.
Рис. №№ *1—31* около 1/6 н. в.; рис. №№ *32—35* около 1/6 н. в.; рис. №№ *36—41* около 1/4 н. в.

трупосожжением свидетельствует о том, что эти погребения принадлежали взрослым наездникам; по способу трупоположения хоронились исключительно дети. Обычай хоронить детей не сжигая отмечен Л. А. Евтюховой в курганах этой же эпохи близ с. Тесь на Тубе[1] и неоднократно прослежен мною как в малых каменных курганах, так и в могилах предшествовавшей таштыкской культуры[2]. В самих могилах следов производившегося здесь трупосожжения (остатков костра, обжига стенок и т. п.) не обнаружено. Сожжение трупов производилось где-то на стороне, а в могилу приносили уже обожженные кости вместе с пеплом и случайными мелкими угольками. Рядом с этими останками складывали сопровождавшие покойника вещи, иногда тоже побывавшие в огне костра, как, например, инвентарь из могилы кургана 4.

Во второй могиле кургана 2 и в могиле кургана 2а в углу больших сравнительно ям было найдено лишь по одному детскому костяку, в то время как вся остальная площадь оказалась пустой. Повидимому, эти могилы были рассчитаны не на одного покойника и ждали следующих погребений, которые по каким-то причинам не совершились. Этим же можно объяснить и то явление, что в могиле кургана 4 погребение сгруппировано в одном ее конце, а в другом конце найдены потревоженные кости детского скелета, и что могила вторая кургана 1, содержавшая в одном конце нетронутое трупосожжение с довольно богатым инвентарем, во всей остальной своей площади оказалась пустою[1].

Сравнивая отдельные погребения по характеру инвентаря, следует отметить, что для детских погребений обычным является наличие небольших сосудов (рис. 1, *32, 33*) и игрушек из бараньих альчиков (астрагалов). При мужских же погребениях, сопровождавшихся принадлежностями конской упряжи, ни одного сосуда не было найдено. Не встречено в них также и никаких остатков ритуальной пищи в виде костей животных. Зато в кургане 3 при отсутствии «мужских» вещей поражает обилие остатков мясной пищи. Здесь под лубяным покрытием на дне могилы было захоронено два трупосожжения — первое находилось в юго-восточном конце могилы и сопровождалось двумя глиняными сосудами, второе, с одним сосудом, в северо-западной части. Вся площадь могилы, за исключением полосы вдоль северо-восточной стенки, была сплошь занята костями животных, остатками разрубленных коровьих и бараньих туш (рис. 2). При этом в могилу были положены исключительно куски

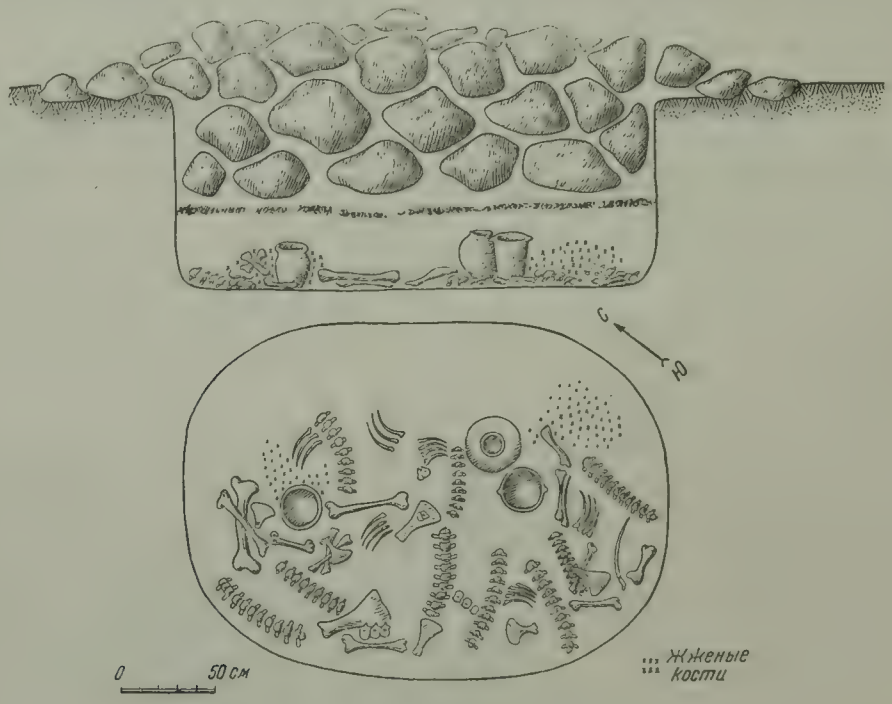


Рис. 2. Капчалы I, курган 3.

[1] Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. «Труды ГИМ», VIII, 1938.
[2] В. П. Левашова. Несколько вариантов таштыкских погребений. КСИИМК, вып. XXV, 1949.

[1] Если допустить, что середина этих могил была ограблена и лишь случайно уцелели погребения у стен, то в насыпи могилы несомненно были бы найдены какие-нибудь следы ограбления — обломки костей, каких-нибудь предметов. Здесь же никаких следов ограбления не было. Вся насыпь могил представляла собою чистую землю с камнями в верхней части.

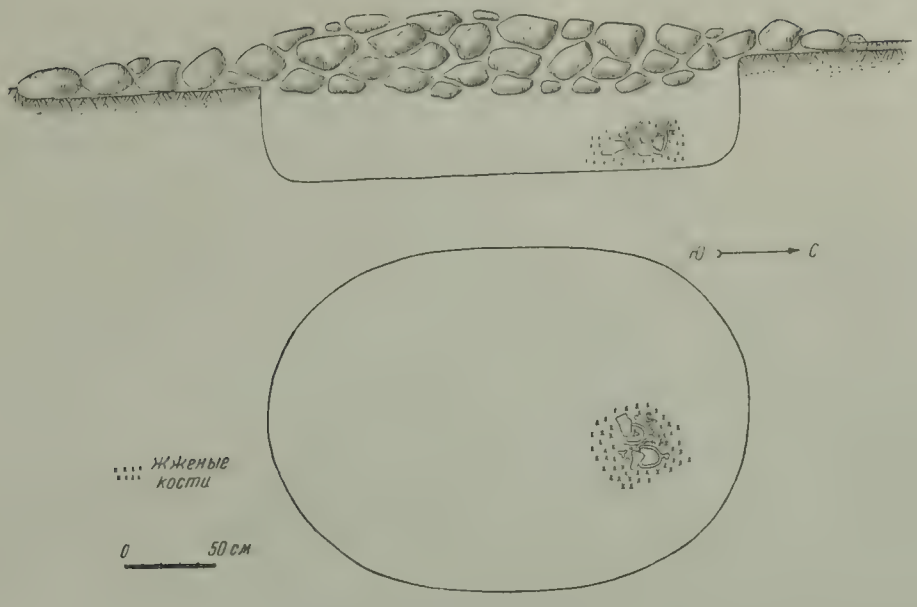


Рис. 3. Капчалы_I, курган 4.

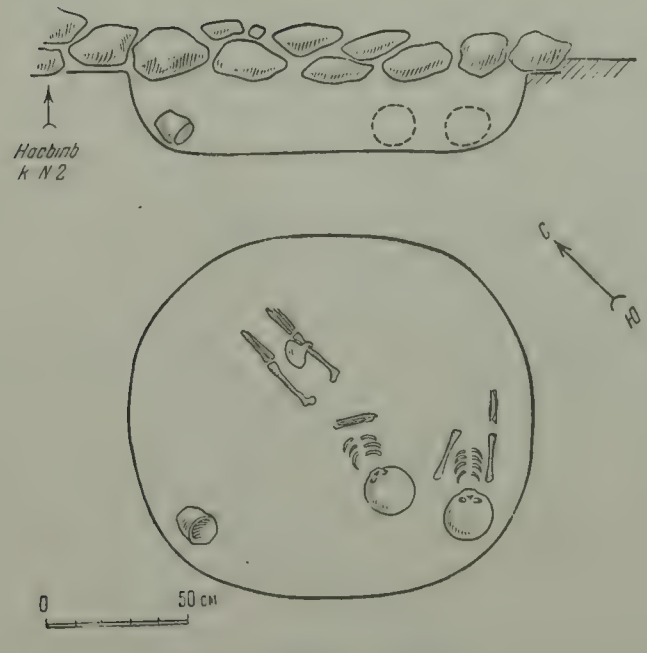


Рис. 4. Капчалы I, курган 26.

первосортного мяса, даже девять «говяжьих филеев», т. е. части позвоночника с отрубленными ребрами; ни голов, ни шеи, ни нижних частей ног здесь не было. Точно такую же картину можно было наблюдать при раскопках 1936 г. Л. А. Евтюховой в кургане с белым камнем на Уйбате [1]. Такая обстановка позволяет определить курган 3 как могилу женщины-хозяйки, получившей от своих родичей в загробный мир то, чем она владела при жизни.

Инвентарь из курганов группы Капчалы I разнообразен. Помимо упоминавшихся небольших сосудов с низкой шейкой из детских погребений к тому же типу грубых баночной формы горшочков относится сосуд, поставленный при втором погребении кургана 3. Два других сосуда первого погребения значительно отличаются от них. Один, сделанный тоже не на гончарном круге, но гораздо лучшей выделки, имеет две симметрично расположенные ручки в виде вертикальных выступов, прилепленных к низкой шейке вровень с краем венчика (рис. 5, *52*), другой представляет собою вариант «киргизской вазы». Так принято называть местный сорт керамики, сделанной на гончарном круге из высококачественного глиняного теста с прекрасным обжигом, дающим сосуду «звонкость» и обеспечивающим равномерную плотность его стенок. Черепки такой керамики кажутся как бы каменными и напоминают по качеству черепицу китайского дома, существовавшего почти за тысячу лет до эпохи наших курганов в той же Хакассии на берегу р. Абакана [2] в расстоянии около 60 км от Капчалов. Возможно, что секрет выделки этой черепицы, которую, конечно, не везли из Китая, а делали на месте под руководством китайских мастеров, и сохранился каким-то образом от эпохи китайского дома до эпохи появления гончарного ремесла в государстве кыргыз-хакасов. Обычной формой киргизских ваз являются высокие узкодонные и низкогорлые кувшины с расширением в верхней части у плеч, напоминающие контуром античные амфоры. Наш сосуд (рис. 1, *35*) оригинален по форме — наибольшая раздутость у него приходится не на верхнюю, а на среднюю часть. Орнамент из лент мелкозубчатого чекана, покрывающий верхнюю часть сосуда, является обычным для этого типа керамики, но кроме того на широкой части стенки нашей вазы имеется тамга в виде круга и дуги над ним, опущенной вершиной вниз.

Основную же массу находок в Капчальских курганах составляют принадлежности верховой конской упряжи. Железные удила найдены в трех могилах [1]. Все они двухсоставные с петлями в виде перевитых восьмерок на концах подвижно соединенных стержней половинок удил. В крупную петлю восьмерки пропускались эсовидные псалии, а в малую крайнюю — круглое несомкнутое кольцо, к которому прикреплялась узда. В двух случаях псалии были уплощенные, один конец их плоско-фигурный, другой — с массивной шишечкой (рис. 1, *36*, и *38*); у третьих же удил псалии имеют вид гладких стержней (круглых в поперечном сечении), становящихся тоньше к плоскосрезанным концам (рис. 1, *28*). Удила такого типа были широко распространены в эту эпоху в Сибири. В коллекциях Минусинского музея они насчитываются сотнями (особенно с уплощенными псалиями), в Европейской же части СССР удила такого типа встречаются редко. В Верхне-Салтовском могильнике есть удила с эсовидными псалиями, но восьмерки петель у них другой формы; в чудских и славянских памятниках IX—XI вв. встречаются удила с прямыми псалиями и с петлями восьмеркой, но не капчальского, а салтовского типа.

Железные стремена, найденные вместе с удилами, характеризуются широкой, слегка закругленной пластинчатой подножкой, с выпуклым продольным ребром по нижней стороне, выкованной из одного куска со стержнем дужки. На вершине дужки имеется петля, или образуемая просто изгибом дужки (рис. 1, *41*) или представляющая плоско-массивный выступ с прямоугольной прорезью в нижней части (рис. 1, *39, 40, 42*). Особенно интересны стремена из кургана 5, украшенные серебряными апликациями (рис. 1, *40*), напоминающие китайское стремя художественной работы, найденное на Уйбатском чаатасе и опубликованное Л. А. Евтюховой [2]. Капчальские стремена, худшей сохранности и качества, сделаны, очевидно, местным мастером, которому хорошо была знакома техника серебряной апликации по китайским образцам. Это тем более вероятно, что здесь же, в кургане 4, найдены китайские серебряные апликации (рис. 1, *8, 9*) с какого-то сгоревшего предмета, одна из которых почти совпадает с центральным цветком уйбатского стремени. Первый тип стремян с простой петлей бытовал в конце I и начале II тысячелетия не только в азиатской, но и на территории Европейской части СССР и Венгрии, а в Сибири, в частности у хакасов, он дожил до наших дней. Второй же тип с пластинчатой петлей, широко распространенный в танское время в Сибири, Монголии и Семиречье [3], повидимому не бытует позже X в. и в Европейской части СССР встречается реже.

---

[1] Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. «Труды ГИМ», VIII, 1938.

[2] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, XII, 1946.

[1] Курганы 4, 5 и могила I кургана 1.

[2] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 23.

[3] А. Н. Бернштам. Основные этапы развития культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949, рис. 122.

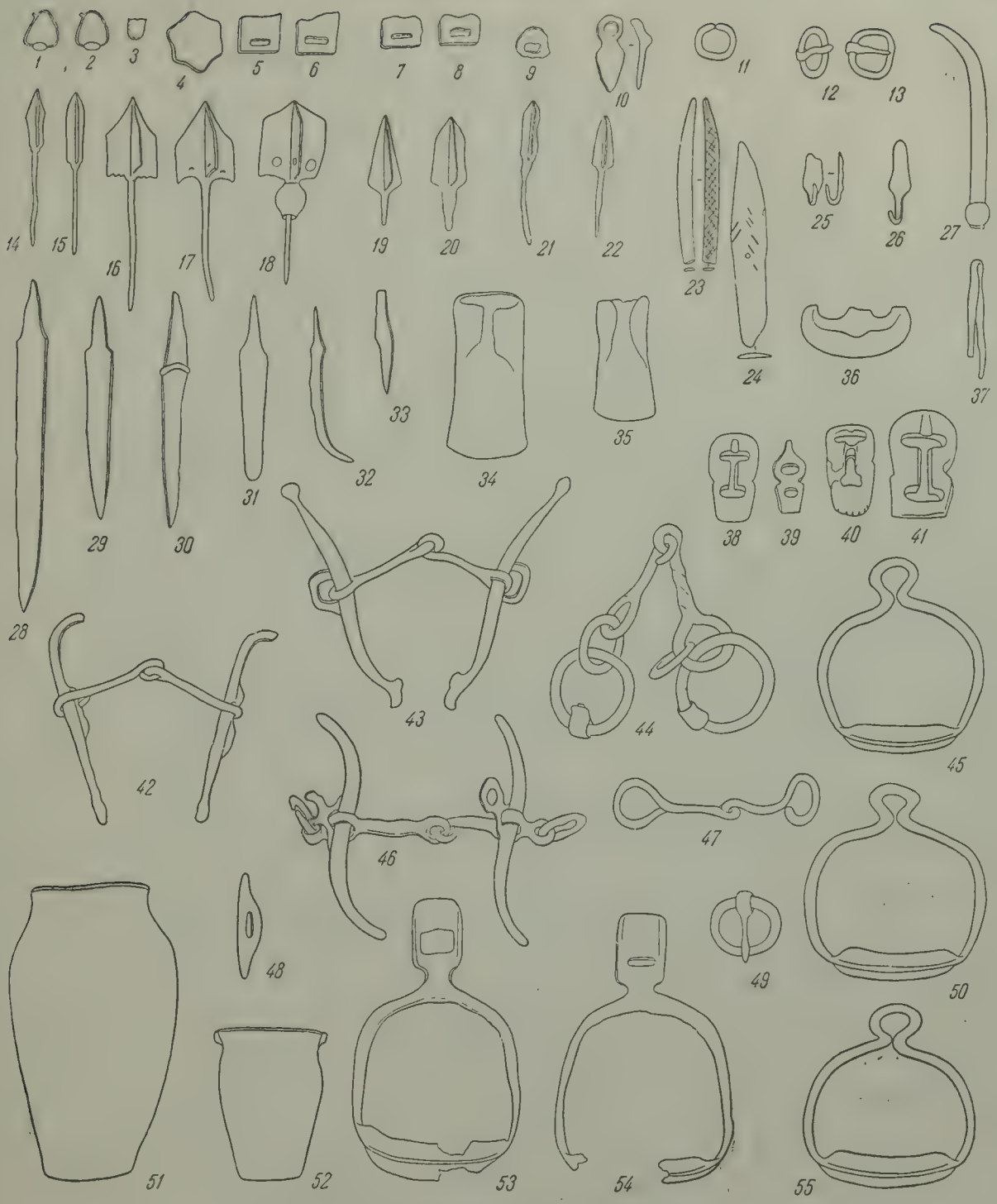


Рис. 5. Находки из курганной группы Капчалы II.

1 — бронзовая серьга с пастовой бусой (курган 11); *2* — то же (курган 22); *3* — бронзовый наконечник ремня (курган 2); *4—10* — железные накладки ремня (*4* — курган 13, *5—6* — курган 19, *7—10* — курган 2); *11* — железное кольцо (курган 5); *12—13, 49* — железные пряжки (*12* — курган 13, *13* — курган 11, *49* — курган 12); *14—22* — железные наконечники стрел (*14—17* — курган 5, *18, 21, 22* — курган 2, *19* — курган 13, *20* — курган 8); *23* — костяная накладка от лука (курган 1); *24* — то же (курган 2); *25* — железный крючок (курган 2); *26* — то же (курган 20); *27* — костяная рукоятка железного орудия (курган 3); *28—33* — железные ножи (*28* — курган 19, *29* — курган 12, *30* — курган 9, *31* и *32* — курган 11; *33* — курган 20); *34* — железное тесло — озуп (курган 13); *35* — то же (курган 3); *36* — железное кресало (курган 19); *37* — железный пинцет (курган 11); *38—41* — костяные сбруйные пряжки (*38* — курган 12, *39* — курган 11, *40* — курган 1, *41* — курган 2); *42* — железные удила (курган 19); *43* — то же (курган 20); *44* — то же (курган 11); *45* — железное стремя (курган 20); *46* — железные удила (курган 3); *47* — то же (курган 12); *48* — костяная застежка от сбруи (курган 19); *50* — стремя (курган 11); *51* — глиняный сосуд (курган 3); *53* и *54* — стремена (курган 3); *55* — то же (курган 19); *52* — глиняный сосуд из кургана 3 Капчалы I.

Рис. №№ *1 — 50, 53 — 55* около $^1/_4$ н. в; рис. №№ *51—52* около $^1/_6$ н. в.

В Салтовском могильнике, в погребениях VIII в. в Осетии, на финнских городищах IX—XI вв. встречаются стремена, близкие к этому типу [1], но общий облик их несколько иной: стремена сибирского типа имеют округлый контур, а европейского более прямоугольны и вытянуты в высоту, с гораздо меньшей пластиной петли.

Сбруйные украшения и приспособления для скрепления ремней представлены накладками, сделанными из золота, серебра, бронзы, а также бронзовыми привесками, бубенчиками и пряжками.

Золотых накладок ремня было найдено четыре (курган 4). Две из них довольно массивные, выпукло-фигурной формы с овальными прорезями (рис. 1, *11*) и две мелкие в виде бантика (рис. 1, *10*).

В том же кургане было найдено 12 серебряных накладок. Большинство из них простой формы: массивные прямоугольники или сегменты с прорезью (рис. 1, *7, 16, 17*), щитики с закругленным концом без всякой орнаментации (рис. 1, *15, 18*) и выпуклые щитики с рожками на подкладке из тонкого серебряного листка с оборотной стороны (рис. 1, *6*). Оригинальна серебряная накладка из кургана 5, украшенная рельефным изображением льва, терзающего барана (рис. 1, *2*). В коллекциях Минусинского музея имеется несколько экземпляров сбруйных украшений этой же эпохи с рельефными изображениями животных, но аналогичного нашему нет. Близки по форме к описанным накладкам украшения пояса из раскопок С. В. Киселева погребений VII—VIII вв. на Алтае [2]. Украшением каких ремней (поясных или сбруйных) служили наши надкладки — решить нельзя, так как они были найдены при трупосожжении.

Бронзовые ременные накладки из второй могилы кургана 1 так же, как и серебряные, отличаются простотой своих форм. Это комбинации полых полушарий (рис. 1, *21, 22*), или прямоугольники, иногда с полукруглыми вырезами (рис. 1, *19, 20*); орнамент образует лишь выпуклости геометрической формы.

Кроме обычных бляшек-накладок встречаются трехконечные накладки для скрепления скрещивающихся ремней сбруй (рис. 1, *14, 31*). Такой способ скрепления широко применялся повсюду; близкие к нашим накладки найдены Саяно-Алтайской экспедицией на Алтае в курганах VII—VIII вв.

Бронзовые пряжки представлены всего тремя экземплярами (рис. 1, *12, 13, 23*): все они овальные, две со щитовидным отростком для прикрепления к ремню, одна — с прямой перемычкой, соединяющей концы дужки; все имели железные язычки. Встречались также обычные бронзовые кольца и четырехугольные обоймы, служившие для скрепления ремней, и шаровидные бубенчики, спаянные из двух половин — нижней с прорезью и верхней с ушком (рис. 1, *27*).

Во второй могиле кургана 1 найден набор крупных пластинчатых, слегка выпуклых привесок сбруи. Семь из них по форме близки к сердцевидным, а две — с вырезанными в виде лепестков краями и с пластинчато-прямоугольной петлей, напоминающей петли стремян (рис. 1, *28—30*). Подобные пластинчатые привески известны в материале Верхне-Салтовского могильника [1] и из погребений близ Балты на Кавказе [2]. В сибирском материале такого типа привески пока неизвестны, но зато они найдены Л. А. Евтюховой в тюркских курганах Монголии с комплексами, близкими к капчальским [3]. Из местного материала наиболее близки к капчальским крупные пластинчатые бляхи с рельефно-штампованным узором и фестонами по краю, найденные в тайнике одного из курганов Копенского чаатаса [4], а также сердцевидные бляхи из случайных находок с рельефным растительным орнаментом и часто с выпуклой личиной в центре [5], но они отличаются от наших более сложной техникой выделки. Такие привески несомненно употреблялись для сбруи, и возможно, что именно этого типа бляхи украшают шлею коней на писаницах близ с. Сулек [6] в Хакассии.

Золотой браслет из кургана 5 (рис. 1, *1*), был, несомненно, украшением и, повидимому, женским, но утверждать последнее мы не можем, так как могила была нарушена рабочими рудника и не установлено, было ли в ней еще одно трупосожжение, кроме сопровождавшегося мужскими вещами.

Эта же могила дала и самые интересные во всей группе находки — деревянные статуэтки баранов с головами, обложенными листовым золотом. Одна из них (рис. 1, *3*) сохранилась прекрасно за исключением ног, которые, вероятно, не были покрыты металлом. Золотая обкладка, покрывающая голову, шею и плечи, тесно прилегает к деревянной основе и передает детали резьбы — горбоносую морду с высокопосаженными глазами, длинные рога, изогнутые по щекам почти до самого рта. Серебряная обкладка туловища заканчивается сзади конусом, изображающим короткий хвост. Вто-

---

[1] Коллекции ГИМ.

[2] С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. СА, I, 1936.

[1] Раскопки Бабенко 1908 г. «Труды XII АС».

[2] Коллекции ГИМ, инв. № 44717.

[3] Доклад Л. А. Евтюховой в ИИМК в феврале 1949 г. «К вопросу о древнетюркских племенах Северной Монголии».

[4] Коллекции ГИМ: Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копены, «Труды ГИМ», XI, 1940.

[5] В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVI, рис. 25.

[6] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaischen Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 81.

рая статуэтка (рис. 1, *4*) сохранилась значительно хуже: очень усохла деревянная основа и бронзовые листы обкладки плеч и туловища стали велики для нее, золото же на этом баране покрывает лишь голову и шею. На обоих экземплярах металлические обкладки прикреплены к дереву медными гвоздиками. Судя по рельефу головы, резьба обеих фигур была одного характера, но изображают они разные особи. У второго барана морда не такая горбоносая, рога витые с опущенными книзу концами. Насколько позволяет судить облик этих фигур, они передают тип баранов местной породы, приспособленной к суровому климату Сибири. От более древней местной породы, представленной изваяниями эпохи бронзы [1], эти бараны, отличаются формой рогов,— у карасукских крутозагнутые рога, у капчальских же — длинные, с более слабым изгибом.

Эти уникальные статуэтки были найдены в 1934 г. впервые и не имели себе аналогий до 1938 г., когда такой же баран, но худшей сохранности, был найден в раскопках Саяно-Алтайской экспедиции на Уйбатском чаатасе. Возможно, что подобная же статуэтка сопровождала и погребение в кургане 4, но деревянная часть ее сгорела на костре (на всем инвентаре могилы заметны следы действия сильного огня), осталась лишь металлическая обкладка в виде бесформенного комка серебряного листа.

Назначение этих предметов, несомненно, культовое. Священный баран изображался на древних каменных изваяниях II тысячелетия до н. э., барана же освящали, наряду с конем, на шаманских праздниках «Изых», устраивавшихся в Хакассии вплоть до самой революции. И это не случайно — хакасские степи особенно благоприятны для разведения овец, поэтому овцеводство с глубокой древности до наших дней остается в Хакассии одной из ведущих отраслей хозяйства.

РАСКОПКИ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КАПЧАЛЫ II

(см. приложение 2)

Вторая курганная группа находилась метров на 100 ближе к поселку рудника, чем первая. Она состояла из 22 также компактно расположенных плоских каменных курганчиков, которые и были раскопаны нами в 1935—1936 гг. Размеры насыпей колебались от 1,4 до 4,5 м в диаметре, не превышая 0,35 м над уровнем современной поверхности и 0,5 м над линией древнего горизонта. Почти все они имеют форму круглых дисков, выложенных камнем, более плотно по краю окружности и в центре. Только две насыпи были овальные (см. прилагаемую таблицу), под каждой насыпью обнаружено по одной могильной яме овальной формы, вытянутой с запада на восток, большей частью с отклонениями. Только под тремя курганами, из которых два содержали трупосожжения на горизонте, а в третьем совсем не оказалось погребения, могильных ям не было.

Как правило, покойников хоронили по обряду трупоположения и клали в вытянутом положении на спину. Только в трех случаях встретились трупосожжения, и в одном — скорченное погребение на правом боку. В могиле обычно захоронено по одному человеку и очень часто с конем, реже с бараном. Только один раз встретилось погребение двух человек в одной могиле, без сопровождающих их животных. Ориентировка погребений была неустойчивой, но костяки животных обычно ориентированы в ту же сторону, что и покойник, лишь в двух случаях (курганы № 8 и 13) костяк человека и костяк коня лежали головами в противоположные стороны (рис. 6, *1, 3*). При этом в обоих случаях, тоже как исключение, покойники были похоронены в берестяных гробах вытянуто на спине. Лишь в одной могиле (курган 18) обнаружено погребение женщины с железной пряжкой у пояса, на правом боку в скорченном положении. Почти все покойники были положены на дно могилы без гробов и подстилок, но головы у них обычно несколько приподняты — возможно, они лежали на подушках; в двух случаях под череп были подложены каменные плитки. Иногда костяки коней лежали как бы на уступах дна могилы (рис. 6, *3*), несколько выше, чем скелет человека [1].

В трех курганах наблюдаются явные следы ограбления. В одном из них (курган 13, рис. 6, *3*) покойник был похоронен в гробу из бересты на деревянном каркасе. Гроб этот — 2 м длины, 0,35 м ширины — был сделан из двух прямоугольных деревянных рам (нижней и верхней), обтянутых берестой. Кости коня, положенного рядом с гробом, оказались разбросанными по всей могиле. Берестяной гроб был раздавлен и в нем лежали в нарушенном виде плохо сохранившиеся кости человеческого скелета. Судя по положению костей ног и размеру гроба, можно считать, что покойник лежал в нем вытянуто, головою на ю.-в. В гробу найдены: обломки железного ножа, орудие типа кельта (тесло или озуп?), остатки берестяного колчана, железный наконечник стрелы и древки стрел в обломках. Во рту конского черепа найдены обломки железных удил; среди разбросанных по могиле костей лошади — железные бляшки сбруйного набора, обломки стремян и других железных предметов. Около черепа лошади лежало несколько овечьих костей — остатки ритуальной пищи.

[1] М. Грязнов и Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929.

[1] Такое же положение конских костяков несколько выше человеческих наблюдалось в могильнике Кудырге на Алтае (См. С. И. Руденко и Н. И. Глухов — Могильник Кудырге на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2. Л., 1927).

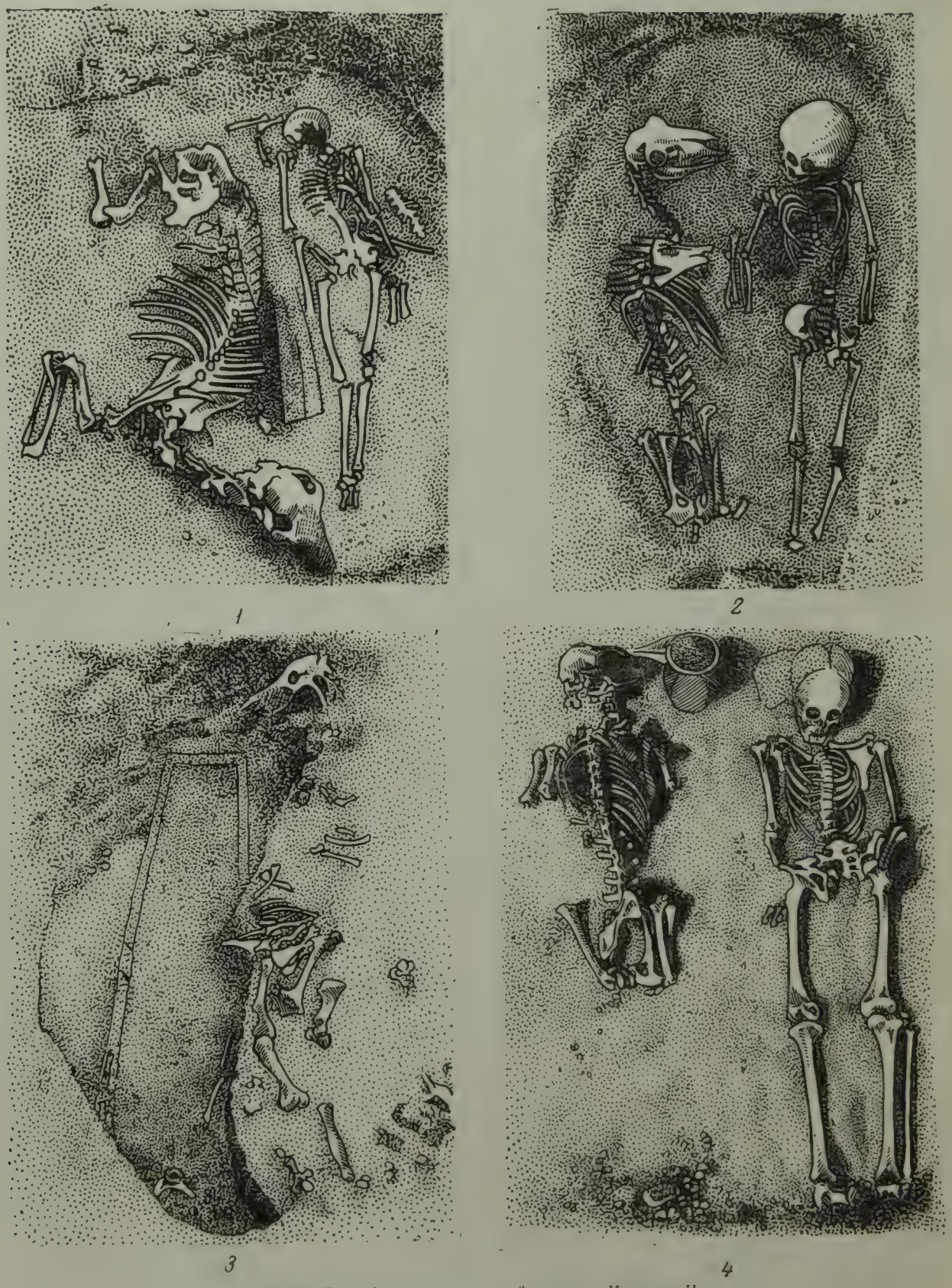
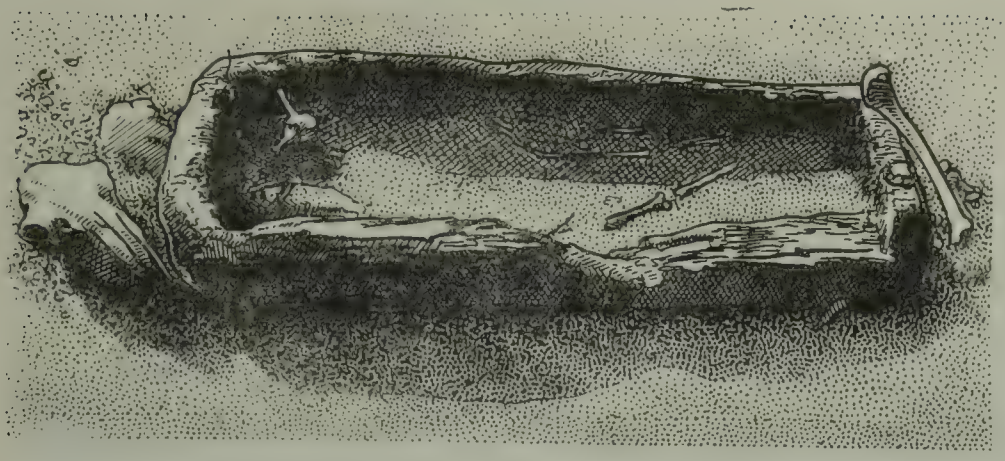
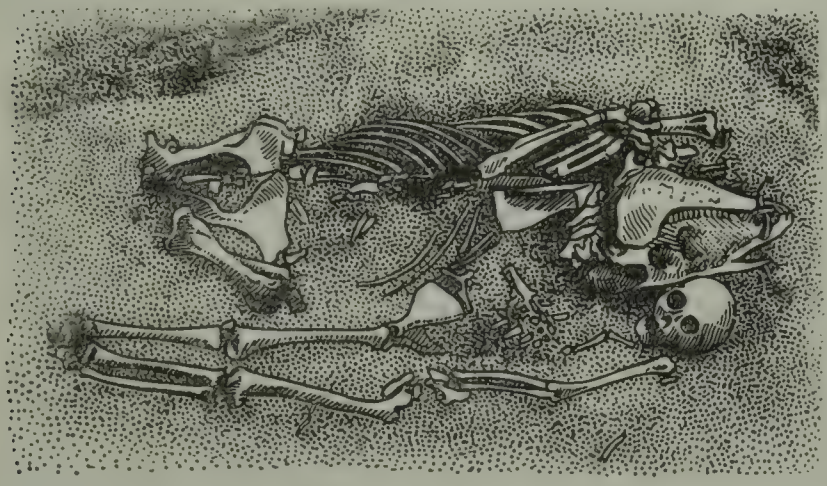


Рис. 6. Погребения из курганной группы Капчалы II.

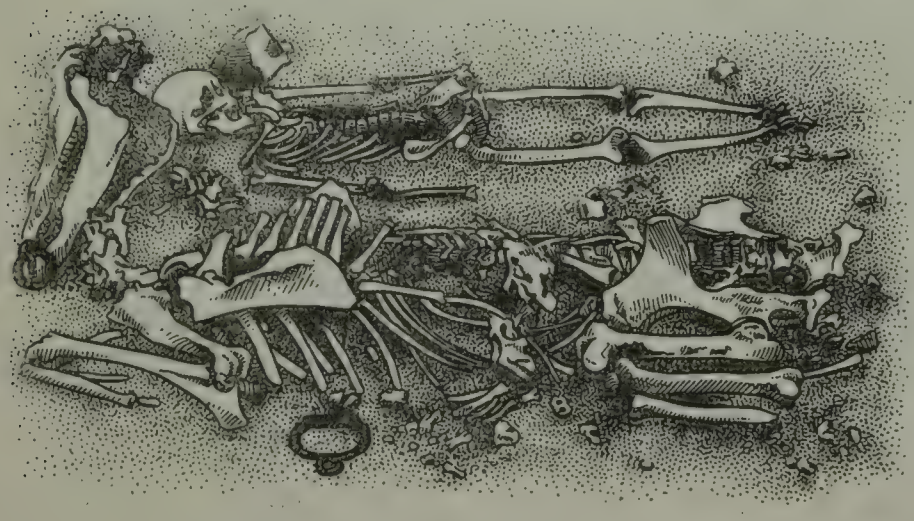
1 — курган 8, погребение с конем; *2* - курган 17, погребение с бараном; *3*—курган 13, ограбленное погребение в берестяном гробе; *4* — курган 22, погребение с бараном.



1



2



3

Рис. 7. Погребения из курганной группы Капчалы II.

1 — курган 16, колода; *2*— курган 2, погребение с конем; *3* — курган 11, погребение с конем.

Под курганом 16 на дне могилы стояла выдолбленная из лиственницы колода в форме широкого корыта (рис. 7,*1*) длиной 0,95 м, шириной 0,32 м в восточном конце и 0,28 м — в западном (внутренние размеры: 0,89 × 0,22 × × 0,1 м). В колоде, в западной части ее, находились кости ног детского скелета, а снаружи кости барана (череп, позвонок, астрагал и трубчатая кость).

В кургане 3 с прекрасно сохранившимся погребением коня были найдены вещи, сопровождавшие покойника при отсутствии костей самого человека: большой глиняный сосуд и рядом с ним остатки ритуальной пищи — бараньи и коровьи кости, а там, где полагалось бы лежать покойнику (вдоль конского костяка головой к горшку) — железные бляшки пояса, или портупеи с бронзовой концовкой ремня и рядом с ними (где полагалось бы находиться левому бедру покойника) — берестяной колчан со стрелами. Вероятно, тело покойника в богатой одежде с украшениями было целиком извлечено грабителями из могилы, железные же вещи и глиняный сосуд не представляли для них ценности. То обстоятельство, что труп из этой могилы изчез полностью, а из детской колоды почти полностью, говорит о том, что могилы были ограблены или современниками или во всяком случае во время, близкое к захоронению, когда трупы еще не успели окончательно разложиться. А то обстоятельство, что процент ограбленности могильника не велик,— в него входят оба погребения в гробах,— позволяет считать, что грабили исключительно богатые курганы, возможно имевшие какие-либо внешние признаки, привлекавшие внимание грабителей.

Женщина в кургане 18 была похоронена в неглубокой яме и без сопровождающего животного, а в кургане 22, повидимому, женское погребение сопровождалось захоронением барана (рис. 6, *4*). Баранов же мы находим и при некоторых детских погребениях (рис. 6, *2*). Детей хоронили в неглубоких ямах и без вещей, но в кургане 16 (ограбленное детское погребение в колоде), возможно, и были положены какие-нибудь вещи. В качестве ритуальной пищи покойникам клалась чаще всего баранина (в 12 случаях) и реже говядина и конина (в 2 случаях). Глиняные сосуды и остатки мясной пищи встречаются не только в женских и детских (как в Капчалы I), но и в мужских могилах.

Всего здесь было найдено пять глиняных сосудов. Они относятся к типу баночных с низкой шейкой, грубой ручной лепки и слабого обжига и аналогичны сосудам из детских погребений Капчалы I (рис. 1, *32*, *33*). Только сосуд из кургана 3 выделяется своим крупным размером и удлиненной формой (рис. 5, *51*) как бы подражающей высоким и узкодонным «кыргызским вазам». Подобный, но более удачный пример подражания представляет орнаментированный сосуд из погребения воина с конем, исследованного в 1928 г. С. В. Киселевым близ с. Усть-Тесь [1].

Если в первой курганной группе могильный инвентарь состоял преимущественно из принадлежностей конской сбруи и украшений, то здесь мы встречаем и некоторые орудия и оружие. В курганах 8 и 13 найдены железные кельты с несомкнутой втулой (рис. 5, *34*, *35*). Эта форма появилась в Южной Сибири, повидимому в таштыкское время, сменив бронзовые кельты тагарского типа, и бытовала очень долго. В Хакассии она сохранилась почти до наших дней, но не как топор, а как «озуп» — лопатка для выкапывания съедобных дикорастущих кореньев и для рыхления земли. В коллекциях Минусинского музея таких орудий имеются сотни экземпляров, но все они из случайных находок, в раскопках же встречаются сравнительно редко. Так, находки их отмечены в раскопках акад. Радлова в Абакане [2], в раскопках С. И. Руденко [3] и С. В. Киселева на Алтае [4]. Мною такая форма найдена в кургане на острове Чиняиха (оз. Чаны Барабинского округа). Такие же орудия встречались на Кавказе, например в аланском могильнике Терской области [5], и на Кубани близ ст. Абинской [6], а также в Верхне-Салтовском могильнике. В Салтове, по наблюдению В. А. Бабенко, этим же орудием были вырыты и сами катакомбы [7], следовательно там такие кельты были не только деревообделочными инструментами, но и орудием для копания, как современный хакасский озуп. У древних хакасов VII—IX вв. они также могли быть универсальным орудием — и озупом, и топором-теслом, поскольку другого вида топора в эту эпоху мы не знаем. Такой же в точности тип кельта встречается и в Венгрии [8], где Хампель видит в них пережиток гальштатской культуры. Нам кажется более вероятным их восточное происхождение.

Железные ножи, целые и в обломках, найдены в семи курганах. Большинство из них имеет вид обычных однолезвийных остроконечных клинков с плоским черешком и отличается друг от друга только размером (рис. 5, *28—30*, *31*, *33*). Исключение составляют два ножа из курганов 9 и 11. Первый из них при обычной

[1] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник Минусинского музея им. Мартьянова», т. VI, вып. 2, 1929, т. V, рис. 72.

[2] В. В. Радлов. Сибирские древности, СПб., 1896.

[3] С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудергэ на Алтае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2.

[4] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. «Труды ГИМ», XVI, 1941.

[5] Коллекции ГИМ.

[6] Там же.

[7] В. А. Бабенко. Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII А. с., т. I, 1907.

[8] J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, т. I. Braunschweig. 1905, рис. 114

форме клинка имеет накладное перекрестье (рис. 5, *30*), второй отличается узким выгнутым клинком, напоминающим по форме местные серпы этого же времени, но лезвие его заточено не по вогнутому, а по выгнутому краю (рис. 5, *32*). Аналогии этим двум типам нам неизвестны, что же касается обычного прямого черешкового ножа, то он был распространен повсеместно с VI—VII вв. до наших дней.

Железные кинжалы из курганов 8 и 11 представляют собой плоские двулезвийные клинки с закругленным острием и плоским же черешком (рис. 5, *31*). Такой формы кинжалы известны из случайных находок в Южной Сибири, в частности в кладе с монетой IX в. из с. Тюхтяты Курагинского района Красноярского края [1], и в материале городища Искер на Иртыше близ Тобольска [2]. Время бытования этого типа можно определить IX—XVI вв.

Железные наконечники стрел были найдены в 9 курганах. Все они черешковые и почти все трехлопастные (рис. 5, *14—22*), но разных типов. Особенно интересны шумящие и свистящие стрелы. Их наконечники имеют прорези в лопастях пера, и такая стрела, с винтообразно посаженным оперением древка, летела, вращаясь вокруг своей оси, а воздух, проходя сквозь отверстия, производил шум. Когда же под пером стрелы был надет костяной шарик-свисток (рис. 5, *18*), она издавала еще и свист. Такие стрелы были исключительно боевыми, и шум, производимый ими, пугал конницу врага. Китайские летописцы говорят об этих стрелах-свистунках как о вооружении тюркских народов [3], что подтверждается многочисленными находками их в погребениях алтайских тюрок VII—VIII вв. [4] Употреблялись они и татарами-монголами XIII—XVI вв. [5], проникая в эту же позднюю эпоху на Северный Кавказ [6].

Деревянные луки в могилах не сохранились, но костяные накладки от них (рис. 5, *23, 24*), аналогичные алтайским из курганов VII—IX вв., встречаются часто. Китайские летописцы говорят, что у тюрок были «роговые луки со свистящими стрелами» [7] — вероятно, здесь имеется в виду деревянный лук с роговыми (или костяными, как в Капчалах) пластинками. Луки были очень большие, о чем можно судить по сохранившемуся в могиле кургана 8 глену от лука — полоса его тянулась вдоль костяка от голеней, заходя дальше черепа, так же как и лук в погребении с конем, исследованном С. В. Киселевым в кургане 1 Уйбатского чаатаса [1].

Колчаны из бересты найдены в трех курганах: в кургане 3 и 8 — целые, а в кургане 13 — в обрывках. Они имели трапециевидную форму, расширяясь книзу, и стрелы вставлялись в них оперением вниз. Носились колчаны у пояса. В кургане 8 колчан и остатки лука были найдены с правой стороны костяка, а в кургане 3 (где скелета человека не было) колчан лежал на месте левой стороны пояса. Такие же колчаны были найдены Саяно-Алтайской экспедицией на Уйбатском чаатасе в Хакассии и близ с. Курай на Алтае [2], причем уйбатский колчан был украшен орнаментированными костяными пластинками. Встречались такие же колчаны и в могильнике Кудыргэ на Алтае [3], тоже в погребении с конем. Повидимому, часть такого же колчана найдена при раскопках Б. Н. и О. А. Граковых в Чкаловской области [4], при раскопках Ф. Д. Нефедова погребений X—XI вв. (тоже с конем) в Тургайской области также встречались колчаны, близкие по форме к нашим [5].

Обычны принадлежности конской упряжи. Железные удила из курганов второй группы, так же как и из курганов первой группы,— все двухсоставные, но преобладают удила с простыми круглыми петлями на концах (рис. 5, *42—44, 47*); с петлями же в виде восьмерок (как в Капчалы I) встретились лишь в трех погребениях (курганы 2, 3, 5). Появляются также, наряду с эсовидными, прямые псалии с одним загнутым концом (рис. 5, *42*); удила из кургана 11 имеют большие подвижные кольца, пропущенные в круглые петли (рис. 5, *44*). Такой тип удил бытовал до XIV—XVI вв.; прямые псалии с загнутым концом больше характерны для Европейской части СССР и тоже употреблялись позже X в., тогда как удила с восьмеркообразными петлями и эсовидными псалиями, так же как и стремена с пластинчатой петлей (рис. 5, *53, 54*), в поздних памятниках не встречаются.

В курганах Капчалы II стремена с пластинчатой петлей найдены лишь в одной могиле (курган 3), все же остальные имеют простую петлю, образуемую изгибом дужки (рис. 5, *45,*

---

[1] Хранится в Минусинском музее.

[2] В. Н. Пигнатти. Искер. «Ежегодник Тобольского музея», т. XXV, Тобольск, 1915.

[3] Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. СПб., 1851, ч. 1, стр. 11.

[4] Раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой близ с. Курай, раскопки С. И. Руденко в Кудергэ и др.

[5] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда, Л., 1937, стр. 111, рис. 3.

[6] ОАК, 1896, рис. 156.

[7] Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. СПб., 1851, ч. 1, стр. 11.

---

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов, Абакан, 1948, рис. 112.

[2] Материалы ГИМ; С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. СА, I, 1936.

[3] С. И. Руденко и Н. И. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургской губернии летом 1927 г. ТСА РАНИОН, IV, 1928.

[5] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологической экспедиции в Южном Приуралье, МАВГ, т. III, М., 1895.

50, 55). Этот тип, как уже указывалось выше, тоже заходит в очень позднее время.

Застежки и украшения ремней сбруи и поясов имеют здесь более поздний облик, чем в курганах Капчалы I. Все украшения-накладки (рис. 5, *4—9*) сделаны из железа за исключением двух небольших бронзовых концовок ремня (рис. 5, *3*) и очень близки по форме к серебряным накладкам из погребений Капчалы I. В могилах Капчалы I найдены только бронзовые пряжки, а в могилах Капчалы II — только железные (рис. 5, *12, 13, 49*) и костяные (рис. 5, *38—41*). Последние обычно очень крупные (за исключением одной, представляющей подражание форме бронзовых (рис. 1, *39*), имели железные язычки и служили для застегивания подпруги, о чем говорит их обычное местонахождение у живота лошади. Из кости делались и другого рода застежки — костылек в виде палочки с выемкой в средней части и сегментовидные пластинки с продольной прорезью (рис. 5, *48*). Застежками, видимо, служили и железные крючки с продолговатой пластинкой, найденные в курганах 2 и 20 (рис. 5, *25, 26*).

Кроме того, в двух могилах, мужской и женской (курганы 11 и 22), было найдено по одной серьге (рис. 5, *1, 2*), при мужском погребении из кургана 11 — пинцет для выдергивания волос (рис. 5, *37*), а в кургане 19 — железное кресало (рис. 5, *36*).

Самой же ценной находкой можно считать обнаруженную в кургане 19 китайскую монету, аналогичную монетам Тюхтятского клада, которые определяются, как монеты династии Тан середины IX в. Вообще находки китайских монет в Южной Сибири, и особенно в Минусинско-Хакасском крае, и именно монет эпохи Тан — не редкость [1], но в погребении ки-

[1] В Минусинском музее имеется около 300 монет династии Тан, найденных на территории Минусинской котловины.

Таблица индивидуальных измерений черепов

	Курган 18	Курган 12	Курган 11	Курган 19	Курган 20	Курган 2
	женский	мужской	мужской	мужской	мужской	мужской
Продольный диаметр	176	178	173	176	177	176
Поперечный диаметр	134	148?	140	138	144	150
Высотный диаметр	132	—	130	134	—	—
Носо-основной диаметр	107	—	101	102	—	—
Наименьшая ширина лба	92	98	90	96	91	93
Длина основания лица	107	—	96	101	—	—
Скуловой диаметр	121	—	135	137	133	—
Высота лица	64	73	—	71	73	76
Высота носа	49	52	51	54	54	56
Ширина носа	25	26	23	26	26	23
Ширина орбиты	40	39	40	38	39	38
Высота орбиты	31	33	33	32	37	35
Горизонтальный угол лица *	120	133,5	151,5	144	147,5	—
Угол лба	82	—	76	88	78	—
Вертикальный угол лица	81	—	90	83	90	—
Угол носа	16	13	18	23	23	—
Общая форма черепа	пент.	сфен.	овоид.	сфен.	овоид.	сфен.
Надбровья (1—6)	3	2	3	3	2	3
Собачья ямка (0—4)	4	1	1	2	2	1
Нижний край грушевидного отверстия	ант.	ант.	ант.	ант.	ант.	ант.
Носовой шип	—	2	2	2	1	3

* Угол горизонтального профиля лица недавно введен в программу работ Института антропологии МГУ. Вершина этого угла лежит в основании носового шипа, а стороны проходят через место пересечения скулочелюстного шва с верхней границей прикрепления жевательной мышцы.

тайская монета найдена здесь впервые, и это дает возможность точно датировать весь комплекс второй половиной IX в.

Антропологический материал из погребений этой группы был определен проф. Г. Ф. Дебец в 1938 г.[1] Имеющиеся в литературе данные по антропологии населения Хакассии касаются только древних периодов ее истории (до н. э.). Материалы по более поздней эпохе, по данным Капчальского II могильника IX в., публикуются впервые.

Сравнивая устройство, обряд и могильный инвентарь курганов I и II капчальской группы, следует отметить сходство их внешнего вида и значительной части могильного инвентаря. Но по обряду погребений они резко различаются — в погребениях Капчалы I господствует обряд трупосожжения, характерный, по свидетельству китайской летописи, для древних хакасов[2], в Капчалы II — трупоположения с конем.

Капчалы I по конструкции могил, обряду и инвентарю вполне аналогичны каменным курганам среднего Енисея, одновременным орхонской письменности, связанным с предшествовавшей таштыкской культурой и относимым Л. А. Евтюховой к первому и второму типам по ее классификации[3]. Курганы Капчалы I датируются VII—IX вв. н. э.

Капчалы II точно датируются монетой второй половины IX в.; следовательно, Капчалы II моложе, чем Капчалы I, но в то же время обе группы курганов относятся к одной эпохе господства кыргыз-хакасов на Енисее.

По данным китайских летописей нам известно, что хакасы (они же кыргызы орхонских текстов) некогда «перемешались с динлинами»[4]; это подтверждается и антропологическими данными. Лицевые маски таштыкских погребений дают смешанный физический тип, а черепа и скелеты из курганов Капчалы II, как показало исследование проф. Г. Ф. Дебец, характеризуются выраженно-монголоидными чертами,— носовые кости слабо выступают, лицо плоское, черепная коробка, при взгляде сверху, имеет округлую форму. Очевидно, что к этому времени в Хакассию влились новые волны переселенцев с юга и юго-востока. По общему комплексу признаков люди, похороненные в Капчальских курганах, не отличаются от современных им кочевников Западного Забакайлья. Этот круглоголовый монголоидный тип, сходный с типом современных киргизов и казахов, позднее проявляется больше всего среди качинцев, живущих в районах между Енисеем, низовьями Абакана и Уйбатом. Наибольшая же примесь древнего европеоидного типа сохранилась (но в небольшом проценте) среди современных хакасских племен, живущих по среднему течению р. Абакана[1].

Свидетельства китайских летописцев о развитом земледелии и скотоводстве хакасов, об их быте и общественных отношениях, о торговых и политических связях тоже полностью подтверждаются как археологическими данными, так и содержанием текстов орхоно-енисейской письменности, оставленных не только орхонскими тюрками-тугю, но и самими енисейскими кыргызами (хакасами).

В частности, наши два курганных могильника (хотя и не вполне совпадающие по времени, но в целом относящиеся к одной эпохе) являются хорошей иллюстрацией классового расслоения в Хакасском государстве. Если Капчальский II могильник дал погребения рядовых воинов, свободного населения Хакассии, степняков-скотоводов, то в курганах Капчальского I могильника, судя по относительному богатству могильного инвентаря, были похоронены представители господствующего класса. Но это не представители правящей верхушки, как в больших княжеских курганах Копенского чаатаса[2], а просто богатые скотоводы, кочевая знать.

Материал из могильника Капчалы I, сходный по типам вещей с материалом из Верхне-Салтовского могильника VII—VIII вв., связан, как уже говорилось выше, с предшествовавшей таштыкской культурой, а Капчалы II по обряду погребения включается уже в другой цикл так называемых «позднекочевнических погребений с конем».

В Минусинской котловине трупоположения с конем исследовались: акад. В. В. Радловым по р. Абакану[3], С. А. Теплоуховым у с. Батени на Енисее[4], С. В. Киселевым на Уйбатском чаатасе и у с. Тесь на Тубе[5]. Все они по сходству инвентаря увязываются в одну группу с Капчалы II и, повидимому, тоже должны датироваться временем не ранее второй половины IX в.

В предшествующую эпоху VII—VIII вв., к которой относится могильник Капчалы I, содержащий предметы конского убора с трупосожжениями, повидимому и кони сжигались до погребения вместе с трупом хозяина. На Алтае трупоположения с конем относятся к более раннему времени, начиная с гунно-сар-

---

[1] Результаты этих исследований с любезного разрешения проф. Г. Ф. Дебец были приведены мною в «Истории Хакассии» (кандидатская диссертация).

[2] Иакинф Бичурин. Указ. соч., ч. I, стр. 446.

[3] Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. «Труды ГИМ», VIII, 1938.

[4] Иакинф Бичурин. Указ. соч., ч. I. стр. 444.

[1] Антропологическая характеристика дана проф. Г. Ф. Дебецом.

[2] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Открытие Саяно-Алтайской экспедиции 1939 г. ВДИ, 1939, № 4.

[3] В. В. Радлов. Сибирские древности, СПб., 1896.

[4] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2.

[5] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник Минусинского музея», 1929, т. IV, вып. 2.

матской эпохи, а из близких по комплексу с капчальскими некоторые содержат предметы с орхоно-енисейской письменностью и одновременны Капчальскому I могильнику; другие же относятся к IX—X вв.[1], следовательно одновременны курганам Капчалы II. Это позволяет считать обряд трупоположения с конем на Енисее занесенным в IX в. с Алтая, когда Алтай, зависимый от енисейских кыргызов, был тесно связан с Хакассией. Обряд трупосожжения, изредка наблюдавшийся и в Капчалы II, в дальнейшем был постепенно вытеснен, тогда как погребения с конем оставались у кочевников широко распространенными по всей степной полосе Евразии.

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, гл. VIII.

ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КАПЧАЛЫ I

№ курганов	Насыпь: диаметр (в м)	Насыпь: высота (в м)	Погребения на горизонте	Могильные ямы: количество	Могильные ямы: место под насыпью	Могильные ямы: ориентировка	Могильные ямы: длина (в м)	Могильные ямы: ширина (в м)	Могильные ямы: глубина (в м)	Погребения в могиле: количество и вид погребений	Погребения в могиле: пол и возраст	Погребения в могиле: ориентировка погребенных	Могильный инвентарь: удила	Могильный инвентарь: стремена	Могильный инвентарь: украшения сбруи и поясов	Могильный инвентарь: разные предметы	Могильный инвентарь: глиняные сосуды	Могильный инвентарь: остатки ритуальной пищи	Примечания
1	6	0,35	одно трупосожжение к северу от центра	2	I. северо-западная часть	с с.-з. на ю.-в.	1,8	1	0,8	1 трупоположение	дет.	на север	—	—	—	—	1	—	
					II. юго-западная часть	То же	1,7	1	0,4	1 трупосожжение	муж.	—	1	1	бронзовый набор из 37 предметов		—	—	
1а	1,2	0	—	могилы не было						—	—	—	—	—	—		—	—	
2	4,5	0,3	—	2	I. юго-восточная часть	с с.-з. на ю.-в.	2,3	1,6	0,6	1 трупоположение	дет.	на запад	—	—	—	астрагал барана	1	—	
					II. северо-северо-западная часть	то же	1,35	0,9	0,6	1 трупоположение	дет.	на север	—	—	—	—	—	—	
2а	2,6	0,15	—	1	в центре	. .	2,35	1,7	0,6	1 трупоположение	дет.	на запад	—	—	—	2 астрагала барана	—	—	
2б	1,6	0,10	—	1	то же	. .	1,4	1,1	0,25	3 трупоположения	дет.	на ю.-з. и юг	—	—	—	—	—	—	
3	3	0,35	—	1	. .	. .	2,5	1,8	1,1	2 трупосожжения	жен.?		—	—	—	—	3	кости коровы и овцы	Над могилой покрытие из лиственничного луба
4	4,5	0,3	—	1	. .	с севера на юг	2,5	1,75	0,5	1 трупосожжение	муж.	—	1	2	4 золотых, 9 серебряных, 7 бронзовых, обломки и слитки	2 серебряные апликации, 1 серебряная обкладка	—		
4а	2,35	0,1	—	могилы не было						—	—	—	—	—	—	—	—	—	
5	3,1	0,2	—	1	юго-западная часть	с.-з. на ю.-в.	1,6	1,5	0,45	1 (?) трупосожжение	муж. ?	—	1	2	1 серебряное.	1 золотой браслет и 2 деревянные статуэтки барана с золотыми головами	—	—	

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

	Насыпь			Находки в насыпи	Расположение могильной ямы под насыпью	Могильные ямы				Погребения в яме					Сопровождающее животное				Инвентарь погребения															Кости животных, как остатки ритуальной пищи, и их место в могиле	Дополнительные сведения
	форма	диаметр (в м)	высота (в м)	и на горизонте		ориентировка	длина (в м)	ширина (в м)	глубина (в м)	количество, пол и возраст	место, занимаемое в могиле	положение костяка	ориентировка	вид	место, занимаемое в могиле	положение костяка	ориентировка	кельты-озупы	ножи	кинжалы	стрелы	колчаны	остатки лука	поясные украшения	железные пряжки	костяные пряжки	сбруйные украшения	удила	стремена	разные предметы	глиняные сосуды		
1	круг	4	0,35	—	в центре	с ю.-в.-в. на с.-з.-з.	1,9	1,4	1,1	1 муж.	юго-западная часть	вытянуто на спине	на ю.-в.	1 конь	центр	на правом боку	на ю.-в.-в.	—	—	—	—	—	костяная накладка	—	—	1	—	1	—	—	—	—		
2	„	4,5	0,3	—	„	с востока на запад	2,4	2	1,05	1 муж.	южная часть	то же	на запад	1 конь	„	на животе	на запад	—	1 обломок	—	3 (1 свинтушка), слева	обрывки, слева	костяные накладки справа	железные накладки	—	—	железная накладка и крючок	1	1	обломки дерева от седла	—	слева у черепа кости барана	левая голень покойника обернута берестой
3	„	4	0,4	—	„	с ю.-з. на с.-в.	2,6	2,4	0,7	1 муж?	юго-восточная часть	?	на ю.-з.?	1 конь	северо-западная часть	то же	на ю.-з.	1	—	—	то же слева	1 слева	то же	железные и 1 бронзовая накладки	2	—	железная накладка	1	2	костяная застежка, костяная рукоятка	1 слева у черепа	за горшком в углу: лопатка, ребра, позвонки барана, ребра и лопатка коровы	Кельт найден между позвонками лошади
4	„	4,2	0,35	—	в южной части	с ю.-з.-з. на с.-в.-в.	2,4	1,9	1	1 муж.	южная часть	вытянуто на спине	на ю.-з.-з.	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	у черепа: ребра, позвонки и трубчатые кости барана	
5	„	4	0,3	трупосожжение на горизонте	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	1	2	железное кольцо и обойма	—	—	
6	„	1,4	0,2	то же	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
7	„	3,7	0,25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
8	„	4,1	0,2	—	в юго-западной части	с с.-з. на ю.-в.	2,8	2,25	1,25	1 муж.	юго-западная часть	вытянуто на спине	на ю.-в.	1 конь	северо-восточная часть	на левом боку	на с.-з.	1 у левого бедра	1 справа	1 обломок слева	колчан со стрелами, справа		костяные пластинки и тлен, слева	железные в обломках	—	1	железные обломки	1	2	—	—	слева у локтя и у черепа справа; кости барана (ребра и позвонки)	Остатки берестяного гроба, костяк потревожен (ограблен?)
9	„	3,6	0,2	—	в центре	с запада на восток	3,5	2,8	0,45	2	1—южная 2—северо-восточная часть	вытянуто на спине то же	1—на восток 2—на ю.-в.	—	—	—	—	—	1 справа	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
10	„	2	0,15	—	—	границы не определились			0,35	1 дет.	северо-западная часть	„ „	на ю.-з.	1 баран	юго-восточная часть	на левом боку	на с.-з.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
11	„	3	0,18	детское погребение и трупосожжение на горизонте	в северной части	с ю.-з.-з. на с.-в.-в.	2,7	2	1,1	1 муж.	северная часть	„ „	на запад	1 конь	южная часть	на правом боку	на запад	—	1 слева	1 справа	—	—	—	—	1 у пояса слева	—	1	1	2	серьга справа, у пояса пинцет	1 у черепа слева	у черепа справа кости барана: обломки черепа, позвонки, крестец	
12	„	3,5	?	—	в восточной части	с запада на восток	2,5	1,7	1,15	1 муж.	северо-западная часть	„ „	на ю.-з.	1 конь	юго-восточная часть	на животе	на ю.-з.	—	1 справа	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	оковка ножен	1 у черепа справа	—	
13	„	4	0,25	—	в центре	с з.-ю.-з. на в.-с.-в.	2,6	2,1	1,66	1 муж.	юго-юго-западная часть	„ „	на ю.-в.	1 конь	северо-северо-восточная часть	?	на с.-з.	1	1	1	1 и обломки	обрывки бересты	—	железные	2 сбруйные	—	—	1	2	—	—	кости барана	Погребение в берестяном гробе, ограблено
14	„	2	0,1	—	то же	с с.-з.-з. на ю.-в.-в.	1,4	0,7	0,48	?	центр	на спине, ноги скрещены	на ю.-в.	—	—	—	—	1 с деревянной рукояткой у правого плеча	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
15	„	4	0,18	—	„ „	с запада на восток	1,4	1	0,4	1 дет.	„	на спине, левая нога откинута	на восток	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	у черепа слева несколько костей	
16	„	3	0,16	—	„ „	с с.-з. на ю.-в.	1,4	0,8	0,95	1 дет.	„	вытянуто на спине	на ю.-в.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	череп и позвонок барана вне гроба	Погребение в колоде, ограблено
17	„	1,6	0,10	—	„ „	с с.-в. на ю.-з.	1,3	1,15	0,36	1 дет.	северо-западная часть	вытянуто на спине	на ю.-з.	1 баран	юго-восточная часть	на животе	на ю.-з.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
18	овал (с.-з. на ю.-в.)	2 и 1,5	0,1	—	„ „	с с.-з. на ю.-в.	1,45	0,88	0,45	1 женск.	центр	скорченно на правом боку	на с.-з.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 у пояса спереди	—	—	—	—	—	—	за спиной часть хребта барана с ребрами и одной ногой, вторая нога справа у черепа	
19	круг	2,3	0,2	в насыпи 4 железные бляшки и обломки костей	в центре	с ю.-з. на с.-в.	2,2	1,3	1	1 муж.	северо-западная часть	вытянуто на спине	на ю.-з.	1 конь	юго-восточная часть	на животе	на ю.-з.	—	1 у правого плеча	—	1 под скелетом коня	—	—	железные, у пояса	—	1 застежка	—	1	2	кресало и монета у пояса справа	—	у черепа и у бедра несколько костей барана	
20	„	3,6	1,6	—	то же	с запада на восток	2	1,5	0,62	1 муж.	северная часть	то же	на запад	1 конь	южная часть	то же	на запад	—	1 на груди	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2	железный крючок	1 у левого плеча	—	
21	овал (с.-з. на [illegible])	3 и 2	0	—	в северо-западной части	с с.-в. на ю.-з.	0,9	0,6	0,22	1 дет.	юго-восточная часть	?	на ю.-з.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	несколько костей лошади	Костяк лежал в беспорядке
22	круг	4	0,2	—	в центре	с запада на восток	1,9	1,3	0,9	жен. ?	северная часть	вытянуто на спине	на запад	1 баран	южная часть	на животе	на запад	—																

Материалы по археологии

В. И. Федоров

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВЕННОЕ ОРОШЕНИЕ В РАЙОНЕ МИНУСИНСКОГО ПОНИЖЕНИЯ

В настоящей статье рассматриваются мало освещенные и недостаточно разработанные в литературе вопросы возникновения и развития искусственного орошения в южной части Красноярского края, в так называемой Минусинской котловине, в период, охватывающий приблизительно 22—23 столетия, считая со времени проведения первых оросительных каналов и до 1709 г.

Минусинская котловина, наделенная природой прекрасными охотничьими угодьями, недрами, богатыми золотом, серебром, медными и железными рудами, плодородными землями, одинаково удобными для скотоводства и земледелия, издавна оспаривалась племенами, сначала охотничьими, а затем скотоводческими, владевшими «бесчисленными» стадами, как это указывается в рунических текстах VI—VIII вв. н. э.

В Минусинской котловине исключительно велико количество памятников прошлых веков в виде могильников-курганов, разбросанных по всему степному пространству, надписей и изображений на скалах и курганных камнях, каменных изваяний, городищ, остатков шахтных выработок и горнов для плавки металла, многочисленные следы различных оросительных сооружений, а главное — огромное число предметов, находимых в курганах, осыпях берегов, выкапываемых плугами в степях и изготовленных, иногда с исключительным мастерством, из камня, бронзы, железа, серебра и золота. Все это свидетельствует о том, что Минусинская котловина когда-то была густо заселена, и народы ее прошли путь постепенного развития, начиная с культуры каменного века до овладения искусством получения отливок из меди и бронзы и, наконец, освоения выработки железа из руд.

Минусинская котловина в историческом отношении является одной из интереснейших областей Сибири и поэтому с момента закрепления русских на Верхнем Енисее она усиленно исследуется как отдельными учеными, так и комплексными экспедициями, которые уже в значительной мере приоткрыли завесу прошлого; однако еще до сего времени далеко не все стороны минувшей жизни получили достаточное освещение.

Автором рассматривается только одна сторона деятельности древнего населения котловины, связанная с изучением искусственного орошения.

Когда появились первые каналы, как последовательно совершенствовалась и какого уровня достигла техника их постройки — на все эти и многие другие вопросы, связанные с развитием орошения, делается попытка дать в предлагаемой статье возможный по состоянию изученности края ответ.

Южная часть Красноярского края, расположенная по обеим сторонам верхнего течения р. Енисея от селения Означенного и вниз до устья р. Сисима, охватывает степные и лесостепные пространства, с расположенными среди них многочисленными холмистыми отрогами окружающих горных систем Кузнецкого Алатау, Западного и Восточного Саяна. В геологическом отношении она представляет пониженную котловину, получившую в литературе название Минусинской.

Значительное разнообразие поверхности котловины с горно-таежными, всхолмленными или равнинно-степными участками, при общей пересеченности рельефа и значительной разнице в высотах обусловливает возможность резких и разнообразных метеорологических и климатических изменений для отдельных ее частей.

При общем слабом обводнении климат равнинно-степной части отличается резко выраженной континентальностью и непостоянством. Большинство осадков, обычно приносимых западными и юго-западными ветрами, удерживается западными склонами гор. В степных районах их выпадает незначительное количество (в среднем в год немногим более 250—300 мм). Количество поступающей в землю влаги в степной полосе еще снижается тем,

что в зимнее время небольшие вообще снега сдуваются с открытых мест ветрами, отлагаясь в ложбинах, среди леса, или уносятся на правую сторону.

В рассматриваемую нами отдаленную эпоху климатические условия отличались от современных бóльшим развитием водных и озерных бассейнов и, вероятно, бóльшим количеством выпадавших осадков. Проведенные за последние 70—80 лет наблюдения дают основание считать, что изменение климата шло в сторону увеличения сухости.

При климатических особенностях Минусинской котловины необходимым условием для получения высоких и устойчивых урожаев в большинстве районов являлась организация искусственного орошения. Последнее возникло в крае в глубокой древности и территориально район его применения приурочен к степным и предгорным частям котловины. Многочисленные следы и остатки древних оросительных систем, сохранившиеся до сего времени во всех районах котловины, показывают, насколько обширными являлись гидротехнические работы древних племен.

В. В. Радлов и С. В. Киселев относят начало строительства оросительных каналов к эпохе бронзы. После обнаружения в 1945 г. в Ширинском районе Тагарских курганов, насыпи которых перекрывают следы проходящего под ними древнего оросительного канала, стало очевидным, что строительство каналов в тагарскую эпоху действительно проводилось. Принимая же во внимание, что упомянутый нами канал под насыпью курганов был построен уже по всем правилам древней оросительной техники, мы должны предположить, что постройка первых каналов началась значительно раньше, ибо от первоначальных приемов строительства до освоения полной техники постройки, если этот процесс не ускорился путем заимствования, должен был пройти весьма значительный период времени. Поэтому, может быть, будет более правильным относить время постройки первых каналов к предшествующей эпохе карасукской культуры, приблизительно ко времени 2400 лет тому назад. Последующая разработка истории края, вместе с углубленными археологическими исследованиями, уточнит вопрос о времени строительства первых оросительных каналов в Минусинской котловине.

Чтобы ответить на вопрос — какие же все-таки побудительные причины в период наивысшего расцвета культуры бронзы послужили стимулом для введения искусственного орошения, требующего не только технических знаний и опыта, но и очень большой затраты труда, мы сначала кратко охарактеризуем, что же представляла собой ведущая отрасль хозяйства того времени — скотоводство, а также начинавшее входить в жизнь и развиваться земледелие, для обслуживания которых и предназначалось орошение.

Надо предполагать, что в течение очень долгого времени культивируемые новые растения — ячмень и просо — употреблялись в пищу лишь как дополнение к ягодам, грибам, съедобным корням и растениям. В числе последних мы можем указать на совершенно исключительное растение кандык (*Erythronium* L.), корни которого, содержащие 51% крахмала, 5% белка и 9,5% глюкозы, служили прекрасным питательным продуктом, не уступающим по качеству хлебу и картофелю.

По сообщению китайских летописей, относящихся к более позднему времени, и по наблюдениям ученых над коренным населением,— просо и ячмень использовались в виде крупы, изготовлявшейся и в более ранние эпохи, для заправки мясного супа и для приготовления каши. Найденная каменная зернотерка периода бронзы служит этому подтверждением.

При рассмотрении общих условий, существовавших в то время для земледелия, мы должны иметь в виду, что площади посевов были очень малы. Земля обрабатывалась вручную несовершенной бронзовой или костяной мотыгой. Само земледелие, как подтверждают находки бронзовых серпов, возникло в местах обитания населения в предгорных районах, характеризующихся бóльшим количество выпадающих осадков, чем в низинных степях. Подбор особых культур для возделывания (отличавшегося сравнительно малой влаголюбивостью проса и высокогорного гималайского ячменя) и, наконец, наличие обильных снежных вод, стихийно увлажнявших весной древние пашни, располагавшиеся под холмами, говорит о том, что необходимости в искусственном орошении для земледелия в тагарскую эпоху еще не существовало.

В следующие периоды истории края, когда обработка земли стала производиться плугом, влекомым лошадью или быком, когда посевы спустились в низинные степные места и когда под них стали отводить большие площади — появились новые требования к искусственному орошению.

Даже в VII—IX вв. н. э., когда уже применялась плужная обработка земли, все-таки и тогда скотоводство было главной отраслью хозяйства. В одном из рунических орхоно-енисейских текстов, относящихся к этому времени, упоминается, что владелец имеет до 6000 лошадей, кроме другого скота; во втором сообщается, что «на земле тамговый скот без числа был». В китайской летописи указывается, что хакасами в количестве 100 000 конницы в 840 г. были разбиты уйгуры. Только лишь в одном тексте упоминается пашня.

Из приведенных документов следует, что земледелие по сравнению со скотоводством играло тогда менее заметную роль.

В известной мере о степени развития земледелия в тот или иной период древней жизни и местах расположения площадей, обрабатываемых под пашни, возможно судить: 1) по прилагаемой ведомости находок бронзовых серпов карасукской и тагарской культур (приложение 1); 2) по ведомости находок железных земледельческих орудий VII—X вв. н. э. (приложение 2).

Всего в 65 пунктах котловины найдено 149 бронзовых серпов, из них в пределах современной Хакасской автономной области — 29, или несколько менее 19,5% от общего числа найденных серпов.

Из всех 129 железных орудий, обнаруженных в 48 пунктах, в пределах Хакассии найдены 34 предмета, или несколько более 26,3% от общего числа орудий, состоящих из серпов, мотыг, сошников, плугов и отвалов [1]. Из приведенных данных следует, что земледелие в степях обоих берегов Енисея развивалось неодинаково. В бронзовом и железном веках оно было распространено на правобережье значительно больше, чем на левобережье.

Указанное положение объясняется, повидимому, наличием на правой стороне лучших по качеству почв (чернозем, лёсс), несколько большим количеством выпадающих осадков; условиями рельефа, в виде небольших речных долин, окруженных холмами, позволявшими лучше, чем на больших степных массивах, использовать для увлажнения снежные весенние воды и легче применить воду от мелких речек для орошения.

Рассматривая затем значение земледелия в последнем периоде самостоятельного существования хакасских княжеств, мы, на основании сообщения Палласа, посетившего край в 1772 г., можем сделать вывод, что только до 26% коренного населения занималось земледелием. Паллас же был в крае свыше чем через 60 лет после поселения русских на верхнем Енисее, когда русские успели привить соприкасавшемуся с ними коренному населению навыки к хлебопашеству. До прихода же русских еще меньшее число хакасских хозяйств занималось земледелием.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что земледелие за весь рассматриваемый нами период освоения и развития искусственного орошения в экономике хакасского кочевого или полукочевого населения никогда не играло такой большой роли, как скотоводство и охотничий промысел.

В полной мере этот вывод подтверждается и всей дальнейшей историей хакасских племен до Октябрьской революции, с тем только различием, что охотничий промысел по своему значению передвинулся со второго на третье место, а на второе место перешло земледелие.

Скотоводство у хакасов было широко развито. Большие табуны лошадей, овец и рогатого скота паслись круглый год под открытым небом и для своего питания требовали обширных луговых пространств с хорошей травой и водопоями.

Летние выпасы выбирались вблизи речек, около которых, не отходя далеко, и держался скот в летние жары. Когда корм в одном месте поедался, табуны перегонялись на другое место, обеспеченное травой и водой. Многочисленные мелкие речки и ключи, которые преобладали в пастбищных районах, не могли считаться удовлетворительными для крупных табунов, так как скот растаптывал ложе речки или ручья. Вместо воды получалась грязь, и водопой уничтожался.

Зимними выпасами служили луговые места с нетронутой травой, покрытые тонким слоем снега, из-под которого легко было добывать траву. Потребность скота в воде удовлетворялась снегом.

В засушливые годы трава выгорала и недостаток ее ощущался даже в летнюю пору. Зимой же начинался неизбежный голод и падеж от бескормицы, приводивший часто скотоводческие хозяйства к полному разорению.

Поэтому для нормального существования и дальнейшего развития скотоводства необходимо было устранить ежегодный недостаток в кормах и особенно во время периодически повторяющихся недородов трав в результате засух, т. е. поставить урожай трав вне зависимости от метеорологических условий, и, кроме того, облегчить возможность устройства в требуемых местах водопоев.

Положительное решение этой задачи, диктуемой развитием хозяйства, наметилось в организации искусственного орошения, которое, прежде чем были выработаны современные технические приемы, прошло примерно следующие ступени развития.

Началось искусственное орошение с проведения от речек или ручьев, непосредственно не пригодных для использования в качестве водопоев для стад, небольших каналов, вернее борозд, к ближайшим впадинам для наполнения их водою для водопоя, причем примитивность способа разметки оси канала по следу воды затрудняла проведение их к более отдаленным впадинам.

Затем постепенно осваивается использование этих каналов уже для орошения небольших площадей, путем выпуска воды на луга через раскопанный борт канала. Постройка каналов по следу воды при сложном рельефе и на значительные расстояния была невозможной и только изобретение элементарного уровня, получившего название «желоба», «лотка» или «корыта», сыграло исключительную роль, позволив усовершенствовать технику разбивки

[1] Приведенная в общей графе приложения общая цифра сошников и плугов приблизительно распределяется между теми и другими орудиями поровну.

оси канала, выработать и соблюдать наиболее целесообразные уклоны на прямых участках и на закруглениях и сделать возможной постройку каналов большой длины.

Переходя к технической характеристике древнего орошения, мы должны сказать, что она затрудняется отсутствием сохранившихся остатков целых древних оросительных систем, вследствие заселения края, распашек и использования древних каналов для современного орошения. Из литературных источников, относящихся ко времени, когда следы древних каналов еще не были уничтожены в такой степени, как теперь, мы знаем, насколько эти сооружения были грандиозны.

По сообщению Д. А. Клеменца, относящемуся к 1886 г., «остатки громадного оросительного сооружения, обводнявшего степь между левым берегом р. Базы и р. Аскизом, тянулись на 40 верст. Вода была принята из Базы и шла по большой магистральной канаве. Строители вели ее по вершинам холмов, давая водопроводу малый уклон. В разных местах из главной ветви шли второстепенные, а из последних мелкие оросительные канавки».

Ниже устья р. Еси по степи тянулись длинные ряды полузасыпанных канав, идущих перпендикулярно к р. Абакану. Можно было проследить, что вода в эти канавы была проведена из р. Есь и распределялась по сухой, обширной степи, получившей в позднейшее время благодаря обилию курганов, название «Могильной степи». Насколько эта система была значительной, можно судить еще по тому, что существовал древний канал, соединявший р. Тею с р. Есь, позволявший использовать для орошения одновременно воду обеих рек.

Другой пример использования благоприятных природных условий представляет увеличение водообеспеченности правого притока р. Уйбат — речки Нини пуском в нее части вод р. Камышты, имеющей хорошо разработанную долину и русло, что свидетельствует о былом ее многоводии. Повидимому, такое мероприятие диктовалось потребностью дополнительного обводнения р. Уйбат для орошения прилегающих к ее берегам обширных степных пространств и необходимостью большого количества воды для сложного кочевого хозяйства. Вблизи р. Нини располагался постоянный центр крупнейшего из хакасских княжеств — Алтырского с его юртами, кибитками и многочисленными стадами. При этом долины окружающих речек — Беи, Камышты, Биджи, Кара-Сук, ключа Кутень-Булук и др., находившиеся сравнительно недалеко от этого центра, служили местом летних выпасов табунов скота, принадлежащих князю и его приближенным. Тот, кто видел долины этих речек даже в настоящее время, поражались обилием здесь маленьких, близко и часто параллельно друг другу проведенных канавок, совсем не требующихся в таком количестве для целей орошения и, надо полагать, служивших удобными водопоями.

Древняя уйбатская система, по следам которой в 1902—1903 гг. была построена «казенная канава Маевского», получившая свое название по фамилии строителя, имела длину 25—30 верст.

Почвовед А. Н. Стасевич, обследовавший в 1909 г. Уйбатскую степь, оставил описание остатков сохранившихся в степи «чудских» канав и места, где на р. Уйбат была устроена древняя каменная плотина, высота которой, по его определению, была не менее 4 м.

С. В. Киселев во время обследований 1931 г. осматривал в Боградском районе древний канал, подводивший воду на «чудскую» пашню от сел. Сухоербинского до сел. Знаменка, на расстоянии 15—20 км.

В Саксарской степи, по правому берегу р. Уйбат, ниже «Капчальских щек», на протяжении более 7 км тянется древний канал, местами проходящий по скальным участкам; он известен у населения под названием «Кулугашевского». Миновав указанное растояние от реки по склонам холмов, на небольшой высоте, канал углубляется в степь еще на 7—8 км. Хорошо заметный след части описываемого канала виден на прилагаемых фотоснимках Саксарской степи (рис. 1 и 2).

В 1—1,5 км от тех же «Капчальских щек», но уже около левого берега Уйбата, замечаются следы древнего канала, направляющегося вдоль реки. Пройдя километра два-три, канал делает глубокий обход небольшой возвышенности, затем снова продолжается вдоль берега и примерно на пятом-шестом километре прерывается. На этот канал во время своих работ в Хакассии обратил внимание профессор Томского университета В. В. Ревердатто, главным образом потому, что здесь обнаружился своеобразный характер почвенного засоления чередующимися полосами с промежутками из незасоленных почв. Предположительные причины такого засоления в дальнейшем изложении объясняются. Часть канала в современную эпоху была восстановлена, по нему производился полив и он получил по имени владельца название «Божындаевского».

По сообщению агронома Боградского района И. И. Колесникова, большой древний оросительный канал начинается от левого берега речки Сон, примерно в 4 км от деревни одноименного названия. Он проходит через «Чортово» озеро, огибает гору, идя на высоте 2—3 м от подошвы, заходит в луговую часть, снова огибает возвышение против Тахтараковых озерков и, наконец, направляется в отдаленные участки степи с более сложным рельефом для орошения лугов и снабжения стад водой.

Во время поездок, приблизительно в 8 км от улуса Чарков, на землях колхоза им. Ко-

минтерна Усть-Абаканского района, в 1940 г. главный инженер Абаканского участка «Водострой» В. Я. Чайковский обнаружил канал, берущий начало от правого берега р. Уйбат, весьма значительный по орошаемой им площади и затраченному на сооружение его труду. На протяжении 6—8 км от места водозабора канал проходит по склону скалистой возвышенности, известной под названием Квасхота, параллельно р. Уйбат, затем круто поворачивает от реки, продолжая итти по холмистому склону, и через 4—5 км вступает в пределы обширной равнины. В скалистой части при постройке сооружения предварительно была человека, наблюдал инженер О. В. Яворский во время исследовательско-изыскательских работ, проводившихся перед постройкой Уйской оросительной системы и при исследовательских работах на площади 75 000 га левобережья р. Абакана для обоснования составлявшихся в 1934 г. по этому району проектов оросительных систем. При изысканиях выявилось, что приток р. Уйбат, речка Ниня и впадающая в Абакан р. Камышта имеют общий участок бассейна. Изыскания также показали, что р. Камышта от улуса Колпакова до устья имеет сравнительно широкую долину с малыми уклонами, тогда как р. Ниня от этого же

Рис. 1. Старая канава в Саксарской степи, идущая по правому берегу р. Уйбат.

вырублена полка, а в ней уже устроено русло канала. По глазомерному определению наибольшая высота полки над подошвой склона равна 20—25 м, а ширина ее около 5 м. Сохранившийся след указанного канала отчетливо заметен в виде прямой черты с левого берега реки от железнодорожной станции Уйбат. Он иногда прерывается там, где на склоне имеются лощины, по которым скатывались снеговые и дождевые воды. Нижняя, рабочая часть канала не обследована и остатков оросительной сети не установлено за исключением обнаруженной в одном месте пересекающей котловину дамбы, длиной около 1 км при наибольшей высоте до 2 м и шириной у основания до 5—6 м. По этой дамбе, возможно, проходило одно из ответвлений древнего магистрального канала.

Часто на больших участках рек древнее население устраивало искусственные русла вместо природных, что вызывалось теми или другими хозяйственными потребностями.

Несколько таких случаев, позволяющих предполагать искусственное вмешательство улуса идет по узкой долине с большими уклонами. Сообщаемые данные подтверждают мысль, что часть воды р. Камышты от улуса Колпакова была искусственно направлена древними строителями по современному руслу р. Ниня.

В долине р. Камышты также прослеживаются несколько идущих местами по выступам скал древних каналов, которые, вероятно, были построены до выделения части водных ресурсов Камышты.

Выше уже упоминалось об отводе части воды р. Камышты через р. Ниня в Уйбат. При этом, однако, считалось, что р. Ниня действительно раньше существовала. На основе же материалов изысканий становится возможным и иное предположение о том, что р. Ниня является размытым древним каналом.

Еще несколько искусственных русел были, вероятно, устроены на речке Бее Бейского района, стекающей с отрогов хребта Итем. Так, ряд ее проток около с. Бея, в том числе известная под названием «Серебряный ключ», по внешнему виду напоминает старые запущенные и размытые каналы, на что обратил

внимание А. Н. Стасевич при производстве почвенных исследований в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1909 г. Та же река Бея, по выходе из «Щек», после поворота ее на с.-в., идет на протяжении более 10 км почти параллельно р. Абакану и в этой части является древним искусственным руслом. После проведения здесь искусственного русла стало возможным орошение значительной береговой полосы, шириной до 3 км, занятой лугами, представляющими исключительную ценность для скотоводческого хозяйства. Однако надлежащим образом наладить орошение лугов древние обитатели степей не сумели, и эти луга дошли до нас в испорченном, сильно заболоченном состоянии.

Следует предположить, что таким же искусственным руслом является ответвляющаяся от Большого Уйбата р. Сухой Уйбат, имеющая настолько слабо выраженную долину, что при небольшом паводке в 10—15 куб. м в секунду вода уже выходит из берегов.

Как известно, от искусственно созданного Сухого Уйбата проведен один из значительнейших каналов древности, оросивший обширную Уйбатскую степь. Проведение искусственного русла вызывалось, вероятно, условиями рельефа: непосредственное использование р. Большой Уйбат вызвало бы при проведении канала по Уйбатскому понижению нежелательные большие уклоны, значительно смягченные созданием нового русла.

Таков далеко не полный список наиболее крупных ирригационных сооружений древности, известных в той или иной мере работникам, связанным с оросительным делом в области.

По ориентировочному подсчету, при постройке древней Базинской оросительной системы было вынуто до 300 тыс. кубометров земли, не считая земляных работ, связанных с деревянными и каменными сооружениями. Если постройка была завершена в один прием, то требовался ежедневный выход на работу до 1000 человек в течение шести месяцев. При постройке древней Уйбатской системы было вынуто до 100 тыс. кубометров земли.

Такая сложная система, как Базинская, могла строиться только по определенному, хорошо разработанному плану. Ввиду сравнительно большого объема работ и невысокой тогда производительности труда в постройке каналов должно было принимать участие очень большое число людей. Дальнейшие исследования должны разрешить вопрос об организации этих работ и формах эксплуатации рабочей силы, которая использовалась при сооружении столь крупных каналов.

Стараясь понять, какими способами древние гидротехники разрешали задачи, выдвигаемые потребностями хозяйства своего времени, мы не можем не остановить внимание на одном очень характерном приеме.

Долина р. Усть-Абаканской Беи, правого притока р. Уйбат, в своей горной части, на длине более 8 км, вплоть до таежных участков, по осмотру О. В. Яворского в 1937 г., изрезана целой сетью каналов. Десятки каналов прорезают также все подножье склонов долины до скалистых ее берегов. С какой целью построены эти каналы в горной и узкой части долины, где для орошения не могло требоваться значительное их число?

Достаточно удовлетворительный ответ на поставленный вопрос позволяют дать следующие наблюдения.

До 500 лошадей содержались среди лета 1943 г. на выпасах по берегам небольшой речки Биджи, русло которой растаптывалось ими и вода обращалась в грязь, не обеспечивая водопоя. Попытка выйти из положения установкой и наполнением колод для водопоя, требовавших большой затраты труда, оказалась мало практичной, и только устройство в земле неглубоких, в недалеком одна от другой расстоянии, параллельно расположенных канавок, постоянно наполнявшихся проточной водой из реки, разрешило задачу и тем самым открыло секрет,— почему располагались густой сетью древние канавы в тех пунктах, где нельзя было создать достаточных по размерам бассейнов для водопоя.

Значительно сложнее было обеспечить водопоем табуны, достигавшие нескольких тысяч голов полудиких коней. Поэтому древнему населению приходилось прибегать к устройству на большой длине реки такой густой сети каналов, остатки и следы которых сохранились до настоящего времени не только в верхнем участке р. Беи, но и около других речек.

Укажем теперь некоторые наиболее употребительные технические приемы постройки, которые были выяснены при ознакомлении с древним орошением.

Большого внимания заслуживали выбор места и направления каналов. Многочисленные обследования земель, в древности орошавшихся, показывают, что из больших массивов, пригодных для орошения, почти всегда выбирались площади с наиболее плодородными почвами. Последнее свидетельствует о том, что древние обитатели края в достаточной степени разбирались в особенностях и качествах почвенного покрова.

Головные участки большинства известных старых примитивных оросительных каналов заложены на вогнутом берегу, что соответствует современным требованиям правильного расположения головных участков в целях уменьшения попадания в каналы наносов.

В отношении уклонов, применявшихся древними строителями каналов, имеются следующие наблюдения. На прямых длинных участках трассы подбирались уклоны в 0,001 или близкие к таковым. При переходе к кривым, в зависимости от радиусов закруглений, укло-

ны резко уменьшались и держались в 0,002 и менее, а при переходе на прямую — снова увеличивались.

Как общее положение, можно считать вполне установленным, что древние каналы характеризовались бо́льшими уклонами сравнительно с применяемыми в наше время.

Существует предположение, недостаточно еще доказанное, что для уменьшения размывающего действия воды в каналах древние пускали по каналу воду тонким, но широким слоем.

Разбивка на местности оси канала, производившаяся с помощью примитивного уровня — «желоба», велась так, что одной стороной канал примыкал к возвышенной части местности, а через разборку другого борта возможно было производить орошение.

Можно сказать, что за небольшими исключениями отдавалось преимущество «одностороннему командованию», которого легче было достигнуть при разбивке направления канала «желобом».

Сама разбивка оси канала производилась с несомненным искусством и отличалась, несмотря на несовершенство прибора, большой точностью. Иногда на очень большом протяжении (до 10 км) выдерживались строго одинаковые уклоны.

Ширина канала не всегда сохранялась одинаковой по всей длине, а иногда постепенно уменьшалась от головы к концу его.

В отдельных случаях при прохождении канала через насыпь внутренние борта и дно канала обкладывались камнем. Встречаются также каналы, у которых внутрений борт и дно выкладывались камнем на закруглениях.

Древнее население применяло для полива снежную воду, стекавшую весной с холмов. Для сбора этой воды и использования ее на более широкой площади устраивались охватывающие холм канавы, следы которых сохранились в некоторых местах до настоящего времени. Вода могла выпускаться через борт по всей длине канавы там, где это требовалось.

Как упоминалось, в древности допускались очень большие уклоны поливаемых площадей. Орошение лугов с большим уклоном не приводило к особо отрицательным результатам, так как верхний слой луговой почвы был укреплен корнями растений, хорошо противостоявшими размыванию.

Из применявшихся в древности способов полива мы можем указать в первую очередь на так называемый «лиманный», который вероятно начал практиковаться еще до постройки каналов при использовании снежных вод. Другой способ, получивший впоследствии название «дикого напуска», давал неравномерное увлажнение и состоял в простом пуске воды через разбираемый в определенном месте борт канала. Вода растекалась в соответствии с уклоном местности и увлажняла только низины, оставляя более высокие места сухими. И, наконец, третий способ,— примитивный прототип современного бороздного полива, применялся при орошении пашен, на которых при обработке земли мотыгой получались несколько возвышавшиеся над уровнем пашни разрыхленные валики земли, в которые заделывались семена. Вода при поливе заливала пониженные места, оставляя валики сверху не увлажненными.

Очень немного можно сказать об эксплуатации оросительных систем в минувшие эпохи.

Большое количество заболоченных лугов в местах, где имеются остатки древних каналов, указывает на наличие неурегулированного пуска оросительной воды древними ирригаторами. Можно предполагать, что, как это иногда наблюдается и теперь, или по всем каналам, или только по некоторым непрерывно пускалась вода в течение всего летнего сезона, заливая и заболачивая луговые пространства.

Засоленные участки на древних площадях орошения также встречаются часто. Как на один из примеров такого засоления можно указать на Чиевую степь в Усть-Абаканском районе, характер растительности которой по предположению проф. В. В. Ревердатто, производившего исследовательские работы в Хакассии в течение четырех лет, создался в результате засоления от чрезмерных поливов. Чтобы правильно уяснить причины, вызывавшие засоление, мы должны, хотя бы в общих чертах, представить себе генезис микрокомплексной степи, до настоящего времени еще не вполне разработанный и установленный.

В основном необходимо исходить из предположения, что ранние условия почвообразования были иными и что в крае существовала вечная мерзлота, остатки которой сохранялись в отдельных местах Усть-Абаканского, Саралинского, Ширинского и Курагинского районов. Само развитие растений при вечной мерзлоте, когда оттаивающий слой почвы был небольшим, происходило иначе, чем теперь. Излишки осадков задерживались слоем мерзлоты и не могли опускаться в грунтовые воды. Вода, при наличии в ней солей, поднимаясь в верхние слои почвы по капиллярам, создавала засоление, зависящее не от высоты рассматриваемого участка над уровнем грунтового потока, но от глубины протаивания мерзлоты сверху. Отсюда наблюдаемые довольно часто случаи засоления на более высоких точках рельефа. Наличие тут же, в пониженных местах темнокаштановых почв подтверждают правильность предположения о существовавшей здесь ранее вечной мерзлоте.

Когда вечная мерзлота исчезла, то создались благоприятные условия для вымывания солей атмосферными осадками в тех случаях, когда вода могла опускаться в грунтовой поток, не встречая на своем пути прослоек

глины, и, наоборот, солонцы могли образоваться от излишних поливов там, где залегали, особенно на небольшой глубине, не пропускающие воду прослойки.

Степь с материнскими породами, представленными легким механическим составом — песками и супесями — не подвергалась засолению даже в случаях неурегулированного полива, и, наоборот, когда материнские породы перекрывались глинами и тяжелыми суглинками хотя бы в виде прослоек или линз, там появлялись солонцы того или иного вида, в зависимости от глубины нахождения этих прослоек или линз. На основании приведенных соображений можно предположить, что в условиях Уйбатских степей на закономерность распределения почв оказывал большое влияние характер материнской горной породы, а не рельеф. В зависимости от расположения глинистых прослоек и линз засоленные почвы нередко встречаются полосами; засоленная полоса чередуется с незасоленной и т. д. Подобное явление замечено проф. В. В. Ревердатто в районе действия левобережного древнего канала от р. Уйбат в 3—4 км выше улуса Окунева.

Установлено, что каштановые и солонцеватые почвы Уйбатской степи богаты углекислой известью, вскипают очень часто с поверхности, и в горизонте B_3/C содержат до 20% $CaCO_3$. Материнские же породы обычно бескарбонатны и представлены древнеаллювиальными и делювиальными гравийно-галечными отложениями или конгломератными породами пермокарбона. При неумеренном поливе происходит дальнейшее обогащение почвы карбонатами. В последнем случае заслуживает внимания наблюдение над бо́льшим вскипанием почв Уйбатского понижения, бывших под «чудской», орошаемой пашней, по сравнению с такими же почвами, но не орошавшимися. Повышенное вскипание, по мнению А. Н. Стасевича, является недостатком, но не настолько большим, чтобы лишить почвы возможности давать при орошении урожай. Установить, хотя бы приблизительно, степень древнего засоления от оросительных мероприятий не представляется возможным, так как вследствие благоприятного строения хакасских почво-грунтов засоленные почвы, образовавшиеся во время существования вечной мерзлоты, после ее исчезновения в значительной части подвергались обратному процессу и сохранились только там, где залегали водоупорные подстилающие породы. Кроме того, при наличии последних и при неумеренных поливах процесс образования солонцов продолжался и в последующее время. Распределить все имеющиеся каналы в соответствии с временем их постройки по определенным периодам жизни края и сделать анализ особенностей постройки, свойственной каждому периоду, не имеется возможности за отсутствием необходимых археологических данных. Несомненно только, что расширение орошаемых земель стояло в прямой связи с периодами наибольшего развития культурной и экономической жизни края. К числу таких эпох относится тагарская, когда достигла блестящего расцвета культура бронзы и раннего железа, и время древнехакасского государства, когда народности и племена Минусинской котловины достигли наивысшего могущества и полной самостоятельности. Наоборот, замирание оросительных мероприятий было связано с разорением страны, уничтожением наиболее значительных гидротехнических сооружений, уводом в плен опытных мастеров и ремесленников во время нашествия войск Чингиз-хана, вызвавшего общий упадок культуры, которая так и не восстановилась полностью до времени величайшего культурного подъема, который принесла Великая Октябрьская социалистическая революция.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Ведомость мест находок бронзовых серпов (составлена по коллекциям Минусинского музея)

№ п/п.	Ближайший населенный пункт	Количество находок
	Карасукская культура	
1	С. Бейское Бейского района	1
2	„ Сабинское „ „	1
3	„ Означенное „ „	1
4	„ Лугавское Минусинского района	1
5	М. Иня „ „	1
	Всего в пяти пунктах найдено орудий	5
	Тагарская культура	
1	С. Тумна б. Ачинского округа	1
2	„ Берсенево „ „	1
3	„ Ужур „ „	1
4	„ Кузурба „ „	1
5	„ Сарагаш Богрдского района	1
6	„ Батени „ „	5
7	„ Копёны „ „	1
8	Речка Кокса „ „	1
9	Оз. Исык-Куль У.-Абаканского района	1
10	Горы Изых У.-Абаканского района	1
11	С. Аскиз Аскизского района	1
12	„ Иудино „ „	3
13	„ Бейское Бейского района	6
14	„ Сабинское „ „	4
15	„ Очуры „ „	2
16	„ Кривошеино Новоселовского района	1
17	„ Кома Новоселовского района	1
18	„ Анаш „ „	1
19	„ Легостаево „ „	2
20	„ Байкалово Краснотуранского района	2
21	„ Бузуново Краснотуранского района	1
22	„ Быскар „ „	1
23	„ Бекасово „ „	1
24	„ Беллык „ „	2
25	„ Крапивино „ „	1
26	С. Б. Идра Идринского района	2
27	„ Хабык „ „	5
28	„ Никольское „ „	1
29	„ Кныши „ „	1
30	„ Курагино Курагинского района	1
31	„ Брагино-Паначева „ „	17
32	„ Пойлово „ „	2
33	„ Кочергино „ „	2
34	„ Бугуртак „ „	1
35	„ Терехта „ „	2
36	„ Шошино „ „	4
37	„ Жербатиха „ „	1
38	„ Тагашет „ „	1
39	Окрестности г. Минусинска	2
40	С. М. Минуса Минусинского района	5
41	„ Тигрицкое „ „	3
42	„ Ничка „ „	4
43	„ М. Ничка „ „	1
44	„ Кривая „ „	2
45	„ Колмыково „ „	5
46	„ Лугавское „ „	2
47	„ Потрошилово Минусинского района	1
48	„ Городок „ „	1
49	„ Ключи „ „	1
50	„ Иня „ „	6
51	„ Каныгино „ „	1
52	„ Уджей Каратузского района	1
53	„ Сагайское „ „	4
54	„ Дубенское Ермаковского района	1
55	„ Жеблахты „ „	1
56	„ Черемушка „ „	1
57	„ Шушенское Шушенского района	1
58	„ Ср. Шушь „ „	2
59	„ Каптырево „ „	7
60	„ Казанцево „ „	1
61	„ Шунеры „ „	3
62	„ Саянское „ „	4
63	„ Кугужек „ „	1
64	„ Жигалка „ „	1
65	„ Мальцево „ „	2
	Всего в 65 пунктах найдено орудий	149

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ведомость мест находок железных земледельческих орудий VII—X вв. н. э.

№ п/п.	Ближайший населенный пункт	Количество находок			
		серпов	мотыг	сошников	отвалов
1	Между Белоярском и Игрышем Новоселовского района	3	—	—	—
2	Речка Чернявка Новоселовского района	—	1	—	—
3	С. Аёшка Новоселовского района	—	—	1	—
4	„ Анаш Новоселовского района	1	—	—	—
5	„ Кома Новоселовского района	—	—	—	1
6	„ Узунжуль У.-Абаканского района	—	—	2	—
7	Река Уйбат	1	—	—	—
8	Гора Изых	2	1	1	—
9	С. Аскиз Аскизского района	—	—	2	—
10	Р. Тёя	—	1	1	—
11	Верховье р. Сос Аскизского района	—	—	1	—
12	С. Бейское Бейского района	2	1	2	1
13	С. Очуры Бейского района	—	1	—	—
14	„ Калы „ „	5	—	1	—
15	„ Сабинское Бейского района	3	2	1	—

Окончание

№ п/п.	Ближайший населенный пункт	Количество находок			
		серпов	мотыг	сошников	отвалов
16	С. Табат Бейского района	1	—	—	—
17	„ Таштып Таштыпского района	—	—	2	—
18	„ Краснотуранск Краснотуранского района	—	1	—	—
19	„ Базуново Краснотуранского района	1	1	—	1
20	„ Меттихово Краснотуранского района	—	—	1	—
21	„ Беллык Краснотуранского района	—	1	—	—
22	„ Белоярское Краснотуранского района	3	—	—	—
23	„ Идринское Идринского района	2	—	—	—
24	„ Хабык Идринского района	—	1	—	—
25	„ Телек Идринского района	—	—	1	—
26	„ Тагашет Курагинского района	—	1	1	—
27	„ Детлово Курагинского района	3	1	—	—
28	„ Пойлово Курагинского района	—	1	—	—
29	„ Кочергино Курагинского района	—	1	—	—
30	„ Галактионово Курагинского района	—	1	—	—
31	Окрестности г. Минусинска	3	—	1	—
32	С. Колмаково Минусинского района	1	1	2	1
33	„ Б. Иня Минусинского района	3	—	3	—
34	„ Ничка Минусинского района	3	—	3	—
35	С. Комарково-Потрошилово Минусинского района	—	3	1	—
36	„ Кривая Минусинского района	3	—	1	—
37	„ Лугавское Минусинского района	1	3	—	—
38	„ Восточное Минусинского района	1	2	2	—
39	„ Тигрицкое Минусинского района	—	—	1	1
40	„ В. Коя Минусинского района	2	1	—	—
41	„ Н. Коя Минусинского района	2	—	2	—
42	„ Кавказское Минусинского района	—	3	1	—
43	„ Черемушка Ермаковского района	3	—	1	—
44	„ Суэтук Ермаковского района	—	—	3	—
45	„ Казанцево Шушенского района	2	1	1	1
46	„ Каптерево Шушенского района	1	2	2	—
47	„ Шуперы Шушенского района	4	1	1	—
48	„ Усинское Усинского района	—	—	1	2
	Всего в 48 пунктах найдено орудий	45	34	42	8

В. И. Цалкин

К ИЗУЧЕНИЮ ЛОШАДЕЙ ИЗ КУРГАНОВ АЛТАЯ

Лошади, обнаруженные при раскопках курганов Алтая, уже были объектом специального исследования. Типологический анализ коней, обнаруженных в пазырыкском погребении, позволил известному советскому иппологу В. О. Витту установить, что алтайские лошади того времени не принадлежали к одному типу и породе. Лишь часть лошадей Пазырыка, по-видимому наименее ценимая при жизни (кони второго и третьего рядов погребения), относится В. О. Виттом к типу лошадей северных степей Казахстана и Сибири. Эта группа коней, называемая упомянутым автором «степной», характеризуется следующими показателями: высота в холке от 134 до 142 см, т. е. в лучших экземплярах близкая к крайним вариантам крупности, которую достигает современная казахская лошадь; туловище удлиненное с относительно короткой передней и задней третью корпуса; высота в крестце превышала высоту в холке на 2—3 см; голова — относительно большая, хвост — низко поставленный, шея — короткая; трубчатые кости конечностей — сравнительно короткие и толстые; большинство краниологических показателей близки к показателям у современных аборигенных пород севера Азии и Европы. Сходный тип лошади, отмечает В. О. Витт, обнаруживается и в более бедных погребениях рядовых кочевников-воинов той же эпохи (Арагольский некрополь). Совершенно иного типа кони, найденные в первом ряду пазырыкского захоронения, относимые В. О. Виттом к группе «верховых». Они гораздо крупнее «степных» и достигают 150 см и более. Углубленное остеологическое исследование позволило установить, что эти кони обладали общим складом и экстерьерными особенностями верховой лошади. Они имели относительно небольшие головы, длинные шеи, короткие холки; хвост у них, в отличие от лошадей северного типа и рабочих пород, высоко поставленный и недлинный. Трубчатые кости более тонкие и удлиненные, чем у «степных» лошадей, бабка более длинная, при относительно небольшой третьей фаланге. Трубчатые кости не достигают стройности и тонкости костей современной арабской или английской лошади, подходя, скорее, к современной полукровной, но все же резко отличаются от грубокостной лошади монгольского типа. Ряд общих краниологических особенностей роднит этих лошадей с современными представителями верховых пород южного происхождения — туркменскими и английскими чистокровными. Помимо Пазырыкского кургана, подобного же типа лошади были констатированы В. О. Виттом и в куруме Шибе, датируемом примерно началом н. э.

Таковы основные итоги произведенного Виттом изучения курганных лошадей Алтая.

Настоящая статья посвящена описанию лошадей, обнаруженных в курганах Алтая при раскопках, произведенных экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, под руководством С. В. Киселева. Исследованный нами материал интересен в ряде отношений. Во-первых, курганы, раскопанные С. В. Киселевым, представляют собой, в отличие от Пазырыкского, не погребения знати, а могилы рядовых кочевников. Поэтому обнаруженные в них лошади дают представление о характере основного конского поголовья древнего Алтая, позволяют судить о наиболее распространенном типе лошади того времени. Во-вторых, материал охватывает огромный период истории Алтая, от V—IV в. до н. э. и до VII—VIII в. н. э.

В нашем распоряжении оказались кости лошадей, принадлежащие 23 отдельным особям разного пола и возраста. С сожалением приходится отметить, что исследованный материал в значительной своей части фрагментарен: всего лишь 7 коней представлены скелетами с хорошо сохранившимися черепами; от 3 особей имеются черепа, но нет скелетов, и, наконец, 13 лошадей представлены только скелетами, так как черепа их разрушены настолько сильно, что для краниологических исследований они практически непригодны. Кроме того, у преобладающего большинства скелетов недостает того или иного числа позвонков, что лишает возможности точно измерить длину позвоночника.

Считаю приятным долгом выразить искрен-

нюю признательность С. В. Киселеву, любезно сообщившему мне необходимые в подобного рода исследованиях археологические данные.

Ниже приводится перечень изученных нами экземпляров, с указанием наименования курганных групп и датировки их.

№ 1. Курота I. Экземпляр В. Около н. э. Только скелет.

№ 2. Курота I. Экземпляр А. Около н. э. Скелет и череп.

№ 3. Курота I. Экземпляр Б. Около н. э. Скелет и череп.

№ 4. Курай V, погребение 2. III—I вв. до н. э. Скелет и череп.

№ 5. Курай V, погребение 1. VII—VIII вв. н. э. Скелет и череп.

№ 6. Курай III, курган 6, погребение 2. VII—VIII вв. н. э. Скелет и череп.

№ 7. Курай IV, курган 1, погребение 2, экземпляр 1. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 8. Курай IV, курган 1, погребение 2, экземпляр 2. VII—VIII вв. н. э. Скелет и череп.

№ 9. Курай IV, курган 1, погребение 2, экземпляр 3. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 10. Курай IV, курган 2, экземпляр 2. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 11. Курай IV, курган 2, экземпляр 1. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 12. Курай II, курган 1, погребение 2, экземпляр 1. III—I вв. до н. э. Только скелет.

№ 13. Курай II, курган 1, погребение 2, экземпляр 2. III—I вв. до н. э. Только скелет.

№ 14. Курай II, курган 1, погребение 2, экземпляр 3. III—I вв. до н. э. Только скелет.

№ 15. Курай II, курган 3. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 16. Курай VI, курган 1. III—I вв. до н. э. Скелет и череп.

№ 18. Туяхта, К0 5. VII—VIII вв. н. э. Только скелет.

№ 19. Туяхта, 11 б. V—IV вв. до н. э. Только скелет.

№ 20. Туяхта 6. V—IV вв. до н. э. Только скелет.

№ 21. Туяхта 10. V—IV вв. до н. э. Только скелет.

№ 22. Курай III, курган 2. VII—VIII вв. н. э. Только череп.

№ 23. Курай III, курган 1. VII—VIII вв. н. э. Только череп.

№ 24. Курай III, курган 2. VII—VIII вв. н. э. Только череп.

Таким образом, захоронения трех коней (только скелеты) относятся к V—IV вв. до н. э., пяти коней (пять скелетов и два черепа) — к III—I вв. до н. э., трех коней (три скелета и два черепа) — к началу н. э., двенадцати коней (девять скелетов и шесть черепов) — к VII—VIII вв. н. э.

Описание исследованных лошадей представляется более удобным начать с имеющихся в нашем распоряжении черепов.

Анализ общих размеров 10 черепов, а главным образом их структурных особенностей, обнаруживает существование между ними резко выраженных различий, охватывающих целый комплекс краниологических признаков. Основываясь на особенностях структуры, представляется возможным дифференцировать черепа курганных лошадей на две хорошо обособленные группы: к одной из них относятся все черепа, датируемые VII—VIII вв. н. э., и один череп (№ 4), датируемый III—I вв. до н. э., к другой — два черепа, датируемых началом н. э., и один череп (№ 16), датируемый III—I вв. до н. э.

Чрезвычайно резко сказываются различия между упомянутыми группами лошадей прежде всего по относительной ширине лба. У лошадей первой группы (рис. 1, *1*) эта последняя составляет 43,8% (42,8%—44,5%) базилярной длины, тогда как у лошадей второй группы (рис. 1, *2*) — 41,0% (40,8% — 41,1%) той же длины. Величина лобно-основного указателя Неринга колеблется в первой группе черепов от 222,4 до 234,2 (в среднем 227,6), во второй — от 243,0 до 245,0 (в среднем 243,9). Заслуживает внимания, что величины приведенных индексов не обнаруживают даже минимальной трансгрессии.

В. И. Громова (1949), несколько изменяющая предложенную И. Черским (1891) схему дифференциации лошадей по относительной ширине лба, устанавливает следующие градации:

А. Узколобые. — Индекс ширины лба не более 42,5% базилярной длины; лобно-основной указатель не менее 235,0.

Б. Среднелобые. — Индекс ширины лба 42,6%—45,0%; лобно-основной указатель 223—234.

В. Широколобые. — Индекс ширины лба более 45,0%; лобно-основной указатель менее 223.

Таким образом, по относительной ширине лба все лошади из курганов VII—VIII вв. н. э. и одна лошадь из захоронения III—I вв. до н. э. (№ 4) относятся к группе среднелобых и стойко характеризуются этим признаком. Две лошади начала н. э. и одна III—I вв. до н. э. (№ 16) принадлежат к группе узколобых.

Напомним, что Юарт, разделяющий домашних лошадей на три основные группы, также в значительной мере характеризует их показателями относительной ширины лба. По его данным, различные типы лошадей характеризуются следующим значением лобно-основного указателя:

Степные	240—260
Лесные	230—240
Плоскогорные	224—238

1

Рис. 1.

1 — череп среднелобой лошади (№ 6) Захоронение VII—VIII в. н. э. Вид сверху. *2* — череп узколобой лошади (№ 16). Захоронение III—I вв. до н. э. Вид сверху.

Основываясь на приведенной выше схеме Юарта, мы должны отнести среднелобых курганных лошадей к типу плоскогорных, а узколобых — к типу степных.

Следовательно, изучение даже одного только краниологического признака — относительной ширины лба — приводит к заключению, что курганные лошади Алтая не представляют собой чего-либо единого в смысле породы, но принадлежат даже к различным типам домашних лошадей.

Однако различия между среднелобыми и узколобыми лошадьми из курганов Алтая не ограничиваются только относительной шириной лба, но касаются и ряда других признаков краниологической структуры. Особенно наглядно они выявляются в пропорциях ширины некоторых отделов черепа:

	Среднелобые	Узколобые
Ширина мозговой коробки	23,5—25,8—24,2	22,6—22,8—22,7
Верхнечелюстная ширина	40,5—42,9—41,7	38,7—40,7—39,4
Ширина черепа за орбитами	17,2—19,5—18,1	16,1—17,7—16,9
Ширина межглазничная	28,4—31,3—30,2	26,7—28,5—27,7
Ширина морды между первыми настоящими коренными зубами	25,5—26,3—25,8	24,9

Как видно из приведенных выше цифр, череп узколобых лошадей из курганов оказывается относительно гораздо более узким, чем у среднелобых, как в мозговой, так и в лицевой части. Существенно, что и в этих случаях индексы совершенно или почти совершенно не трансгрессируют, так что различия между ними заключаются не только в средних значениях, но и в крайних.

Различия могут быть обнаружены и в относительных размерах мозгового и лицевого отделов черепа:

	Среднелобые	Узколобые
Расстояние от середины затылочного гребня до назион	51,3—55,2—52,8	49,4—52,4—50,9
Длина мозговой части	35,9—39,5—37,5	35,1—36,6—35,8
Морфологическая мозговая ось	43,3—46,9—45,8	43,1—44,6—43,7
Анатомическая мозговая ось	37,3—39,4—38,3	35,9—38,1—37,3
Заднеглазничная линия	40,7—43,2—42,0	39,7—40,4—40,0
Расстояние от середины затылочного гребня до вершины носового угла	79,2—83,5—81,0	78,0—80,8—79,8
Лицевая длина (по Черскому)	63,9—66,1—64,8	64,9—67,5—66,2

Индексы таких признаков, как расстояние от середины затылочного гребня до назион или до вершины носового угла, морфологическая и анатомическая мозговые оси, длина мозговой части и некоторых других, у среднелобых лошадей из курганов неизменно выше, чем у узколобых, что указывает на относительно более длинную мозговую часть черепа. Соответственно этому, относительная длина лицевой части по Черскому у узколобых лошадей оказывается несколько большей, чем у среднелобых.

Обращает на себя внимание также и различие в относительной длине диастемы: у среднелобых лошадей она составляет 18,7—20,5% (в среднем 19,5%) базилярной длины; у узколобых диастема значительно длиннее — 20,1—22,0% (в среднем 21,0%), той же длины.

Несколько слов должно быть сказано также и о форме орбиты. Горизонтальный диаметр ее в отношении к вертикальному составляет у среднелобых лошадей в среднем 108,3%, у узколобых — 113,3%. Следовательно, у среднелобых лошадей глазница более округлая, у узколобых — несколько удлиненная.

Что касается общей конфигурации черепа, то у среднелобых лошадей из курганов лоб в поперечном направлении почти плоский или слабо выпуклый (рис. 2), так что верхние края глазниц расположены лишь немного ниже лобной поверхности. В продольном направлении линия лба также почти прямая. Носовые кости в области оснований слегка вздуты, и линия профиля их образует незначительное понижение, примерно на уровне межглазничных отверстий. Носовые кости плоские, без желобообразного углубления по шву. Гребень на верхнечелюстных костях относительно короток и не достигает задних краев межглазничных отверстий. Два черепа узколобых лошадей (№ 2 и 16) по форме лба сходны с предыдущими (рис. 3), но третий (№ 3) резко отличается сильной выпуклостью лба (рис. 4) и в поперечном и в продольном направлении (горболобость). Носовые кости у этого экземпляра также выпуклые и имеют ясно выраженное желобообразное углубление по шву. Гребень на верхних челюстных костях развит у всех узколобых лошадей сильнее, чем у среднелобых, и достигает задних краев межглазничных отверстий.

Помимо отмеченных выше особенностей структуры и конфигурации, между черепами среднелобых и узколобых лошадей имеются также различия и в абсолютных размерах. Так, например, базилярная длина колеблется у среднелобых лошадей от 454 до 486 мм,

Рис. 2. Череп узколобой и горболобой лошади (№ 3). Захоронение около н. э. Вид сбоку.

Рис. 3. Череп узколобой и плосколобой лошади (№ 16). Захоронение III—I в. до н. э. Вид сбоку.

Рис. 4. Череп узколобой и горболобой лошади (№ 3). Захоронение около н. э. Вид сбоку.

составляя в среднем 464 мм. Та же длина у узколобых варьирует от 473 до 490 мм, составляя в среднем 483 мм. У узколобых лошадей, таким образом, череп по общим размерам значительно крупнее.

Обратимся теперь к сравнению лошадей из курганов Алтая с некоторыми современными аборигенными породами лошадей Северной Азии. К сожалению, в нашем распоряжении совершенно отсутствовали черепа современных алтайских лошадей, представляющих для этой цели, естественно, наибольший интерес. Однако мы имели возможность исследовать 10 черепов монгольских лошадей (из окрестностей Улан-Батора) и 10 черепов казахских лошадей (из окрестностей Зайсана) — двух пород, несомненно близких по происхождению и характерных для северных степей Азии. Также использованы нами 10 черепов лошадей из южной и средней Якутии.

По своим общим размерам черепа монгольских лошадей, с одной стороны, и казахских, с другой, обнаруживают существенные различия. Базилярная длина черепа у монгольских коней колеблется от 443 до 473 мм (в среднем 458 мм), тогда как у казахских лошадей она колеблется от 452 до 483 мм, составляя в среднем 474 мм. Следовательно, череп казахских лошадей несколько крупнее, чем у монгольских. Базилярная длина черепа у якутских лошадей 460—480 мм (в среднем 471 мм), т. е. они сходны по размерам с казахскими. Среднелобые лошади из курганов Алтая, повидимому, несколько крупнее по размерам черепа современных монгольских, узколобые же (поскольку можно судить по трем исследованным экземплярам) — крупнее казахских.

Изучение краниологической структуры упомянутых аборигенных пород показывает значительное сходство между ними по такому признаку, как относительная ширина лба. Отношение наибольшей ширины лба к базилярной длине выражается у этих лошадей следующими цифрами:

Казахские . . .	мин. 42,5%	макс. 47,5%	средн. 45,4%
Монгольские .	„ 42,6%	„ 46,5%	„ 44,9%
Якутские . . .	„ 42,5%	„ 47,0%	„ 44,6%

Несмотря на значительный диапазон изменчивости индексов указанного признака, его крайние и средние значения оказываются довольно близкими.

Подобную же картину дает и лобно-основной указатель:

Казахские . . .	мин. 210,2	макс. 235,0	средн. 223,6
Монгольские . .	„ 215,2	„ 233,2	„ 223,3
Якутские	„ 208,4	„ 235,0	„ 223,8

Таким образом, по относительной ширине лба казахские и монгольские лошади, равно как и якутские, относятся к среднелобым и широколобым. Последние среди указанных пород преобладают и составляют у монгольских и якутских лошадей 60%, а у казахских даже несколько больше — около 70%.

Нетрудно заметить, что среднелобые особи из курганов оказываются в этом отношении довольно близкими к казахским и монгольским лошадям, хотя среди первых и не встречаются, как можно судить по нашему материалу, широколобые особи, преобладающие в упомянутых современных породах. Вместе с тем обнаруживается и резкая обособленность рассматриваемых аборигенных сибирских пород от узколобых лошадей из курганов.

Значительное сходство между среднелобыми из курганов и современными казахскими и монгольскими лошадьми выявляется при сравнении также большинства других краниологических индексов. Некоторые различия замечаются только в соотношении между мозговым и лицевым отделом черепа лошадей и выражаются в пропорциях следующих признаков:

	Среднелобые лошади из курганов	Современные монгольские лошади	Современные казахские лошади	Современные якутские лошади
Расстояние от середины затылочного гребня до назион	52,8%	49,8%	—	—
Анатомическая мозговая ось	38,3%	36,9%	39,6%	38,3%
Морфологическая лицевая ось . . .	61,5%	65,3%	64,7%	61,3%
Лицевая длина (по Черскому) . . .	64,8%	66,6%	—	—

Различия особенно заметны в пропорциях морфологической оси черепа, которая у среднелобых лошадей из курганов представляется значительно укороченной, подобно тому, как это наблюдается у современных якутских лошадей. Несколько меньше оказывается у среднелобых и лицевая длина по Черскому. В то же время индекс анатомической мозговой оси у них довольно высок, в противоположность монгольским лошадям, у которых он невелик. Больше, чем у монгольских, и относительная величина расстояния от середины затылочного гребня до назион.

Относимых к «степной» группе лошадей из курганов Пазырыка и Шибе В. О. Витт краниологически почти не характеризует. Базилярная длина у приводимых им 4 экземпляров колеблется от 474 до 500 мм (в среднем 484 мм). У среднелобых лошадей из курганов, которых мы имели возможность исследовать, базилярная длина не превышала 486 мм, а в среднем составляла 464 мм. Таким образом,

возможно, что эти последние близки по размерам к лошадям рядовых погребений (типа Арагольского некрополя), о которых упоминает В. О. Витт, не приводя для них краниологических данных.

Выше мы уже упоминали об обособленном положении обнаруженных нами узколобых лошадей из курганов, которые нельзя сблизить с современными аборигенными породами северной Азии. Следует заметить, что они не сходны и с «верховыми» лошадьми Пазырыка. Базилярная длина последних, по В. О. Витту, 493—509 мм, в среднем 503 мм. Из трех черепов курганных узколобых лошадей ни один не достигает таких крупных размеров. Кроме того, отношение наибольшей ширины лба у группы «верховых» лошадей, по В. О. Витту, 42,6—44,6% (в среднем 43,4%). Следовательно, они, как и кони «степной» группы, характеризуются среднелобостью и в этом отношении кардинально отличаются от исследованных нами узколобых коней из Алтайских курганов. Следует отметить, впрочем, что один из черепов этой последней группы (№ 3) отличается хорошо выраженной горболобостью, которую В. О. Витт считает характерной особенностью пазырыкских «верховых» коней. До известной степени сближают с ними узколобых лошадей из курганов свойственное последним удлинение гребня на верхних челюстных костях и относительно более длинная диастема, так же как и относительно узкая морда. Заканчивая на этом краниологическую характеристику лошадей из курганов (см. приложение), перейдем теперь к описанию костей конечностей.

Изучение размеров и строения костей конечностей позволяет установить существование различий в этом отношении между среднелобыми и узколобыми лошадьми. Наиболее отчетливо они выражаются в общих размерах костей. Так, например, общая сумма длины плечевой, лучевой и пястной костей составляет у среднелобых лошадей 749—826 мм (в среднем 797 мм), у узколобых 832—852 мм (в среднем 841 мм). Аналогичные результаты дает и суммарная длина бедра, берцовой и плюсневой костей, которая у среднелобых лошадей равна 866—975 мм (в среднем 948 мм), у узколобых — 973—999 мм (в среднем 988 мм). Следовательно, кости узколобых лошадей отличаются от костей среднелобых значительно более крупными размерами.

Обращаясь к вопросу о соотношении между шириной диафиза и наибольшей длиной трубчатых костей конечностей, мы получаем следующие цифры:

	Среднелобые	Узколобые
Ширина диафиза плечевой кости	11,6%—13,0%—12,3%	10,6%—12,6%—12,0%
Ширина диафиза лучевой кости	10,9%—12,9%—12,0%	10,6%—11,8%—11,5%
Ширина диафиза бедра	9,5%—11,7%—10,3%	9,8%—10,8%—10,3%
Ширина диафиза берцовой кости	10,3%—12,4%—11,4%	10,4%—12,0%—11,4%

Как показывают приведенные данные, большинству лошадей из курганов свойственен довольно грубый костяк, хотя изменчивость в пределах каждой группы в этом отношении довольно велика. Пропорции бедра и берцовой кости не обнаруживают различий между среднелобыми и узколобыми лошадьми из курганов, но плечевая и, особенно, лучевая кость у узколобых лошадей отличаются, видимо, несколько большей тонкостью.

Что касается пястных и плюсневых костей, то по своим абсолютным размерам они у среднелобых лошадей заметно более крупны, чем у узколобых, но средние значения относительной ширины диафиза у лошадей обеих групп совершенно сходны:

	Среднелобые	Узколобые
Общая длина пястья	205—228—217 мм	222—234—227 мм
Отношение ширины диафиза к наибольшей длине пястья	14,0%—16,2%—15,1%	14,1%—16,4%—15,1%
Общая длина плюсны	240—277—260 мм	266—277—269 мм
Отношение ширины диафиза к наибольшей длине плюсны	10,8%—13,1%—11,7%	11,0%—12,2%—11,7%

По величине индекса отношения ширины диафиза к наибольшей длине пястья А. А. Браунер (1916) разделяет домашних лошадей на следующие категории:

Крайняя тонконогость	менее 13,5%
Тонконогость	13,5%—14,5%
Полутонконогость	14,5%—15,5%
Средненогость	15,5%—16,5%
Полутолстоногость	16,5%—17,5%
Толстоногость	более 17,5%

Если основываться на этой схеме, то среди лошадей из курганов Алтая встречаются и тонконогие, и полутонконогие, и средненогие особи, причем первые составляют 30% общего числа исследованных, вторые — 50% и третьи — 20%. Явно преобладают над остальными, таким образом, полутонконогие особи и наименее многочисленны средненогие.

Сходными в общем оказываются у обеих этих групп лошадей из курганов и соотно-

шения между основными отделами конечностей:

	Среднелобые	Узколобые
Длина плечевой кости	32,9%	33,0%
Длина лучевой кости	40,1%	39,9%
Длина пястной кости	27,0%	27,2%
	100,0%	100,0%
Длина бедра	36,3%	36,2%
Длина берцовой кости	36,5%	36,2%
Длина плюсневой кости . . .	27,2%	27,6%
	100,0%	100,0%

Некоторые различия замечаются только в относительно большей длине пястных и плюсневых костей у узколобых лошадей и соответственно меньшей длине лучевой и берцовой костей. При ограниченности материала трудно, впрочем, оценить, в какой степени стойко характеризуют отдельные группы лошадей столь незначительные различия в средних арифметических рассмотренных выше индексов.

Отношение длины передней путовой кости к общей длине пястья составляет у узколобых лошадей в среднем 39,0%, а у среднелобых 38,8%. Отношение задней путовой кости к длине плюсны у первых составляет 31,4%, у вторых — 31,3%. Следовательно, нет оснований говорить о различиях между среднелобыми и узколобыми лошадьми и в этом признаке.

Копытные кости у лошадей из курганов характеризуются значительной шириной при сравнительно малой высоте, причем у узколобых лошадей они, видимо, несколько выше, чем у среднелобых. Так, отношение высоты заднего копыта к длине его передней поверхности у узколобых составляет в среднем 77,5%, а у среднелобых — 74,0%; высота к наибольшей ширине копыта у первых — 56,5%, у вторых — 53,0%.

Определяя рост курганных лошадей по формуле $\frac{S_c+H+RMtc}{100}$, мы можем констатировать, что он варьирует в значительных пределах. Так, из группы среднелобых лошадей наименьший рост — 128,5 см в холке, имеет экземпляр № 18 (Туяхта, К0 5), наибольший рост — 141 см — обнаружен у экземпляра № 7 (Курай IV, курган 1, погребение 2). В среднем, рост среднелобых лошадей определяется в 137,5 см. Эти данные очень близки к тем, которые приводятся В. О. Виттом для коней «степной» группы, имеющих высоту в холке от 134 до 142 см. У современной алтайской лошади высота в холке составляет всего около 130 см. Таким образом, среднелобые лошади из курганов были несколько крупнее их и в этом отношении более схожи с современными казахскими лошадьми.

Что касается узколобых лошадей из курганов, то высота в холке у них составляет от 141 до 148 см (в среднем 144,5 см). Это лошади гораздо более крупные, нежели современные алтайские, монгольские и казахские, но в то же время несколько уступают по росту «верховым» лошадям Пазырыка, высота в холке которых определяется В. О. Виттом в 148—150 см.

Итак, изучение черепов и скелетов лошадей из курганов Алтая приводит к заключению, что среди них необходимо различать две отдельные группы. Одну из них образуют кони, примыкающие к группе «степных» пазырыкских коней и близкие к современным аборигенным породам степей северной Азии. К другой группе принадлежат более крупные кони, резко отличающиеся от современных аборигенных пород, которых, однако, нельзя идентифицировать с группой «верховых» коней пазырыкского погребения. При ограниченности имеющегося у нас материала, характеризующего этих последних, трудно высказаться вполне определенно об их отношении к тем или иным современным породам.

Из 23 коней, которые были в нашем распоряжении, большинство — 17 экземпляров, т. е. более 75,0%, принадлежит к первой группе, сближающейся с современными степными лошадьми северной Сибири. Заслуживает внимания при этом, что в захоронениях VII—VIII вв. н. э. из 12 лошадей к этому типу относится 11 экземпляров, или почти 92%. Таким образом, вряд ли могут быть сомнения в том, что именно тип «степной» лошади составлял основную массу конского поголовья Алтая того времени. Что же касается более раннего периода, то возможность суждения о соотношении в конском поголовье установленных выше типов ограничена скудостью имеющегося материала. Все лошади начала н. э. (3 экз.) принадлежат к более крупным и узколобым лошадям. Но они происходят все из одного только памятника (Курота I) и не отражают общей картины. Из пяти коней в захоронениях III—I вв. до н. э. к «степным» относится 4 экземпляра, т. е. 80%, из трех коней V—IV вв. до н. э.— 2 экземпляра, т. е. 66,0%. Таким образом, преобладание «степных» коней на Алтае, вероятно, имело место уже с весьма давнего времени. Нельзя, однако, исключить предположения, что более крупная узколобая лошадь встречалась до начала н. э. относительно чаще, чем в VII—VIII вв. н. э., когда ее полностью заменили «степными» конями.

В заключение следует отметить, что значительная часть лошадей, обнаруженных экспедицией С. В. Киселева в курганах Алтая, имеет существенные патологические изменения, выражающиеся в деформации копыт и в разращении костной ткани на путовых и венчиковых костях, часто являющиеся следствием очень интенсивной эксплуатации и значительно снижающие работоспособность коней. Видимо, для захоронения использовались особи, в силу дефектов или других причин, наименее ценные.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Абсолютные размеры и пропорции черепов

	№ 6		№ 22		№ 23		№ 8		№ 5	
	VII — VIII вв. н. э.		VII — VIII вв. н. э.		VII — VIII вв. н. э.		VII — VIII вв. н. э.		VII — VIII вв. н. э.	
	мм	%	мм	%	мм	%	мм	%	мм	%
Теменная длина	510	109,2	493	108,6	508	110,7	533	111,9	511	112,5
Базилярная длина	467	100,0	454	100,0	458	100,0	476	100,0	454	100,0
Кондилобазальная длина	498	106,6	478	105,3	488	106,6	504	105,9	486	107,0
От середины затылочного гребня до назион	244	52,2	233	51,3	247	53,8	249	52,3	—	—
Морфологическая лицевая ось	282	60,4	280	61,7	277	60,5	303	63,6	—	—
Анатомическая лицевая ось	358	76,8	344	75,8	357	77,9	369	77,5	360	79,3
Длина мозговой части	168	35,9	169	37,2	168	36,7	183	38,4	172	37,9
Морфологическая мозговая ось	237	46,5	225	45,8	232	45,7	231	43,3	—	—
Анатомическая мозговая ось	175	37,5	176	38,8	171	37,3	183	38,4	179	39,4
Заднеглазничная линия	191	40,9	185	40,7	191	40,7	204	42,8	191	42,1
Предглазничная линия	363	77,7	351	77,3	357	77,9	369	77,5	364	80,2
От середины затылочного гребня до вершины носового угла	376	80,5	362	79,7	367	80,1	390	81,9	374	82,4
Лицевая длина (по Черскому)	301	64,4	291	64,1	300	65,5	304	63,9	300	66,1
От базион до заднего края костного нёба	219	46,9	208	45,8	214	46,7	218	45,8	214	47,1
От заднего края костного неба до гнацион	249	53,3	235	51,8	245	53,5	258	54,2	241	53,1
Премолярная длина	352	75,4	338	74,4	343	74,9	357	75,0	344	75,8
Ширина мозговой коробки	114	24,4	109	24,0	108	23,6	117	24,7	117	25,8
Верхнечелюстная ширина	196	41,9	195	42,9	190	41,5	199	41,8	—	—
Ширина затылка	111	23,8	120	26,4	111	24,2	121	25,4	—	—
Ширина за орбитами	87	18,6	78	17,2	83	18,1	82	17,2	89	19,5
Наибольшая ширина лба	207	44,3	200	44,1	196	42,8	207	43,5	202	44,5
Ширина межглазничная	143	30,6	137	31,3	131	28,4	141	29,6	137	30,2
Ширина морды между первыми ложными коренными зубами	65	13,9	61	13,5	61	13,3	63	13,8	64	14,1
Ширина диастемы	38	8,1	42	9,3	41	8,9	42	8,8	43	9,5
Ширина между резцами	70	15,0	—	—	68	14,8	71	14,9	68	14,9
Ширина морды между первыми настоящими коренными зубами	123	26,3	118	26,0	119	26,0	122	25,6	118	26,0
Диаметр орбиты горизонтальный	64	13,7	60	13,3	58	12,7	64	13,6	62	13,6
Диаметр орбиты вертикальный	57	12,2	57	12,5	55	12,0	55	11,5	59	13,0
Наименьшая ширина скулового отростка	21	4,5	26	5,7	24	5,2	27	5,0	23	5,1
Длина ряда коренных зубов	172	36,8	160	35,2	165	36,0	163	34,2	167	36,7
Длина диастемы	92	19,7	93	20,5	86	18,8	95	20,0	85	18,7

Окончание

	№ 24		№ 4		№ 16		№ 2		№ 3	
	VII — VIII вв. н. э.		III — I вв. до н. э.		III — I вв. до н. э.		около н. э.		около н. э.	
	мм	%	мм	%	мм	%	мм	%	мм	%
Теменная длина	—	—	—	—	534	109,0	518	109,5	545	112,1
Базилярная длина	486	100,0	456	100,0	490	100,0	473	100,0	486	100,0
Кондилобазальная длина	—	—	—	—	527	107,5	507	107,2	521	107,2
От середины затылочного гребня до назион	254	51,8	252	55,2	242	49,4	248	52,4	247	50,8
Морфологическая лицевая ось	—	—	—	—	307	62,7	294	62,1	308	63,4
Анатомическая лицевая ось	—	—	—	—	375	76,5	371	78,4	390	80,0
Длина мозговой части	180	37,0	180	39,5	172	35,1	173	36,6	173	35,6
Морфологическая мозговая ось	227	46,7	214	46,9	230	43,1	231	44,6	236	43,3
Анатомическая мозговая ось	185	38,1	175	38,6	176	35,9	179	37,8	185	38,1
Заднеглазничная линия	206	42,4	197	43,2	195	39,8	191	40,4	193	39,7
Предглазничная линия	—	—	—	—	376	76,7	372	78,4	391	80,5
От середины затылочного гребня до вершины носового угла	385	79,2	381	83,5	382	78,0	382	80,8	392	80,6
Лицевая длина (по Черскому)	—	—	—	—	318	64,9	313	66,1	328	67,5
От базион до заднего края костного нёба	228	46,9	222	44,4	223	45,5	219	46,3	223	45,9
От заднего края костного нёба до гнацион	—	—	—	—	268	54,7	256	54,1	262	53,9
Премолярная длина	363	74,6	340	74,6	362	73,9	351	74,2	354	72,9
Ширина мозговой коробки	114	23,5	108	23,7	111	22,6	—	—	111	22,8
Верхнечелюстная ширина	—	—	185	40,5	190	38,8	183	38,7	198	40,7
Ширина затылка	—	—	118	25,8	120	24,9	116	24,5	—	—
Ширина за орбитами	83	17,5	84	18,4	79	16,1	84	17,7	82	16,8
Наибольшая ширина лба	214	44,0	199	43,7	200	40,8	194	41,0	200	41,1
Ширина межглазничная	—	—	142	31,1	131	26,7	135	28,5	136	28,0
Ширина морды между первыми ложными коренными зубами	—	—	63	13,8	60	12,2	—	—	69	14,2
Ширина диастемы	—	—	—	—	44	9,0	45	9,5	40	8,2
Ширина между резцами	—	—	—	—	71	14,5	71	15,0	68	14,0
Ширина морды между первыми настоящими коренными зубами	123	25,5	117	25,5	122	24,9	118	24,9	—	—
Диаметр орбиты горизонтальный	63	12,9	57	12,5	61	12,4	61	12,9	65	13,4
Диаметр орбиты вертикальный	58	11,8	54	11,8	53	10,8	56	11,8	56	11,5
Наименьшая ширина скулового отростка	27	5,5	24	5,1	25	5,1	22	4,6	22	4,5
Длина ряда коренных зубов	170	35,0	150	32,9	172	35,1	163	34,4	174	35,8
Длина диастемы	—	—	—	—	101	20,6	96	20,1	107	22,0

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
ВГО — Всероссийское географическое общество
ГИМ — Государственный исторический музей
ВДИ — Вестник древней истории
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
ТОПКЭ — Труды отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири 7

К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль 51

Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии 72

В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов 121

В. И. Федоров. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения 137

В. И. Цалкин. К изучению лошадей из курганов Алтая 147

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *А. В. Ключарева*

*

РИСО АН СССР № 4733. Т-01337. Издат. № 3263.
Тип. заказ № 1464. Подп. к печ. 29/I 1952 г.
Форм. бум. 60×92 1/8. Печ. л. 20+5 вкл.
Бум. л. 10. Уч.-издат. л. 21,7. Тираж 2000.

Цена в переплете 20 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
32	прав. столб. 14 сн.	18,3	19,3
34	лев. столб. 32S св.	рис. 20,22)	рис. 20, 22 и рис. 24)
76	прав. столб. 12 св.	(рис. 22, 12)	(рис. 22, 21)
77	лев. столб. 16 сн.	(рис. 7, 2)	(рис. 7, 1)
82	прав. столб. 4 сн.	отходит вниз	отходит вверх
104	прав. столб. 12—13 св.	в двух случаях (изваяния № 36 и 51)	У изваяния № 36
126	прав. столб. 13 св.	(рис. 1, 28)	(рис. 1, 37)
132	прав. столб. 20—19 сн.	(рис. 5, 28—30, 31, 33)	(рис. 5, 28—30, 33)